ИСТОРІЯ

ГОСУДАРСТВА

РОССІЙСКАГО.

ТОМЪ VI.

Віленскій Педагогическій
Институтъ имени К. Ягайлы

ИСТОРІЯ

ГОСУДАРСТВА

РОССІЙСКАГО.

ТОМЪ VI.

ИЗДАНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Иждивеніемъ книгопродавца Смирдина.

Библіотека
Петербургскаго

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи вдовы Плюшар[illegible]ойны на-
особенное

1

1834.

Печатано

по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелѣнію.

ИСТОРІЯ
ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.
ТОМЪ VI.

ГЛАВА I.

ГОСУДАРЬ, ДЕРЖАВНЫЙ ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ІОАННЪ III ВАСИЛЬЕВИЧЬ.

Вступленіе. Князь Рязанскій отпущенъ въ свою столицу. Договоръ съ Князьями Тверскимъ и Верейскимъ. Дѣла Псковскія. Ахматъ возстаетъ на Россію. Всеобщая мысль о скоромъ преставленіи свѣта. Кончина супруги Іоанновой. Избраніе новаго Митрополита. Походы на Казань. Война съ Новымгородомъ. Явленіе Комета. Завоеваніе Перми. Нашествіе Ахмата на Россію. Смерть Юрія, Іоаннова брата.

Г. 1462 – 1472.

Описалъ Исторія наша пріемлетъ достоинство истинно государственной, описывая уже не безсмысленныя драки Княжескія, но дѣянія Царства, пріобрѣтающаго независимость и величіе. Разновластіе исчезаетъ вмѣстѣ съ нашимъ подданствомъ; образуется Держава сильная, какъ бы новая для Европы и Азіи, которыя, видя оную съ удивленіемъ, предлагаютъ ей знаменитое мѣсто въ ихъ системѣ политической. Уже союзы и войны наши имѣютъ важную цѣль: каждое особенное Г. 1462. Вступленіе

Г. 1462. предпріятіе есть слѣдствіе главной мысли, устремленной ко благу отечества. Народъ еще коснѣетъ въ невѣжествѣ, въ грубости; но Правительство уже дѣйствуетъ по законамъ ума просвѣщеннаго. Устрояются лучшія воинства, призываются Искусства, нужнѣйшія для успѣховъ ратныхъ и гражданскихъ; Посольства Великокняжескія спѣшатъ ко всѣмъ Дворамъ знаменитымъ; Посольства иноземныя одно за другимъ являются въ нашей столицѣ: Императоръ, Папа, Короли, Республики, Цари Азіатскіе привѣтствуютъ Монарха Россійскаго, славнаго побѣдами и завоеваніями, отъ предѣловъ Липвы и Новагорода до Сибири. Издыхающая Греція отказываетъ намъ остатки своего древняго величія: Италія даетъ первые плоды раждающихся въ ней художествъ. Москва украшается великолѣпными зданіями. Земля открываетъ свои нѣдра, и мы собственными руками извлекаемъ изъ оныхъ металлы драгоцѣнные. Вотъ содержаніе блестящей Исторіи Іоанна III, который имѣлъ рѣдкое счастіе властвовать сорокъ три года, и былъ достоинъ онаго, властвуя для величія и славы Россіянъ.

Іоаннъ на двѣнадцатомъ году жизни сочетался бракомъ съ Маріею, Тверскою Княжною; на осьмнадцатомъ уже имѣлъ сына, именемъ также Іоанна, прозваніемъ *Младаго*, а на двадцать-второмъ сдѣлался Государемъ. Но въ лѣта пылкаго юношества онъ изъя-

влялъ осторожность свойственную умамъ зрѣлымъ, опытнымъ, а ему природную: ни въ началѣ, ни послѣ не любилъ дерзкой опважности; ждалъ случая, избиралъ время; не быстро устремлялся къ цѣли, но двигался къ ней размѣренными шагами, опасаясь равно и легкомысленной горячности и несправедливости, уважая общее мнѣніе и правила вѣка. Назначенный Судьбою возстановить Единодержавіе въ Россіи, онъ не вдругъ предпріялъ сіе великое дѣло и не считалъ всѣхъ средствъ дозволенными. Московскіе Намѣстники управляли Рязанью; малолѣтный Князь ея, Василій, воспитывался въ нашей столицѣ: Іоаннъ однимъ словомъ могъ бы присоединить его землю къ Великому Княженію, но не хотѣлъ того, и послалъ шестнадцатилѣтняго Василія господствовать въ Рязани, выдавъ за него меньшую сестру свою, Анну. Призналъ также независимость Твери, заключивъ договоръ съ шуриномъ, Михаиломъ Борисовичемъ, какъ съ братомъ и *равнымъ* ему *Великимъ* Княземъ'; не требовалъ для себя никакого старѣйшинства; далъ слово не вступаться въ *Домъ Святаго Спаса*, не принимать ни Твери, ни Кашина отъ Хана; утвердилъ границы ихъ владѣній, какъ онѣ были при Михаилѣ Ярославичѣ. Зять и шуринъ условились дѣйствовать за одно противъ Татаръ, Литвы, Польши и Нѣмцевъ; впрочемъ обязывался не имѣть никакого сношенія съ врагами перваго, съ сыновьями Ше-

Г. 1464. Князь Рязанскій отпущенъ въ свою столицу. Договоръ съ Князьями.

мяки, Василія Ярославича Боровскаго, и съ Можайскимъ; а Великій Князь обѣщалъ не покровительствовать враговъ Тверскаго. Михаилъ Андреевичь Верейскій по договорнымъ грамотамъ уступилъ Іоанну нѣкоторыя мѣста изъ своего Удѣла и призналъ себя *младшимъ* въ отношеніи къ самымъ меньшимъ его братьямъ; впрочемъ удержалъ всѣ старинныя права Князя Владѣтельнаго[2].

Дѣла Псковскія. Псковитяне оскорбили Іоанна. Василій Темный не за-долго до кончины своей далъ имъ въ Намѣстники, безъ ихъ воли, Князя Владиміра Андреевича: они приняли его, но не любили и скоро выгнали: даже обругали и сполкнули съ крыльца на Вѣчѣ. Владиміръ поѣхалъ жаловаться въ Москву, куда въ слѣдъ за нимъ прибыли и Бояре Псковскіе. Три дни Великій Князь не хотѣлъ ихъ видѣть; на четвертый выслушалъ извиненія, простилъ и милостиво дозволилъ имъ выбрать себѣ Князя. Псковитяне избрали Князя Звенигородскаго, Ивана Александровича: Іоаннъ

Г. 1464 — 65.

утвердилъ его въ семъ достоинствѣ, и сдѣлалъ еще болѣе: прислалъ къ нимъ войско, чтобы наказать Нѣмцевъ за нарушеніе мира: ибо жители Дерпта посадили тогда нашихъ купцевъ въ темницу. Сія война, какъ обыкновенно, не имѣла важныхъ слѣдствій. Нѣмцы съ великимъ стыдомъ бѣжали отъ передоваго отряда Россійскаго; а Псковитяне, имѣя у себя нѣсколько пушекъ, осадили Нейгаузенъ, и посредствомъ Магистра Ливон-

скаго скоро заключили перемиріе на девять г.
лѣтъ, съ условіемъ, чтобы Епископъ Дерпт- 1464
скій, по древнимъ грамотамъ, заплатилъ ка- —65.
кую-то дань Великому Князю, не упѣсняя
въ семъ городѣ ни жителей Русской слободы,
ни церквей нашихъ[3]. Воевода Іоанновъ, Князь
Ѳеодоръ Юрьевичь, возвратился въ Москву,
осыпанный благодарностію Псковитянъ и да-
рами, которые состояли въ тридцати руб-
ляхъ для него и въ пятидесяти для всѣхъ
бывшихъ съ нимъ Бояръ ратныхъ.

Новогородцы не взяли участія въ сей вой-
нѣ, и даже явно доброжелательствовали Ор-
дену: въ досаду имъ Псковитяне отложились
отъ ихъ Архіепископа, хотѣли имѣть своего
особеннаго Святителя, и просили о томъ Ве-
ликаго Князя. Еще Новгородъ находился въ
дружелюбныхъ сношеніяхъ съ Москвою и слу-
шался ея Государя: благоразумный Іоаннъ от-
вѣтствовалъ Псковитянамъ: «Въ дѣлѣ столь
«важномъ я долженъ узнать мнѣніе Митро-
«полита и всѣхъ Русскихъ Епископовъ. Вы
«и старшіе братья ваши, Новогородцы, моя
«отчина, жалуетесь другъ на друга; они
«требовали отъ меня Воеводы, чтобы сми-
«рить васъ оружіемъ: я не велѣлъ имъ мы-
«слить о семъ междоусобіи, ни задерживать
«вашихъОсловъ на пути ко мнѣ; хочу ти-
«шины и мира; буду праведнымъ судіею меж-
«ду вами[4].» Сказавъ, совершилъ дѣло миро-
творца. Псковитяне возвратили церковныя
земли Архіепископу Іонѣ и взаимными клят-

вами подтвердили древній союзъ братскій съ Новогородцами. Чрезъ нѣсколько лѣтъ Духовенство Псковское, будучи весьма недовольно правленіемъ Іоны, обвиняемаго въ безпечности и корысполюбіи, хотѣло безъ его вѣдѣнія рѣшить всѣ церковныя дѣла по Номоканону, и съ согласія гражданскихъ чиновниковъ написало судную для себя грамоту; но Великій Князь вторично вступился за древнія права Архіепископа: грамоту уничтожили, и все осталось, какъ было.

Три года Іоаннъ властвовалъ мирно и спокойно, не сложивъ съ себя имени данника Ординскаго, но уже не пребуя милостивыхъ ярлыковъ отъ Хана на достоинство Великокняжеское и, какъ вѣроятно, не платя дани, такъ, что Царь Ахматъ, повелитель Волжскихъ Улусовъ, рѣшился прибѣгнуть къ оружію; соединилъ всѣ силы и хотѣлъ итти къ Москвѣ[5]. Но счастіе, благопріятствуя Іоанну, воздвигло Орду на Орду: Ханъ Крымскій, Ази-Гиргей, встрѣтилъ Ахмата на берегахъ Дона: началася кровопролитная война между ими, и Россія осталась въ тишинѣ, готовясь къ важнымъ подвигамъ.

Г. 1465. Ахматъ возстаетъ на Россію.

Кромѣ внѣшнихъ опасностей и непріятелей, юный Іоаннъ долженъ былъ внутри Государства преодолѣть общее уныніе сердецъ, какое-то разслабленіе, дремоту силъ душевныхъ. Истекала седьмая тысяча лѣтъ отъ сотворенія міра по Греческимъ Хронологамъ: суевѣріе съ концемъ ея ждало и кон-

Всеобщая мысль о скоромъ

ца міру. Сія несчастная мысль, владычествуя въ умахъ, вселяла въ людей равнодушіе ко славѣ и благу отечества[6]; менѣе спыдились государственнаго ига, менѣе плѣнялись мыслію независимости, думая, что все не надолго. Но печальное пѣмъ сильнѣе дѣйствовало на сердца и воображеніе. Запмѣнія, мнимыя чудеса ужасали просполюдиновъ болѣе, нежели когда нибудь. Увѣряли, что Росповское озеро цѣлыя двѣ недѣли страшно выло всякую ночь и не давало спать окреспнымъ жителямъ[7]. Были и важныя, дѣйствительныя бѣдствія: опъ чрезвычайнаго холода и морозовъ пропадалъ хлѣбъ въ поляхъ; два года сряду выпадалъ глубокій снѣгъ въ Маѣ мѣсяцѣ. Язва, называемая въ лѣтописяхъ *желѣзою*, еще искала жертвъ въ Россіи, особенно въ Новогородскихъ и Псковскихъ владѣніяхъ, гдѣ, если вѣрить исчисленію одного Лѣтописца, въ два года умерло 250,652 человѣка; въ одномъ Новѣгородѣ 48,402, въ монастыряхъ около 8,000[8]. Въ Москвѣ, въ другихъ городахъ, въ селахъ и на дорогахъ также погибло множество людей опъ сей заразы[9].

преставленіи свѣта

Г. 1466—67.

Огорчаясь вмѣспѣ съ народомъ, Великій Князь сверхъ того имѣлъ несчастіе оплакать преждевременную смерть юной, нѣжной супруги, Маріи. Она скончалась внезапно: Іоаннъ находился тогда въ Коломнѣ: мапь его и Мптрополитъ погребли ее въ Кремлевской церкви Вознесенія (гдѣ со временъ Василія Димитріевича начали хоронить Княгинь). Сію

Г. 1467. Кончина супруги Іоанновой.

неожидаемую кончину приписывали дѣйспвію
Г. яда, единспвенно попому, чпо пѣло умер-
1467. шей вдругъ опекло необыкновеннымъ обра-
зомъ. Подозрѣвали жену Дворянина Алексѣя Полуевкпова, Напалью, копорая, служа Марiи, однажды посылала ея поясъ къ какой-по ворожеѣ. Доказапельспва спольневѣрныя не убѣдили Великаго Князя въ испинѣ предполагаемаго злодѣйспва; однакожь Алексѣй Полуевкповъ шеспь лѣпъ не смѣлъ показываться ему на глаза[10].

Къ гореспнымъ случаямъ сего времени Лѣпописцы причисляюпъ и по, чпо Первосвяпипель Ѳеодосiй, добродѣпельный, ревноспный, оспавилъ Мипрополiю. Причина доспопамяпна. Набожноспь, пипаемая мыслiю о скоромъ преспавленiи свѣпа, способспвовала неумѣренному размноженiю храмовъ и Священнослужипелей: всякой богапый человѣкъ хошѣлъ имѣпь свою церковь. Празднолюбцы шли въ Дiаконы и въ Попы, соблазняя народъ не только грубымъ невѣжеспвомъ, но и развращною жизнiю. Мипрополипъ думалъ пресѣчь зло: еженедѣльно собиралъ ихъ, училъ, вдовыхъ поспригалъ въ Монахи, распупныхъ лишалъ сана и наказывалъ безъ милосердiя. Слѣдспвiемъ было, чпо многiя церкви опуспѣли безъ Священниковъ. Сдѣлался ропопъ на Ѳеодосiя, и сей Паспырь спрогiй, но не весьма пвердый въ душѣ, съ гореспи опказался опъ правленiя. Великiй Князь призвалъ въ Москву своихъ брапьевъ,

всѣхъ Епископовъ, духовныхъ сановниковъ, которые единодушно избрали Суздальскаго Святителя, Филиппа, въ Митрополиты; а Ѳеодосій заключился въ Чудовѣ монастырѣ, и взявъ въ келлію къ себѣ одного прокаженнаго, ходилъ за нимъ до конца жизни, самъ омывая его струпы[11]. Россіяне жалѣли о Пастырѣ сполъ благочестивомъ, и спрашились, чтобы Небо не казнило ихъ за оскорбленіе святаго мужа. Г. 1467. Избраніе новаго Митрополита.

Наконецъ Іоаннъ предпріялъ воинскими дѣйствіями разсѣять свою печаль и возбудить въ Россіянахъ духъ бодрости. Царевичь Касимъ, бывъ вѣрнымъ слугою Василія Темнаго, получилъ отъ него въ Удѣлъ на берегу Оки Мещерскій городокъ, названный съ того времени *Касимовымъ*; жилъ тамъ въ изобиліи и спокойствіи; имѣлъ сношенія съ Вельможами Казанскими, и тайно приглашенный ими свергнуть ихъ новаго Царя, Ибрагима, его пасынка, требовалъ войска отъ Іоанна, который съ удовольствіемъ видѣлъ случай присвоить себѣ власть надъ опасною Казанью, чтобы успокоить наши восточныя границы, подверженныя впаденіямъ ея хищнаго, воинственнаго народа[12]. Князь Иванъ Юрьевичь Папрекеевъ и Сприга-Оболенскій выступили изъ Москвы съ полками: Касимъ указывалъ имъ путь, и думалъ внезапно явиться подъ стѣнами Ибрагимовой столицы; но многочисленная рать Казанская, предводимая Царемъ, уже стояла на берегу Вол- Походы на Казань. Сентября 14.

Г. 1467. ги, и принудила Московскихъ Воеводъ ипти назадъ. Въ семъ неудачномъ осеннемъ походѣ Россіяне весьма много претерпѣли отъ ненастья и дождей, тонули въ грязи, бросали доспѣхи, уморили своихъ коней, и сами, не имѣя хлѣба, ѣли въ постъ мясо (что могло случиться погда единственно въ ужасной крайности). Однакожь возвратились всѣ живы и здоровы. Царь не смѣлъ гнаться за ними, а послалъ отрядъ къ Галичу, гдѣ Татары не могли сдѣлать важнаго вреда: ибо Великій Князь успѣлъ взять мѣры, занявъ воинскими дружинами всѣ города пограничные: Нижній, Муромъ, Костpому, Галичь[13].

Немедленно другая рать Московская съ Княземъ Симеономъ Романовичемъ пошла изъ
6. Декабря. Галича въ Черемисскую землю (въ нынѣшнюю Вятскую и Казанскую Губернію) сквозь
Г. 1468. дремучіе лѣса, уже наполненные снѣгомъ, и въ самые жестокіе морозы. Повелѣніе Государя и надежда обогатиться добычею дали воинамъ силу преодолѣть всѣ трудности. Болѣе мѣсяца шли они по лѣснымъ пустынямъ, не видя ни селеній, ни пути предъ собою: не люди, но звѣри жили еще на дикихъ берегахъ Вепилуги, Успы, Кумы. Вступивъ въ землю Черемисскую, изобильную хлѣбомъ и скотомъ — управляемую собственными Князьями, но подвластную Царю Казанскому — Россіяне истребили все, чего не могли взять въ добычу; рѣзали скотъ и людей; жгли не только селенія, но и бѣд-

ныхъ жителей, избирая любыхъ въ плѣнники. Наше право войны было еще древнее, варварское; всякое злодѣйство въ непріятельской странѣ считалось законнымъ. — Князь Симеонъ доходилъ почти до самой Казани, и безъ битвы проливъ множество крови, возвратился съ именемъ побѣдителя. — Князь Иванъ Сприга-Оболенскій выгналъ Казанскихъ разбойниковъ изъ Костромской области. Князь Даніилъ Холмскій побилъ другую шайку ихъ близъ Мурома: только немногіе спаслися бѣгствомъ въ дремучіе лѣса, оставивъ своихъ коней. Муромцы, Нижегородцы опустошили берега Волги въ предѣлахъ Ибрагимова Царства. Г. 1468.

Іоаннъ еще хотѣлъ подвига важнѣйшаго, чтобы загладить первую неудачу, и смирить Ибрагима; собралъ всѣхъ Князей, Бояръ, и самъ повелъ войско къ границѣ, оставивъ въ Москвѣ меньшаго брата, Андрея. По древнему обыкновенію нашихъ Князей онъ взялъ съ собою и десятилѣтняго сына своего, чтобы заблаговременно пріучить его къ ратному дѣлу. Но сей походъ не совершился. Узнавъ о прибытіи Литовскаго, Казимирова Посла, Якова Писаря, то есть Секретаря Государственнаго, Іоаннъ велѣлъ ему быть къ себѣ въ Переславль и ѣхать назадъ къ Королю съ отвѣтомъ; а самъ, неизвѣстно для чего, возвратился въ Москву[14], пославъ изъ Владиміра только малый отрядъ на Кичменгу, гдѣ Казанскіе Татары

Г. 1468. жгли и грабили села. Оставивъ намѣреніе лично предводительствовать ратію, Іоаннъ далъ повелѣніе Воеводамъ ишти къ берегамъ Камы изъ Москвы, Галича, Вологды, Устюга и Кичменги съ Дѣтьми Боярскими и Козаками. Главными начальниками были Руно Московскій и Князь Иванъ Звенецъ Устюжскій. Всѣ соединились въ землѣ Вятской, подъ Копельничемъ, и шли берегомъ рѣки Вяшки, землею Черемисскою, до Камы, Тамлуги и Перевоза Татарскаго, откуда поворотили Камою къ Бѣлой Воложкѣ, разрушая все огнемъ и мечемъ, убивая, плѣняя беззащитныхъ. Настигнувъ въ одномъ мѣстѣ 200 вооруженныхъ Казанцевъ, Полководцы Московскіе устыдились дѣйствовать противъ нихъ всѣми силами, и выбрали охотниковъ, которые испребили сію толпу, взявъ въ плѣнъ двухъ ея начальниковъ. Иныхъ битвъ не было: Татары, привычные къ впаденіямъ въ чужія земли, не умѣли оборонять своихъ. Перехвативъ на Камѣ множество богатыхъ купеческихъ судовъ, Россіяне съ знатною добычею возвратились черезъ Великую Пермь къ Устюгу и въ Москву[15].—

Іюня 4. Съ другой стороны ходилъ на Казанцевъ Воевода Нижегородскій, Князь Ѳедоръ Хрипунъ Ряполовскій, съ Московскою дружиною, и встрѣтивъ на Волгѣ отрядъ Царскихъ тѣлохранителей, побилъ его на голову. Въ числѣ плѣнниковъ, опосланныхъ къ Іоанну

въ Москву, находился знаменитый Князь Та- г.
тарскій, Хозяинъ Бердей[16]. 1469.

Но Казанцы между тѣмъ присвоили себѣ господство надъ Вяткою: сильное войско ихъ, вступивъ въ ея предѣлы, такъ устрашило жителей, что они, не имѣя большаго усердія къ Государямъ Московскимъ, безъ сопротивленія объявили себя подданными Царя Ибрагима[17]. Сіе легкое завоеваніе было не прочно: Казань не могла бороться съ Москвою.

Въ слѣдующую весну Іоаннъ предпріялъ нанести важнѣйшій ударъ сему Царству. Не только Дворъ Великокняжескій съ Боярскими Дѣтьми всѣхъ городовъ и всѣхъ Удѣловъ, но и Московскіе купцы вмѣстѣ съ другими жителями столицы вооружились подъ особеннымъ начальствомъ Князя Петра Васильевича Оболенскаго-Нагаго. Главнымъ предводителемъ былъ назначенъ Князь Константинъ Александровичъ Беззубцевъ, а мѣстомъ соединенія Нижній Новгородъ. Полки сѣли на суда въ Москвѣ, въ Коломнѣ, въ Владимірѣ, Суздалѣ, Муромѣ. Дмитровцы, Можайцы, Угличане, Росповцы, Ярославцы, Костромичи плыли Волгою; другіе Окою, и въ одно время сошлися при устьѣ сихъ двухъ величественныхъ рѣкъ. Такое знаменитое судовое ополченіе было зрѣлищемъ любопытнымъ для Сѣверной Россіи, которая еще не видала подобныхъ.

Уже главный Воевода, Князь Констан-

Г. шинъ, сдѣлавъ общія распоряженія, готовил-
1469. ся плыть далѣе; но Іоаннъ, вдругъ перемѣ-нивъ мысли, написалъ къ нему, чтобы онъ до времени остался въ Нижнемъ Новѣгородѣ, и только легкими отрядами, составленными изъ охотниковъ, тревожилъ непріятельскую землю на обѣихъ сторонахъ Волги. Лѣтописцы не сказываютъ, что побудило къ тому Іоанна; но причина кажется ясною. Царевичь Касимъ, виновникъ сей войны, умеръ: жена его, мать Ибрагимова, взялась склонить сына къ дружбѣ съ Россіею, и Великій Князь надѣялся безъ важныхъ успѣховъ достигнуть своей цѣли, и смирить Казань. Случилось не такъ.

Воевода объявилъ Князьямъ и чиновникамъ волю Государеву: они единогласно отвѣтствовали: «мы всѣ хотимъ казнить не-«вѣрныхъ,» и съ его дозволенія немедленно отправились, по тогдашнему выраженію, *искать ратной чести*, имѣя болѣе ревности, нежели благоразумія; подняли парусы, снялись съ якоря, и пристань скоро опустѣла. Воевода остался въ Нижнемъ почти безъ войска, и даже не избралъ для нихъ главнаго начальника. Они сами увидѣли необходимость сего: приплывъ къ мѣсту Стараго Нижняго Новагорода, отпѣли тамъ молебенъ въ церкви Преображенія, роздали милостыню, и въ общемъ совѣтѣ выбрали Ивана Руна въ предводители. Имъ не велѣно было ходить къ
Маія-
21. Казани; но Руно сдѣлалъ по своему: не те-

ряя времени, спѣшилъ къ Царской сполицѣ, и передъ разсвѣшомъ вышедши изъ судовъ, спремишпельно ударилъ на ея посадъ съ крикомъ и трубнымъ звукомъ. Упренняя заря едва освѣшила небо: Казанцы еще спали. Россіяне безъ сопропивленія вошли въ улицы: грабили, рѣзали; освободили бывшихъ шамъ плѣнниковъ Московскихъ, Рязанскихъ, Липовскихъ, Вяпскихъ, Успюжскихъ, Пермскихъ, и зажгли предмѣспіе со всѣхъ споронъ. Тапары съ драгоцѣннѣйшимъ своимъ имѣніемъ, съ женами и дѣпьми запираясь въ домахъ, были жерпвою пламени. Обрашивъ въ пепелъ все, чпо могло сгорѣпь, Россіяне успалые, обремененные добычею, опспупили, сѣли на суда и пошли къ Коровничьему оспрову, гдѣ спояли цѣлую недѣлю безъ всякаго дѣла: чѣмъ Руно навлекъ на себя подозрѣніе въ измѣнѣ. Многіе думали, чпо онъ, пользуясь ужасомъ Тапаръ, сквозь пламя и дымъ предмѣспія могъ бы войпи въ городъ, но силою оппвелъ полки опъ приспупа, чпобы пайно взяпь окупъ съ Царя[18]. По крайней мѣрѣ никпо не понималъ, для чего сей Воевода, имѣя славу разума необыкновеннаго, прапипъ время; для чего не дѣйспвуепъ или не удаляепся съ добычею и плѣнниками?

Легко было предвидѣпь, чпо Царь не будепъ дремапь въ своей, кругомъ обожженной сполицѣ: наконецъ Русской плѣнникъ, выбѣжавъ изъ Казани, принесъ вѣспь къ на-

Г. 1469.

Г. 1469. шимъ, что Ибрагимъ соединилъ всѣ полки Камскіе, Сыплинскіе, Костяцкіе, Бѣловолжскіе, Вотяцкіе, Башкирскіе, и готовится въ слѣдующее утро наступить на Россіянъ конною и судовою ратію. Воеводы Московскіе спѣшили взять мѣры: отобрали молодыхъ людей и послали ихъ съ большими судами къ Ирихову острову, не велѣвъ имъ ходить на узкое мѣсто Волги; а сами остались на берегу, чтобы удерживать непріятеля, который дѣйствительно вышелъ изъ города. Хотя молодые люди не послушались Воеводъ и стали какъ бы нарочно въ узкомъ протокѣ, гдѣ непріятельская конница могла стрѣлять въ нихъ: однакожь мужественно отбили ее. Воеводы столь же удачно имѣли бой съ лодками Казанскими, и прогнавъ оныя къ городу, соединились съ своими большими судами у Ирихова острова, славя побѣду и Государя.

Тутъ прибылъ къ нимъ главный Воевода, Князь Константинъ Беззубцевъ, изъ Нижняго Новагорода, свѣдавъ, что они, въ противность Іоаннову намѣренію, подступили къ Казани. Доселѣ успѣхъ служилъ имъ оправданіемъ: Константинъ хотѣлъ еще важнѣйшаго: отправилъ гонцевъ въ Москву, съ вѣстію о происшедшемъ, и въ Вятку, съ повелѣніемъ, чтобы ея жители немедленно шли къ нему подъ Казань. Онъ еще не зналъ ихъ коварства. Іоаннъ,ославъ весною главную рать въ Нижній, въ то же время приказалъ Князю Даніилу Ярославскому съ-оп-

рядомъ Дѣтей Боярскихъ и съ полкомъ Ус- г.
тюжанъ, а другому Воеводѣ, Сабурову, съ 1469.
Вологжанами плыть на судахъ къ Вяткѣ,
взять тамъ всѣхъ людей годныхъ къ раш-
ному дѣлу и съ ними итти на Царя Казан-
скаго. Но Правители Вятскихъ городовъ,
мечтая о своей древней независимости, от-
вѣтствовали Даніилу Ярославскому: «Мы
«сказали Царю, что не будемъ помогать ни
«Великому Князю противъ него, ни ему про-
«тивъ Великаго Князя; хотимъ сдержать
«слово, и останемся дома.» У нихъ былъ то-
гда Посолъ Ибрагимовъ, который немедленно
далъ знать въ Казань, что Россіяне изъ
Устюга и Вологды идутъ къ ея предѣламъ
съ малыми силами. Отказавъ въ помощи
Князю Ярославскому, Вятчане отказали и
Беззубцеву, но выдумали только иной пред-
логъ, говоря: «когда братья Великаго Князя
«пойдутъ на Царя, тогда и мы пойдемъ.»
Около мѣсяца тщетно ждавъ полковъ Вят-
скихъ, не имѣя вѣсти отъ Князя Ярослав-
скаго, и начиная терпѣть недостатокъ въ
съѣстныхъ припасахъ, Воевода Беззубцевъ
пошелъ назадъ къ Нижнему.

На пути встрѣтилась ему вдовствующая Царица Казанская, мать Ибрагимова, и сказала, что Великій Князь отпустилъ ее съ честію и съ милостію; что война прекратится, и что Ибрагимъ удовлетворитъ всѣмъ требованіямъ Іоанновымъ. Успокоенные ея словами, Воеводы наши расположились на берегу празд-

Вятский Педагогический
ИНСТИТУТ им. С. М. КИРОВА

Г. новашь Воскресный день, служишь обѣдню
1469. и пировашь. Но вдругъ показалась рашь Казанская, судовая и конная. Россіяне едва успѣли изготовиться. Сражались до самой ночи: Казанскія суда отступили къ противному берегу, гдѣ стояла конница, пуская стрѣлы въ нашихъ, которые не захотѣли биться на сухомъ пути, и ночевали на другой сторонѣ Волги. Въ слѣдующее утро ни тѣ, ни другіе не думали возобновишь битвы; и Князь Беззубцевъ благополучно доплылъ до Нижняго.

Не столь счастливъ былъ Князь Ярославскій. Видя непослушаніе Вятчанъ, онъ рѣшился итти безъ нихъ, чтобы въ окрестностяхъ Казани соединиться съ Московскою ратію. Увѣдомленный о походѣ его, Ибрагимъ заградилъ Волгу судами и поставилъ на берегу конницу. Произошла битва достопамятная мужествомъ обоюднымъ: хватались за руки, сѣклись мечами. Главные изъ Вождей Московскихъ пали мертвые; другіе были ранены или взяты въ плѣнъ; но Князь Василій Ухтомскій одолѣвалъ многочисленность храбростію: сцѣплялся съ Ибрагимовыми судами, разилъ непріятелей ослопомъ, и топилъ ихъ въ рѣкѣ. Устюжане, вмѣстѣ съ нимъ оказавъ рѣдкую неустрашимость, пробились сквозь Казанцевъ, достигли Новагорода Нижняго и дали знать о томъ Іоанну, который, въ знакъ особеннаго благоволенія, прислалъ имъ *двѣ золотыя деньги* и нѣ-

сколько кафтановъ. Успюжане отдали *деньги* своему Іерею, сказавъ ему: «молись Богу за «Государя и православное воинство; а мы «готовы и впредь такъ сражаться[19].» Г. 1469.

Обманутый лестивыми обѣщаніями Ибрагимовой матери, не довольный и нашими Воеводами, Іоаннъ предпріялъ новый походъ въ ту же осень, вручивъ предводительство своимъ братьямъ, Юрію и Андрею. Весь Дворъ Великокняжескій и всѣ Князья *Служивые* находились съ ними. Въ числѣ знатнѣйшихъ Воеводъ Лѣтописцы именуютъ Князя Ивана Юрьевича Патрекеева. Даніилъ Холмскій велъ передовый полкъ; многочисленная рать шла сухимъ путемъ, другая плыла Волгою; обѣ подступили къ Казани, разбили Татаръ въ вылазкѣ, отняли воду у города, и принудили Ибрагима заключить миръ *на всей волѣ* Государя Московскаго: то есть, исполнить всѣ его требованія. Онъ возвратилъ свободу нашимъ плѣнникамъ, взятымъ въ теченіе сорока лѣтъ[20]. Сен-тября 1.

Сей подвигъ былъ первымъ изъ знаменитыхъ успѣховъ государствованія Іоаннова: впрочемъ имѣлъ еще благопріятнѣйшія слѣдствія для могущества Великокняжескаго внутри Россіи. Василій Темный возвратилъ Новогородцамъ Торжекъ; но другія земли, отнятыя у нихъ сыномъ Донскаго, Василіемъ Димитріевичемъ, оставались за Москвою: еще не увѣренные въ твердости Іоаннова характера, и даже сомнѣваясь въ ней по пер- Война съ Новымгородомъ.

Г. вымъ дѣйспвіямъ сего Князя, ознаменован-
1469. нымъ умѣренностію, миролюбіемъ, они взду-
мали быпь смѣлыми, въ надеждѣ показапь-
ся ему спрашными, унизипь гордоспь Моск-
вы, возспановипь древнія права своей воль-
носпи, упраченныя излишнею успупчиво-
спію ихъ опцевъ и дѣдовъ. Съ симъ намѣ-
реніемъ приспупили къ дѣлу: захвапили мно-
гіе доходы, земли и воды Княжескія; взяли
съ жипелей присягу полько именемъ Нова-
города; презирали Іоанновыхъ Намѣспниковъ
и Пословъ; власпію Вѣча брали знапныхъ
людей подъ спражу на Городищѣ, мѣспѣ не
подлежащемъ народной управѣ; дѣлали оби-
ды Москвипянамъ[21]. Государь нѣсколько разъ
пребовалъ опъ нихъ удовлепворенія: они
молчали. Наконецъ пріѣхалъ въ Москву Ново-
городскій Посадникъ, Василій Ананьинъ, съ
обыкновенными дѣлами земскими; но не бы-
ло слова въ опвѣпъ на жалобы Іоанновы.
«Я ничего не знаю,» говорилъ Посадникъ
Боярамъ Московскимъ: «Великій Новгородъ
«не далъ мнѣ никакихъ о помъ повелѣній.»
Іоаннъ оппуспилъ сего чиновника съ паки-
ми словами: «Скажи Новогородцамъ, моей оп-
«чинѣ, чпобы они, признавъ вину свою, ис-
«правились; въ земли и воды мои не вспу-
«палися, имя мое *держали честно и грозно*
«*по старинѣ*, исполняя обѣпы крестный, ес-
«ли хопяпъ опъ меня покровипельспва и
«милоспи; скажи, чпо шерпѣнію бываепъ
«конецъ, и чпо мое не продолжипся.»

Великій Князь въ то же время написалъ Г. 1469.
къ вѣрнымъ ему Псковитянамъ, чтобы они, въ случаѣ дальнѣйшей строптивости Новогородцевъ, готовились вмѣстѣ съ нимъ дѣйствовать противъ сихъ ослушниковъ. Намѣстникомъ его во Псковѣ былъ тогда Князь Ѳеодоръ Юрьевичь, знаменитый Воевода, который съ Московскою дружиною защитилъ сію область въ послѣднюю войну съ Нѣмцами: изъ отмѣннаго уваженія къ его особѣ Псковитяне дали ему судное право во всѣхъ *двѣнадцати* своихъ пригородахъ; а долѣ Князья судили и рядили только въ *семи*: прочіе зависѣли отъ народной власти[22]. Бояринъ Московскій, Селиванъ, вручилъ Псковитянамъ грамоту Іоаннову. Они сами имѣли разныя досады отъ Новогородцевъ[23]; однакожь, слѣдуя внушеніямъ благоразумія, отправили къ нимъ Посольство съ предложеніемъ быть миротворцами между ими и Великимъ Княземъ. «Не хотимъ кланяться Іоанну, и не просимъ вашего ходатайства,» отвѣтствовали знатные Правители: »но если «вы Добросовѣстны и намъ друзья, то во«оружитесь за насъ противъ самовластія «Московскаго[24].» Псковитяне сказали: «увидимъ» — и дали знать Великому Князю, что они готовы помогать ему всѣми силами.

Между тѣмъ, по сказанію Лѣтописцевъ, Г. 1470.
были страшныя знаменія въ Новѣгородѣ: сильная буря сломила крестъ Софійской церкви; древніе Херсонскіе колокола въ мона-

Г. спырѣ на Хутынѣ сами собою издавали пе-
1470. чальный звукъ; кровь являлась на гробахъ, и проч. Люди тихіе, миролюбивые, препе-
пали и молились Богу; другіе смѣялись надъ ними и мнимыми чудесами. Легкомысленный народъ болѣе нежели когда нибудь мечталъ о прелестяхъ свободы; хотѣлъ тѣснаго союза съ Казимиромъ, и принялъ отъ него Воеводу, Князя Михаила Олельковича, коего братъ, Симеонъ, господствовалъ тогда въ Кіевѣ съ честію и славою, *подобно древнимъ Князьямъ Владимірова племени*, какъ говорятъ Лѣтописцы[25]. Множество Пановъ и витязей Литовскихъ пріѣхало съ Михаиломъ въ Новгородъ.

Въ сіе время скончался Новогородскій Владыка Іона: народъ избралъ въ Архіепископы Проподіакона Ѳеофила, коему не льзя было ѣхать въ Москву для поставленія безъ согласія Іоаннова[26]: Новогородцы чрезъ Боярина своего, Никиту, просили о томъ Великаго Князя, мать его и Митрополита. Іоаннъ далъ *опасную грамоту* для пріѣзда Ѳеофилова въ столицу, и мирно отпуская Посла, сказалъ ему: «Ѳеофилъ, вами избранный, бу-
«детъ принятъ съ честію и поставленъ въ
«Архіепископы; не нарушу ни въ чемъ древ-
«нихъ обыкновеній, и готовъ васъ жаловать,
«какъ мою отчину, если вы искренно при-
«знаете вину свою, не забывая, что мои
«предки именовались Великими Князьями Вла-
«димірскими, *Новагорода и всея Руси.*» По-

солъ, возвратясь въ Новгородъ, объявилъ на- Г.
роду о милостивомъ расположеніи Іоанно- 1471.
вомъ. Многіе граждане, знатнѣйшіе чинов-
ники и нареченный Архіепископъ Ѳеофилъ
хотѣли воспользоваться симъ случаемъ, что-
бы прекратишь опасную распрю съ Вели-
кимъ Княземъ; но скоро открылся мятежъ,
какого давно не бывало въ сей народной
Державѣ.

Вопреки древнимъ обыкновеніямъ и нра-
вамъ Славянскимъ, которые удаляли женскій
полъ отъ всякаго участія въ дѣлахъ граж-
данства, жена гордая, честолюбивая, вдова
бывшаго Посадника Исаака Борецкаго, мать
двухъ сыновей уже взрослыхъ, именемъ Мар-
ѳа, предпріяла рѣшить судьбу отечества.
Хитрость, велерѣчіе, знатность, богат-
ство и роскошь доставили ей способъ дѣй-
ствовать на Правительство. Народные чи-
новники сходились въ ея великолѣпномъ или,
по тогдашнему, *чудномъ*[27] домѣ пировать и
совѣтоваться о дѣлахъ важнѣйшихъ. Такъ
Св. Зосима, Игуменъ монастыря Соловецкаго,
жалуясь въ Новѣгородѣ на обиды Двинскихъ
жителей, въ особенности тамошнихъ при-
кащиковъ Боярскихъ, долженъ былъ искать
покровительства Марѳы, которая имѣла въ
Двинской землѣ богатыя села. Сперва, обма-
нутая клеветниками, она не хотѣла видѣть
его; но послѣ, узнавъ истину, осыпала Зо-
симу ласками, пригласила къ себѣ на обѣдъ
вмѣстѣ съ людьми знатнѣйшими и дала Со-

Г. 1471. ловецкому монастырю земли[28]. Еще не довольная всеобщимъ уваженіемъ и пѣснями, что Великій Князь, въ знакъ особенной милости, пожаловалъ ея сына, Димитрія, въ знатный чинъ Боярина Московскаго[29], сія гордая жена хотѣла освободить Новгородъ отъ власти Іоанновой, и, по увѣренію Лѣтописцевъ, выйти за-мужъ за какого-то Вельможу Литовскаго, чтобы вмѣстѣ съ нимъ господствовать, именемъ Казимировымъ, надъ своимъ отечествомъ. Князь Михаилъ Олелькович, служивъ ей нѣсколько времени оруді-емъ, утратилъ ея благосклонность и съ досадою уѣхалъ назадъ въ Кіевъ, ограбивъ Русу[30]. Сей случай доказывалъ, что Новгородъ не могъ ожидать ни усердія, ни вѣрности отъ Князей Литовскихъ; но Борецкая, открывъ домъ свой для шумныхъ сонмищъ, съ утра до вечера славила Казимира, убѣждая гражданъ въ необходимости искать его защиты противъ утѣсненій Іоанновыхъ. Въ числѣ ревностныхъ друзей Посадницы былъ Монахъ Пименъ, Архіепископскій Ключникъ: онъ надѣялся заступить мѣсто Іоны и сыпалъ въ народъ деньги изъ казны Святительской, имъ расхищенной. Правительство свѣдало о томъ, и заключивъ сего коварнаго Инока въ темницу, взыскало съ него 1000 рублей пени[31]. Волнуемый честолюбіемъ и злобою, Пименъ клеветалъ на избраннаго Владыку Ѳеофила, на Митрополита Филиппа; желалъ присоединенія Новогородской

Епархіи къ Литвѣ, и лаская себя мыслію получить санъ Архіепископа отъ Григорія Кіевскаго, Исидорова ученика, помогалъ Мар- г. 1471.
ѳѣ совѣтомъ, кознями, деньгами.

Видя, что Посольство Боярина Никиты сдѣлало въ народѣ впечатлѣніе противное ея намѣренію и расположило многихъ гражданъ къ дружелюбному сближенію съ Государемъ Московскимъ, Марѳа предпріяла дѣйствовать рѣшительно. Ея сыновья, ласкатели, единомышленники, окруженные многочисленнымъ сонмомъ людей подкупленныхъ, явились на Вѣчѣ и торжественно сказали, что наспало время управиться съ Іоанномъ; что онъ не Государь, а злодѣй ихъ; что Великій Новгородъ есть самъ себѣ Властелинъ; что жители его суть вольные люди и не *отчина* Князей Московскихъ; что имъ нуженъ только покровитель; что симъ покровителемъ будетъ Казимиръ, и что не Московскій, а Кіевскій Митрополитъ долженъ дать Архіепископа Святой Софіи. Громогласное восклицаніе: «не хотимъ Іоанна! «да здравствуетъ Казимиръ!« служило заключеніемъ ихъ рѣчи. Народъ восколебался. Многіе взяли сторону Борецкихъ и кричали: «да исчезнетъ Москва!» Благоразумнѣйшіе сановники, старые Посадники, Тысяцкіе, Житые люди хотѣли образумить легкомысленныхъ согражданъ и говорили: «Братья! «что замышляете? измѣнить Руси и право- «славію? поддаться Королю иноплеменному

Г. 1471. «и требовать Святителя отъ еретика Ла-
«тинскаго? Вспомните, что предки наши,
«Славяне, добровольно вызвали Рюрика изъ
«земли Варяжской; что болѣе шести сотъ
«лѣтъ его потомки законно княжили на пре-
«столѣ Новогородскомъ; что мы обязаны ис-
«тинною Вѣрою Святому Владиміру, отъ
«коего происходитъ Великій Князь Іоаннъ,
«и что Латинство донынѣ было для насъ
«ненавистно.» Единомышленники Маронны не
давали имъ говорить; а слуги и наемники ея
бросали въ нихъ каменьями, звонили въ Вѣче-
вые колокола, бѣгали по улицамъ и кричали:
«хотимъ за Короля!» Другіе: «хотимъ къ
«Москвѣ православной, къ Великому Князю Іо-
«анну и къ отцу его, Митрополиту Филип-
«пу!» Нѣсколько дней городъ представлялъ
картину ужаснаго волненія. Нареченный Вла-
дыка Ѳеофилъ ревностно противоборствовал усиліямъ Маронныхъ друзей и говорилъ имъ: «или не измѣняйте православію или не
«буду никогда Пастыремъ отступниковъ: иду
«назадъ въ смиренную келлію, отнкуда вы из-
«влекли меня на позорище мятежа.» Но Борец-
кіе превозмогли, овладѣли правленіемъ и погу-
били отечество, какъ жертву ихъ страстей
личныхъ. Совершилось, чего издавна желали
завоеватели Литовскіе, и чѣмъ Новгородъ
спрашалъ иногда Государей Московскихъ: онъ
поддался Казимиру, добровольно и торжестви-
венно. Дѣйствіе беззаконное: хотя сія область
имѣла особенные уставы и вольности, дан-

ныя ей, какъ извѣстно, Ярославомъ Вели- Г.
кимъ; однакожь сосставляла всегда часть Рос- 1471.
сіи и не могла перейти къ иноплеменникамъ безъ измѣны или безъ нарушенія коренныхъ государственныхъ законовъ, основанныхъ на Естественномъ Правѣ. Многочисленное Посольство отправилось въ Литву съ богатыми дарами и съ предложеніемъ, чтобы Казимиръ былъ Главою Новогородской Державы на основаніи древнихъ уставовъ ея гражданской свободы. Онъ принялъ всѣ условія, и написали грамоту слѣдующаго содержанія:

«*Честный* Король Польскій и Князь Вели-
«кій Литовскій заключилъ дружественный
«союзъ съ нареченнымъ Владыкою Ѳеофи-
«ломъ, съ Посадниками, Тысячскими Ново-
«городскими, съ Боярами, людьми Житыми,
«купцами и со всѣмъ Великимъ Новымгоро-
«домъ; а для договора были въ Литвѣ
«Посадникъ Аѳанасій Евстафіевичь, Посад-
«никъ Димитрій Исаковичь (Борецкій) ...
«отъ людей Житыхъ Панфилъ Селифонто-
«вичь, Кириллъ Ивановичь ... Вѣдать тебѣ,
«честному Королю, Великій Новгородъ по
«сей крестной грамотѣ и держать на Го-
«родищѣ своего Намѣстника Греческой Вѣ-
«ры, вмѣстѣ съ Дворецкимъ и Тіуномъ, ко-
«имъ имѣть при себѣ не болѣе пятидесяти
«человѣкъ. Намѣстнику судить съ Посадни-
«комъ на дворѣ Архіепископскомъ; какъ Бо-
«яръ, Житыхъ людей, Младшихъ гражданъ,
«такъ и сельскихъ жителей, согласно съ

Г. 1471. «правдою, и не требовать ничего, кромѣ «судной законной пошлины; но въ судъ Ты- «сячскаго, Владыки и монастырей ему не «вступаться. Дворецкому жить на Городи- «щѣ во дворцѣ и собирать двои двои «вмѣстѣ съ Посадникомъ; а Тіуну вершить «дѣла съ нашими приспавами. Если Государь «Московскій пойдетъ войною на Великій «Новгородъ, по тебѣ Господину, честному «Королю, или въ твое отсутствіе Радѣ «Литовской дать намъ скорую помощь. — «Ржева, Великія Луки и Холмовскій погостъ «остаются землями Новогородскими; но пла- «тятъ дань тебѣ, честному Королю. — «Новогородецъ судится въ Литвѣ по ва- «шимъ, Литвинъ въ Новѣгородѣ по нашимъ «законамъ безъ всякаго притѣсненія . . . Въ «Русѣ будешь имѣть десять соляныхъ вар- «ницъ; а за судъ получаешь тамъ и въ дру- «гихъ мѣстахъ, что издревле установлено. «Тебѣ, честному Королю, не выводить отъ «насъ людей, не купить ни селъ, ни рабовъ, «и не принимать ихъ въ даръ, ни Королевѣ, «ни Панамъ Литовскимъ, а намъ не платить «законныхъ пошлинъ. Посламъ, Намѣстни- «камъ и людямъ твоимъ не брать подводъ «въ землѣ Новогородской, и волости ея мо- «гутъ быть управляемы только нашими «собственными чиновниками. — Въ Лукахъ «будетъ твой и нашъ Тіунъ: Торопецкому «не судить въ Новогородскихъ владѣніяхъ. «Въ Торжкѣ и Волокѣ имѣй Тіуна; съ нашей

«спороны будетъ памъ Посадникъ.—Купцы г.
«Липовскіе торгуютъ съ Нѣмцами един- 1471.
«ственно чрезъ Новогородскихъ. Дворъ Нѣ-
«мецкій тебѣ не подвластенъ: не можешь
«запворить его.—Ты, честный Король, не
«долженъ касаться нашей православной Вѣры:
«гдѣ захотимъ, тамъ и посвятимъ нашего Вла-
«дыку (въ Москвѣ или въ Кіевѣ); а Римскихъ
«церквей не ставить нигдѣ въ земль Новаго-
«родской. — Если примиришь насъ съ Вели-
«кимъ Княземъ Московскимъ, то изъ благо-
«дарности уступимъ тебѣ всю народную
«дань, собираемую ежегодно въ Новогород-
«скихъ областяхъ; но въ другіе годы не
«пребуй оной. — Въ утвержденіе договора
«цѣлуй крестъ къ Великому Новугороду за
«все свое Княжество и за всю Раду Липов-
«скую *въ правду, безъ извѣта* а Послы на-
«ши цѣловали крестъ *Новогородскою душею*
«къ честному Королю за Великій Новго-
«родъ[33]».

И такъ сей народъ легкомысленный еще желалъ мира съ Москвою, думая, что Іоаннъ успрашится Литвы, не захочетъ кровопролитія и малодушно отступится отъ древнѣйшаго Княжества Россійскаго. Хотя Намѣстники Московскіе, бывъ свидѣтелями торжества Марѳиныхъ поборниковъ, уже не имѣли никакого участія въ тамошнемъ правленіи, однакожь спокойно жили на Городищѣ, увѣдомляя Великаго Князя о всѣхъ происшествіяхъ. Не смотря на свое явное оп-

Г. ступленіе отъ Россіи, Новогородцы хотѣли
1471. казаться умѣренными и справедливыми; повердили, что отъ Іоанна зависитъ о-спаться другомъ Святой Софіи; изъявляли учтивость его Боярамъ, но послали Суздальскаго Князя, Василья Шуйскаго-Гребенку, начальствовать въ Двинской землѣ, опасаясь, чтобы рать Московская не овладѣла сею важною для нихъ страною.

Еще желая употребить послѣднее миролюбивое средство, Великій Князь отправилъ въ Новгородъ благоразумнаго чиновника, Ивана Ѳедоровича Товаркова, съ такимъ увѣщаніемъ[34]: «Люди Новогородскіе! Рюрикъ, Св. «Владиміръ и Великій Всеволодъ Юрьевичь, «мои предки, повелѣвали вами; я наслѣдо-«вать сіе право: жалую васъ, храню, но могу «и казнить за дерзкое ослушаніе. Когда вы «бывали подданными Литвы? Нынѣ же ра-«болѣпствуете иновѣрнымъ, преступая свя-«щенные обѣты. Я ничѣмъ не отяготилъ «васъ, и требовалъ единственно древней за-«конной дани. Вы измѣнили мнѣ: казнь Бо-«жія надъ вами! Но еще медлю, не любя кро-«пролитія, и готовъ миловать, если съ рас-«каяніемъ возвратитесь подъ сѣнь отечест-«ва.» Въ то же время Митрополитъ Филиппъ писалъ къ нимъ: «Слышу о мятежѣ «и расколѣ вашемъ. Бѣдственно и единому «человѣку уклониться отъ пути праваго: «еще ужаснѣе цѣлому народу. Трепещите, «да страшный серпъ Божій, видѣнный Про-

«рокомъ Захаріею, не снидетъ на главу сы- г.
«новъ ослушныхъ. Вспомните реченное въ 1471.
«Писаніи : *бъги грѣха яко ратника ; бъги*
«*отъ прелести, яко отъ лица зміина.* Сія
«*прелесть* есть Латинская : она уловляетъ
«васъ. Развѣ примѣръ Константинополя не
«доказалъ ея гибельнаго дѣйствія ? Греки
«царствовали, Греки славились во благоче-
«стіи : соединились съ Римомъ, и служатъ
«нынѣ Туркамъ. Доселѣ вы были цѣлы подъ
«крѣпкою рукою Іоанна: не уклоняйтеся отъ
«*святой, великой старины,* и не забывайте
«словъ Апостола: *Бога бойтеся, а Князя*
«*чтите.* — Смиритеся, и Богъ мира да бу-
«детъ съ вами[38]!» — Сіи увѣщанія оспались безполезны: Марѳа съ друзьями своими дѣла-ла, что хотѣла въ Новѣгородѣ. Устрашае-мые ихъ дерзостію, люди благоразумные тужили въ домахъ и безмолвствовали на Вѣчѣ, гдѣ клеврепы или наемники Борец-кихъ вопили: «Новгородъ Государь намъ, а «Король покровитель!» Однимъ словомъ, Лѣ-тописцы сравниваютъ тогдашнее состояніе сей народной Державы съ древнимъ Іерусали-момъ, когда Богъ готовился предать его въ руки Титовы. Страсти господствовали надъ умомъ, и Совѣтъ Правителей казался сонмомъ заговорщиковъ.

Посолъ Московскій возвратился къ Госу-дарю съ увѣреніемъ, что не слова и не письма, но одинъ мечь можетъ смирить Новогородцевъ. Великій Князь изъявилъ го-

Г. 1471. рестъ: еще размышлялъ, совѣтовался съ матерью, съ Митрополитомъ, и призвалъ въ столицу брапьевъ, всѣхъ Епископовъ, Князей, Бояръ и Воеводъ. Въ назначенный день и часъ они собрались во дворцѣ. Іоаннъ вышелъ къ нимъ съ лицемъ печальнымъ: открылъ Государственную Думу, и предложилъ ей на судъ измѣну Новогородцевъ. Не только Бояре и Воеводы, но и Священники отвѣтствовали единогласно: »Государь! возьми оружіе въ руки!« Тогда Іоаннъ произнесъ рѣшительное слово: «да будетъ война!» и еще хотѣлъ слышать мнѣніе Совѣта о времени благопріятнѣйшемъ для ея начала, сказавъ: «Весна уже наступила: Новгородъ «окруженъ водою, рѣками, озерами и боло-«тами непроходимыми. Великіе Князья, мои «предки, спрашились ходить туда съ войскомъ въ лѣтнее время, и когда ходили, «по теряли множество людей.» Съ другой стороны поспѣшность обѣщала выгоды: Новогородцы не изготовились къ войнѣ, и Казимиръ не могъ скоро дать имъ помощи. Рѣшились не медлить, въ надеждѣ на милость Божію, на счастіе и мудрость Іоаннову. Ужс сей Государь пользовался общею довѣренностію: Москвитяне гордились имъ, хвалили его правосудіе, твердость, прозорливость; называли любимцемъ Неба, Владетелемъ Богоизбраннымъ; и какое-то новое чувство государственнаго величія вселилось въ ихъ душу[56].

Іоаннъ послалъ *складную грамоту* къ Г. Новогородцамъ, объявляя имъ войну съ исчисленіемъ всѣхъ ихъ дерзостей, и въ нѣсколько дней устроилъ ополченіе: убѣдилъ Михаила Тверскаго дѣйствовать съ нимъ за-одно, и велѣлъ Псковитянамъ итти къ Новугороду съ Московскимъ Воеводою, Княземъ Ѳеодоромъ Юрьевичемъ Шуйскимъ; Устюжанамъ и Вятчанамъ въ Двинскую землю подъ начальствомъ двухъ Воеводъ, Василья Ѳедоровича Образца и Бориса Слѣпаго Тюпчева[37]; Князю Даніилу Холмскому съ Дѣтьми Боярскими изъ Москвы къ Русѣ, а Князю Василью Ивановичу Оболенскому-Стригѣ съ Татарскою конницею къ берегамъ Мсты. 1471. Маія 23. Іюня 6. Іюня 13.

Сіи отряды были только передовыми. Іоаннъ, слѣдуя обыкновенію, раздавалъ милостыню и молился надъ гробами Святыхъ Угодниковъ и предковъ своихъ; наконецъ, принявъ благословеніе отъ Митрополита и Епископовъ, сѣлъ на коня и повелъ главное войско изъ столицы. Съ нимъ находились всѣ Князья, Бояре, Дворяне Московскіе и Татарскій Царевичь Даніяръ, сынъ Касимовъ. Сынъ и братъ Великаго Князя, Андрей Меньшій, остались въ Москвѣ: другіе братья, Князья Юрій, Андрей, Борисъ Васильевичи, и Михаилъ Верейскій, предводительствуя своими дружинами, шли разными путями къ Новогородскимъ границамъ; а Воеводы Тверскіе, Князь Юрій Андреевичь Дорогобужскій и Иванъ Жито, соединились съ Іоанномъ въ Іюня 20. Іюня 29.

г. Торжкѣ. Началося страшное опустошеніе.
1471. Съ одной стороны Воевода Холмскій и рать Великокняжеская, съ другой Псковитяне, вступивъ въ землю Новогородскую, испребляли все огнемъ и мечемъ[38]. Дымъ, пламя, кровавыя рѣки, стонъ и вопль отъ Востока и Запада неслися къ берегамъ Ильменя. Москвитяне изъявляли остервененіе неописанное: Новогородцы измѣнники казались имъ хуже Татаръ. Не было пощады ни бѣднымъ земледѣльцамъ, ни женщинамъ. Лѣтописцы замѣчаютъ, что Небо, благопріятствуя Іоанну, изсушило тогда всѣ болота; что отъ Маія до Сентября мѣсяца ни одной капли дождя не упало на землю: зыби отвердѣли; войско съ обозами вездѣ имѣло путь свободный, и гнало скотъ по лѣсамъ, дополѣ непроходимымъ.

Псковитяне взяли Вышегородъ. Холмскій обратилъ въ пепелъ Русу. Не ожидавъ войны лѣтомъ и нападенія столь дружнаго, сильнаго, Новогородцы послали сказать Великому Князю, что они желаютъ вступить съ нимъ въ переговоры и требуютъ отъ него *опасной грамоты* для своихъ чиновниковъ, которые готовы ѣхать къ нему въ стань. Но въ то же время Марѳа и единомышленники ея старались увѣрить сограждан, что одна счастливая битва можетъ спасти ихъ свободу. Сіи вооружили всѣхъ людей, волею и неволею; ремесленниковъ, гончаровъ, плотниковъ одѣли въ доспѣхи и посадили на

коней: другихъ на суда. Пѣхопѣ велѣли плыть г.
озеромъ Ильменемъ къ Русѣ, а конницѣ, го- 1471.
раздо многочисленнѣйшей, итти туда бере-
гомъ. Холмскій споялъ между Ильменемъ и
Русою, на Коростынь: пѣхота Новогород-
ская приближилась тайно къ его стану, вы-
шла изъ судовъ, и не дожидаясь коннаго
войска, спремительно ударила на оплош-
ныхъ Москвитянъ. Но Холмскій и поварищъ
его, Боярин Ѳеодоръ Давидовичь, храбро-
стію загладили свою неосторожность: поло-
жили на мѣстѣ 500 непріятелей, разсѣяли
остальныхъ, и съ жестокосердіемъ, свойст-
веннымъ тогдашнему вѣку, приказавъ отрѣ-
зать плѣнникамъ носы, губы, послали ихъ
искаженныхъ въ Новгородъ[39]. Москвитяне
бросили въ воду всѣ лапы, шлемы, щиты
непріятельскіе, взятые въ добычу ими, го-
воря, что войско Великаго Князя богато
собственными доспѣхами и не имѣетъ нуж-
ды въ измѣнническихъ.

Новогородцы приписали сіе несчастіе то-
му, что конное ихъ войско не соединилось
съ пѣхотнымъ, и что особенный *полкъ Ар-*
хіепископскій отрекся отъ битвы, сказавъ:
«Владыка Ѳеофилъ запретилъ намъ подни-
«мать руку на Великаго Князя, а велѣлъ
«сражаться только съ невѣрными Пскови-
«тянами[40].» Желая обмануть Іоанна, Ново-
городскіе чиновники отправили къ нему вто-
раго Посла, съ увѣреніемъ, что они готовы
на миръ, и что войско ихъ еще не дѣйство-

Г. вало пропивъ Московскаго[41]. Но Великій
1471. Князь уже имѣлъ извѣстіе о побѣдѣ Холм-
скаго, и спавъ на берегу озера Коломны,
приказалъ сему Воеводѣ итти за Шелонь на
Іюля встрѣчу Псковитянамъ, и вмѣстѣ съ ними
9. къ Новугороду: Михаилу же Верейскому оса-
дить городокъ Демонъ. Въ самое то время,
когда Холмскій думалъ переправляться на
другую сторону рѣки, онъ увидѣлъ непрія-
теля столь многочисленнаго, что Москви-
тяне изумились. Ихъ было 5,000, а Нового-
родцевъ отъ 30,000 до 40,000: ибо друзья
Борецкихъ еще успѣли набрать и выслать
нѣсколько полковъ, чтобы усилить свою
конную рать. Но Воеводы Іоанновы, сказавъ
дружинѣ: «наспало время послужить Госу-
«дарю; не убоимся ни трехъ сотъ тысячъ
«мятежниковъ; за насъ правда и Господь
Іюля «Вседержитель,» бросились на коняхъ въ Ше-
14. лонь, съ крутаго берега, и въ глубокомъ
мѣстѣ; однакожъ никто изъ Москвитянъ не
усомнился слѣдовать ихъ примѣру; никто
не утонулъ; и всѣ, благополучно переѣхавъ
на другую сторону, устремились въ бой съ
восклицаніемъ: *Москва!* Новогородскій Лѣто-
писецъ говоритъ, что соотечественники
его бились мужественно и принудили Моск-
витянъ отступить, но что конница Татар-
ская, бывъ въ засадѣ, нечаяннымъ нападе-
ніемъ разстроила первыхъ и рѣшила дѣло[42]. Но
по другимъ извѣстіямъ Новогородцы не спо-
яли ни часу: лошади ихъ, язвимыя стрѣла-

ми, начали сбивать съ себя всадниковъ; ужасъ г.
объялъ Воеводъ малодушныхъ и войско не- 1471.
опытное; обратили тылъ; скакали безъ па-
мяти и топтали другъ друга, гонимые, ис-
требляемые побѣдителемъ; упомивъ коней,
бросались въ воду, въ тину болотную; не
находили пути въ лѣсахъ своихъ, тонули
или умирали отъ ранъ; иные же проскакали
мимо Новагорода, думая, что онъ уже взятъ
Іоанномъ. Въ безуміи страха имъ вездѣ ка-
зался непріятель, вездѣ слышался крикъ:
Москва! Москва[43]! На пространствѣ двѣнад-
цати верстъ полки Великокняжескіе гнали
ихъ, убили 12,000 человѣкъ, взяли 1700
плѣнниковъ, и въ томъ числѣ двухъ знат-
нѣйшихъ Посадниковъ, Василія-Казимера съ
Димитріемъ Исаковымъ Борецкимъ[44]; нако-
нецъ, утомленные возвратились на мѣсто
битвы. Холмскій и Боярин Ѳеодоръ Дави-
довичь, трубнымъ звукомъ возвѣстивъ по-
бѣду, сошли съ коней, приложились къ об-
разамъ подъ знаменами и прославили милость
Неба. Боярскій сынъ, Иванъ Замятня, спѣ-
шилъ извѣстить Государя, бывшаго тогда
въ Яжелбицахъ, что одинъ передовый от-
рядъ его войска рѣшилъ судьбу Новагорода;
что непріятель испребленъ, а рать Мо-
сковская цѣла. Сей вѣстникъ вручилъ Іоан-
ну договорную грамоту Новогородцевъ съ
Казимиромъ, найденную въ ихъ обозѣ между
другими бумагами, и даже представилъ ему
человѣка, который писалъ оную[45]. Съ какою

Г. радостію Великій Князь слышалъ вѣсть о
1471. побѣдѣ, съ такимъ негодованіемъ читалъ сію законопреступную харпію, памятникъ Новогородской измѣны.

Холмскій уже нигдѣ не видалъ непріятельской рати, и могъ свободно опустошать села до самой Наровы или Нѣмецкихъ предѣловъ. Городокъ Демонъ сдался Михаилу Верейскому. Тогда Великій Князь послалъ *опасную грамоту* къ Новогородцамъ съ Бояриномъ ихъ, Лукою, соглашаясь вступить съ
Іюля 24. ними въ договоры; прибылъ въ Русу и явилъ примѣръ строгости: велѣлъ отрубить головы знатнѣйшимъ плѣнникамъ, Боярамъ Дмитрію Исакову, Мароину сыну, Василью Селезеневу Губѣ, Кипріяну Арбузееву и Іереміи Сухощоку, Архіепископскому Чашнику, ревностнымъ благопріятелямъ Литвы; Василія-Казимера, Матвѣя Селезенева и другихъ послалъ въ Коломну, окованныхъ цѣпями; нѣкоторыхъ въ темницы Московскія; а прочихъ безъ всякаго наказанія отпустилъ въ Новгородъ[16], соединяя милосердіе съ грозою мести, отличая главныхъ, дѣятельныхъ враговъ Москвы отъ людей слабыхъ, которые служили имъ только орудіемъ. Рѣшивъ такимъ образомъ участь плѣнниковъ, онъ
Іюля 27. расположился станомъ на устьѣ Шелони.

Въ сей самый день новая побѣда увѣнчала оружіе Великокняжеское въ отдаленныхъ предѣлахъ Заволочья. Московскіе Воеводы, Образецъ и Борисъ Слѣпый, предводитель-

ствуя Устюжанами и Вятчанами, на бере- г.
гахъ Двины сразились съ Княземъ Василіемъ 1471.
Шуйскимъ, вѣрнымъ слугою Новогородской
свободы. Рать его состояла изъ двѣнадцати тысячь Двинскихъ и Печерскихъ жителей: Іоаннова только изъ четырехъ. Битва продолжалась цѣлый день съ великимъ остервененіемъ. Убивъ трехъ Двинскихъ знаменоносцевъ, Москвитяне взяли хоругвь Новогородскую, и къ вечеру одолѣли врага. Князь Шуйскій раненный едва могъ спастися въ лодкѣ, бѣжалъ въ Колмогоры, оттуда въ Новгородъ; а Воеводы Іоанновы, овладѣвъ всею Двинскою землею, привели жителей въ подданство Москвы[47].

Миновало около двухъ недѣль послѣ Шелонской битвы, которая произвела въ Новогородцахъ неописанный ужасъ. Они надѣялись на Казимира, и съ нетерпѣніемъ ждали вѣстей отъ своего Посла, отправленнаго къ нему черезъ Ливонію, съ усильнымъ требованіемъ, чтобы Король спѣшилъ защитить ихъ; но сей Посолъ возвратился, и съ горестію объявилъ, что Магистръ Ордена не пустилъ его въ Литву[48]. Уже не было времени имѣть помощи, ни силъ противиться Іоанну. Открылась еще внутренняя измѣна. Некто, именемъ Упадышь, тайно доброхотствуя Великому Князю, съ единомышленниками своими въ одну ночь заколотилъ желѣзомъ 55 пушекъ въ Новѣгородѣ: Правители казнили сего человѣка[49]; не смотря на всѣ

Г. несчастія, хотѣли обороняпься: выжгли по-
1471. сады, не жалѣя ни церквей, ни монаспырей; учредили безсмѣнную спражу: день и ночь вооруженные люди ходили по городу, чпобы обуздывапь народъ; другіе спояли на спѣнахъ и башняхъ, готовые къ бою съ Москвипянами. Однакожь миролюбивые начали изъявляпь болѣе смѣлоспи, доказывая, чпо упорспво безполезно; явно обвиняли друзей Мароы въ приверженноспи къ Липвѣ, и говорили: «Іоаннъ передъ нами; а гдѣ «ващъ Казимиръ?» Городъ, спѣсненный Великокняжескнми опрядами и наполненный множесптвомъ пришельцевъ, которые искали памъ убѣжища опъ Москвипянъ, перпѣлъ недоспапокъ въ съѣспныхъ припасахъ; дороговизна возраспала; ржи совсѣмъ не было на торгу: богапые пипались пшеницею; а бѣдные вопили, чпо Правипели ихъ безумно раздражили Іоанна и начали войну, не подумавъ о слѣдспвіяхъ[50]. Вѣспь о казни Дипрія Борецкаго и поварищей его сдѣлала глубокое впечаплѣніе какъ въ народѣ, пакъ и въ чиновникахъ: доселѣ никпо изъ Великихъ Князей не дерзалъ поржествепно казнипь первоспепенныхъ гордыхъ Бояръ Новогородскихъ. Народъ разсуждалъ, чпо времена перемѣнились; чпо Небо покровипельспвуепъ Іоанна и даепъ ему смѣлоспь вмѣспѣ съ счаспіемъ; чпо сей Государь правосуденъ: караепъ и милуепъ; чпо лучше спаспися смиреніемъ, нежели погибнупь опъ

упрямства. Знатные сановники видѣли мечь Г.
надъ своею головою: въ такомъ случаѣ рѣд- 1471.
кіе жертвуютъ личною безопасностію пра-
вилу или образу мыслей. Самые усердные
изъ друзей Марѳиныхъ, тѣ, которые нена-
видѣли Москву по ревностной любви къ
вольности отечества, молчаніемъ или язы-
комъ умѣренности хотѣли заслужить про-
щеніе Іоанново. Еще Марѳа силилась дѣй-
ствовать на умы и сердца, возбуждая ихъ
противъ Великаго Князя: народъ видѣлъ въ
ней главную виновницу сей бѣдственной вой-
ны; онъ требовалъ хлѣба и мира.

Холмскій, Псковитяне и самъ Іоаннъ го-
товились съ разныхъ сторонъ обступить
Новгородъ, чтобы совершить послѣдній
ударъ: не много времени оставалось для раз-
мышленія. Сановники, граждане единодушно
предложили нареченному Архіепископу Ѳео-
филу быть ходатаемъ мира. Сей разумный
Инокъ со многими Посадниками, Тысячскими
и людьми Житыми всѣхъ пяти Концевъ от-
правился на судахъ озеромъ Ильменемъ къ
устью Шелони, въ станъ Московскій. Не
смѣя вдругъ явиться Государю, они пошли
къ его Вельможамъ и просили ихъ заступ-
ленія: Вельможи просили Іоанновыхъ брать-
евъ, а братья самого Іоанна. Чрезъ нѣсколь-
ко дней онъ дозволилъ Посламъ стать предъ
лицемъ своимъ. Ѳеофилъ вмѣстѣ со многи-
ми духовными особами и знатнѣйшіе чинов-
ники Новогородскіе, вступивъ въ шатеръ

г 1471. Великокняжескій, пали ницъ, безмолспвовали, проливали слезы. Іоаннъ, окруженный сонмомъ Бояръ, имѣлъ видъ грозный и суровый. «Господинъ, Князь Великій!» сказалъ Ѳеофилъ: «уполи гнѣвъ свой, упиши яроспь; «пощади насъ, преспупниковъ, не для моле«нія нашего, но для своего милосердія! Угаси «огнь, палящій спрану Новогородскую; удер«жи мечь, ліющій кровь ея жителей[51]!» Іоаннъ взялъ съ собою изъ Москвы одного ученаго въ лѣпописяхъ Дьяка, именемъ Спефана Бородатаго, коему надлежало исчислить передъ Новогородскими Послами всѣ древнія ихъ измѣны[52]; но Послы не хотѣли оправдываться, и пребовали единспвенно милосердія. Тупъ братья и Воеводы Іоанновы ударили челомъ за народъ виновный; молили долго, неопспупно. Наконецъ Госуавгуста 11. дарь изрекъ слово великодушнаго прощенія, слѣдуя, какъ увѣряютъ Лѣтописцы, внушеніямъ Христіанскаго человѣколюбія и совѣту Митрополита Филиппа помиловать Новогородцевъ, если они раскаются[53]; но мы видимъ здѣсь дѣйспвіе личнаго характера, осторожной Политики, умѣренноспи сего Власпителя, коего правиломъ было: *не отвергать хорошаго для лучшаго*, не совсѣмъ вѣрнаго.

Новогородцы за вину свою обѣщали внесши въ казну Великокняжескую 15,500 рублей или около осьмидесяти пудъ серебра, въ разные сроки, опъ 8 Сенпября до Пасхи;

возвратили Іоанну прилежащія къ Вологдѣ земли, берега Пинеги, Мезены, Немьюги, Выи, Поганой Суры, Пильи горы, мѣста уступленныя Василію Темному, но послѣ опняпыя ими; обязались въ назначенныя времена плапишь Государямъ Московскимъ *черную* или народную дань, пакже и Митрополиту судную попілину; клялися ставипь своихъ Архіепископовъ полько въ Москвѣ, у гроба Св. Петра Чудопворца, въ Дому Богомапери; не имѣпь никакого сношенія съ Королемъ Польскимъ, ни съ Липвою; не принимапь къ себѣ памошнихъ Князей и враговъ Іоанновыхъ: Князя Можайскаго, сыновей Шемяки и Василія Ярославича Боровскаго; опмѣнили пакъ называемыя Вѣчевыя грамопы; признали верховною судебную власпь Государя Московскаго, въ случаѣ несогласія его Намѣспниковъ съ Новогородскими сановниками; обѣщались не издавапь впредь судныхъ грамопъ безъ упвержденія и печапи Великаго Князя, и проч. Возвращая имъ Торжекъ и повыя свои завоеванія въ Двинской землѣ, Іоаннъ по обычаю цѣловалъ крепспъ, въ увѣреніе, чпо будепъ правипь Новымгородомъ согласно съ древними успавами онаго, безъ всякаго насилія. Сіи взаимныя условія или обязапельспва изображены въ шестпи, погда написанныхъ грамопахъ, опъ 9 и 11 Августа, въ коихъ юный сынъ Іоановъ именуепся пакже, подобно опцу, Великимъ Княземъ всей Россіи[54]. Помиривъ еще

1471.

Г. 1471. Новгородъ съ Псковитянами, Іоаннъ увѣдомилъ своихъ Полководцевъ, что война прекратилась; ласково угостилъ Ѳеофила и всѣхъ Пословъ; отпустилъ ихъ съ милостію, и въ слѣдъ за ними велѣлъ ѣхать Боярину Ѳеодору Давидовичу, взять присягу съ Новогородцевъ на Вѣчѣ. Давъ слово забыть прошедшее, Великій Князь оставилъ въ покоѣ и самую Марѳу Борецкую, и не хотѣлъ упомянуть объ ней въ договорѣ, какъ бы изъ презрѣнія къ слабой женѣ. Исполнивъ свое намѣреніе, наказавъ мятежниковъ, свергнувъ пѣнь Казимирову съ древняго престола Рюрикова, онъ съ честію, славою и богатою добычею возвратился въ Москву. Сынъ, братъ, Вельможи, воины и

Сент. 1. купцы встрѣтили его за 20 верстъ отъ столицы, народъ за семь, Митрополитъ съ Духовенствомъ передъ Кремлемъ на площади. Всѣ привѣтствовали Государя какъ побѣдителя, изъявляя радость.

Еще Новгородъ остался Державою народною; но свобода его была уже единственно милостію Іоанна и долженствовала исчезнуть по мановенію Самодержца. Нѣтъ свободы, когда нѣтъ силы защитить ее. Всѣ области Новогородскія, кромѣ столицы, являли отъ предѣловъ восточныхъ до моря зрѣлище опустошенія, произведеннаго не только ратію Великокняжескою, но и шайками вольницы: граждане и жители сельскіе въ теченіе двухъ мѣсяцевъ ходили туда во-

оружеиными толпами изъ Московскихъ вла- Г.
дѣній грабить и наживаться. Погибло мно- 1471.
жество людей. Къ довершенію бѣдствія,
9,000 человѣкъ, призванныхъ въ Новгородъ
изъ Уѣздовъ для защиты онаго, возвращаясь
осенью въ свои домы на 180 судахъ, упо-
нули въ бурномъ Ильменѣ[55]. Зимою Священ-
ноинокъ Ѳеофилъ съ духовными и мірскими
сановниками пріѣхалъ въ Москву и былъ по-
ставленъ въ Архіепископы[56]. Когда сей тор-
жествепный обрядъ совершился, Ѳеофилъ
на амвонѣ смиренно преклонилъ выю предъ
Іоанномъ и молилъ его умилосердиться надъ
знатными Новогородскими плѣнниками, Ва-
силіемъ-Казимеромъ и другими, которые еще
сидѣли въ Московскихъ темницахъ: Великій
Князь даровалъ имъ свободу, и Новгородъ
принялъ ихъ съ дружелюбіемъ, а Владыку
своего съ благодарностію, легкомысленно
надѣясь, что время, торговля, мудрость
Вѣча и правила благоразумнѣйшей Полити-
ки исцѣляютъ глубокія язвы отечества.

Въ исходѣ сего года явилась Комета, въ Г.
началѣ слѣдующаго другая; народъ трепе- 1472.
талъ, ожидая чего нибудь ужаснаго. Іоаннъ Явле-
же, не участвуя въ страхѣ суевѣрныхъ, ніеКо-
спокойно мыслилъ о важномъ завоеваніи. мешъ.
Древняя славная Біармія или Пермь уже въ Завое-
XI вѣкѣ платила дань Россіянамъ, въ граж- ваніе
данскихъ отношеніяхъ зависѣла отъ Новаго- Пер-
рода, въ церковныхъ отъ нашего Митропо- ми.
лита, но всегда имѣла собственныхъ Власти-

г. телей, и торговала съ Москвитянами какъ
1472. Держава свободная. Присвоивъ себѣ Вологду, Великіе Князья желали овладѣть и Пермію, однакожь дополѣ не могли: ибо Новогородцы крѣпко спояли за оную, обогащаясь памъ мѣною Нѣмецкихъ суконъ на мѣха драгоцѣнные и на серебро, которое именовалось *Закамскимъ* и сполъ прельщало хипраго Іоанна Калипу[57]. Въ самомъ Шелонскомъ договорѣ Новогородцы включили Пермь въ число ихъ законныхъ владѣній[58]; но Іоаннъ III, подобно Калипѣ дальновидный и гораздо его сильнѣйшій, воспользовался первымъ случаемъ исполнить намѣреніе своего пращура безъ явной несправедливости. Въ Перми обидѣли нѣкоторыхъ Москвитянъ: сего было довольно для Іоанна: онъ послалъ туда Князя Ѳеодора Пестраго съ войскомъ, чтобы доставить имъ законную управу.

Полки выступили изъ Москвы зимою, на Ѳоминой недѣлѣ пришли къ рѣкѣ Черной, спустились на плотахъ до мѣстечка Айфаловскаго, сѣли на коней и близъ городка Искора вступились съ Пермскою ратію. Побѣда не могла быть сомнительною: Князь Ѳеодоръ разсѣялъ непріятелей; плѣнилъ ихъ Воеводъ, Кача, Бурмата, Мичкина, Зырана; взялъ Искоръ съ иными городками, сжегъ ихъ, и на устьѣ Почки, впадающей въ Колву, заложилъ крѣпость; а другой Воевода, Гаврило Нелидовъ, имъ опряженный, овла-
Іюня 26. дѣлъ Уросомъ и Чердынью, схватившъ па-

мощняго Князя Христіанской Вѣры, именемъ Михаила. Вся земля Пермская покорилась Іоанну, и Князь Ѳеодоръ прислалъ къ нему, вмѣстѣ съ плѣнными, 16 сороковъ черныхъ соболей, драгоцѣнную шубу соболью, 29 *поставовъ* Нѣмецкаго сукна, 3 панцыря, шлемъ и двѣ сабли булатныя. Сіе завоеваніе, коимъ владѣнія Московскія прислонились къ хребту горъ Уральскихъ, обрадовало Государя и народъ, обѣщая важныя торговыя выгоды, и напомнивъ Россіи счастливую старину, когда Олегъ, Святославъ, Владиміръ, брали мечемъ чуждыя земли, не теряя собственныхъ.—Вѣроятно, что Пермскій Князь Михаилъ возвратился въ свое отечество, гдѣ послѣ господствовалъ и сынъ его, Матѳей, какъ присяжникъ Іоанновъ. Первымъ *Россійскимъ* Намѣстникомъ Великой Перми былъ въ 1505 году Князь Василій Андреевичь Коверъ[89]. г. 1472.

Доселѣ Великій Князь еще не имѣлъ дѣла съ главнымъ врагомъ нашей независимости, съ Царемъ Большой или Золотой Орды, Ахматомъ, коего полпы въ 1468 году нападали единственно на Рязанскую землю, не дерзнувъ идти далѣе: ибо въ упорной битвѣ съ тамошними Воеводами потеряли много людей[90]. Благоразумный Іоаннъ, готовый къ войнѣ, хотѣлъ удалить ее: время усиливало Россію, ослабляя могущество Хановъ. Но другой естественный врагъ Москвы, Казимиръ Литовскій, употреблялъ Наше-ствіе Ахматта.

Г. всѣ способы подвигнуть Ахмата на Великаго
1472. Князя. Дѣдъ Іоанновъ, Василій Димитріевичь, купилъ въ Литвѣ одного Татарина, именемъ Мисюря, Виѳовѳова плѣнника, котораго внукъ, Кирей, рожденный въ холопствѣ, бѣжалъ отъ Іоанна въ Польшу, и снискалъ особенную милость Казимирову[61]. Сей Государь хотѣлъ употребить его въ орудіе своей ненависти къ Россіи, послалъ въ Золотую Орду съ ласковыми грамотами, съ богатыми дарами, и предлагалъ Ахмату тѣсный союзъ, чтобы вмѣстѣ воевать наше отечество. Кирей имѣлъ умъ хитрый, зналъ хорошо и Татаръ и Москву: доказывалъ Хану необходимость предупредить Іоанна, замышляющаго быть Самовластителемъ независимымъ; подкупалъ Вельможъ Ординскихъ, и легко склонилъ ихъ на свою сторону: ибо они недоброжелательствовали Великому Князю за его къ нимъ презрѣніе или скупость. Уже Москва не удовлетворяла ихъ алчному корыстолюбію; уже Послы наши не пресмыкались въ Улусахъ съ мѣшками серебра и золота. Главный изъ Вельможъ Ханскихъ, именемъ Темиръ, всѣхъ ревностнѣе помогалъ Кирею; но цѣлый годъ миновалъ въ однихъ переговорахъ. Междоусобія Татаръ не дозволяли Ахмату удалиться отъ береговъ Волги, и въ то время, когда Посолъ Литовскій твердилъ ему о древнемъ величіи Хановъ, знаменитая ихъ столица, городъ Сарай, основанный Батыемъ, не могъ

защитишь себя опъ набѣга смѣлыхъ Вятчанъ: приплывъ Волгою и слыша, что Ханъ кочуетъ верстахъ въ пятидесяти оттуда, они въ расплохъ взяли сей городъ, захватили всѣ товары, нѣсколько плѣнниковъ, и съ добычею ушли назадъ, сквозь множество Татарскихъ судовъ, которыя хотѣли преградить имъ путь [62]. Наконецъ Ахматъ, взявъ мѣры для безопасности Улусовъ, отправилъ съ Киреемъ собственнаго Посла къ Казимиру, обѣщалъ немедленно начать войну, и чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ дѣйствительно вступилъ въ Россію съ знатными силами, удержавъ при себѣ Московскаго чиновника, который былъ посланъ къ нему опъ Государя съ мирными предложеніями [63]. Г. 1472.

Великій Князь, узнавъ о томъ, опрядилъ Боярина Ѳеодора Давидовича съ Коломенскою дружиною къ берегамъ Оки; за нимъ Даніила Холмскаго, Князя Оболенскаго-Стригу и братьевъ своихъ съ ратными полками; услышалъ о приближеніи Хана къ Алексину, и самъ немедленно выѣхалъ изъ столицы въ Коломну, чтобы оттуда управлять движеніями войска. При немъ находился и сынъ Касимовъ, Царевичь Даніяръ, съ своею дружиною: такимъ образомъ Политика Великихъ Князей вооружала Моголовъ противъ Моголовъ. Но еще сильно дѣйствовалъ ужасъ Ханскаго имени: не смотря на 180,000 воиновъ, которые стали между непріятелемъ и Москвою, занявъ пространство ста-пяти-

Г. 1472. десяти верстъ[64]; не смотря на общую довѣренность къ мудрости и счастію Государя, Москва спрашилась, и мать Великаго Князя съ его сыномъ для безопасности уѣхала въ Ростовъ[65].

Ахматъ приступилъ къ Алексину, гдѣ не было ни пушекъ, ни пищалей, ни самострѣловъ[66], однакожь граждане побили множество непріятелей. На другой день Татары сожгли городъ вмѣстѣ съ жителями; бѣгущихъ взяли въ плѣнъ, и бросились цѣлыми полками въ Оку, чтобы ударить на малочисленный отрядъ Москвитянъ, которые стояли на другомъ берегу рѣки. Начальники сего отряда, Петръ Ѳедоровичь и Семенъ Беклемишевъ, долго имѣвъ перестрѣлку, хотѣли уже отступить, когда сынъ Михаила Верейскаго, Князь Василій, прозваніемъ Удалый, подоспѣлъ къ нимъ съ своею дружиною, а скоро и братъ Іоанновъ, Юрій. Москвитяне прогнали Татаръ за Оку и стали рядами на лѣвой сторонѣ ея, готовые къ битвѣ рѣшительной: новые полки непрестанно къ нимъ подходили съ трубнымъ звукомъ, съ распущенными знаменами. Ханъ Ахматъ внимательно смотрѣлъ на нихъ съ другаго берега, удивляясь многочисленности, стройности оныхъ, блеску оружія и доспѣховъ. « Ополченіе наше » (говорятъ Лѣтописцы) « колебалось подобно величественно- « му морю, ярко освѣщенному солнцемъ. » Татары начали отступать, сперва тихо,

медленно; а ночью побѣжали, гонимые однимъ спрахомъ: ибо никого изъ Москвитянъ не было за Окою. Сіе нечаянное бѣгство произошло, какъ сказывали, опъ жесткой заразительной болѣзни, которая открылась тогда въ Ахматовомъ войскѣ[67]. — Великій Князь послалъ Воеводъ своихъ въ слѣдъ за непріятелемъ; но Татары въ шесть дней достигли до своихъ *Катуновъ* или Улусовъ, откуда прежде шли къ Алексину шесть недѣль: Россіяне не могли или не хотѣли нагнать ихъ, взявъ нѣсколько плѣнниковъ и часть обоза непріятельскаго; а Великій Князь распустилъ войско, удостовѣренный, что Ханъ не скоро осмѣлится предпринять новое вторженіе въ Россію. Между тѣмъ Казимиръ, союзникъ Моголовъ, не сдѣлалъ ни малѣйшаго движенія въ ихъ пользу: имѣя важную распрю съ Государемъ Венгерскимъ и занятый дѣлами Богеміи, сей слабодушный Король предалъ Ахмата такъ же, какъ и Новгородцевъ. Іоаннъ возвратился въ Москву съ торжествомъ побѣдителя. 1472. Авг. 23.

Скоро послѣ сего онъ и всѣ Москвитяне были огорчены преждевременною кончиною Князя Юрія Васильевича. Меньшіе братья его и самъ Великій Князь находились въ Ростовѣ, у матери, тогда нездоровой. Митрополитъ Филиппъ не смѣлъ безъ повелѣнія Іоаннова хоронить тѣла Юріева, которое, въ противность обыкновенію, четыре дни стояло въ церкви Архангела Михаила. смерть Юрія, Іоаннова брата.

г. 1472. Великій Князь пріѣхалъ оросить слезами гробъ доспойнаго брапа, не полько имъ, но и всѣми искренно любимаго за его добрыя свойспва и за рапное мужеспво, коимъ онъ славился. — Юрій скончался холоспымъ на придцапь-впоромъ году жизни, и въ духовномъ завѣщаніи опказалъ свое имѣніе машери, брапьямъ, сеспрѣ, Княгинѣ Рязанской, поручивъ имъ выкупипь разныя, заложенныя имъ вещи, серебряныя, золопыя, и даже сукна Нѣмецкія: ибо на немъ оспалось болѣе семи-сопъ рублей долгу[68]. О городахъ своихъ — Дмипровѣ, Можайскѣ, Серпуховѣ — онъ не упоминаепъ въ духовной. Іоаннъ, присоединивъ ихъ къ Великому Княженію, досадилъ зависпливымъ брапьямъ; но мапь благоразумными увѣщаніями прекрапила ссору, опдавъ Андрею Васильевичу мѣспечко Романовъ: Великій Князь усцупилъ Борису Вышегородъ, а меньшому Андрею Торусу, упвердивъ грамопами наслѣдспвенные Удѣлы за ними и за дѣпьми ихъ[69].

ГЛАВА II.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ГОСУДАРСТВОВАНІЯ ІОАННОВА.

Бракъ Іоанновъ съ Греческою Царевною. Посольства изъ Рима и въ Римъ. Заключеніе Ивана Фрязина и Тревизана, Посла Венеціянскаго. Прѣніе Легата Папскаго о Вѣрѣ. Слѣдствія Іоаннова брака для Россіи. Выѣзжіе Греки. Братья Софіины. Посольства въ Венецію. Зодчій Аристотель строитъ въ Москвѣ храмъ Успенія. Строеніе другихъ церквей, палатъ и стѣнъ Кремлевскихъ. Льютъ пушки, чеканятъ монету. Дѣла съ Ливоніею, съ Литвою, съ Крымомъ, съ Большою Ордою, съ Персіею. Посолъ Венеціянскій Контарини въ Москвѣ.

Г. 1472 — 1477.

Г. 1472. Бракъ Іоанновъ съ Греческою Царевною. Посольства изъ Рима и въ Римъ.

Въ сіе время судьба Іоаннова ознаменовалась новымъ величіемъ посредствомъ брака, важнаго и счастливаго для Россіи: ибо слѣдствіемъ онаго было то, что Европа съ любопытствомъ и съ почтеніемъ обратила взоръ на Москву, доколѣ едва извѣстную; что Государи и народы просвѣщеннѣйшіе захотѣли нашего дружества; что мы, вступивъ въ непосредственныя сношенія съ ними, узнали много новаго, полезнаго какъ для внѣшней силы государственной, такъ и для внутренняго гражданскаго благоденствія.

Послѣдній Императоръ Греческій, Кон-

Г. стантинъ Палеологъ, имѣлъ двухъ брать-
1472. евъ, Димитрія и Ѳому, которые, подъ име-
немъ Деспотовъ господствуя въ Пелопонне-
сѣ или въ Морећ, ненавидѣли другъ друга,
воевали между собою и тѣмъ довершили
порженіе Магомета II: Турки овладѣли
Пелопоннесомъ. Димитрій искалъ милости
въ Султанѣ, отдалъ ему дочь свою въ Се-
раль и получилъ отъ него въ удѣлъ городъ
Энъ во Ѳракіи; но Ѳома, гнушаясь невѣрны-
ми, съ женою, съ дѣтьми, съ знатнѣйши-
ми Греками ушелъ изъ Корфу въ Римъ, гдѣ
Папа, Пій II, и Кардиналы, уважая въ немъ
остатокъ древнѣйшихъ Государей Христіа-
нскихъ, и въ благодарность за сокровище,
имъ привезенное: за главу Апостола Андрея
(съ того времени хранимую въ церкви Св.
Петра) назначили сему знаменитому изгнан-
нику 300 золотыхъ ефимковъ ежемѣсячнаго
жалованья[70]. Ѳома умеръ въ Римѣ. Сыновья
его, Андрей и Мануилъ, жили благодѣяніями
новаго Папы, Павла II, не заслуживая оныхъ
своимъ поведеніемъ, весьма легкомысленнымъ
и соблазнительнымъ; но юная сестра ихъ,
дѣвица, именемъ Софія, одаренная красотою
и разумомъ, была предметомъ общаго до-
брожелательства. Папа искалъ ей достой-
наго жениха, и замышляя тогда воздвигнуть
всѣхъ Государей Европейскихъ на опаснаго
для самой Италіи Магомета II, хотѣлъ симъ
бракомъ содѣйствовать видамъ своей Поли-
тики. Къ удивленію многихъ, Павелъ обра-

пилъ взоръ на Великаго Князя Іоанна, по совѣту, можетъ быть, славнаго Кардинала Виссаріона: сей ученый Грекъ издавна зналъ единовѣрную Москву и возраспающую силу ея Государей, извѣспныхъ и Риму по дѣламъ ихъ съ Литвою, съ Нѣмецкимъ Орденомъ, и въ особенноспи по Флоренпійскому Собору, гдѣ Митрополитъ нашъ, Исидоръ, представлялъ споль важное лице въ церковныхъ прѣніяхъ. Отдаленноспь, благопріяпспвуя баснословію, рождала слухи о несмѣпномъ богатспвѣ и многочисленноспи Россіянъ. Папа надѣялся во-первыхъ чрезъ Царевну Софію, воспитанную въ правилахъ Флоренпійскаго Соединенія, убѣдипь Іоанна къ приняпію оныхъ и пѣмъ подчинипь себѣ нашу Церковь; во-вторыхъ, леспнымъ для его чесполюбія свойспвомъ съ Палеологами возбудипь въ немъ ревноспь къ освобожденію Греціи опъ ига Магомепова. Въ слѣдспвіе сего намѣренія Кардиналъ Виссаріонъ, въ качеспвѣ нашего единовѣрца, опправилъ Грека, именемъ Юрія, съ письмомъ къ Великому Князю (въ 1469 году), предлагая ему руку Софіи, знаменитой дочери Деспопа Морейскаго, которая будто бы опказала двумъ женихамъ, Королю Французскому и Герцогу Медіоланскому, не желая быпь супругою Государя Латинской Вѣры. Вмѣспѣ съ Юріемъ пріѣхали въ Москву два Венеціянина, Карлъ и Антонъ, братъ и племянникъ Ивана Фрязина, денежника или мо- г. 1472.

Г. 1472. непчика, который уже давно находился въ службѣ Великаго Князя, переселясь къ намъ, какъ вѣроятно, изъ Тавриды, и принявъ Вѣру Греческую.

Сіе важное Посольство весьма обрадовало Іоанна; но, слѣдуя правиламъ своего обыкновеннаго, хладнокровнаго благоразумія, онъ требовалъ совѣта отъ матери, Митрополита Филиппа, знатнѣйшихъ Бояръ: всѣ думали согласно съ нимъ, что самъ Богъ посылаетъ ему столь знаменитую невѣсту, *отрасль царственнаго древа, коего сынъ покоилъ* нѣкогда *все Христіанство* православное, нераздѣленное; что сей благословенный союзъ, напоминая Владиміровъ, сдѣлаетъ Москву какъ бы новою Византіею, и даетъ Монархамъ нашимъ права Императоровъ Греческихъ. — Великій Князь желалъ чрезъ собственнаго Посла удостовѣриться въ личныхъ достоинствахъ Софіи, и велѣлъ для того Ивану Фрязину ѣхать въ Римъ, имѣя довѣренность къ сему Венеціянскому уроженцу, знакомому съ обычаями Италіи. Посолъ возвратился благополучно, осыпанный ласками Павла II и Виссаріона; увѣрилъ Іоанна въ красотѣ Софіи, и вручилъ ему живописный образъ ея[71], вмѣстѣ съ листами отъ Папы для свободнаго проѣзда нашихъ Пословъ въ Италію за невѣстою: о чемъ Павелъ особенно писалъ къ Королю Польскому, именуя Іоанна любезнѣйшимъ сыномъ, Государемъ *Московіи*, Новагорода, Пскова и

другихъ земель[72]. — Между тѣмъ сей Папа умеръ, и слухъ пришелъ въ Москву, что мѣсто его заступилъ Калистъ: Великій Князь въ 1472 году, Генваря 17, отправилъ того же Ивана Фрязина со многими людьми въ Римъ, чтобы привезши оттуда Царевну Софію, и далъ ему письмо къ новому Папѣ. Но дорогою узнали Послы, что преемникъ Павловъ называется Сикстомъ: они не хотѣли возвратиться для переписанія грамоты; вычистивъ въ ней имя Калиста, написали Сикстово, и въ Маѣ прибыли въ Римъ. г. 1472.

Папа, Виссаріонъ и братья Софіины приняли ихъ съ отмѣнными почестями. 22 Мая, въ торжественномъ собраніи Кардиналовъ, Сикстъ IV объявилъ имъ о Посольствѣ и сватовствѣ Іоанна, Великаго Князя *Бѣлой Россіи*[73]. Нѣкоторые изъ нихъ сомнѣвались въ православіи сего Монарха и народа его; но Папа отвѣтствовалъ, что Россіяне участвовали въ Флорентійскомъ Соборѣ и приняли Архіепископа или Митрополита отъ Латинской Церкви; что *они желаютъ нынѣ имѣть у себя Легата Римскаго, который могъ бы изслѣдовать на мѣстѣ обряды Вѣры ихъ и заблуждающимся указать путь истинный*; что ласкою, кротостію, снисхожденіемъ надобно обращать сыновъ ослѣпленныхъ къ нѣжной матери, т. е. къ Церкви; что Законъ не противится бракосочетанію Царевны Софіи съ Іоанномъ.

г. 1472. 25 Мая Послы Іоанновы были введены въ Тайный Совѣтъ Папскій, вручили Сикспу Великокняжескую, писанную на Русскомъ языкѣ грамопу съ золопою печапію и поднесли въ даръ шеспьдесяпъ соболей. Въ грамопѣ сказано было единспвенно пакъ: « Сикспу, « Первосвяпипелю Римскому, Іоаннъ, Вели- « кій Князь Бѣлой Руси, кланяепся и про- « сипъ вѣрипь его Посламъ. » Именемъ Государя они привѣпспвовали Папу, копорый въ опвѣпъ своемъ хвалилъ Іоанна за по, чпо онъ, какъ добрый Христіанинъ, *не от-вергаетъ Собора Флорентійскаго*, и не принимаетъ Миnроиолиповъ опъ Папріарховъ Конспантинопольскихъ, избираемыхъ Турками; чпо хочетъ совокупиться бракомъ съ Христіанкою, воспипанною въ сполицѣ Апоспольской, и чпо *изъявляетъ привержен-ность къ Главѣ Церкви.* Въ заключеніе Святый Отецъ благодарилъ Великаго Князя за дары. — Тупъ находились Послы Неаполитанскіе, Венеціянскіе, Медіоланскіе, Флоренпійскіе и Феррарскіе. Іюня 1 Софія въ церкви Св. Петра была обручена Государю Московскому, коего лице предспавлялъ главный изъ его повѣренныхъ, Иванъ Фрязинъ.

Іюня 12 собралися Кардиналы для дальнѣйшихъ переговоровъ съ Россійскими Послами, *которые увѣряли Папу о ревности ихъ Монарха къ благословенному соединенію Церквей.* Сикспъ IV, пакъ же, какъ и Павелъ II, имѣя надежду изгнапь Магомепа изъ Ца-

ряграда, хотѣлъ, чтобы Государь Москов- г.
скій склонилъ Хана Золотой Орды воевать 1472.
Турцію. Послы Іоанновы отвѣтствовали, что Россіи легко воздвигнуть Татаръ на Султана; что они своимъ несмѣтнымъ числомъ могутъ еще подавить Европу и Азію; что для сего нужно только послать въ Орду тысячь десять золотыхъ ефимковъ и богатые, особенные дары Хану, коему удобно сдѣлать впаденіе въ Султанскія области чрезъ Паннонію; но что Король Венгерскій едва ли согласится пропустить столь многочисленное войско чрезъ свою Державу; что сіи вѣроломные наемники, въ случаѣ неисправнаго платежа, бываютъ злѣйшими врагами того, кто ихъ нанялъ; что побѣда Татаръ оказалась бы равно бѣдственною и для Турковъ и для Христіанъ. Однимъ словомъ, Послы Московскіе старались доказать, что неблагоразумно искать помощи въ Ордѣ, и Папа удовольствовался надеждою на собственныя силы Іоанна, единовѣрца Грековъ и естественнаго непріятеля ихъ утѣснителей[74].

Такъ говорятъ церковныя лѣтописи Римскія о Посольствѣ Московскомъ. Дѣйствительно ли Великій Князь манилъ Папу обѣщаніями принять уставъ Флорентійскаго Собора, или Иванъ Фрязинъ клеветалъ на Государя, употребляя во зло его довѣренность? или Каполики, обманывая самихъ себя, не по слышали и писали, что говорилъ

Г. 1472. Посолъ нашъ? сіе остается неяснымъ. — Папа далъ Софіи богатое вѣно и послалъ съ нею въ Россію Легата, именемъ Антонія, провождаемаго многими Римлянами; а Царевичи Андрей и Мануилъ отправили Посломъ къ Іоанну Грека Димитрія. Невѣста имѣла свой особенный Дворъ, чиновниковъ и служителей: къ нимъ присоединились и другіе Греки, которые надѣялись обрѣсти въ единовѣрной Москвѣ второе для себя отечество. Папа взялъ нужныя мѣры для безопасности Софіи на пути, и велѣлъ, чтобы во всѣхъ городахъ встрѣчали Царевну съ надлежащею честію, давали ей съѣстные припасы, лошадей, проводниковъ, въ Италіи и въ Германіи, до самыхъ областей Московскихъ. 24 Іюня она выѣхала изъ Рима, Сентября 1 прибыла въ Любекъ, откуда 10 числа отправилась на лучшемъ кораблѣ въ Ревель; 21 Сентября вышла тамъ на берегъ и жила десять дней, пышно угощаемая на иждивеніе Ордена. Гонецъ Ивана Фрязина спѣшилъ изъ Ревеля черезъ Псковъ и Новгородъ въ Москву съ извѣстіемъ, что Софія благополучно переѣхала море. Посолъ Московскій встрѣтилъ ее въ Дерптѣ, привѣтствуя именемъ Государя и Россіи[75].

Между тѣмъ вся область Псковская была въ движеніи: Правители готовили дары, запасъ, медъ и вина для Царевны; разсылали всюду гонцевъ; украшали суда, лодки, и 11 Октября выѣхали на Чудское озеро,

къ успѣнью Эмбаха, вспрѣпипъ Софію, ко- Г.
торая со всѣми ея многочисленными спут- 1472.
никами пихо подъѣзжала къ берегу. Посад-
ники, Бояре, вышедши изъ судовъ и наливъ
виномъ кубки, ударили челомъ своей буду-
щей Великой Княгинѣ. Достигнувъ наконецъ
земли Русской, гдѣ Провидѣніе судило ей
жипь и царспвовапь; видя знаки любви,
слыша усердныя привѣтспвія Россіянъ, она
не хопѣла медлипь ни часу на берегу Ли-
вонскомъ: Спепенный Посадникъ принялъ ее
и всѣхъ бывшихъ съ нею на суда. Два дни
плыли озеромъ; ночевали у Св. Николая въ
Успьяхъ, и 13 Октября оспановились въ
монаспырѣ Богомапери: памъ Игуменъ съ
брапіею оппѣлъ за Софію молебенъ; она
одѣлась въ *Царскія ризы*, и вспрѣченная
Псковскимъ Духовенспвомъ у городскихъ во-
ропъ, пошла въ Соборную церковь, гдѣ на-
родъ съ любопыпспвомъ смопрѣлъ на Пап-
скаго Легапа, Анпонія, на его червленную
одежду, высокую Епископскую шапку, пер-
чапки, и на серебряное, липое распяпіе,
копорое несли передъ нимъ. Къ соблазну
нашихъ Христіанъ правовѣрныхъ, сей Ле-
гапъ, вспупивъ въ церковь, не поклонился
свяпымъ иконамъ; но Софія велѣла ему при-
ложипься къ образу Богомапери, замѣпивъ
общее негодованіе. Тѣмъ болѣе народъ плѣ-
нился Царевною, копорая съ живѣйшимъ
усердіемъ молилась Богу, наблюдая всѣ обря-
ды Греческаго Закона. Изъ церкви повели ее

Г. 1472. въ Великокняжескій дворецъ. По тогдашнему обыкновенію гостепріимство изъявлялось дарами: Бояре и купцы поднесли Софіи пятьдесять рублей деньгами, а Ивану Фрязину десять рублей. Признательная къ усердію Псковитянъ, она, чрезъ пять дней выѣзжая оттуда, сказала имъ съ ласкою: «Спѣшу «къ моему и вашему Государю; благодарю «чиновниковъ, Бояръ и весь Великій Псковъ «за угощеніе, и рада при всякомъ случаѣ «ходатайствовать въ Москвѣ по дѣламъ ва«шимъ.» — Въ Новѣгородѣ была ей такая же встрѣча отъ Архіепископа, Посадниковъ, Тысячскихъ, Бояръ и купцевъ; но Царевна спѣшила въ Москву, гдѣ Іоаннъ ожидалъ ее съ нетерпѣніемъ[76].

Уже Софія находилась въ пятнадцати верстахъ отъ столицы, когда Великій Князь призвалъ Бояръ на совѣтъ, чтобы рѣшить свое недоумѣніе. Легатъ Папскій, желая имѣть болѣе важности въ глазахъ Россіянъ, во всю дорогу ѣхалъ съ Лапинскимъ *крыжемъ*: то есть, предъ нимъ въ особенныхъ саняхъ везли серебряное распятіе, о коемъ мы выше упоминали. Великій Князь не хотѣлъ оскорбить Легата, но опасался, чтобы Москвитяне, увидѣвъ сей торжественный обрядъ иновѣрія, не соблазнились, и желалъ знать мнѣніе Бояръ. Нѣкоторые думали, согласно съ нашимъ Посломъ, Иваномъ Фрязиномъ, что не должно запрещать того изъ уваженія къ Папѣ; другіе, что досе-

лѣ въ землѣ Русской не оказывалось поче- Г.
спей Лапинской Вѣрѣ; что примѣръ и ги- 1472.
бель Исидора еще въ свѣжей памяти. Іоаннъ
опнесся къ Мипрополипу Филиппу, и сей
спарецъ съ жаромъ опвѣпспповалъ: « Буде
« пы позволишь въ благовѣрной Москвѣ не-
« спи креспъ передъ Лапинскимъ Еписко-
« помъ, по онъ внидепъ въ единыя врата,
« а я, отецъ пвой, изъиду другими вонъ
« изъ града. Чпипь Вѣру чуждую есть уни-
« жапь собспвенную. » Великій Князь немед-
ленно послалъ Боярина, Ѳеодора Давидовича,
взяпь креспъ у Легапа и спрятапь въ са-
ни. Легапъ повиновался, хотя и съ неудо-
вольспвіемъ: пѣмъ болѣе спорилъ Иванъ
Фрязинъ, осуждая Мипрополипа. « Въ Ипа-
« ліи (говорилъ онъ) чепили Пословъ Ве-
« ликокняжескихъ: слѣдспвенно въ Москвѣ
« надобно чепипь Папскаго. » Сей Фрязинъ,
будучи въ Римѣ, паилъ перемѣну Вѣры
своей, сказывался Каполикомъ, и въ самомъ
дѣлѣ, принявъ Греческій Законъ въ Россіи
полько для мірскихъ выгодъ, внупренно ис-
повѣдывалъ Лапинскій, счипая насъ суевѣ-
рами. Но Бояринъ Ѳеодоръ Давидовичь ис-
полнилъ повелѣніе Государя.

Царевна въѣхала въ Москву 12 Ноября,
рано по упру, при спеченіи любопытнаго
народа. Мипрополипъ вспрѣпилъ ее въ
церкви: принявъ его благословеніе, она по-
шла къ мапери Іоанновой, гдѣ увидѣлась съ
женихомъ. Тупъ совершилось обрученіе: по-

Г. 1472. сль чего слушали обѣдню въ деревянной Соборной церкви Успенія (ибо старая каменная была разрушена, а новая недостроена). Митрополитъ служилъ со всѣмъ знатнѣйшимъ Духовенствомъ и великолѣпіемъ Греческихъ обрядовъ; наконецъ обвѣнчалъ Іоанна съ Софіею, въ присутствіи его матери, сына, братьевъ, множества Князей и Бояръ, Легата Антонія, Грековъ и Римлянъ[77]. На другой день Легатъ и Посолъ Софіиныхъ братьевъ, торжественно представленные Великому Князю, вручили ему письма и дары.

Въ то время, когда Дворъ и народъ въ Москвѣ праздновали свадьбу Государя, главный пособникъ сего счастливаго брака, Иванъ Фрязинъ, вмѣсто чаемой награды заслужилъ оковы. Возвращаясь въ первый разъ изъ Рима чрезъ Венецію и называясь Великимъ Бояриномъ Московскимъ, онъ былъ обласканъ Дожемъ, Николаемъ Троно, коporый, узнавъ отъ него о тѣсныхъ связяхъ Россіянъ съ Моголами Золотой Орды, вздумалъ отправить туда Посла чрезъ Москву, чтобы склонить Хана къ нападенію на Турцію. Сей Посолъ, именемъ Иванъ Баптистъ Тревизанъ, дѣйствительно пріѣхалъ въ нашу столицу съ грамотою отъ Дожа къ Великому Князю и съ просьбою, чтобы онъ велѣлъ проводить его къ Хану Ахмату; но Иванъ Фрязинъ уговорилъ Тревизана не отдавать Государю ни письма, ни обыкновен-

Заключеніе Ивана Фрязина и Тревизана Посла Венеціянскаго.

ныхъ даровъ; обѣщалъ и безъ того доспа- Г.
вшпь ему все нужное для пупешесшвія въ 1472.
Орду, и пришедши съ нимъ къ Великому Князю, назвалъ сего Посла купцемъ Венеціянскимъ, своимъ племянникомъ. Ложь ихъ опкрылась прибытіемъ Софіи: Легапъ Папскій и другіе изъ ея спупниковъ, зная лично Тревизана — зная пакже, съ чѣмъ онъ посланъ въ Москву — сказали о помъ Государю. Іоаннъ, взыскапельный, спрогій до суровосши, въ гнѣвѣ своемъ за дерзкій обманъ велѣлъ Фрязина оковапь цѣпями, сослапь въ Коломну, домъ разорипь, жену и дѣпей взяпь подъ спражу, а Тревизана казнипь смертію. Едва Легапъ Папскій и Греки могли спасши жизнь сего послѣдняго усердными за него ходапайспвомъ; умоливъ Государя, чпобы онъ прежде обослался съ Сенапомъ и Дожемъ Венеціянскимъ[78].

Ласкаемый въ Москвѣ, Посолъ Римскій, согласно съ данньмъ ему опъ Папы наспавленіемъ, домогался, чпобы Россія приняла успавы Флоренпійскаго Собора. Можепъ быпь, Іоаннъ, во время сваповспва искавъ благосклонносши Папы, давалъ сію надежду словами двусмысленными; но будучи уже супругомъ Софіи, не хопѣлъ о помъ слышапь. Лѣпописецъ говоритъ, чпо Легапъ Анпоній имѣлъ прѣніе съ нашимъ Митрополипомъ Филиппомъ, но безъ малѣйшаго успѣха; чпо Митрополитъ, опираясь на особенную мудрость какого-по Никипы, Прѣніе Легапа Папскаго о Вѣ-

Г. 1473. Генв. 26. Московскаго книжника[79], ясно доказалъ истину Греческаго Исповѣданія, и что Анпоній, не находя сильныхъ возраженій, самъ прекратилъ споръ, сказавъ: «нѣтъ книгъ со мною.» — Пробывъ одиннадцать недѣль въ Москвѣ, Легатъ и Посолъ Софіиныхъ братьевъ отправились назадъ въ Италію съ богатыми дарами для Папы и Царевичей отъ Великаго Князя, сына его и Софіи, которая, по извѣстію Нѣмецкихъ Историковъ, обѣщавъ Сикстy IV наблюдать внушенныя ей правила Западной Церкви, обманула его и сдѣлалась въ Москвѣ ревностною Христіанкою Вѣры Греческой[80].

Слѣдствія Іоаннова брака для Россіи.

Главнымъ дѣйствіемъ сего брака (какъ мы уже замѣтили) было то, что Россія спала извѣстнѣе въ Европѣ, которая чтила въ Софіи племя древнихъ Императоровъ Византійскихъ, и, такъ сказать, провождала ее глазами до предѣловъ нашего отечества; начались государственныя сношенія, пересылки; увидѣли Москвитянъ дома и въ чужихъ земляхъ; говорили объ ихъ странныхъ обычаяхъ, но угадывали и могущество. Сверхъ того многіе Греки, пріѣхавшіе къ намъ съ Царевною, сдѣлались полезны въ Россіи своими знаніями въ художествахъ и въ языкахъ, особенно въ Латинскомъ, необходимомъ тогда для внѣшнихъ дѣлъ государственныхъ; обогатили спасенными отъ Турецкаго варварства книгами Московскія церковныя библіотеки и способствовали веле-

лѣпію нашего Двора сообщеніемъ ему пыш- г.
ныхъ обрядовъ Византійскаго, такъ, что 1473.
съ сего времени столица Іоаннова могла дѣй-
ствительно именоваться новымъ Царемгра-
домъ, подобно древнему Кіеву. Слѣдствен-
но паденіе Греціи, содѣйствовавъ возрожде-
нію Наукъ въ Италіи, имѣло счастливое
вліяніе и на Россію. — Нѣкоторые знатные Выѣзжіе
Греки выѣхали къ намъ послѣ изъ самаго Греки.
Константинополя: на примѣръ, въ 1485 го-
ду, Іоаннъ Палеологъ Рало[81], съ женою и
съ дѣтьми, а въ 1495 *Боярин*ъ Ѳеодоръ Ла-
скиръ съ сыномъ Димитріемъ. Софія звала Братья
къ себѣ и братьевъ; но Мануилъ предпо- Софіи-
челъ Дворъ Магомета II, уѣхалъ въ Царь- ны.
градъ, и тамъ, осыпанный благодѣяніями
Султана, провелъ остатокъ жизни въ изо-
биліи: Андрей же, совокупившись бракомъ
съ одною распутною Гречанкою, два раза
(въ 1480 и 1490 году) пріѣзжалъ въ Мо-
скву и выдалъ дочь свою, Марію, за Князя
Василія Михайловича Верейскаго; однакожь
возвратился въ Римъ (гдѣ лежатъ кости
его подлѣ отцевскихъ въ храмѣ Св. Петра).
Кажется, что онъ былъ не доволенъ Вели-
кимъ Княземъ: ибо въ духовномъ завѣщаніи
отказалъ свои права на Восточную Импе-
рію не ему, а иновѣрнымъ Государямъ Ка-
стиліи, Фердинанду и Елисаветѣ[82], хотя Но-
Іоаннъ, по свойству съ Царями Греческими, вый
принялъ и гербъ ихъ, орла двуглаваго, сое- гербъ
динивъ его на своей печати съ Московскимъ: Рос-
сіи.

1473. шпо есшь, на одной сшоронѣ изображался орелъ, а на другой всадникъ попирающій дракона, съ надписью: « *Великій Князь, Бо-*
« *жіею милостію Господарь всея Руси*[83]. »

Посольство въ Венецію.

Въ слѣдъ за Легашомъ Римскимъ Великій Князь послалъ въ Венецію Аншона Фрязина съ жалобою на Тревизана[84], велѣвъ сказашь Дожу: « кшо шлешъ Посла чрезъ мою зем-
« лю шайно, обманомъ, не испросивъ дозво-
« ленія, шошъ нарушаешъ усшавы чесши. » Дожъ и Сенашъ, услышавъ, чшо бѣдный Тревизанъ сидишъ въ Москвѣ подъ спражею окованный цѣпями, прибѣгнули къ ласковымъ убѣжденіямъ, прося, чшобы Великій Князь освободилъ его для общаго блага Хриспіанъ и опправилъ къ Хану, снабдивъ всѣмъ нужнымъ для сего пушешесшвія, изъ дружбы къ Респубпикѣ, копорая съ благодарносшію заплашишъ сей долгъ. Іоаннъ умилосшивился, освободилъ Тревизана, далъ ему семдесящъ рублей, и вмѣспѣ съ нимъ пославъ въ Орду Дьяка своего возбуждашь Хана пропивъ Магомепа II, увѣдомилъ о помъ Венеціянскаго Дожа. Сіе новое Посольспво въ Ишалію особенно любопышно пѣмъ, чшо главою онаго былъ уже не иноземецъ, но Россіянинъ, именемъ Семенъ Толбузинъ, копорый взялъ съ собою Аншона Фрязина въ качесшвѣ переводчика, и сверхъ государспвеннаго дѣла имѣлъ порученіе вывезши оппуда искуснаго зодчаго.

Здѣсь въ первый разъ видимъ Іоанна пе-

кущагося о введеніи художествъ въ Россію: ознаменованный величіемъ духа, истинно Царскимъ, онъ хотѣлъ не только ея свободы, могущества, внутренняго благоустройства, но и внѣшняго велелѣпія, которое сильно дѣйствуетъ на воображеніе людей, и принадлежитъ къ успѣхамъ ихъ гражданскаго состоянія. Владиміръ Святый и Ярославъ Великій украсили древній Кіевъ памятниками Византійскихъ Искусствъ: Андрей Боголюбскій призывалъ оныя и на берега Клязьмы, гдѣ Владимірская церковь Богоматери еще служила предметомъ удивленія для сѣверныхъ Россіянъ; но Москва, возникшая въ вѣки слезъ и бѣдствій, не могла еще похвалиться ни однимъ, истинно величественнымъ зданіемъ. Соборный храмъ Успенія, основанный Св. Митрополитомъ Петромъ, уже нѣсколько лѣтъ грозилъ паденіемъ, и Митрополитъ Филиппъ желалъ воздвигнуть новый по образцу Владимірскаго. Долго готовились; вызывали отовсюду строителей; заложили церковь съ торжественными обрядами, съ колокольнымъ звономъ, въ присутствіи всего Двора; перенесли въ оную изъ старой гробы Князя Георгія Даніиловича и всѣхъ Митрополитовъ (самъ Государь, сынъ его, братья, знатнѣйшіе люди несли мощи Св. Чудотворца Петра, особеннаго покровителя Москвы). Сей храмъ еще не былъ достроенъ, когда Филиппъ Митрополитъ, скоро послѣ Іоаннова брако-

Г. 1473.

г. сочетанія, преставился, испуганный пожа-
1473. ромъ, который обратилъ въ пепелъ его Кремлевскій домъ: обливаясь слезами надъ гробомъ Св. Петра, и съ любовію упѣшаемый Великимъ Княземъ, Филиппъ почувствовалъ слабость въ рукѣ отъ паралича; велѣлъ отвезти себя въ монастырь Богоявленскій, и жилъ только одинъ день, до послѣдней минуты говоривъ Іоанну о совершеніи новой церкви[85]. Преемникъ его Геронтій (бывшій Коломенскій Епископъ, избранный въ Митрополиты Соборомъ нашихъ Святителей) также ревностно пекся объ ея строеніи; но едва складенная до сводовъ, она съ ужаснымъ трескомъ упала, къ великому огорченію Государя и народа[86]. Видя необходимость имѣть лучшихъ художниковъ, чтобы воздвигнуть храмъ достойный быть первымъ въ Россійской Державѣ, Іоаннъ послалъ во Псковъ за тамошними каменщиками, учениками Нѣмцевъ, и велѣлъ Толбузину, чего бы то ни стоило, сыскать въ Италіи Архитектора опытнаго для сооруженія Успенской Каѳедральной церкви. Вѣроятно даже, что сіе дѣло было главною виною его Посольства. Уже Италія, пробужденная зарею Наукъ, умѣла цѣнить памятники древней Римской, изящной Архитектуры, презирая Готическую, столь несоразмѣрную, неправильную, тяжелую, и Арабскую, распочительную въ мелочныхъ украшеніяхъ. Образовался новый, лучшій вкусъ въ зда-

яхъ, хотя еще и несовершенный, но Италіянскіе Архитекторы уже могли назваться превосходнѣйшими въ Европѣ. г. 1473.

Принятый въ Венеціи благосклонно отъ новаго Дожа, Марчелла, и взявъ съ Республики семь сотъ рублей за все, чѣмъ снабдили Тревизана въ Москвѣ изъ казны Великокняжеской, Толбузинъ нашелъ тамъ зодчаго, Болонскаго уроженца, именемъ Фіоравенти-Аристотеля, котораго Магометъ II звалъ нюгда въ Царьградъ для строенія Султанскихъ палатъ, но который захотѣлъ лучше ѣхать въ Россію, съ условіемъ, чтобы ему давали ежемѣсячно по десяти рублей жалованья, или около двухъ фунтовъ серебра. Онъ уже славился своимъ искусствомъ, построивъ въ Венеціи большую церковь и ворота, отмѣнно красивыя, такъ, что правительство съ прудомъ отпустило его, въ угожденіе Государю Московскому. Прибывъ въ столицу нашу, сей художникъ осмотрѣлъ развалины новой Кремлевской церкви: хвалилъ гладкость работы, но сказалъ, что известь наша не имѣетъ доспаточной вязкости, а камень не твердъ, и что лучше дѣлать своды изъ плиты. Онъ ѣздилъ въ Владиміръ, видѣлъ тамъ древнюю Соборную церковь, и дивился въ ней произведенію великаго искусства; далъ мѣру кирпича; указалъ, какъ надобно обжигать его, какъ растворять известь; нашелъ лучшую глину за Андроньевымъ монасты-

Зодчій Аристотель строитъ въ Москвѣ храмъ Успенія.

ремъ; махиною, неизвѣстною погдашнимъ
1473. Москвипянамъ и называемою *барапомъ*, разрушилъ до основанія спѣны Кремлевской церкви, которыя уцѣлѣли въ ея паденіи; выкопалъ повые рвы, и наконецъ заложилъ великолѣпный храмъ Успенія, донынѣ споящій предъ нами, какъ знаменитый памятникъ Греко-Италіянской Архитектуры XV вѣка, чудесный для современниковъ, достойный хвалы и самыхъ новѣйшихъ знатоковъ Искусства, своимъ твердымъ основаніемъ, расположеніемъ, соразмѣрностію, величіемъ [87]. Построенная въ четыре года, сія церковь была освящена въ 1479 году, Августа 12, Митрополитомъ Геронтіемъ съ Епископами.

Чтобы представить Читателямъ въ одномъ мѣстѣ все сдѣланное Іоанномъ для украшенія столицы, опишемъ здѣсь и другія зданія его времени. Довольный столь счастливымъ опытомъ Аристотелева искусства, онъ разными посольствами старался призывать къ себѣ художниковъ изъ Италіи [88]: создалъ новую церковь Благовѣщенія на своемъ дворѣ, а за нею — на площади, гдѣ стоялъ теремъ — огромную палапу, основанную Маркомъ Фрязиномъ въ 1487 году и совершенную имъ въ 1491 съ помощію другаго Италіянскаго Архитектора, Петра Антонія [89]. Она долженствовала быть мѣстомъ торжественныхъ собраній Двора, особенно въ случаѣ Посольствъ иноземныхъ, когда Государь хотѣлъ являться въ величіи и

Строеніе другихъ церквей, палатъ и стѣнъ Кремлевскихъ.

блескѣ, слѣдуя обычаю Монарховъ Византій- г.
скихъ. Сія палата есть такъ называемая *Грано-* 1473.
витая, которая въ теченіе трехъ-сотъ двадца-
ти лѣтъ сохранила всю цѣлость и красоту свою:
тамъ видимъ и нынѣ тронъ Вѣнценосцевъ Рос-
сійскихъ, съ коего они въ первые дни ихъ цар-
ствованія изливаютъ милости на Вельможъ
и народъ.— Доколѣ Великіе Князья обитали
въ деревянныхъ зданіяхъ: Іоаннъ (въ 1492 году)
велѣлъ разобрать ветхій дворецъ и постави-
ть новый на Ярославскомъ мѣстѣ, за цер-
ковію Архангела Михаила; но не долго жилъ
въ ономъ: сильный пожаръ (въ 1493 году)
обратилъ весь городъ въ пепелъ, отъ Св.
Николая на Пескахъ до поля за Москвою рѣ-
кою и за Срѣтенскою улицею: Арбатъ, Не-
глинную, Кремль, гдѣ сгорѣли дворы Вели-
каго Князя и Митрополитовъ со всѣми жит-
ницами на Подолѣ, обрушилась церковь Іо-
анна Предтечи у Боровицкихъ воротъ (подъ
коею хранилась казна Великой Княгини Со-
фіи), и вообще не осталось ни одного цѣла-
го зданія, кромѣ новой палаты и Соборовъ
(въ Успенскомъ обгорѣлъ олтарь, крытый
Нѣмецкимъ желѣзомъ). Государь переѣхалъ
въ какой-то большой домъ на Яузу, къ
церкви Св. Николая Подкопаева, и рѣшился
соорудить дворецъ каменный, заложенный
въ Маѣ 1499 года Медіоланскимъ Архитек-
торомъ, Алевизомъ, на старомъ мѣстѣ, у
Благовѣщенія; глубокіе погребы и ледники
служили основаніемъ сего великолѣпнаго зда-

Г. нія, совершеннаго чрезъ девять лѣтъ и нынѣ именуемаго *дворцемъ теремнымъ*. Между
1473. тѣмъ Іоаннъ жилъ на своемъ Кремлевскомъ дворѣ въ деревянныхъ хоромахъ, а иногда на Воронцовѣ полѣ. Угождая Государю, знатные люди также начали строить себѣ каменные домы: въ лѣтописяхъ упоминается о палатахъ Митрополита, Василія Ѳедоровича Образца и Головы Московскаго, Дмитрія Владиміровича Ховрина[90].

Величественныя Кремлевскія стѣны и башни равномѣрно воздвигнуты Іоанномъ: ибо древнѣйшія, сдѣланныя въ княженіе Димитрія Донскаго, разрушились, и столица наша уже не имѣла каменной ограды. Антонъ Фрязинъ въ 1385 году, Іюля 19, заложилъ на Москвѣ рѣкѣ стрѣльницу, а въ 1488 другую, Свибловскую, съ тайниками или подземельнымъ ходомъ; Италіянецъ Марко построилъ Беклемишевскую; Петръ Антоній Фрязинъ двѣ надъ Боровицкими и Константино-Еленскими воротами, и претію Фроловскую; башня надъ рѣчкою Неглинною совершена въ 1492 году неизвѣстнымъ Архитекторомъ. Окружили всю крѣпость высокою, твердою, широкою стѣною, и Великій Князь приказалъ сломать вокругъ не только всѣ дворы, но и церкви, уставивъ, чтобы между ею и городскимъ строеніемъ было не менѣе ста-девяти саженей[91]. Такимъ образомъ Іоаннъ украсилъ, укрѣпилъ Москву, оставивъ Кремль долговѣчнымъ па-

мятникомъ своего царствованія, едва ли не превосходнѣйшимъ въ сравненіи со всѣми иными Европейскими зданіями пятаго-надесять вѣка. — Послѣднимъ дѣломъ Италіянскаго зодчества при семъ Государѣ было основаніе новаго Архангельскаго Собора, куда перенесли гробы древнихъ Князей Московскихъ изъ ветхой церкви Св. Михаила, построенной Іоанномъ Калитою, и тогда разобранной. — Кромѣ зодчихъ, Великій Князь выписывалъ изъ Италіи мастеровъ пушечныхъ и серебрениковъ. Фрязинъ, Павелъ Дебосисъ, въ 1488 году слилъ въ Москвѣ огромную Царь-пушку[92]. Въ 1494 году выѣхалъ къ намъ изъ Медіолана другой художникъ огнестрѣльнаго дѣла, именемъ Петръ. Италіянскіе серебреники начали искусно чеканить Русскую монету, вырѣзывая на оной свое имя: такъ на многихъ деньгахъ Іоанна Василіевича видимъ надпись: Aristoteles: ибо сей знаменитый Архитекторъ славился и монетнымъ художествомъ (сверхъ того лилъ пушки и колокола).—Однимъ словомъ, Іоаннъ, чувствуя превосходство другихъ Европейцевъ въ гражданскихъ искусствахъ, ревностно желалъ заимствовать отъ нихъ все полезное, кромѣ обычаевъ, усердно держась Русскихъ; оставлялъ Вѣрѣ и Духовенству образовать умъ и нравственность людей; не думалъ въ Философическомъ смыслѣ просвѣщать народа, но хотѣлъ доставить ему плоды Наукъ, нужнѣйшіе для величія Россіи. —

лъютъ пушки, чеканятъ монету.

*

Теперь обратимся къ государственнымъ происшествіямъ.

Г. 1472—74. Дѣла съ Ливоніею.

Западъ Россіи, Нѣмцы и Литва были предметомъ Іоаннова вниманія. Князь Ѳеодоръ Юрьевичь Шуйскій, нѣсколько лѣтъ властвовавъ во Псковѣ какъ Государевъ Намѣстникъ, и свѣдавъ, что знамошніе граждане, не любя его, послали къ Великому Князю требовать себѣ инаго Правителя, уѣхалъ въ Москву. Псковитяне желали вторично имѣть своимъ Княземъ Ивана Спригу, или Бабича, или Спригина брата, Князя Ярослава: Государь далъ имъ послѣдняго, сказавъ, что первые нужны ему самому для ратнаго дѣла[93]. Въ то же время Псковитяне извѣстили Іоанна о непріятельскомъ расположеніи Ливонскаго Ордена. Еще не минулъ срокъ перемирія, заключеннаго ими съ Магистромъ въ 1463 году на девять лѣтъ, когда Нѣмцы, подведенные Русскими лазутчиками, сожгли нѣсколько деревень на берегахъ Синяго озера[94]: Псковитяне, казнивъ своихъ измѣнниковъ, удовольствовались жалобами на вѣроломство Ордена. Въ 1471 году Магистръ прислалъ брата своего сказать имъ, что онъ намѣренъ переселиться изъ Риги въ Феллинъ, и желаетъ соблюсти дружбу съ ними, требуя, чтобы они не вступались въ землю и воды за Краснымъ городкомъ. Псковитяне отвѣтствовали, что Магистръ воленъ жить, гдѣ ему угодно; что миръ съ ихъ стороны не будетъ нарушенъ, но что

упомянутыя мѣста издревле суть достояніе Великихъ Князей. Условились рѣшить споръ на общемъ съѣздѣ, и назначили время. Уже Іоаннъ, замышляя быть истиннымъ Государемъ всей Россіи, не считалъ дѣлъ Псковскихъ или Новогородскихъ какъ бы чуждыми для Москвы: онъ послалъ своего Боярина выслушать требованія Ордена; но переговоры, бывшіе въ Нарвѣ и въ Новѣгородѣ, не имѣли успѣха: Нѣмецкіе Послы уѣхали назадъ съ досадою, и Великій Князь, исполняя желаніе Псковитянъ, отправилъ къ нимъ войско, составленное изъ городскихъ полковъ и Дѣтей Боярскихъ, коими предводительствовалъ славный мужъ, Князь Даніилъ Холмскій, имѣя подъ своимъ начальствомъ болѣе двадцати Князей. Чиновники Псковскіе, встрѣтивъ сію знатную рать съ хлѣбомъ и съ медомъ[95], удивились ея многочисленности, такъ, что она едва могла помѣститься въ городѣ, за рѣкою Великою. Холмскій нетерпѣливо желалъ вступить въ Ливонію: къ несчастію, сдѣлалась оттепель въ Декабрѣ мѣсяцѣ; рѣки вскрылись; не было ни зимняго, ни лѣтняго пути; воины скучали праздностію, а граждане убытком, ибо должны были безденежно кормить и людей и коней. Съ Москвитянами пришло нѣсколько сотъ Татаръ: сіи наемники силою отнимали у жителей скотъ и разные запасы, пока Холмскій строгостію не унялъ ихъ, опредѣливъ, что городъ обя- Г. 1472—74.

Г. 1472 —74. занъ ежедневно давапь на содержаніе полковъ.

Но сей убышокъ былъ вознагражденъ счасплливыми слѣдсплвіями. Слухъ о прибышіи Московской рапи сполѣ испугалъ Магиспра и Епископа Дерпіпскаго, чпо они немедленно прислали своихъ чиновниковъ для возобновленія мира[96]: первый на двадцапь пяпь, а впорый на придцапь лѣпъ, съ условіемъ, чпобы Нѣмцамъ не вспупапься въ земли Псковипянъ, давапь вездѣ свободный пупь ихъ купцамъ и не пропускапь въ Россію изъ Ливоніи ни меда, ни пива. Въ семъ договорѣ участвовали и Новогородцы, коихъ войско пакже гоповилось дѣйсплвовапь пропивъ Ордена вмѣспѣ съ Великокняжескимъ. Такъ Іоаннъ вводилъ единспво въ сиспему внѣшней Полипики Россійской, къ крайнему безпокойспву нашихъ западныхъ сосѣдовъ, видѣвшихъ, чпо Новгородъ, Псковъ и Москва дѣлаюпся одною Державою, управляемою Государемъ благоразумнымъ, миролюбивымъ, но рѣшипельнымъ въ намѣреніяхъ и сильнымъ въ исполненіи. Получивъ извѣспіе, чпо Магиспръ и Правипельспво Дерпіпское кляпвою упвердили мирныя условія, Князь Холмскій возвращился въ Москву съ чеспію и съ даромъ двухъ сопъ рублей опъ признапельныхъ Псковипянъ, копорые особенною грамопою, опправленною съ гонцемъ, изъявили благодарноспь Іоанну за его милоспивое вспоможеніе.

Но Великій Князь не былъ доволенъ ни ими, ни Холмскимъ: ими за то, что они дерзнули, вмѣсто знатныхъ людей, прислать къ нему гонца; а Князь Холмскій заслужилъ гнѣвъ Іоанновъ какою-то виною, вѣроятно не умышленною: ибо сей Государь, строгій по нраву и правиламъ, скоро простилъ ему оную, взявъ съ него *клятвенную грамоту* слѣдующаго содержанія: «Я Князь Данило «Дмитріевичь Холмскій билъ челомъ Госу- «дарю за мою вину посредствомъ Господина «Геронтія Митрополита и Епископовъ: во «уваженіе чего онъ простилъ меня, слугу «своего; а мнѣ Князю Данилу быть ему вѣр- «нымъ до конца жизни и не искать службы «въ иныхъ земляхъ. Когда же преступлю «клятву, да лишуся милости Божіей и бла- «гословенія Пастырскаго въ сей вѣкъ и въ «будущій: Государь же и дѣти его вольны «казнить меня[97],» и проч. Сверхъ того Вельможи дали восемь *поручныхъ грамотъ* за Холмскаго, обязываясь, въ случаѣ его измѣны, внести въ казну двѣ тысячи рублей. Іоаннъ же, въ знакъ искренняго прощенія, пожаловалъ Князя Даніила Бояриномъ[98]. 1472—74 г.

Псковитяне, услышавъ о гнѣвѣ Государя, немедленно отправили къ нему Князя Ярослава Васильевича съ тремя Посадниками и многими Боярами: Іоаннъ не пустилъ ихъ къ себѣ на глаза, даже въ городъ, такъ, что они, простоявъ пять дней въ шатрахъ на полѣ, должны были ѣхать обратно; нако-

Г. 1472—74. нецъ, смягченный ихъ скорбію и новымъ поржественнымъ Посольствомъ, сей хитрый Государь принялъ отъ нихъ въ даръ сто пятьдесятъ рублей и милостиво объявилъ, что будетъ править своею Псковскою отчиною согласно съ древними грамотами Великихъ Князей[99]: то есть, онъ хотѣлъ, наблюдая во всемъ достоинство Монарха, пріучить и Вельможъ и гражданъ къ благоговѣнію предъ его священнымъ саномъ, и грозя внѣшнимъ непріятелямъ, умножалъ внутреннюю силу Россіи строгимъ дѣйствіемъ Самодержавной власти.

Дѣла съ Литвою.

Доселѣ Іоаннъ не имѣлъ никакихъ извѣстныхъ дѣлъ, ни сношеній съ Литвою, сильнымъ ударомъ меча исхитивъ изъ ея рукъ Новгородъ, и до времени оставляя Казимира тщетно злобиться на Россію. Одни Псковитяне пересылались съ симъ Королемъ, желая дружелюбно утвердить границы между его и своими владѣніями. Съ обѣихъ сторонъ чествили и дарилиОсловъ, съѣзжались сановники на рубежѣ и не могли согласиться въ прѣніяхъ. Самъ Казимиръ былъ въ Полоцкѣ, обѣщался собственными глазами осмотрѣть всѣ спорныя мѣста, но не сдержалъ слова[100]. Лаская Псковитянъ, онъ давалъ имъ чувствовать, что признаетъ ихъ народомъ вольнымъ, независимымъ отъ Москвы, и готовъ всегда жить въ дружбѣ съ ними. Осенью въ 1473 году открылись непріятельскія дѣйствія между Москвитянами

и Литвою. Первые, ограбивъ городъ Любупскъ, ушли назадъ съ добычею и съ плѣнниками; а Любчане напали на Князя Симеона Одоевскаго, Россійскаго подданнаго, убили его въ сраженіи, но не могли ничего завоевать въ нашихъ предѣлахъ. Вѣроятно, что сей случай заставилъ Казимира отправить въ Москву Посла, именемъ Богдана, или съ жалобами или съ дружественными предложеніями, на которыя Іоаннъ отвѣтствовалъ ему чрезъ своего Посла, Василія Кипая[101]: слѣдственно было то, что сіи Государи остались только внутренно непріятелями, не объявляя войны другъ другу. г. 1472—74.

Хитрая Политика Іоаннова еще яснѣе видна въ дѣлахъ Ординскихъ сего времени. Царь Казанскій жилъ тогда спокойно и не тревожилъ Россіи, однакожь былъ опаснымъ для насъ сосѣдомъ: чтобы имѣть въ рукахъ своихъ орудіе противъ Казани, Великій Князь подговорилъ одного изъ ея Царевичей, Мурпозу, сына Мустафы, къ себѣ въ службу и далъ ему Новгородокъ Рязанскій съ волостями[102].

Ханъ Таврическій или Крымскій, знаменитый Ази-Гирей, умеръ около 1467 года, оставивъ шесть сыновей: Нордоулата, Айдара, Усмемаря, Менгли-Гирея, Ямгурчея и Милкомана[103], изъ коихъ старшій, Нордоулатъ, заступилъ мѣсто отца, но свергженный братомъ, Менгли-Гиреемъ, искалъ убѣжища въ Польшѣ. Сіе обстоятельство и Дѣла съ Крымомъ.

Г. 1472—74. союзъ Казимировъ съ непріятелемъ Таврической Орды, Ханомъ Волжскимъ, Ахматомъ, возбудивъ въ Менгли-Гирѣ недовѣреніе къ Королю Польскому, дали мысль прозорливому Іоанну искать дружбы новаго Царя Крымскаго, посредствомъ одного богатаго Жида[104], именемъ Хози Кокоса, жившаго въ Кафѣ, гдѣ купцы наши часто бывали для торговли съ Генуэзцами. Зная по слуху новое могущество Россіи и личныя достоинства Государя ея, Менгли-Гирей столь обрадовался предложенію Іоаннову, что немедленно написалъ къ нему ласковую грамоту, привезенную въ Москву Исуномъ, шуриномъ Хози Кокоса[105]. Такъ началася дружелюбная связь между сими двумя Государями, непрерывная до конца ихъ жизни, выгодная для обоихъ, и еще полезнѣйшая для насъ: ибо она, ускоривъ гибель Большой или Золотой Орды, и развлекая силы Польши, явно способствовала величію Россіи.

Іоаннъ послалъ въ Крымъ толмача своего Ивашу, желая заключить съ Ханомъ торжественный союзъ; а Менгли-Гирей въ 1473 году прислалъ въ Москву чиновника Ази-Бабу, который именемъ его клятвенно утвердилъ предварительный мирный договоръ между Крымомъ и Россіею, состоящій въ томъ, чтобы Царю Менгли-Гирею, *Уланамъ* и Князьямъ его быть съ Іоанномъ въ братской дружбѣ и любви, пропивъ недруговъ споять за-одно, не воевать Государства Московскаго, раз-

бойниковъ же и хищниковъ казнить, плѣн- Г.
ныхъ выдавать безъ окупа, все насиліемъ 1474.
отнятое возвращать сполна, и съ обѣихъ
сторонъ ѣздить Посламъ свободно безъ пла-
тежа купеческихъ пошлинъ. — Вмѣстѣ съ
Ази-Бабою отправился въ Крымъ Посломъ
Бояринъ Никита Беклемишевъ, коему, сверхъ
упомянутаго мирнаго договора, даны были
еще прибавленія: первое въ такихъ словахъ:
«ты, Великій Князь, обязанъ слать ко мнѣ
«Царю *поминки* или дары ежегодные.» Го-
сударь велѣлъ Беклемишеву согласиться на
сіе единственно въ случаѣ неотступнаго
Ханскаго требованія. Во второмъ прибав-
леніи Іоаннъ обѣщался дѣйствовать съ Менг-
ли-Гиреемъ совокупно противъ Хана Золо-
той Орды, Ахмата, если онъ (Менгли-Гирей)
самъ будетъ помогать Россіи противъ Ко-
роля Польскаго.—Никита Беклемишевъ дол-
женъ былъ увѣриться въ пріязни ближнихъ
Князей Царевыхъ, одарить ихъ соболями,
заѣхать въ Кафу, изъявить благодарность
Хозѣ Кокосу за оказанную имъ услугу въ
сношеніяхъ съ Крымскимъ Царемъ, и тре-
бовать отъ тамошняго Консула, чтобы
Генуэзцы выдали Россійскимъ купцамъ от-
нятые у нихъ товары на двѣ тысячи руб-
лей, и впредь не дѣлали подобнаго насилія,
вреднаго для успѣховъ взаимной торговли.

Беклемишевъ возвратился въ Москву съ Но-
Крымскимъ Посломъ, Довлетекомъ Мурзою, ября
и съ клятвенною Ханскою грамотою[106], на 15.

коей Іоаннъ, въ присутствіи сего Мурзы, цѣловалъ крестъ въ увѣреніе, что будетъ точно исполнять всѣ условія союза.—Довлекъ жилъ въ Москвѣ четыре мѣсяца и по-
Г. 1475. Март. ѣхалъ назадъ въ Тавриду съ Великокняжескимъ чиновникомъ, Алексѣемъ Ивановымъ Спарковымъ, коего наказъ состоялъ въ слѣдующемъ: «*Сказать Хану*: Князь Великій Іоаннъ *челомъ бьетъ*. Ты пожаловалъ меня «себѣ братомъ и другомъ, чтобы намъ «имѣть общихъ пріятелей и враговъ: благодарствую за твое жалованье. — Ты хо«чешь, чтобы я принялъ къ себѣ Зенебека «Царевича: въ минувшее лѣто онъ просился «въ мою службу; но я отказалъ ему, счи«тая его твоимъ недругомъ: нынѣ послалъ «за нимъ въ Орду, чтобы сдѣлать тебѣ «угодное. — Мы взаимно обязались крѣпкимъ словомъ любви по нашей Вѣрѣ: не «преступай клятвы; я исполню свою.» Но въ семъ заключенномъ между Россіею и Крымомъ договорѣ не упоминалось именно ни объ Ахматѣ, ни о Казимирѣ: Іоаннъ не обязывался воевать съ первымъ, ибо Менгли-Гирей не далъ клятвы дѣйствовать вмѣстѣ съ Россіею пропивъ послѣдняго. Спарковъ долженствовалъ объявить Хану, что одно не можетъ быть безъ другаго. Сверхъ того ему велѣно было жаловаться на Кафинскихъ Генуэзцевъ, ограбившихъ какого-то Россійскаго Посла и нашихъ купцевъ: въ случаѣ неудовлетворенія Іоаннъ грозилъ силою управиться съ сими разбойниками. — Наконецъ

Посолъ Московскій имѣлъ приказаніе вручить г.
дары Манкупскому Князю *Исайку* (изъ благо- 1475.
дарности за дружелюбное принятіе Никиты Беклемишева) и развѣдать чрезъ Хозю Кокоса, сколько тысячь золотыхъ готовитъ сей Владѣтель въ приданое за своею дочерью, которую онъ предлагалъ въ невѣсты сыну Великаго Князя, Іоанну Іоанновичу[107]. Извѣстно, что Манкупъ (нынѣ мѣстечко въ Тавридѣ, на высокой, неприступной горѣ), былъ прежде знаменитою крѣпостію и назывался *городомъ Готоскимъ*: ибо тамъ съ третьяго вѣка обитали Готѳы Тетракситы[108], Христіане Греческой Вѣры, данники Козаровъ, Половцевъ, Моголовъ, Генуэзцевъ, но управляемые собственными Владѣтелями, изъ коихъ послѣдній былъ сей Исайко, пріятель Іоанновъ по единовѣрію.

Старковъ не могъ исполнить данныхъ ему повелѣній: ибо все перемѣнилось въ Тавридѣ. Братъ Ханскій Айдаръ, собравъ многочисленную толпу преданныхъ ему людей, изгналъ неосторожнаго Менгли-Гирея, бѣжавшаго въ Кафу къ Генуэзцамъ. Скоро явился на Черномъ морѣ сильный Турецкій флотъ подъ начальствомъ Визиря Магомешова, Ахмета Паши; сей искусный Вождь, приставъ къ берегамъ Тавриды, въ шесть дней овладѣлъ Кафою, гдѣ въ первый разъ кровь Русская пролилася отъ меча Оттоманов: тамъ находилось множество нашихъ купцевъ: нѣкоторые изъ нихъ лишились

Г. 1475. жизни, другіе имѣнія и вольности[109]. Генуэзцы ушли въ Манкупъ, какъ въ неприступное мѣсто; но Визирь осадилъ и сію крѣпость. Пишупъ, что ея начальникъ, выѣхавъ на охоту, былъ взятъ въ плѣнъ Турками, и что осажденные, потерявъ бодрость, искали спасенія въ бѣгствѣ, гонимые, убиваемые непріятелемъ. Истребивъ до основанія Державу Генуэзскую въ Тавридѣ, болѣе двухъ вѣковъ существовавшую, и покоривъ весь Крымъ Султану, Ахметъ Паша возвратился въ Константинополь съ великимъ богатствомъ и съ плѣнниками, въ числѣ коихъ былъ и Менгли-Гирей съ двумя братьями[110]. Султанъ обласкалъ сего Хана, назвалъ законнымъ Властителемъ Крыма, и велѣвъ изобразить его имя на монетѣ, отправилъ господствовать надъ симъ полуостровомъ въ качествѣ своего присяжника. — Но Менгли-Гирей, еще не успѣвъ возстановить въ Тавридѣ порядка, разрушеннаго Турецкимъ завоеваніемъ, былъ вторично изгнанъ оттуда Ахматомъ, Царемъ Золотой

Г. 1476. Орды, котораго сынъ, предводительствуя сильнымъ войскомъ, овладѣлъ всѣми городами Крымскими[111].

Іоаннъ, огорченный новымъ бѣдствіемъ Менгли-Гирея, въ то же время свѣдалъ, что Ахматъ, добровольно или принужденно, уступилъ Тавриду Царевичу Зенебеку, который прежде искалъ службы въ Россіи. Зенебекъ, славъ Ханомъ Крымскимъ, не осмѣ-

пился своимъ временнымъ счастіемъ, предвидѣлъ опасности и прислалъ въ Москву чиновника, именемъ Яфара Бердѣя, узнать, можетъ ли онъ, въ случаѣ изгнанія, найти у насъ безопасное убѣжище. Великій Князь отвѣтствовалъ ему чрезъ гонца [112]: «Еще «не имѣя ни силы, ни власти, и будучи един- «ственно *Козакомъ*, ты спрашивалъ у меня, «найдешь ли отдохновеніе въ землѣ моей, «если конь твой упрудится въ полѣ? Я «обѣщалъ тебѣ безопасность и спокойствіе. «Нынѣ радуюсь твоему благополучію; но если «обстоятельства перемѣнятся, то считай «мою землю вѣрнымъ для себя пристани- «щемъ.» Сей гонецъ долженъ былъ изъясниться съ Зенебекомъ наединѣ и предложить ему возобновленіе союза, заключеннаго между Россіею и Менгли-Гиреемъ. 1477.

Дѣла съ Большою Ордою.

Въ семъ сношеніи не было слова о Царѣ Большой Орды, Ахматѣ, который, не смотря на свое неудачное покушеніе смирить Іоанна оружіемъ, еще именовался нашимъ верховнымъ Властителемъ и требовалъ дани. Пишутъ, что Великая Княгиня Софія, жена хитрая, честолюбивая, не переставала возбуждать супруга къ сверженію ига, говоря ему ежедневно: «долго ли быть мнѣ рабы- «нею Ханскою?» Въ Кремлѣ находился особенный для Татаръ домъ, гдѣ жили Послы, чиновники и купцы ихъ, наблюдая за всѣми поступками Великихъ Князей, чтобы извѣщать о томъ Хана: Софія не хотѣла пер-

Г. 1474—77. пѣпь сполъ опасныхъ лазупчиковъ; послала дары женѣ Ахмаповой и писала къ ней, чпо она, имѣвъ какое-по видѣніе, желаепъ создапь храмъ на Ординскомъ подворьѣ (гдѣ нынѣ церковь Николы Госпунскаго): просипъ его себѣ, и даепъ вмѣспо онаго другое. Царица согласилась: домъ разломали, и Тапары, выѣхавъ изъ него, оспались безъ приспанища: ихъ уже не впускали въ Кремль. Пишупъ еще, чпо Софія убѣдила Іоанна не вспрѣчапь Пословъ Ординскихъ, копорые обыкновенно привозили съ собою *басму*, образъ или *болванъ* Хана; чпо древніе Князья Московскіе всегда выходили пѣшіе изъ города, кланялись имъ, подносили кубокъ съ молокомъ кобыльимъ, и для слушанія Царскихъ грамопъ подспилая мѣхъ соболій подъ ноги чпецу, преклоняли колѣна. На мѣспѣ, гдѣ бывала сія вспрѣча, создали въ Іоанново время церковь, именуемую доныпѣ Спасомъ *на Болвановкѣ*[113]. — Однакожь, въ надеждѣ скоро видѣпь гибель Орды, какъ необходимое слѣдспвіе внупреннихъ ея междоусобій, Великій Князь уклонялся опъ войны съ Ахмапомъ, и манилъ его обѣщаніями; плапилъ ему, кажепся, и нѣкопорую дань: ибо въ грамопахъ, иогда писанныхъ, все еще упоминаепся о *выходѣ Ординскомъ*[114]. Въ 1474 году былъ въ Улусахъ нашъ Посолъ Никифоръ Басенковъ, а въ Москвѣ Ханскій, именемъ Карачукъ: съ послѣднимъ находилось 600 служипелей и 3200 порговыхъ

людей, которые привели 40,000 Азіатскихъ лошадей для продажи въ Россіи[115]. Въ 1475 году Дьякъ Іоанновъ, Лазаревъ, возвратился изъ Большой Орды съ извѣстіемъ, что Ханъ отпустилъ Венеціянскаго Посла, Тревизана, въ Италію моремъ, не изъявивъ желанія воевать съ Турками[116]. Изгнавъ Менгли-Гирея изъ Крыма, Ахматъ, ободренный симъ успѣхомъ, велѣлъ гордо сказать Іоанну чрезъ Мурзу, именемъ Бочюка, чтобы онъ вспомнилъ древнюю обязанность Россійскихъ Князей, и немедленно самъ ѣхалъ въ Орду поклониться Царю своему[117]: Великій Князь дружелюбно угостилъ Бочюка, послалъ съ нимъ въ Улусы Тимоѳея Бестужева, вѣроятно и дары, но не думалъ исполнить требованія Ахматова. 1474—77.

Въ сіе время мы имѣли сношеніе и съ Персіею, гдѣ царствовалъ славный Узунъ-Гассанъ, Князь племени Туркоманскаго, овладѣвшій всѣми странами Азіи отъ Инда и Окса до Евфрата[118]. Слыша о знаменитыхъ успѣхахъ его оружія, дѣятельная Республика Венеціянская отправила къ нему Посла, именемъ Контарини, съ предложеніемъ дѣйствовать общими силами противъ Магомета II. Контарини ѣхалъ туда черезъ Польшу, Кіевъ, Кафу, Мингрелію, Грузію, и встрѣтилъ въ Экбатанѣ чиновника Великокняжескаго, Марка Руфа, Италіянскаго или Греческаго уроженца, который имѣлъ переговоры съ Царемъ Узуномъ. Великій Князь Для сношенія съ Персіею.

безъ сомнѣнія искалъ дружбы Персидскаго
Г. завоевателя, съ намѣреніемъ угрожать ею
1474 Хану Большой Орды, Ахмату: сіе пѣмъ вѣ-
—77. роятнѣе, что Узунъ-Гассанъ, семидесяти-
лѣтній, но бодрый старецъ, вообще нена-
видѣлъ Моголовъ, зависѣвъ нѣкогда отъ Та-
мерлановыхъ слабыхъ наслѣдниковъ, и вла-
дѣя южными берегами Каспійскаго моря,
былъ въ сосѣдствѣ съ Ахматовыми Улуса-
ми. Посолъ Московскій отправился назадъ
въ Россію вмѣстѣ съ Персидскимъ; въ числѣ
Посолъ Венеціянскій, Контарини, въ Москвѣ. ихъ спутниковъ находился и Контарини: ибо — свѣдавъ, что Кафа завоевана Турками — онъ уже не хотѣлъ прежнимъ путемъ возвратиться въ Италію, и ввѣрилъ судьбу свою Марку Руфу, который взялъ съ собою его и Монаха Французскаго, Людовика, называвшагося Патріархомъ Антіохійскимъ и Посломъ Герцога Бургундскаго[119]. Мы имѣемъ описаніе ихъ любопытнаго путешествія. Они ѣхали изъ Тифлиса черезъ *Кирополь* или Шамаху, *богатую шелкомъ*, Дербентъ и Астрахань, гдѣ господствовали при брата, племянники Ахматовы. Городъ сей состоялъ изъ землянокъ, обнесенныхъ худою стѣною; а жители хвалились древнею торговою знаменитостію онаго, сказывая, что ароматы, привозимые нѣкогда въ Венецію, шли отъ нихъ Волгою и Дономъ. Тамошніе купцы доставляли въ Москву шелковыя ткани, покупая въ Россіи мѣха и сѣдла. Имя Великаго Князя было особенно уважаемо въ Астраха-

ни за его щедрость и пріязнь къ ея Ханамъ, г. которые ежегодно отправляли къ нему По- 1474 —77
сольства. Марко Руфъ и Контарини съ величайшею осторожностію ѣхали по степямъ Донскимъ и Воронежскимъ, боясь хищныхъ Тапаръ; не видали ничего, кромѣ неба и земли; часто имѣли недостатокъ въ водѣ; не находили ни вѣрныхъ дорогъ, ни мостовъ; сами дѣлали плоты, гдѣ надлежало переправляться черезъ рѣки, и восхвалили милость Божію, когда достигли благополучно до Рязанской области, лѣсной, мало населенной, но обильной хлѣбомъ, мясомъ, медомъ, и совершенно безопасной для путешественниковъ. Выѣхавъ изъ Астрахани 10 Августа, они прибыли въ Москву 26 Сентября въ 1476 году, видѣвъ только два города на пути, Рязань и Коломну. Немедленно представленный Государю, и три раза обѣдавъ за его столомъ вмѣстѣ со многими Боярами, Контарини хвалитъ величественную Іоаннову наружность, осанку, привѣтливость, умное любопытство. «Когда я» — пишетъ онъ — «говоря съ нимъ, изъ почте-
«нія отступалъ назадъ, сей Монархъ всег-
«да самъ приближался ко мнѣ, съ отмѣн-
«нымъ вниманіемъ слушалъ мои слова; весь-
«ма строго осуждалъ поступокъ нашего
«единоземца, Ивана Баптиста Тревизана, но
«увѣрялъ меня въ своемъ особенномъ друже-
«ствѣ къ Венеціянской Республикѣ; дозво-
«лилъ мнѣ видѣть и Великую Княгиню Со-

Г. 1474—77. «фію, которая обошлась со мною весьма ла-«сково, приказавъ, чтобы я кланялся опъ «нее нашему Дожу и Сенату.» Контарини жилъ въ домѣ Италіянскаго зодчаго, Аристотеля; но ему велѣно было переѣхать въ другой. Не имѣя денегъ для пупи, онъ ждалъ ихъ съ нетерпѣніемъ изъ Венеціи. Между тѣмъ Великій Князь ѣздилъ осматривать границы юго-восточныхъ областей своихъ, подверженныхъ набѣгамъ степныхъ Татаръ: когда же возвратился, то немедленно приказалъ, изъ уваженія къ Венеціянской Республикѣ, ссудить его изъ казны нужною суммою денегъ. Сверхъ того Контарини получилъ въ даръ тысячу червонцевъ и шубу. Передъ отъѣздомъ обѣдая во дворцѣ, онъ долженъ былъ выпить серебряную стопу крѣпкаго меда и взять ее себѣ въ знакъ особенной Государевой благосклонности. Іоаннъ дозволилъ ему не пить, сказавъ, что иноземцы могутъ не слѣдовать Русскимъ обычаямъ, и прощаясь съ нимъ (въ Генварѣ 1477 года) весьма милостиво желалъ, чтобы Республика Венеціянская оставалась навсегда другомъ Москвы. Въ то же время Великій Князь отпустилъ и Монаха Французскаго, Людовика, который, называя себя Патріархомъ Антіохійскимъ, но исповѣдуя Вѣру Латинскую, былъ задержанъ въ Москвѣ какъ обманщикъ: ходатайство Контариніево и Марка Руфа возвратило ему свободу. — Однимъ словомъ, Контарини, строго осуждая погдашніе нра-

вы Россіянъ, ихъ непрезвосmь, грубосmь, любовь къ праздносmи, говорuшъ о личныхъ свойсmвахъ и разумѣ Іоанна съ великою похвалою.

ГЛАВА III.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ГОСУДАРСТВОВАНІЯ ІОАННОВА.

Совершенное покореніе Новагорода. Обозрѣніе исmоріи его опъ начала до конца. Рожденіе Іоаннова сына, Василія-Гавріила. Посольсmво въ Крымъ. Сверженіе ига Ханскаго. Ссора Великаго Князя съ брашьями. Походъ Ахмапа на Россію. Краснорѣчивое посланіе Архіепископа Вассіана къ Великому Князю. Разореніе Большой Орды и смерmь Ахмапа. Кончина Андрея Меньшаго, брапа Іоаннова. Посольсmво въ Крымъ.

Г. 1475 — 1481.

Такимъ образомъ до Тибра, моря Адріапическаго, Чернаго и предѣловъ Индіи обнимая умомъ государсmвенную сисmему Державъ, сей Монархъ гоповилъ знамениmосmь внѣшней своей Полиmики упвержденіемъ внупренняго сосmава Россіи. — Ударилъ послѣдній часъ Новогородской вольносmи! Сіе важное происmесmвіе въ нашей Исmоріи досmойно описанія подробнаго. Нѣmъ сомнѣнія, чmо Іоаннъ возсѣлъ на пресmолъ съ мыслію оправдаmь шитулъ Великихъ Князей, которые со временъ Симеона Гордаго именовались *Государями всея Руси*; желалъ ввесmи совершенное Единовласmіе, испребиmь Удѣ- Совершенное покореніе Новагорода.

лы, отнять у Князей и гражданъ права несогласныя съ онымъ, но только въ удобное время, приспойнымъ образомъ, безъ явнаго нарушенія поржествепныхъ условій, безъ насилія дерзкаго и опаснаго, вѣрно и прочно: однимъ словомъ, съ наблюденіемъ всей свойственной ему осторожности. Новгородъ измѣнялъ Россіи, приставъ къ Литвѣ; войско его было разсѣяно, гражданство въ ужасѣ: Великій Князь могъ бы тогда покорить сію область; но мыслилъ, что народъ, вѣками пріученный къ выгодамъ свободы, не опказался бы вдругъ отъ ея прелестныхъ мечтаній; что внутренніе бунты и мятежи развлекли бы силы Государства Московскаго, нужныя для внѣшней безопасности; что должно старые навыки ослаблять новыми и стѣснять вольность прежде уничтоженія оной, дабы граждане, уступая право за правомъ, ознакомились съ чувствомъ своего безсилія, слишкомъ дорого платили за остатки свободы, и наконецъ, упомляемые страхомъ будущихъ утѣсненій, склонились предпочесть ей мирное спокойствіе неограниченной Государевой власти. Іоаннъ просилъ Новогородцевъ, обогативъ казну свою ихъ серебромъ, утвердивъ верховную власть Княжескую въ дѣлахъ судныхъ и въ Политикѣ; но, такъ сказать, не спускалъ глазъ съ сей народной Державы, старался умножать въ ней число преданныхъ ему людей, питалъ несогласіе между Боярами и

народомъ, являлся въ правосудіи защитникомъ невинности, дѣлалъ много добра, обѣщалъ болѣе. Если Намѣстники его не удовлетворяли всѣмъ справедливымъ жалобамъ истцевъ, то онъ винилъ недостатокъ древнихъ законовъ Новогородскихъ, хотѣлъ самъ быть тамъ, изслѣдовать на мѣстѣ причину главныхъ неудовольствій народныхъ, обуздать утѣснителей, и (въ 1475 году) дѣйствительно, призываемый Младшими гражданами[120], отправился къ берегамъ Волхова, поручивъ Москву сыну. Сіе путешествіе Іоанново — безъ войска, съ одною избранною, благородною дружиною — имѣло видъ мирнаго[121], но торжественнаго величія: Государь объявилъ, что идетъ утвердить спокойствіе Новагорода, коего знатнѣйшіе сановники и граждане ежедневно выѣзжали къ нему, отъ рѣки Цны до Ильменя, на встрѣчу съ привѣтствіями и съ дарами, съ жалобами и съ оправданіемъ: Старые Посадники, Тысячскіе, люди Житые, Намѣстникъ и Дворецкій Великокняжескіе, Игумены, чиновники Архіепископскіе. За 90 верстъ отъ города ожидали Іоанна Владыка Ѳеофилъ, Князь Василій Васильевичь Шуйскій-Гребенка, Посадникъ и Тысячскій Степенные, Архимандритъ Юріева монастыря и другіе первостепенные люди, коихъ дары состояли въ бочкахъ вина, бѣлаго и краснаго. Они имѣли честь обѣдать съ Государемъ. За ними явились Старосты улицъ Новогородскихъ; послѣ

г. 1475.

Г. 1475. Бояре и всѣ жители Городища, съ виномъ, съ яблоками, винными ягодами. Безчисленныя толпы народныя вспрѣтили Іоанна передъ Городищемъ, гдѣ онъ слушалъ Литургію и ночевалъ; а на другой день угостилъ обѣдомъ Владыку, Князя Шуйскаго, Посадниковъ, Бояръ, и 23 Ноября въѣхалъ въ Новгородъ. Тамъ, у врапъ Московскихъ, Архіепископъ Ѳеофилъ, исполняя Государево повелѣніе, со всѣмъ Клиросомъ, съ иконами, крестами и въ богатомъ Святительскомъ облаченіи принялъ его, благословилъ, и ввелъ въ храмъ Софіи, въ коемъ Іоаннъ поклонился гробамъ древнихъ Князей: Владиміра Ярославича, Мстислава Храбраго — и привѣтствуемый всѣмъ народомъ, изъявилъ ему за любовь благодарность; обѣдалъ у Ѳеофила, веселился, говорилъ только слова милостивыя, и взявъ отъ хозяина въ даръ 3 постава Ипрскихъ суконъ[122], сто корабельниковъ (Нобилей или двойныхъ червонцевъ)[123], рыбій зубъ и двѣ бочки вина, возвратился въ свой дворецъ на Городище.

За днемъ пиршества слѣдовали дни суда. Съ утра до вечера дворецъ Великокняжескій не затворялся для народа. Одни желали только видѣть лице сего Монарха и въ знакъ усердія поднести ему дары; другіе искали правосудія. Паденіе Державъ народныхъ обыкновенно предвѣщается наглыми злоупотребленіями силы, неисполненіемъ законовъ: такъ было и въ Новѣгородѣ. Правители

не имѣли ни любви, ни довѣренности граж- Г.
данъ; неклися полько о собственныхъ выго- 1475.
дахъ: торговали властію, пѣснили непрія-
телей личныхъ, похлѣбствовали роднымъ и
друзьямъ; окружали себя толпами прислуж-
никовъ, чтобы ихъ воплемъ заглушать на
Вѣчѣ жалобы утѣсняемыхъ. Цѣлыя улицы,
чрезъ своихъ повѣренныхъ, требовали Госу-
даревой защиты, обвиняя первѣйшихъ сано-
вниковъ. «Они не судьи, а хищники,» гово-
рили челобитчики, и доносили, что Сте-
пенный Посадникъ, Василій Ананьинъ, съ то-
варищами пріѣзжалъ разбоемъ въ улицу Слав-
кову и Никитину, отнялъ у жителей на
тысячу рублей товара, многихъ убилъ до
смерти. Другіе жаловались на грабежъ Спа-
роспъ. Іоаннъ, еще слѣдуя древнему обычаю
Новогородскому, далъ знать Вѣчу, чтобы оно
приставило стражу къ обвиняемымъ; велѣлъ
имъ явиться на судъ, и самъ выслушавъ
ихъ оправданія, рѣшилъ — въ присутствіи
Архіепископа, знатнѣйшихъ чиновниковъ,
Бояръ — что жалобы справедливы; что ви-
на доказана; что преступники лишаются
вольности; что строгая казнь будетъ имъ
возмездіемъ, а для другихъ примѣромъ. Об-
ративъ въ ту же минуту глаза на двухъ Бо-
яръ Новогородскихъ, Ивана Аѳанасьева и сына
его, Елевѳерія, онъ сказалъ гнѣвно: «Изъидите!
«вы хотѣли предать отечество Литвѣ.» Вои-
ны Іоанновы оковали ихъ цѣпями, также
Посадника Ананьина и Бояръ, Ѳедора Исакова

Г. (Марѳина сына), Ивана Лошинскаго и Богдана.
1475. Сіе дѣйспвіе самовласпія поразило Новогородцевъ; но всѣ, попупивъ взоръ, молчали.

На другой день Владыка Ѳеофилъ и многіе Посадники явились въ Великокняжескомъ дворцѣ, съ видомъ глубокой скорби, моля Іоанна, чпобы онъ приказалъ опдать заключенныхъ Бояръ на поруки, возвративъ имъ свободу. «Нѣпъ,» опвѣпспвовалъ Государь Ѳеофилу: «пебѣ, богомольцу нашему, и всему Новугороду извѣспно, чпо сіи «люди сдѣлали много зла опечеспву, и ны«нѣ волнуюпъ его своими кознями.» Онъ послалъ главныхъ преспупниковъ окованныхъ въ Москву; но, изъ уваженія къ ходапайспву Архіепископа и Вѣча, освободилъ нѣкопорыхъ, менѣе виновныхъ, приказавъ взыскапь съ нихъ денежную пеню: чѣмъ и заключился грозный судъ Великокняжескій. Снова начались пиры для Госу-
Г. даря и продолжались около шеспи недѣль.
1479. Всѣ знапнѣйшіе люди угощали его роскопными обѣдами: Архіепископъ прижды, другіе по одному разу, и дарили деньгами, драгоцѣнными сосудами, шелковыми пканями, суknами, ловчими ппицами, бочками вина, рыбьими зубами, и проч. На примѣръ, Князь Василій Шуйскій подариль при половинки сукна, при камки, придцапь корабельниковъ, два кречепа и сокола; Владыка двѣспи корабельниковъ, пять поспавовъ сукна, жеребца, а на проводы бочку

вина и двѣ меда; въ другой же разъ при- г.
спа корабельниковъ, золотой ковшъ съ 1476.
жемчугомъ (вѣсомъ въ фунтъ), два рога, окованные серебромъ, серебряную мису (вѣсомъ въ шесть фунтовъ), пять сороковъ соболей и десять поспавовъ сукна; Василій Казимеръ золотой ковшъ (вѣсомъ въ фунтъ), спо корабельниковъ, два кречепа, рыбій зубъ и поспавъ *рудожелтаго* сукна; знатная вдова, Наспасья Иванова, 30 корабельниковъ, десять поспавовъ сукна, два сорока соболей и два зуба. Сверхъ того Степенный Посадникъ, Ѳома, избранный на мѣсто сверженнаго Василія Ананьина, и Тысячскій Есиповъ поднесли Великому Князю опъ имени всего Новагорода тысячу рублей. Въ день Рождества Іоаннъ далъ у себя обѣдъ Архіепископу и первымъ чиновникамъ, которые пировали во дворцѣ до глубокой ночи. Еще многіе знатные чиновники готовили пиршества; но Великій Князь объявилъ, что ему время ѣхать въ Москву, и только принялъ опъ нихъ назначенные для него дары. Лѣтописецъ говоритъ, что не оспалось въ городѣ ни одного зажиточнаго человѣка, который бы не поднесъ чего нибудь Іоанну, и самъ не былъ опдаренъ милостиво, или одеждою драгоцѣнною, или камкою, или серебрянымъ кубкомъ, соболями, конемъ и проч. — Никогда Новгородцы не изъявляли такого усердія къ Великимъ Князьямъ, хотя оно происходило не опъ

Г. любви, но опъ спраха: Іоаннъ ласкалъ ихъ, какъ
1476. Государь можепъ ласкапь подданныхъ, съ видомъ милоспи и привѣтливаго снисхожденія.

Великій Князь, пируя, занимался и дѣлами государспвенными. Правипель Швеціи, Спенъ Спуръ, прислалъ къ нему своего племянника, Орбана, съ предложеніемъ возобновипь миръ, нарушенный впаденіемъ Россіянъ въ Финляндію[124]. Іоаннъ угоспилъ Орбана, принялъ опъ него въ даръ спапнаго жеребца, и велѣлъ Архіепископу именемъ Новагорода упвердипь на нѣсколько лѣпъ перемиріе съ Швеціею по древнему обыкновенію. — Послы Псковскіе, вручивъ Іоанну дары, молили его, чпобы онъ не дѣлалъ никакихъ перемѣнъ въ древнихъ успавахъ ихъ опечеспва; а Князь Ярославъ, памошній Намѣспникъ, пріѣхавъ самъ въ Новгородъ, жаловался, чпо Посадники и граждане не даюпъ ему всѣхъ законныхъ доходовъ. Великій Князь опправилъ пуда Бояръ, Василія Кипая и Морозова, сказапь Псковипянамъ, чпобы они въ пяпь дней удовлепворили пребованіямъ Намѣспника, или будупъ имѣпь дѣло съ Государемъ раздраженнымъ[125]. Ярославъ получилъ все желаемое. — Бывъ девяпь недѣль въ Новѣгородѣ, Іоаннъ выѣхалъ оппуда со множеспвомъ серебра и золопа, какъ сказано въ лѣпописи[126]. Воинская дружина его спояла по монаспырямъ вокругъ города и плавала въ изобиліи; брала, чпо хопѣла: никпо не смѣлъ жаловапься. Архі-

епископъ Θеофилъ и знатнѣйшіе чиновники проводили Государя до перваго спана, гдѣ онъ съ ними обѣдалъ, казался веселъ, доволенъ. Но судьба сей народной Державы уже была рѣшена въ умѣ его. Г. 1476.

Започеніе шестпи Бояръ Новогородскихъ, сосланныхъ въ Муромъ и въ Коломну, оспавило горестное впечатлѣніе въ ихъ многочисленныхъ друзьяхъ: они жаловались на самовластіе Великокняжеское, пропивное древнему успаву, по коему Новогородецъ могъ быпь наказываемъ только въ своемъ опечествѣ. Народъ молчалъ, изъявляя равнодушіе; но знатнѣйшіе граждане взяли ихъ спорону, и нарядили Посольспво къ Великому Князю: самъ Архіепископъ, при Посадника и нѣсколько Жипыхъ людей пріѣхали въ Москву бипь челомъ за своихъ несчастныхъ Бояръ. Два раза Владыка Θеофилъ обѣдалъ во дворцѣ, однакожь не могъ умолипь Іоанна, и съ горестію уѣхалъ на Спрастной недѣлѣ, не хопѣвъ праздновапь Пасхи съ Государемъ и съ Миропополипомъ[127].

Между пѣмъ рѣшипельный судъ Великокняжескій полюбился многимъ Новогородцамъ, пакъ, чпо въ слѣдующій годъ нѣкопорые изъ нихъ опправились съ жалобами въ Москву; въ слѣдъ за ними и оппѣпчики, знапные и простые граждане, опъ Посадниковъ до земледѣльцевъ: вдовы, сиропы, Монахини. Другихъ же позвалъ самъ Государь: никто не дерзнулъ ослушапься. «Опъ времень Г. 1477.

г 1477. «Рюрика (говорятъ Лѣтописцы) не бывало «подобнаго случая: ни въ Кіевъ, ни въ Вла- «димiръ не ѣздили судиться Новогородцы: «Іоаннъ умѣлъ довеспи ихъ до сего уничи- «женія[128].» Еще онъ не сдѣлалъ всего: при- шло время довершить начатое.

Умное правосудіе Іоанново плѣняло сердца пѣхъ, которые искали правды и любили оную: упѣсненная слабость, оклеветанная невинность находили въ немъ защитника, спасителя, то есть, истиннаго Монарха, или судію непричастнаго низкимъ побужде- ніямъ личности: они желали видѣть суд- ную власть въ однѣхъ рукахъ его. Другіе, или завидуя силѣ первостепенныхъ согра- жданъ, или ласкаемые Іоанномъ, внутренно благопріятствовали Самодержавію. Сіи мно- гочисленные друзья Великаго Князя, мо- жетъ быть, *сами собою*, а можетъ быть и по согласію съ нимъ, замыслили слѣдующую хитрость. Двое изъ оныхъ, чиновникъ На- зарій и Дьякъ Вѣча, Захарія, въ видѣ По- словъ отъ Архіепископа и всѣхъ соотече- ственниковъ, явились предъ Іоанномъ (въ 1477 году) и торжественно наименовали его *Государемъ* Новагорода, вмѣсто *Господина*, какъ прежде именовались Великіе Князья въ отношеніи къ сей народной Державѣ. Въ слѣдствіе того Іоаннъ отправилъ къ Ново- городцамъ Боярина, Ѳеодора Давидовича, спросить, что они разумѣютъ подъ назва- ніемъ *Государя*? хотятъ ли присягнуть ему

какъ *полному Властителю*, единспвенному г. законодапелю и судіи? соглапаюпся ли не 1477.
имѣпь у себя Тіуновъ, кромѣ Княжескихъ, и опдапь ему Дворъ Ярославовъ, древнее мѣспо Вѣча[129]? Изумленные граждане опвѣпспвовали: «мы не посылали съ пѣмъ къ «Великому Князю; эпо ложь.» Сдѣлалось общее волненіе. Они перпѣли оказанное Іоанномъ самовласпіе въ дѣлахъ судныхъ какъ *чрезвычайность*, но ужаснулись мысли, чпо сія чрезвычайноспь будепъ уже *закономъ*; чпо древняя пословица: *Новгородъ судится своимъ судомъ*, упрапипъ навсегда смыслъ, и чпо Московскіе Тіуны будупъ рѣшипь судьбу ихъ. Древнее Вѣче уже не могло спавипь себя выше Князя, но по крайней мѣрѣ сущеспвовало именемъ и видомъ: Дворъ Ярославовъ былъ свяпилищемъ народныхъ правъ: опдапь его Іоанну значило поржеспвенно и навѣки опвергнупься оныхъ. Сіи мысли возмупили даже и самыхъ мирныхъ гражданъ, расположенныхъ повиновапься Великому Князю, но въ угодноспь собспвенному, внупреннему чувспву блага, не слѣпо, не подъ оспріемъ меча, гоповаго казнипь всякаго по мановенію Самовласпипеля. Забвенные единомышленники Мароины воспрянули какъ бы опъ глубокаго сна, и говорили народу, чпо они лучше его предвидѣли будущее; чпо друзья или слуги Московскаго Князя супь измѣнники, коихъ поржеспво еспь гробъ опечеспва. Народъ ос-

Г. 1477. первенился, искалъ предателей, пребовалъ мести. Схватили одного знаменитаго мужа, Василія Никифорова, и привели на Вѣче, обвиняя его въ томъ, что онъ былъ у Великаго Князя и далъ клятву служить ему противъ отечества. «Нѣтъ», оправдывался Василій: «я клялся Іоанну единственно «въ вѣрности, въ доброжелательствѣ, но «безъ измѣны моему истинному Государю, «Великому Новугороду; безъ измѣны вамъ, «моимъ господамъ и братьямъ.» Сего несчастнаго изрубили въ куски топорами[150]; умертвили еще Посадника, Захарію Овина, который ѣздилъ судиться въ Москву и самъ доносилъ гражданамъ на Василія Никифорова; казнили и брата его, Козьму, на дворѣ Архіепископскомъ; многихъ иныхъ ограбили, посадили въ темницу, называя ихъ совѣтниками Іоанновыми: другіе разбѣжались. Между тѣмъ народъ не сдѣлалъ ни малѣйшаго зла Послу Московскому и многочисленной дружинѣ его: сановники чествили ихъ, держали около шести недѣль, и наконецъ отпустили именемъ Вѣча съ такою грамотою къ Іоанну: «Кланяемся тебѣ, *Господину нашему*, Великому Князю; а *Государемъ* не «зовемъ. Судъ твоимъ Намѣстникамъ будетъ на Городищѣ по старинѣ; но твоего «суда, ни твоихъ Тіуновъ у насъ не будетъ. *Дворища Ярославля* не даемъ. Хотимъ жить по договору, клятвенно утвержденному на Коростынѣ тобою и нами (въ

«1471 году). Кто же предлагалъ тебѣ быть г.
«*Государемъ* Новогородскимъ, тѣхъ самъ 1477.
«знаешь и казни за обманъ; мы здѣсь пак-
«же казнимъ сихъ лживыхъ предателей. А
«тебѣ, Господинъ, челомъ бьемъ, чтобы
«ты держалъ насъ въ спаринѣ, по кресп-
«ному цѣлованію[131].» Такъ писали они, и еще сильнѣе говорили на Вѣчѣ, не скрывая мысли снова поддаться Литвѣ, буде Великій Князь не отказется отъ своихъ требованій[132].

Но Іоаннъ не любилъ уступать, и безъ сомнѣнія предвидѣлъ отказъ Новогородцевъ, желая только имѣть видъ справедливости въ семъ раздорѣ. Получивъ ихъ смѣлый отвѣтъ, онъ съ печалью объявилъ Митрополиту Геронтію, матери, Боярамъ, что Новгородъ, произвольно давъ ему имя Государя, запирается въ томъ, дѣлаетъ его лжецомъ предъ глазами всей земли Русской, казнитъ людей вѣрныхъ своему законному Монарху какъ злодѣевъ, и грозится вторично измѣнить святѣйшимъ клятвамъ, Православію, отечеству. Митрополитъ, Дворъ и вся Москва думали согласно, что сіи мятежники должны почувствовать всю тягость Государева гнѣва. Началось молебствіе въ церквахъ; раздавали милостыню по монастырямъ и богадѣльнямъ; отправили гонца въ Новгородъ съ *грамотою складною*[133] или съ объявленіемъ войны, и полки собрались подъ стѣнами Москвы. Медленный

Г. 1477. въ замыслахъ важныхъ, но скорый въ исполненіи, Іоаннъ или не дѣйствовалъ или дѣйствовалъ рѣшительно, всѣми силами: не оспалось ни одного мѣстечка, которое не прислало бы рапниковъ на службу Великокняжескую. Въ числѣ ихъ находились и жители областей Кашинской, Бѣжецкой, Новоторжской: ибо Іоаннъ присоединилъ къ Москвѣ часть сихъ Тверскихъ и Новогородскихъ земель.

Поручивъ столицу юному Великому Князю, сыну своему, онъ самъ выступилъ съ войскомъ 9 Октября, презирая трудности и неудобства осенняго похода въ мѣстахъ болотистыхъ. Хотя Новогородцы и взяли нѣкоторыя мѣры для обороны, но знали слабость свою, и прислали требовать *опасныхъ грамотъ* отъ Великаго Князя для Архіепископа Ѳеофила и Посадниковъ, коимъ надлежало ѣхать къ нему для мирныхъ переговоровъ[134]. Іоаннъ велѣлъ остановить сего посланнаго въ Торжкѣ, также и другаго; обѣдалъ въ Волокѣ у брата, Бориса Васильевича, и былъ встрѣченъ именитымъ Тверскимъ Вельможею, Княземъ Микулинскимъ, съ учтивымъ приглашеніемъ заѣхать въ Тверь, отвѣдать хлѣба-соли у Государя его, Михаила. Іоаннъ вмѣсто угощенія требовалъ полковъ, и Михаилъ не смѣлъ ослушаться, заготовивъ, сверхъ того, всѣ нужные съѣстные припасы для войска Московскаго. Самъ Великій Князь шелъ съ опборными полками между Яжелбицкою

дорогою и Мспою; Царевичь Данiяръ и Ва- г.
силій Образецъ по Замспѣ; Данiилъ Холм- 1477.
скій предъ Іоанномъ съ Дѣтьми Боярскими,
Владимірцами, Переславцами и Косгромичпянами; за нимъ два Боярина съ Дмитровцами и Кашинцами; на правой сторонѣ Князь Симеонъ Ряполовскій съ Суздальцами и Юрьевцами; на лѣвой брапъ Великаго Князя, Андрей Меньшій, и Василій Сабуровъ съ Росповцами, Ярославцами, Угличанами и Бѣжичанами; съ ними также Воевода мапери Іоанновой, Семенъ Пѣшекъ, съ ея дворомъ; между дорогами Яжелбицкою и Демонскою Князья Александръ Васильевичь и Борисъ Михайловичь Оболенскіе; первый съ Калужанами, Алексинцами, Серпуховцами, Холпуничами, Москвипянами, Радонежцами, Новоторжцами[133]; вторый съ Можайцами, Волочанами, Звенигородцами и Ружанами; по дорогѣ Яжелбицкой Бояринъ Ѳеодоръ Давидовичь съ Дѣтьми Боярскими Двора Великокняжескаго и Коломенцами, также Князь Иванъ Васильевичь Оболенскій со всѣми его брапьями и многими Дѣтьми Боярскими. 4 Ноября присоединились къ войску Іоаннову полки Тверскіе, предводимые Княземъ Михаломъ Ѳеодоровичемъ Микулинскимъ.

Въ Еглинѣ, Ноября 8, Великій Князь попребовалъ къ себѣ задержанныхъ Новогородскихъ *опасчиковъ* (по есть, присланныхъ за *опасными грамотами*): Старосту Данiславской улицы, Ѳедора Калитина, и гра-

г. 1477. жданина Жипаго, Ивана Маркова. Они смиренно ударили ему челомъ, именуя его *Государемъ*. Іоаннъ велѣлъ имъ дать пропускъ для пословъ Новогородскихъ. — Между тѣмъ многіе знатные Новогородцы прибыли въ Московскій станъ и вступили въ службу къ Великому Князю, или предвидя неминуемую гибель своего отечества, или спасаясь отъ злобы тамошняго народа, который гналъ всѣхъ Бояръ, подозрѣваемыхъ въ тайныхъ связяхъ съ Москвою.

Ноября 19, въ Палинѣ, Іоаннъ вновь устроилъ войско для начатія непріятельскихъ дѣйствій: ввѣрилъ передовый отрядъ брату своему, Андрею Меньшему, и премъ храбрѣйшимъ Воеводамъ: Холмскому съ Костромитянами, Ѳеодору Давидовичу съ Коломенцами, Князю Ивану Оболенскому Спригъ съ Владимірцами; *въ правой рукѣ* велѣлъ быть брату, Андрею Большему, съ Тверскимъ Воеводою, Княземъ Микулинскимъ, съ Григоріемъ Никитичемъ, съ Иваномъ Житомъ, съ Дмитровцами и Кашинцами; въ *лѣвой* брату, Князю Борису Васильевичу, съ Княземъ Васильемъ Михайловичемъ Верейскимъ и съ Воеводою матери своей, Семеномъ Пѣшкомъ; а въ собственномъ полку Великокняжескомъ знатнѣйшему Боярину, Ивану Юрьевичу Патрекееву, Василію Образцу съ Боровичами, Симеону Ряполовскому, Князю Александру Васильевичу, Борису Михайловичу Оболенскому и Сабурову съ ихъ

дружинами, также всѣмъ Переславцамъ и Г. Муромцамъ. Передовый опрядъ долженъ былъ заняпть Бронницы. 1477.

Еще не довольный многочисленностію своей рапи, Государь ждалъ Псковитянъ. Тамошній Князь Ярославъ, ненавидимый народомъ, но долго покровипельспвуемый Іоанномъ — бывъ даже въ явной войнѣ съ гражданами, не смѣвшими выгнапь его, и пьяный имѣвъ съ ними бипву среди города[136] — наконецъ по указу Государеву выѣхалъ опшуда. Псковитяне желали себѣ въ Намѣспники Князя Василія Васильевича Шуйскаго: Іоаннъ опправилъ его къ нимъ изъ Торжка, и велѣлъ, чпобы они немедленно вооружились пропивъ Новагорода. Обыкновенное ихъ благоразуміе не измѣнилось и въ семъ случаѣ: Псковитяне предложили Новогородцамъ бпть за нихъ ходапаями у Великаго Князя; но получили въ опвѣпъ: «или заключипе съ нами «особенный пѣсный союзъ какъ люди вольные, или обойдемся безъ вашего ходапайспва»[137]. Когда же Псковипяне, исполняя Іоанново приказаніе, грамопою объявили имъ войну, Новогородцы одумались и хопѣли, чпобы они вмѣспѣ съ ними послали чиновниковъ къ Великому Князю; но Дьякъ Московскій, Григорій Волининъ, пріѣхавъ во Псковъ опъ Государя, нудилъ ихъ немедленно сѣспь на коней и выспупипь въ поле. Между пѣмъ сдѣлался пламъ пожаръ: граждане письмепно извѣспили Іоанна о своей

Г. бѣдѣ, называли его *Царемъ Русскимъ* и да-
1477. вали ему разумѣпь, что не время воевапь людямъ, копорые лыопъ слезы на пеплѣ своихъ жилищъ[138]; однимъ словомъ, всячески уклонялись опъ похода, предвидя, что въ паденіи Новагорода можепъ не устояпь и Псковъ. Опговорки были пщепны: Іоаннъ велѣлъ, и Князь Шуйскій[139], взявъ осадныя орудія — пушки, пищали, самоспрѣлы — съ семью Посадниками вывелъ рапь Псковскую, копорой надлежало спапь на берегахъ Ильменя, при успьѣ Шелони.

Ноября 23 Великій Князь находился въ Сыпинѣ, когда донесли ему о прибыпіи Архіепископа Ѳеофила и знапнѣйшихъ сановниковъ Новогородскихъ. Они явились. Ѳеофилъ сказалъ: «*Государь* Князь Великій! я, бого-«молецъ пвой, Архимандрипы, Игумены и «Священники всѣхъ семи Соборовъ бьемъ «пебѣ челомъ. Ты возложилъ гнѣвъ *на свою* «*отчину*, на Великій Новгородъ; огнь и мечь «пвой ходяпъ по землѣ нашей; кровь Хри-«спіанская льепся. Государь! смилуйся: мо-«лимъ пебя со слезами[140]; дай намъ миръ «и освободи Бояръ Новогородскихъ, запо-«ченныхъ въ Москвѣ!» А Посадники и Жипые люди говорили пакъ: «*Государь* Князь «Великій! Спепенный Посадникъ Ѳома Ан-«дреевъ и Спарые Посадники, Спепенный «Тысячскій Василій Максимовъ и Спарые «Тысячскіе, Бояре, Жипые, купцы, черные «люди и весь Великій Новгородъ, пвоя оп-

«чина, мужи вольные, бьютъ тебѣ челомъ, г. «и молятъ о мирѣ и свободѣ нашихъ Бояръ 1477. «заключенныхъ.» Посадникъ Лука Ѳедоровъ примолвилъ: «Государь! челобитье Велика- «го Новагорода предъ тобою: повели намъ «говорить съ твоими Боярами.» Іоаннъ не отвѣтствовалъ ни слова, но пригласилъ ихъ обѣдать за столомъ своимъ.

На другой день Послы Новогородскіе были съ дарами у брата Іоаннова, Андрея Меньшаго, требуя его заступленія. Іоаннъ приказалъ говорить съ ними Боярину, Князю Ивану Юрьевичу. Посадникъ Яковъ Коробъ сказалъ: «Желаемъ, чтобы Государь при- «нялъ въ милость Великій Новгородъ, мужей вольныхъ, и мечь свой унялъ. — Ѳеофилактъ Посадникъ: «Желаемъ освобожде- «нія Бояръ Новогородскихъ.» — Лука Посадникъ: «Желаемъ, чтобы Государь всякіе «четыре года ѣздилъ въ свою отчину, Ве- «ликій Новгородъ, и бралъ съ насъ по пя- «сячѣ рублей; чтобы Намѣстникъ его су- «дилъ съ Посадникомъ въ городѣ; а чего «они не управятъ, то рѣшитъ самъ Вели- «кій Князь, пріѣхавъ къ намъ на четвер- «тый годъ; но въ Москву да не зоветъ су- «дящихся!» — Яковъ Ѳедоровъ: «Да не ве- «литъ Государь вступаться своему Намѣст- «нику въ особенные суды Архіепископа и «Посадника!» — Житые люди сказали, что подданные Великокняжескіе зовутъ ихъ на судъ къ Намѣстнику и Посаднику въ Новѣ-

Г. 1477 городѣ, а сами хотятъ судиться единственно на Городищѣ; что сіе несправедливо, и что они просятъ Великаго Князя подчинить пѣхъ и другихъ суду Новогородскому. — Посадникъ Яковъ Коробъ заключилъ сими словами: «Челобитье наше предъ Государемъ: «да сдѣлаетъ, что ему Богъ положитъ на «сердце!»

Іоаннъ въ тотъ же день велѣлъ Холмскому, Боярину Ѳеодору Давидовичу, Князю Оболенскому-Спригѣ и другимъ Воеводамъ подъ главнымъ начальствомъ брата его, Андрея Меньшаго, итти изъ Бронницъ къ Городищу и занять монастыри, чтобы Новогородцы не выжгли оныхъ. Воеводы перешли озеро Ильмень по льду, и въ одну ночь заняли всѣ окрестности Новогородскія[141].

25 Ноября Бояре Великокняжескіе, Иванъ Юрьевичь, Василій и Иванъ Борисовичи, дали отвѣтъ Посламъ. Первый сказалъ: «Князь «Великій Іоаннъ Васильевичь всея Руси перекъ, своему богомольцу Владыкѣ, Посадни- «камъ и Житымъ людямъ такъ отвѣтствуетъ на ваше челобитье.» — Боярин Василій Борисовичь продолжалъ: «Вѣдаете «сами, что вы предлагали намъ, мнѣ и сы- «ну моему, чрезъ сановника Назарія и Дьяка «Вѣчеваго, Захарію, быть вашими Государями; а мы послали Бояръ своихъ въ Нов- «городъ узнать, что разумѣете подъ симъ «именемъ? Но вы заперлися, укоряя насъ, «Великихъ Князей, насиліемъ и ложью; сверхъ

«того дѣлали намъ и многія иныя досады. Г.
«Мы терпѣли, ожидая вашего исправленія; 1477.
«но вы болѣе и болѣе лукавспвовали, и мы
«обнажили мечь, по слову Господню: *аще*
«*согрѣшитъ къ тебѣ братъ твой, обличи*
«*его наединѣ; аще не послушаетъ, поими*
«*съ собою два или три свидѣтеля; аще ли*
«*и тѣхъ не послушаетъ, повѣждь Церкви;*
«*аще ли и о Церкви нерадѣти начнетъ, бу-*
«*дете яко же язычникъ и мытарь.* Мы по-
«сылали къ вамъ и говорили: *уймитесь, и*
«*будемъ васъ жаловать;* но вы не захотѣли
«того, и сдѣлались намъ какъ бы чужды. И
«такъ, возложивъ упованіе на Бога и на мо-
«литву нашихъ предковъ, Великихъ Князей
«Русскихъ, идемъ наказать дерзость.» — Бо-
ярин Иванъ Борисовичь говорилъ далѣе име-
немъ Великаго Князя: «Вы хотите свободы
«Бояръ вашихъ, мною осужденныхъ; но вѣ-
«даете, что весь Новгородъ жаловался на
«ихъ беззаконія, грабежи, убійства: ты
«самъ, Лука Исаковъ, находился въ числѣ
«истцевъ; и ты, Григорій Кипріановъ, отъ
«имени Никитиной улицы; и ты, Владыка,
«и вы, Посадники, были свидѣтелями ихъ
«уличенія. Я мыслилъ казнить преступни-
«ковъ, но даровалъ имъ жизнь, ибо вы мо-
«лили меня о томъ. Пристойно ли вамъ ны-
«нѣ упоминать о сихъ людяхъ?» — Князь
Иванъ Юрьевичь заключилъ сими словами от-
вѣтъ Государевъ: «буде Новгородъ дѣйстви-

Г. «тельно желаетъ нашей милости, по ему
1477. «извѣстны условія.»

Архіепископъ и Посадники отправились назадъ съ Великокняжескимъ приставомъ для ихъ безопасности. — 27 Ноября Іоаннъ, подступивъ къ Новугороду съ братомъ Андреемъ Меньшимъ и съ юнымъ Верейскимъ Княземъ, Василіемъ Михайловичемъ, расположился у Троицы Паозерской на берегу Волхова, въ трехъ верстахъ отъ города, въ селѣ Лошинскаго, гдѣ былъ нѣкогда домъ Ярослава Великаго, именуемый Ракомлею[142]; велѣлъ брату стать въ монастырѣ Благовѣщенія, Князю Ивану Юрьевичу въ Юрьевѣ, Холмскому въ Аркадьевскомъ, Сабурову у Св. Пантелеймона, Александру Оболенскому у Николы на Мостищахъ, Борису Оболенскому на Соковѣ у Богоявленія, Ряполовскому на Пидьбѣ, Князю Василію Верейскому на Лисьей Горкѣ, а Боярину Ѳеодору Давидовичу и Князю Ивану Спригѣ на Городищѣ. 29 Ноября пришелъ съ полкомъ братъ Іоанновъ, Князь Борисъ Васильевичь, и сталъ на берегу Волхова въ Кречневѣ, селѣ Архіепископа. — 30 Ноября Государь велѣлъ Воеводамъ отпускать половину людей для собранія съѣстныхъ припасовъ до 10 Декабря, а 11 число быть всѣмъ на-лице, каждому на своемъ мѣстѣ; и въ тотъ же день послалъ гонца сказать Намѣстнику Псковскому, Князю Василію Шуйскому, чтобы онъ спѣшилъ къ Новугороду съ огнестрѣльнымъ снарядомъ.

Новогородцы хотѣли сперва изъявлять не- г
успрашимостпь; дозволили всѣмъ купцамъ ино- 1477.
земнымъ выѣхать во Псковъ съ товарами; укрѣпились деревянною стѣною по обѣимъ сторонамъ Волхова; заградили сію рѣку судами; избрали Князя Василія Шуйскаго-Гребенку въ Военачальники, и не имѣя друзей, ни союзниковъ, не ожидая ни откуда помощи, обязались между собою клятвенною грамотою быть единодушными, показывая, что надѣются въ крайности на самое отчаяніе, и готовы отразить приступъ, какъ нѣкогда предки ихъ отразили сильную рать Андрея Боголюбскаго. Но Іоаннъ не хотѣлъ кровопролитія, въ надеждѣ, что они покорятся, и взялъ мѣры для доставленія всего нужнаго многочисленной рати своей. Исполняя его повелѣніе, богатые Псковитяне отправили къ нему обозъ съ хлѣбомъ, пшеничною мукою, колачами, рыбою, медомъ и разными товарами для вольной продажи; прислали также и мостниковъ[145]. Великокняжескій станъ имѣлъ видъ шумнаго торжища, изобилія; а Новгородъ, окруженный полками Московскими, былъ лишенъ всякаго сообщенія. Окрестности также представляли жалкое зрѣлище: воины Іоанновы не щадили бѣдныхъ жителей, которые въ 1471 году безопасно скрывались отъ нихъ въ лѣсахъ и болотахъ, но въ сіе время умирали тамъ отъ морозовъ и голода[144].

Декабря 4 вторично прибылъ къ Госуда-

Г. 1477. рю Архіепископъ Ѳеофилъ съ пѣми же чиповниками и молилъ его только о миръ, не упоминая ни о чемъ иномъ. Бояре Московскіе, Князь Иванъ Юрьевичь, Ѳеодоръ Давидовичь и Князь Иванъ Стрига отпустили ихъ съ прежнимъ отвѣтомъ, что Новогородцы знаютъ, какъ надобно бить челомъ Великому Князю. — Въ сей день пришли къ городу Царевичь Даніяръ съ Воеводою, Василіемъ Образцемъ, и братъ Великаго Князя, Андрей Старшій, съ Тверскимъ Воеводою: они расположились въ монастыряхъ Кирилловѣ, Андреевѣ, Ковалевскомъ, Волотовѣ, на Деревеницѣ и у Св. Николы на Островкѣ[145].

Видя умноженіе силъ и непреклонность Великаго Князя — не имѣя ни смѣлости отважиться на рѣшительную битву, ни запасовъ для выдержанія осады долговременной — угрожаемые и мечемъ и голодомъ, Новогородцы чувствовали необходимость уступить, желали единственно длить время, и безъ надежды спасти вольность надѣялись переговорами сохранить хотя нѣкоторыя изъ ея правъ. Декабря 5 Владыка Ѳеофилъ съ Посадниками и съ людьми Житыми, ударивъ челомъ Великому Князю въ присутствіи его трехъ братьевъ, именемъ Новагорода сказалъ: «Государь! мы, виновные, ожида-«емъ твоей милости: *признаемъ* истину «Посольства Назаріева и Дьяка Захаріи; но «какую власть желаешь имѣть надъ нами?»

Іоаннъ отвѣтствовалъ имъ чрезъ Бояръ: г.
«Я доволенъ, что вы признаете вину свою 1477.
«и сами на себя свидѣтельствуете. Хочу
«властвовать въ Новѣгородѣ, какъ вла-
«ствую въ Москвѣ.» — Архіепископъ и Посадники требовали времени для размышленія. Онъ отпустилъ ихъ съ повелѣніемъ дать рѣшительный отвѣтъ въ третій день. — Между тѣмъ пришло войско Псковское, и Великій Князь, расположивъ его въ Бискупицахъ, въ селѣ Ѳедопинѣ, въ монастырѣ Троицкомъ на Варяжи, приказалъ знаменитому своему художнику, Аристотелю, строить мостъ подъ Городищемъ, какъ бы для приступа. Сей мостъ, съ удивительною скоростію сдѣланный на судахъ черезъ рѣку Волховъ, своею твердостію и красою заслужилъ похвалу Іоаннову[146].

7 Декабря Ѳеофилъ возвратился въ станъ Великокняжескій съ Посадниками и съ Выборными отъ пяти Концевъ Новогородскихъ. Іоаннъ выслалъ къ нимъ Бояръ. Архіепископъ молчалъ: говорили только Посадники. Яковъ Коробъ сказалъ: «Желаемъ, чтобы Государь
«велѣлъ Намѣстнику своему судить вмѣстѣ
«съ нашимъ Степеннымъ Посадникомъ.» — Ѳеофилактъ: «Предлагаемъ Государю ежегодную дань со всѣхъ волостей Новогород-
«скихъ, съ двухъ сохъ гривну.»—Лука: «Пусть
«Государь держитъ Намѣстниковъ въ на-
«шихъ пригородахъ; но судъ да будетъ по
«старинѣ.» — Яковъ Ѳедоровъ билъ челомъ,

Г. 1477. чтобы Великій Князь не выводилъ людей изъ владѣній Новогородскихъ, не вступался въ отчины и земли Боярскія, не звалъ никого на судъ въ Москву. Наконецъ всѣ просили, чтобы Государь не требовалъ Новогородцевъ къ себѣ на службу, и поручилъ имъ единственно оберегать сѣверо-западные предѣлы Россіи.

Бояре донесли о томъ Великому Князю, и вышли отъ него съ слѣдующимъ отвѣтомъ: «Ты, богомолецъ нашъ, и весь Новгородъ «признали меня Государемъ; а теперь хотите «мнѣ указывать, какъ править вами?» — Ѳеофилъ и Посадники били челомъ и сказали: «Не «смѣемъ *указывать*; но только желаемъ вѣ- «дать, какъ Государь намѣренъ властво- «вать въ своей Новогородской отчинѣ: ибо «Московскихъ обыкновеній не знаемъ.» Великій Князь велѣлъ своему Боярину, Ивану Юрьевичу, отвѣтствовать такъ: «Знайте «же, что въ Новѣгородѣ не быть ни Вѣчево- «му колоколу, ни Посаднику, а будетъ одна «власть Государева; что какъ въ странѣ «Московской, такъ и здѣсь хочу имѣть во- «лости и села; что древнія земли Велико- «княжескія, вами отнятыя, суть отнынѣ «моя собственность. Но снисходя на ваше «моленіе, обѣщаю не выводить людей изъ «Новагорода, не вступаться въ отчины Бо- «яръ, и судъ оставить по старинѣ.»

Прошла цѣлая недѣля: Новгородъ не присылалъ отвѣта Іоанну. Декабря 14 явился

Θеофилъ съ чиновниками и сказалъ Боярамъ Великокняжескимъ: «Соглашаемся не имѣпь «ни Вѣча, ни Посадника; молимъ полько, «чпобы Государь уполилъ навѣки гнѣвъ свой «и проспилъ насъ искренно, съ условіемъ «не выводипь Новогородцевъ въ Низовскую «землю, не касапься собспвенноспи Боярской, «не судипь насъ въ Москвѣ и пе звапь пу- «да на службу.» Великій Князь далъ слово. Они пребовали присяги. Іоаннъ опвѣпспво- валъ, чпо Государь не присягаепъ. «Удо- «вольспвуемся кляпвою Бояръ Великокняже- «скихъ или его будущаго Намѣспника Новаго- «родскаго,» сказали Θеофилъ и Посадники: но и въ помъ получили опказъ; просили *опасной грамоты:* и пой имъ не дали. Бо- яре Московскіе объявили, чпо переговоры кончились. г. 1477.

Тупъ любовь къ древней свободѣ въ по- слѣдній разъ сильно обнаружилась на Вѣчѣ. Новогородцы думали, чпо Великій Князь хочепъ обманупь ихъ, и для пого не даепъ кляпвы въ вѣрномъ исполненіи его слова. Сія мысль поколебала въ особенноспи Бояръ, копорые не спояли ни за Вѣчевый колоколъ, ни за Посадника, но спояли за свои опчи- ны. «Требуемъ бипвы!» восклицали пыся- чи: «умремъ за вольноспь и Свяпую Со- фію!» Но сей порывъ великодушія не про- извелъ ничего, кромѣ шума, и долженъ былъ успупипь хладнокровію разсудка. Нѣсколько дней народъ слушалъ прѣніе между друзьями

Г. 1477. свободы и мирнаго подданства: первые могли обѣщать ему одну славную гибель среди ужасовъ голода и пщепнаго кровопролитія; другіе жизнь, безопасность, епокойствіе, цѣлость имѣнія: и сіи наконецъ превозмогли. Тогда Князь Василій Васильевичь Шуйскій-Гребенка, доселѣ вѣрный защитникъ свободныхъ Новогородцевъ, торжественно сложилъ съ себя чинъ ихъ Воеводы и перешелъ въ службу къ Великому Князю, который принялъ его съ особенною милостію[147].

29 Декабря Послы Вѣча, Архіепископъ Ѳеофилъ и знатнѣйшіе граждане, снова прибыли въ Великокняжескій станъ, хотя и не имѣли *опаса*; изъявили смиреніе, и молили, чтобы Государь, отложивъ гнѣвъ, сказалъ имъ изустно, чѣмъ жалуетъ свою Новогородскую отчину. Іоаннъ приказалъ впустить ихъ и говорилъ такъ: «Милость «моя не измѣнилась, что обѣщалъ, то обѣ«щаю и нынѣ: забвеніе прошедшаго, судъ «по старинѣ, цѣлость собственности ча«стной, увольненіе отъ Низовской службы; «не буду звать васъ въ Москву; не буду «выводить людей изъ страны Новогород«ской.» Послы ударили челомъ и вышли; а Бояре Великокняжескіе напомнили имъ, что Государь требуетъ волостей и сель въ землѣ ихъ. Новогородцы предложили ему Луки Великія и Ржеву Пустую: онъ не взялъ. Предложили еще десять волостей Архіепи-

скопскихъ и монаспырскихъ: не взялъ и г.
пѣхъ. «Избери же, что тебѣ самому угод- 1477.
«но,» сказали они: «полагаемся во всемъ на
«Бога и на тебя.» Великій Князь хотѣлъ половины всѣхъ волостей Архіепископскихъ и монаспырскихъ: Новогородцы согласились, но убѣдили его не отнимать земель у нѣкоторыхъ бѣдныхъ монастырей. Іоаннъ требовалъ вѣрной описи волостей, и въ знакъ милости взялъ изъ Ѳеофиловыхъ только десять: что, вмѣстѣ съ монастырскими, составляло около 2700 *обежъ* или тяголъ, кромѣ земель Новоторжскихъ, также ему от- г.
данныхъ[148]. — Прошло шесть дней въ пере- 1478.
говорахъ.

Января 8 Владыка Ѳеофилъ, Посадники и Житые люди молили Великаго Князя снять осаду: ибо тѣснота и недостатокъ въ хлѣбѣ произвели болѣзни въ городѣ, такъ, что многіе умирали. Іоаннъ велѣлъ Боярамъ своимъ условиться съ ними о дани, и хотѣлъ брать по семи денегъ съ каждаго земледѣльца; но согласился уменьшить сію дань впрое[149]. «Желаемъ еще другой милости,» сказалъ Ѳеофилъ: «молимъ, чтобы Великій «Князь не посылалъ къ намъ своихъ писцовъ «и даньщиковъ, которые обыкновенно тѣ- «снятъ народъ; но да вѣритъ онъ совѣсти «Новогородской: сами исчислимъ людей, и «вручимъ деньги, кому прикажетъ; а кто «утаитъ хотя единую душу, да будетъ «казненъ.» Іоаннъ обѣщалъ.

г. Января 10 Бояре Московскіе пребовали
1478. опъ Θеофила и Посадниковъ, чпобы Дворъ Ярославовъ былъ немедленно очищенъ для Великаго Князя, и чпобы народъ далъ ему кляпву въ вѣрноспи. Новогородцы хопѣли слышапь присягу; Государь послалъ ее къ нимъ въ Архіепископскую палапу, съ своимъ Подъячимъ[150]. На пpепiй день Владыка и сановники ихъ сказали Боярамъ Іоанновымъ: « Дворъ Ярославовъ еспь наслѣдіе Государей, « Великихъ Князей, когда имъ угодно взяпь « его, и съ площадью, да будепъ ихъ воля. « Народъ слышалъ присягу и гоповъ цѣло- « вапь креспъ, ожидая всего опъ Государей, « какъ Богъ положипъ имъ на сердце, и не « имѣя уже инаго упованія. » Дьякъ Новогородскій списалъ сію кляпвенную грамопу, а Владыка и пять Концевъ уппвердили оную своими печапями. Января 13 многіе Бояре Новогордоскіе, Жипые люди и купцы присягнули въ спанѣ Іоанновомъ. Тупъ Государь велѣлъ сказапь имъ, чпо пригороды ихъ, Заволочане и Двиняне будупъ оппполѣ цѣловапь креспъ на имя Великихъ Князей, не упоминая о Новѣгородѣ; чпобы они не дерзали мспипь своимъ единоземцамъ, находящимся у него въ службѣ, ни Псковипянамъ, и въ случаѣ споровъ о земляхъ ждали рѣшенія опъ Намѣспниковъ, не присвоивая себѣ никакой своевольной управы. Новогородцы обѣщались, и вмѣспѣ съ Θеофиломъ просили, чпобы Государь благоволилъ изу-

спно и громко объявить имъ свое милосер- Г. 1478.
діе. Іоаннъ, возвысивъ голосъ, сказалъ: « Про-
« щаю, и буду отнынѣ жаловать тебя,
« своего богомольца, и нашу отчину, Вели-
« кій Новгородъ. »

Января 15 рушилось древнее Вѣче, которое до сего дня еще собиралось на Дворѣ Ярослава. Вельможи Московскіе, Князь Иванъ Юрьевичь, Ѳеодоръ Давидовичь и Сприга-Оболенскій, вступивъ въ палату Архіепископскую, сказали, что Государь, внявъ молепію Ѳеофила, всего священнаго Собора, Бояръ и гражданъ, навѣки забываетъ вины ихъ, въ особенности изъ уваженія къ ходатайству своихъ брапьевъ, съ условіемъ, чтобы Новгородъ, давъ искренній обѣтъ вѣрности, не измѣнялъ ему ни дѣломъ, ни мыслію[151]. Всѣ знатнѣйшіе граждане, Бояре, Житые люди, купцы цѣловали крестъ въ Архіепископскомъ домѣ, а Дьяки и воинскіе чиновники Іоанновы взяли присягу съ народа, съ Боярскихъ слугъ и женъ въ пяти Концахъ. Новогородцы выдали Іоанну ту грамоту, коею они условились споять пропивъ него единодушно, и которая скрѣплена была пятидесятью-осмью печатями[152].

Января 18 всѣ Бояре Новогородскіе, Дѣти Боярскіе и Житые люди били челомъ Іоанну, чтобы онъ принялъ ихъ въ свою службу. Имъ объявили, что сія служба, сверхъ иныхъ обязанностей, повелѣваетъ каждому изъ нихъ извѣщать Великаго Князя о вся-

Г. 1478. кихъ злыхъ противъ него умыслахъ, не исключая ни брата, ни друга, и пребуетъ скромностни въ тайнахъ Государевыхъ[153]. Они обѣщали то и другое. — Въ сей день Іоаннъ позволилъ городу имѣть свободное сообщеніе съ окрестностями; Января 20 отправилъ гонца въ Москву къ матери своей (которая безъ него постриглась въ Инокини), къ Митрополиту и къ сыну съ извѣстіемъ, что онъ *привелъ Великій Новгородъ во всю волю свою;* на другой день допустилъ къ себѣ тамошнихъ Бояръ, Житыхъ людей и купцевъ съ дарами, и послалъ своихъ Намѣстниковъ, Князя Ивана Стригу и брата его, Ярослава, занять Дворъ Ярославовъ; а самъ не ѣхалъ въ городъ, ибо тамъ свирѣпствовали болѣзни.

Наконецъ, 29 Января, въ Четвертокъ Масленой недѣли, онъ съ тремя братьями и съ Княземъ Василіемъ Верейскимъ прибылъ въ церковь Софійскую, отслушалъ Литургію, возвратился на Паозерье, и пригласилъ къ себѣ на обѣдъ всѣхъ знатнѣйшихъ Новогородцевъ. Архіепископъ предъ сломъ поднесъ ему въ даръ панагію обложенную золотомъ и жемчугами, струсово яицо окованное серебромъ въ видѣ кубка, чарку сердоликовую, хрустальную бочку, серебряную мису въ 6 фунтовъ и 200 корабельниковъ или 400 червонцевъ. Гости пили, ѣли и бесѣдовали съ Іоанномъ.

Февраля 1 онъ велѣлъ взять подъ стра-

жу Купеческаго Старосту, Марка Памфи- г.
ліева, Февраля 2 славную Марфу Борецкую 1478.
съ ея внукомъ Василіемъ Ѳеодоровымъ (ко-
его отецъ умеръ въ Муромской темницѣ),
а послѣ изъ Житыхъ людей Григорія Ки-
пріанова, Ивана Кузмина, Акинѳа съ сыномъ
Романомъ и Юрія Репехова, отвезши въ Мо-
скву, и все ихъ имѣніе описать въ казну.
Сіи люди были единственною жертвою гро-
знаго Московскаго Самодержавія, или какъ
явные, непримиримые враги его, или какъ
извѣстные друзья Литвы. Никто не смѣлъ
за нихъ вступиться. Февраля 3 Намѣстникъ
Великокняжескій, Иванъ Оболенскій-Стрига,
отыскалъ всѣ письменные договоры, заклю-
ченные Новогородцами съ Литвою, и вру-
чилъ ихъ Іоанну. — Все было спокойно; но
Великій Князь прислалъ въ городъ еще двухъ
иныхъ Намѣстниковъ, Василія Китая и Бо-
ярина Ивана Зиновьевича, для соблюденія
тишины, велѣвъ имъ занять домъ Архіе-
пископскій.

Февраля 8 Іоаннъ вторично слушалъ Ли-
тургію въ Софійской церкви и обѣдалъ у
себя въ станѣ съ братомъ Андреемъ Мень-
шимъ, съ Архіепископомъ и знатнѣйшими
Новогородцами. Февраля 12 Владыка Ѳео-
филъ предъ Обѣднею вручилъ Государю да-
ры: цѣпь, двѣ чары и ковшъ золотые, вѣ-
сомъ около девяти фунтовъ; вызолоченную
кружку, два кубка, мису и поясъ серебря-
ные, вѣсомъ въ тридцать одинъ фунтъ съ

Г. 1478 половиною, и 200 корабельниковъ. — Февраля 17, рано по упру, Великій Князь отправился въ Москву; на первомъ спанѣ, въ Ямнахъ, угоспилъ обѣдомъ Архіепископа, Бояръ и Житыхъ людей Новогородскихъ; принялъ отъ нихъ нѣсколько бочекъ вина и меда; самъ отдарилъ всѣхъ, отпустилъ съ милостію въ Новгородъ, и пріѣхалъ въ столицу 5 Марта. Въ слѣдъ за нимъ привезли въ Москву славный Вѣчевый колоколъ Новогородскій и повѣсили его на колокольнѣ Успенскаго Собора, на площади. — Если вѣрить сказанію современнаго Историка, Длугоша, то Іоаннъ пріобрѣлъ несмѣтное богатство въ Новѣгородѣ, и нагрузилъ 300 возовъ серебромъ, золотомъ, каменьями драгоцѣнными, найденными имъ въ древней казнѣ Епископской, или у Бояръ, коихъ имѣніе было описано, сверхъ безчисленнаго множества шелковыхъ тканей, суконъ, мѣховъ и проч. Другіе цѣнятъ сію добычу въ 14,000,000 флориновъ[134]: что безъ сомнѣнія увеличено.

Такъ Новгородъ покорился Іоанну, болѣе шести вѣковъ слывъ въ Россіи и въ Европѣ Державою народною или Республикою, и дѣйствительно имѣвъ образъ Демократіи: ибо Вѣче гражданское присвоивало себѣ не только законодательную, но и вышнюю исполнительную власть; избирало, смѣняло не только Посадниковъ, Тысячскихъ, но и Князей, ссылаясь на жалованную грамоту Ярослава Великаго; давало имъ власть, но

подчиняло ее своей верховной; принимало г. жалобы, судило и наказывало въ случаяхъ 1478. важныхъ; даже съ Московскими Государями, даже и съ Іоанномъ заключало условія, *взаимною* клятвою утверждаемыя, и въ нарушеніи оныхъ имѣя право мести или войны; однимъ словомъ, владычествовало какъ собраніе народа Аѳинскаго или Франковъ на полѣ Марсовомъ, представляя лице Новагорода, который именовался *Государемъ*. Не въ правленіи вольныхъ городовъ Нѣмецкихъ — какъ думали нѣкоторые Писатели — но въ первобытномъ составѣ всѣхъ Державъ народныхъ, отъ Аѳинъ и Спарты до Унтервальдена или Глариса, надлежитъ искать образцевъ Новогородской политической системы, напоминающей ту глубокую древность народовъ, когда они, избирая сановниковъ вмѣстѣ для войны и суда, оставляли себѣ право наблюдать за ними, свергать въ случаѣ неспособности, казнить въ случаѣ измѣны или несправедливости, и рѣшить все важное или чрезвычайное въ общихъ совѣтахъ. Мы видѣли, что Князья, Посадники, Тысяцкіе въ Новѣгородѣ судили тяжбы и предводительствовали войскомъ: такъ древніе Славяне, такъ нѣкогда и всѣ иные народы не знали различія между воинскою и судебною властію. Сердцемъ или главнымъ составомъ сей Державы были Огнищане или Житые люди, то есть, домовитые или владѣльцы: они же и первые воины, какъ естественные защитники оте-

Г. 1478. чества; изъ нихъ выходили *Бояре* или граждане знаменитые заслугами. Торговля произвела купцевъ: они, какъ менѣе способные къ ратному дѣлу, занимали вторую степень; а третью свободные, но бѣднѣйшіе люди, названные Черными. Граждане *Младшіе* явились въ новѣйшія времена и спали между купцами и Черными людьми. Каждая степень безъ сомнѣнія имѣла свои права: вѣроятно, что Посадники и Тысячскіе избирались только изъ Бояръ; а другіе сановники изъ Житыхъ, купцевъ и Младшихъ гражданъ, но не изъ Черныхъ людей, хотя и послѣдніе участвовали въ приговорахъ Вѣча[185]. Бывшіе Посадники, въ отличіе отъ Степенныхъ или настоящихъ именуясь *Старыми*, преимущественно уважались до конца жизни. — Умъ, сила и властолюбіе нѣкоторыхъ Князей, Мономаха, Всеволода III, Александра Невскаго, Калиты, Донскаго, сына и внука его, обуздывали свободу Новогородскую, однакожь не перемѣнили ея главныхъ уставовъ, коими она столько вѣковъ держалась, стѣсняемая временно, но никогда не отказываясь отъ своихъ правъ.

Обозрѣніе Исторіи Новагорода.

Исторія Новагорода составляетъ любопытнѣйшую часть древней Россійской. Въ самыхъ дикихъ мѣстахъ, въ климатѣ суровомъ основанный, можетъ быть, толпою Славянскихъ рыбарей, которые въ водахъ Ильменя наполняли свои мрежи изобильнымъ ловомъ, онъ умѣлъ возвыситься до степени

Державы знаменитой. Окруженный слабыми, мирными племенами Финскими, рано научился господствовать въ сосѣдствѣ; покоренный смѣлыми Варягами, заимствовалъ отъ нихъ духъ купечества, предпріимчивость и мореплаваніе; изгналъ сихъ завоевателей, и будучи жертвою внутренняго безпорядка, замыслилъ Монархію, въ надеждѣ доставить себѣ тишину для успѣховъ гражданскаго общежитія и силу для отраженія внѣшнихъ непріятелей; рѣшилъ тѣмъ судьбу цѣлой Европы сѣверной, и давъ бытіе, давъ Государей нашему отечеству, успокоенный ихъ властію, усиленный толпами мужественныхъ пришельцевъ Варяжскихъ, захотѣлъ опять древней вольности: сдѣлался собственнымъ законодателемъ и судіею, ограничивъ власть Княжескую; воевалъ и купечествовалъ; еще въ X вѣкѣ торговалъ съ Царемградомъ[136], еще во XII посылалъ корабли въ Любекъ[137]; сквозь дремучіе лѣса отпкрылъ себѣ путь до Сибири, и горстію людей покоривъ обширныя земли между Ладогою, морями Бѣлымъ и Карскимъ, рѣкою Обію и нынѣшнею Уфою, насадилъ тамъ первыя семена гражданственности и Вѣры Христіанской; передавалъ Европѣ товары Азіатскіе и Византійскіе, сверхъ драгоцѣнныхъ произведеній дикой Натуры; сообщалъ Россіи первые плоды ремесла Европейскаго, первыя отпкрытія Искусствъ благодѣтельныхъ; славясь хитростію въ торговлѣ[138], г. 1478.

Г. 1478. славился и мужествомъ въ битвахъ, съ гордостію указывая на свои стѣны, подъ коими легло многочисленное войско Андрея Боголюбскаго; на Альпу, гдѣ Ярославъ Великій съ вѣрными Новогородцами побѣдилъ злочестиваго Святополка; на Липицу, гдѣ Мстиславъ Храбрый съ ихъ дружиною сокрушилъ ополченіе Князей Суздальскихъ[159]; на берега Невы, гдѣ Александръ смирилъ надменность Биргера, и на поля Ливонскія, гдѣ Орденъ Меченосцевъ сполъ часно уклонялъ знамена предъ Святою Софіею, обращаясь въ бѣгство. Такія воспоминанія, питая народное честолюбіе, произвели извѣстную пословицу: *Кто противъ Бога и Великаго Новагорода*[160]? Жители его хвалились и пѣмъ, что они не были рабами Моголовъ, какъ иные Россіяне: хотя и платили дань Ординскую, но Великимъ Князьямъ, не зная Баскаковъ и не бывъ никогда подвержены ихъ тиранству.

Лѣтописи Республикъ обыкновенно представляютъ намъ сильное дѣйствіе страстей человѣческихъ, порывы великодушія и не рѣдко умилительное торжество добродѣтели, среди мятежей и безпорядка, свойственныхъ народному правленію: такъ и лѣтописи Новагорода въ неискусственной простотѣ своей являютъ черты плѣнительныя для воображенія. Тамъ народъ, подвигнутый омерзѣніемъ къ злодѣйствамъ Святополка, забываетъ жестокость Ярослава I,

хопящаго удалишься къ Варягамъ; разсѣ- г.
каепъ ладіи, приготовленныя для его бѣг- 1478.
спва, и говоритъ ему: « ты умертвилъ на-
« шихъ братьевъ, но мы идемъ съ тобою
« на Святополка и Болеслава; у тебя нѣтъ
« казны: возьми все, что имѣемъ[161]. « Здѣсь
Посадникъ Твердиславъ, несправедливо го-
нимый, слышитъ вопли убійцъ, посланныхъ
вонзить ему мечь въ сердце, и велитъ не-
сти себя больнаго на градскую площадь, да
умретъ предъ глазами народа, если вино-
венъ, или будетъ спасенъ его защитою,
если невиненъ; поражествуетъ, и навѣки
заключается въ монастырь, жертвуя спо-
койствію сограждан всѣми пріятностями
чесполюбія и самой жизни[162]. Тутъ достой-
ный Архіепископъ, держа въ рукѣ крестъ,
является среди ужасовъ междоусобной бра-
ни; возноситъ руку благословляющую, име-
нуетъ Новогородцевъ дѣтьми своими, и
стукъ оружія умолкаетъ: они смиряются и
братски обнимаютъ другъ друга[163]. Въ би-
твахъ съ врагами иноплеменными Посадники,
Тысячскіе умирали впереди за Святую Со-
фію[164]. Святители Новогородскіе, избирае-
мые гласомъ народа, по всеобщему уваженію
къ ихъ личнымъ свойствамъ, превосходили
иныхъ достоинствами Пастырскими и граж-
данскими; истощали казну свою для общаго
блага; строили стѣны, башни, мосты, и
даже посылали на войну особенный полкъ,
который назывался *Владычнимъ*[165]; будучи

Г. 1478. главными блюстителями правосудія, внутренняго благоустройства, мира, ревностно стояли за Новгородъ, и не боялись ни гнѣва Митрополитовъ, ни мести Государей Московскихъ[166]. — Видимъ также нѣкоторыя постоянныя правила великодушія въ дѣйствіяхъ сего, часто легкомысленнаго народа: таковымъ было не превозноситься въ успѣхахъ, изъявлять умѣренность въ счастіи, твердость въ бѣдствіяхъ, давать пристанище изгнанникамъ, вѣрно исполнять договоры, и слово: *Новогородская честь*, *Новогородская душа*, служило иногда вмѣсто клятвы[167]. — Республика держится добродѣтелію, и безъ нее упадаетъ.

Паденіе Новагорода ознаменовалось упрапою воинскаго мужества, которое уменьшается въ Державахъ торговыхъ съ умноженіемъ богатства, располагающаго людей къ наслажденіямъ мирнымъ. Сей народъ считался нѣкогда самымъ воинственнымъ въ Россіи, и гдѣ сражался, тамъ побѣждалъ, въ войнахъ междоусобныхъ и внѣшнихъ[168]: такъ было до XIV столѣтія. Счастіемъ спасенный отъ Батыя, и почти свободный отъ ига Моголовъ, онъ болѣе и болѣе успѣвалъ въ купечествѣ, но слабѣлъ доблестію: сія вторая эпоха, цвѣтущая для торговли, бѣдственная для гражданской свободы, начинается со временъ Іоанна Калиты. Богатые Новогородцы стали откупаться серебромъ отъ Князей Московскихъ и Литвы; но вольность

спасается не серебромъ, а готовностію умретъ за нее: кто откупается, тотъ признаетъ свое безсиліе, и манитъ къ себѣ Властелина. Ополченія Новогородскія въ XV вѣкѣ уже не представляютъ намъ ни пылкаго духа, ни искусства, ни успѣховъ блестящихъ. Что кромѣ неустройства и малодушнаго бѣгства видимъ въ послѣднихъ рѣшительныхъ битвахъ за свободу? Она принадлежитъ льву, не агнцу, и Новгородъ могъ только избирать одного изъ двухъ Государей, Литовскаго или Московскаго: къ счастію, наслѣдники Витовтовы не наслѣдовали его души, и Богъ даровалъ Россіи Іоанна. г. 1478.

Хотя сердцу человѣческому свойственно доброжелательствовать Республикамъ, основаннымъ на коренныхъ правахъ вольности, ему любезной; хотя самыя опасности и безпокойства ея, питая великодушіе, плѣняютъ умъ, въ особенности юный, малоопытный; хотя Новогородцы, имѣя правленіе народное, общій духъ торговли и связь съ образованнѣйшими Нѣмцами, безъ сомнѣнія отличались благородными качествами отъ другихъ Россіянъ, униженныхъ тиранствомъ Моголовъ: однакожь Исторія должна прославить въ семъ случаѣ умъ Іоанна, ибо государственная мудрость предписывала ему усилить Россію твердымъ соединеніемъ частей въ цѣлое, чтобы она достигла независимости и величія, то есть, чтобы не

Г. 1478. погибла опъ ударовъ новаго Батыя или Виѳовпа; ипогда не уцѣлѣлъ бы и Новгородъ: взявъ его владѣнія, Государь Московскій поспавилъ одну грань своего Царспва на берегу Наровы, въ угрозу Нѣмцамъ и Шведамъ, а другую за Каменнымъ Поясомъ или хребпюмъ Уральскимъ, гдѣ баснословная Древность воображала испочники богапспва, и гдѣ они дѣйспвипельно находились, во глубинѣ земли, обильной мепаллами, и во пьмѣ лѣсовъ, наполненныхъ соболями. — Имперапоръ Гальба сказалъ: «Я былъ бы доспоинъ возспановипь свободу Рима, если бы Римъ могъ пользоваться ею[139].» Испорикъ Русскій, любя и человѣческія и государспвенныя добродѣпели, можепъ сказапь: Іоаннъ былъ доспоинъ сокрупшипь уплую вольноспь Новогородскую, ибо хопѣлъ пверда-го блага всей Россіи.

Здѣсь умолкаепъ *особенная* Испорія Новагорода. Прибавимъ къ ней оспальныя извѣспія о судьбѣ его въ государспвованіе Іоанна. Въ 1479 году Великій Князь ѣздилъ пуда, смѣнилъ Архіепископа Ѳеофила, будпо бы за пайную связь съ Липвою[170], и прислалъ въ Москву, гдѣ онъ черезъ шеспь лѣпъ умеръ въ Обипели Чудовской, какъ послѣдній изъ знаменипыхъ народныхъ Владыкъ; преемникомъ его былъ Іеромонахъ Троицкій, именемъ Сергій, избранный *по жребію* изъ прехъ духовныхъ особъ: чѣмъ Великій Князь хопѣлъ изъявипь уваженіе къ древне-

му обычаю Новогородцевъ, отнявъ у нихъ право имѣть *собственныхъ* Святителей. Сей Архіепископъ, не любимый гражданами, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ возвратился въ Троицкую Обитель за болѣзнію[171]. Мѣсто его заступилъ Чудовскій Архимандритъ Геннадій. —Не могъ вдругъ исчезнуть духъ свободы въ народѣ, который пользовался ею столько вѣковъ, и хотя не было общаго мятежа, однакожъ Іоаннъ видѣлъ неудовольствіе и слышалъ тайныя жалобы Новогородцевъ: надежда, что вольность можетъ воскреснуть, еще жила въ ихъ сердцѣ; не рѣдко обнаруживалась природная имъ строптивость; открывались и злые умыслы. Чтобы искоренить сей опасный духъ, онъ прибѣгнулъ къ средству рѣшительному: въ 1481 году велѣлъ взять тамъ подъ стражу знатныхъ людей: Василія Казимера съ братомъ Яковомъ Коробомъ, Михаила Берденева и Луку Ѳедорова, а скоро и всѣхъ главныхъ Бояръ, коихъ имущество, движимое и недвижимое, описали на Государя. Нѣкоторыхъ, обвиняемыхъ въ измѣнѣ, пытали: они сами доносили другъ на друга; но приговоренные къ смерти, объявили, что взаимные ихъ доносы были клеветою, вынужденною муками: Іоаннъ велѣлъ разослать ихъ по темницамъ; другимъ, явно невиннымъ, далъ помѣстья въ областяхъ Московскихъ. Въ числѣ богатѣйшихъ гражданъ тогда започтенныхъ, Лѣтописецъ именуетъ *славную жену*

1478.

г. Анаспасію и Боярина Ивана Козмина: у пер-
1478. вой въ 1476 году пировалъ Великій Князь съ Дворомъ своимъ; а впорый уходилъ въ Липву съ придцапью слугами, но будучи недоволенъ Казимиромъ, возвратился въ отчизну и думалъ по крайней мѣрѣ умерепь памъ спокойно[172]. — Въ 1487 году перевели изъ Новагорода въ Владиміръ 50 лучшихъ семейспвъ купеческихъ. Въ 1488 году Намѣспникъ Новогородскій, Яковъ Захарьевичь, казнилъ и повѣсилъ многихъ Жипыхъ людей, копорые хопѣли убипь его, и прислалъ въ Москву болѣе осьми пысячь Бояръ, имепитыхъ гражданъ и купцевъ, получившихъ земли въ Владиміръ, Муромъ, Нижнемъ, Переславлѣ, Юрьевѣ, Росповѣ, Костромѣ; а на ихъ земли, въ Новгородъ, послали Москвишянъ, людей служивыхъ и госпей[175]. Симъ переселеніемъ былъ навѣки усмиренъ Новгородъ. Оспался трупъ: душа исчезла; иные жипели, иные обычаи и нравы, свойспвенные Самодержавію. Іоаннъ въ 1500 году, съ согласія Митрополипова, роздалъ всѣ Новогородскія церковныя имѣнія въ помѣспье Дѣпямъ Боярскимъ[174].

Одинъ Псковъ еще сохранилъ древнее гражданское образованіе, Вѣче и народныхъ сановниковъ, обязанный пѣмъ своему послушанію. Великій Князь, довольный его содѣйспвіемъ въ походѣ Новогородскомъ, прислалъ ему въ даръ кубокъ, и милоспиво обѣщалъ *не премпнять старины*; а свѣдавъ, чпо По-

слы Великокняжескіе дѣлаютъ тамъ наглыя обиды жителямъ, съ гордостію отвергаютъ дары Вѣча, но своевольно берутъ у гражданъ и поселянъ, что имъ вздумается, онъ строго запретилъ такія насилія[175]. Въ семъ случаѣ, какъ и въ другихъ, видимъ Іоанново правило соглашать вводимое имъ Единовластіе съ уставомъ естественной справедливости, и не отнимать ничего безъ вины. Псковъ удержалъ до времени свои законы гражданскіе, ибо не оспоривалъ Государевой власти отмѣнить ихъ. Г. 1478.

Довольный славнымъ успѣхомъ Новогородскаго похода, Іоаннъ скоро насладился и живѣйшею семейственною радостію. Софія была уже матерію трехъ дочерей: Елены, Ѳеодосіи и второй Елены[176]; хотѣла сына, и вмѣстѣ съ супругомъ печалилась, что Богъ не исполняетъ ихъ желанія. Для сего ходила она пѣшкомъ молиться въ Обители Троицкую, гдѣ, какъ пишутъ, явился ей Св. Сергій, держа на рукахъ своихъ благовиднаго младенца, приближился къ Великой Княгинѣ и *ввергнулъ его въ ея нѣдра*: Софія запрепетала отъ видѣнія столь удивительнаго; съ усердіемъ облобызала мощи Святаго, и чрезъ девять мѣсяцевъ родила сына, Василія-Гавріила. Сію повѣсть разсказывалъ самъ Василій (уже будучи Государемъ) Митрополиту Іоасафу[177]. Послѣ того Софія имѣла четырехъ сыновей: Георгія, Димитрія, Симеона, Андрея, дочерей Ѳеодосію и Евдокію[178]. Рождение Василія-Гавріила.

Покореніе Новагорода есть важная эпоха сего славнаго княженія: слѣдуетъ другая, еще важнѣйшая: торжественное возстановленіе нашей государственной независимости, соединенное съ конечнымъ паденіемъ Большей или Золотой Орды. Тутъ ясно открылась мудрость Іоанновой Политики, которая неусыпно искала дружбы Хановъ Таврическихъ, чтобы силою ихъ обуздывать Ахмата и Литву. Не долго Зенебекъ
Г. 1478—80. господствовалъ въ Тавридѣ: Менгли-Гирей изгналъ его, воцарился снова и прислалъ известить о томъ Іоанна, который немедленно отправилъ къ нему гонца съ поздравленіемъ, а скоро (въ 1480 году) и Боярина, Князя Ивана Звенца[179]. Сей Посолъ долженъ былъ сказать Хану, что Великій Князь, изъ особенной къ нему дружбы, принялъ къ себѣ не только изгнаннаго Царя Зенебека, но и двухъ братьевъ Менгли-Гиреевыхъ, Нордоулата и Айдара, живших прежде въ Литвѣ, дабы отнять у нихъ способъ вредить ему; что Государь согласенъ дѣйствовать съ Менгли-Гиреемъ противъ Ахмата, если онъ будетъ ему поборникомъ противъ Казимира Литовскаго. На сихъ условіяхъ надлежало Послу заключить союзъ съ Ханомъ: для чего и дали ему *шертную* или клятвенную грамоту съ повелѣніемъ изъяснить Вельможамъ Крымскимъ, сколь усердно Государь доброжелательствуетъ ихъ Царю. Сверхъ того Бояринъ Звенецъ имѣлъ

Посольство въ Крым.

порученіе оподать Хану на-единѣ тайную грамоту, утвержденную креспнымъ цѣло- 1478
ваніемъ и золотою печатію: сею грамотою, —80.
по желанію Менгли-Гирея написанною, Вели-
кій Князь обязывался дружески принять его
въ Россіи, буде онъ въ претій разъ лишится
престола; не только обходиться съ нимъ
какъ съ Государемъ вольнымъ, независимымъ,
но и способствовать ему всѣми силами къ
возвращенію Царства. Испытавъ непостоя-
нство судьбы, умный, добрый Менгли-Ги-
рей хотѣлъ взять мѣры на случай ея по-
выхъ превратностей и заблаговременно из-
готовить себѣ убѣжище: сія печальная
мысль расположила его къ самому вѣрному
дружеству съ Іоанномъ. Боярин Звенецъ
успѣлъ совершенно въ дѣлѣ своемъ: заклю-
чили союзъ, искренностію и Политикою
утвержденный; условились вмѣстѣ воевать
или мириться; наблюдать всѣ движенія Ах-
мата и Литвы; тайно или явно мѣшать
ихъ замысламъ, вреднымъ для той или дру-
гой стороны; наконецъ обѣимъ Державамъ,
Москвѣ и Крыму, дѣйствовать какъ единой
во всѣхъ случаяхъ.

Увѣренный въ дружбѣ Менгли-Гирея и въ собственныхъ силахъ, Іоаннъ по извѣстію нѣкоторыхъ Лѣтописцевъ, рѣшился вывести Ахмата изъ заблужденія и торжественно объявить свободу Россіи слѣдующимъ образомъ. Сей Ханъ отправилъ въ Москву новыхъ Пословъ требовать дани. Ихъ пред- Свержение ига Ханскаго.

Г. 1478 — 80. спавили къ Іоанну: онъ взялъ *басму* (или образъ Царя), изломалъ ее, бросилъ на землю, распоипалъ ногами[180]; велѣлъ умертвить Пословъ, кромѣ одного, и сказалъ ему: «спѣши объявить Царю видѣнное по- «бою; что сдѣлалось съ его *басмою* и По- «слами, то будетъ и съ нимъ, если онъ «не оставитъ меня въ покоѣ.» Ахматъ воскипѣлъ яростію. «Такъ поступаетъ рабъ «нашъ, Князь Московскій!» говорилъ онъ своимъ Вельможамъ, и началъ собирать войско. Другіе Лѣтописцы, согласнѣе съ характеромъ Іоанновой осторожности и съ послѣдствіями, приписываютъ ополченіе Ханское единственно наущеніямъ Казимировымъ. Съ ужасомъ видя возрастающее величіе Россіи, сей Государь послалъ одного служащаго ему Князя Татарскаго, именемъ Акирея Мурзовича[181], въ Золотую Орду, склонять Ахмата къ сильному вторженію въ Россію, обѣщая съ своей стороны сдѣлать то же. Время казалось благопріятнымъ: Орда была спокойна; племянникъ Ахматовъ, именемъ Касыда, долго споривъ съ дядею о Царствѣ, наконецъ съ нимъ примирился[182]. Злобствуя на Великаго Князя за его ослушаніе[183] и не довольный умѣренностію даровъ его, Ханъ условился съ Королемъ, чтобы Татарамъ итти изъ Волжскихъ Улусовъ къ Окѣ, а Литовцамъ къ берегамъ Угры, и съ двухъ сторонъ въ одно время вступить въ Россію. Первый сдержалъ слово, и лѣтомъ (въ 1480

году) двинулся къ предѣламъ Московскимъ со всею Ордою, съ племянникомъ Касыдою, съ шеспью сыновьями и множесшвомъ Князей Тапарскихъ. — Къ ободренію враговъ нашихъ служила тогда и несчасшная распря Іоаннова съ брашьями: обсшояшельсшва ея досшойны замѣчанія[184]. г. 1478—80.

Государь, смѣнивъ Намѣсшника бывшаго въ Великихъ Лукахъ, Князя Ивана Оболенскаго-Лыка, велѣлъ ему заплашишь большее количесшво серебра шамошнимъ граждапамъ, которые приносили на него жалобы, опчаспи несправедливыя. Князь Лыко въ досадѣ уѣхалъ къ брашу Іоаннову, Борису, въ Волокъ Ламскій, пользуясь древнимъ правомъ Боярскимъ переходишь изъ службы Государя Московскаго къ Князьямъ Удѣльнымъ. Іоаннъ пребовалъ сего бѣглеца опъ брапа; но Борисъ опвѣшсшвовалъ: «не выдаю; а «если онъ виновенъ, по нарядимъ судъ.» Вмѣспо суда Великій Князь приказалъ Намѣсшнику Боровскому шайно схвашишь Лыка, гдѣ бы по ни было, и скованнаго предсшавишь въ Москву: чшо онъ и сдѣлалъ. Князь Борисъ Васильевичь оскорбился; писалъ къ брашу, Андрею Суздальскому, о семъ беззаконномъ насиліи, и говорилъ, чшо Іоаннъ ширанспвуешъ, презираешъ свяшые древніе успавы и единоупробныхъ, не далъ имъ часши ни изъ Удѣла Юріева, ни изъ обласшей Новогородскихъ, завоевавъ ихъ вмѣспѣ съ ними; чшо шерпѣнію долженъ быпь

Ссора Великаго Князя съ брашьями.

Г. 1478—80. конецъ, и что они не могутъ послѣ того жить въ Государствѣ Московскомъ. Андрей былъ такого же мнѣнія: собравъ многочисленную дружину, оба съ женами и дѣтьми выѣхали изъ своихъ Удѣловъ; не хотѣли слушать Боярина Іоаннова посланнаго уговорить ихъ[185]; спѣшили къ Литовской границѣ, злодѣйствуя на пути огнемъ и мечемъ, какъ въ землѣ непріятельской; остановились въ Великихъ Лукахъ и требовали отъ Казимира, чтобы онъ за нихъ вступился. Король, обрадованный симъ случаемъ[186], далъ городъ Витебскъ на содержаніе ихъ семействъ, къ крайнему безпокойству всѣхъ Россіянъ, устрашенныхъ вѣроятностію междоусобной войны[187]. Между тѣмъ Великій Князь подозрѣвалъ мать свою въ тайномъ согласіи съ его братьями, зная отмѣнную любовь ея къ Андрею[188], и хотѣлъ быть великодушнымъ: послалъ къ нимъ Ростовскаго Святителя, Вассіана, съ Бояриномъ Василіемъ Ѳедоровичемъ Образцемъ, и предлагалъ миръ искренній, обѣщая Андрею, сверхъ наслѣдственнаго Удѣла, Алексинъ и Калугу. Но братья съ гордостію отвергнули всѣ убѣжденія Вассіановы и милость Іоаннову.

Походъ Ахмата на Россію.

Тогда услышали въ Москвѣ о походѣ Ахмата, который шелъ медленно, ожидая вѣстей отъ Казимира. Іоаннъ все предвидѣлъ: какъ скоро Золотая Орда двинулась, Менгли-Гирей, вѣрный его союзникъ, по усло-

вію съ нимъ напалъ на Липовскую Подолію и пѣмъ оппвлекъ Казимира опъ содѣйспвія съ Ахмапомъ. Зная же, чпо сей послѣдній оспавилъ въ своихъ улусахъ полько женъ, дѣпей и спарцевъ, Іоаннъ велѣлъ Крымскому Царевичу Нордоулапу и Воеводѣ Звенигородскому, Князю Василію Ноздроватому, съ небольшимъ опрядомъ сѣспь на суда и плыпь пуда Волгою, чпобы разгромипь беззащипную Орду или по крайней мѣрѣ успрашипь Хана[189]. Москва въ нѣсколько дней наполнилась рапниками. Передовое войско уже спояло на берегу Оки. Сынъ Великаго Князя, Младый Іоаннъ, выспупилъ со всѣми полками изъ сполицы въ Серпуховъ 8 Іюня; а дядя его, Андрей Меньшій, изъ своего Удѣла. Самъ Государь еще оспавался въ Москвѣ недѣль шеспь; наконецъ, свѣдавъ о приближеніи Ахмапа къ Дону, 23 Іюня опправился въ Коломну, поручивъ храненіе сполицы дядѣ своему, Михаилу Андреевичу Верейскому, и Боярину Князю Ивану Юрьевичу, Духовенспву, купцамъ и народу. Кромѣ Мипрополипа, находился памъ Архіепископъ Росповскій, Вассіанъ, спарецъ ревноспный ко славѣ опечеспва[190]. Супруга Іоаннова вьѣхала съ Дворомъ своимъ въ Дмипровъ, опкуда на судахъ удалилась къ предѣламъ Бѣлаозера: а маппь его, Инокиня Марѳа, внявъ убѣжденіямъ Духовенспва, къ упѣшенію народа оспалась въ Москвѣ[191].

1478—80. г.

Великій Князь принялъ самъ начальспво

Г. 1480. надъ войскомъ, прекраснымъ и многочисленнымъ, которое спояло на берегахъ Оки рѣки, готовое къ битвѣ.[192] Вся Россія съ надеждою и спрахомъ ожидала слѣдствій. Іоаннъ былъ въ положеніи Димитрія Донскаго, шедшаго сразиться съ Мамаемъ: имѣлъ полки лучше устроенные, Воеводъ опытнѣйшихъ, болѣе славы и величія; но зрѣлостію лѣтъ, природнымъ хладнокровіемъ, осторожностію располагаемый не вѣритъ слѣпому счастію, которое иногда бываетъ сильнѣе доблести въ битвахъ, онъ не могъ спокойно думать, что одинъ часъ рѣшитъ судьбу Россіи; что всѣ его великодушные замыслы, всѣ успѣхи медленные, постепенные, могутъ кончиться гибелію нашего войска, развалинами Москвы, новою тягчайшею неволею отечества, и единственно *отъ нетерпѣнія:* ибо Золотая Орда нынѣ или завтра долженствовала исчезнуть по ея собственнымъ, внутреннимъ причинамъ разрушенія. Димитрій побѣдилъ Мамая, чтобы видѣть пепелъ Москвы и платить дань Тохтамышу: гордый Витовтъ, презирая остатки Капчакскаго Ханства, хотѣлъ однимъ ударомъ сокрушить ихъ, и погубилъ рать свою на берегахъ Ворсклы. Іоаннъ имѣлъ славолюбіе не воина, но Государя: а слава послѣдняго состоитъ въ цѣлости Государства, не въ личномъ мужествѣ: цѣлость, сохраненная осмотрительною уклончивостію, славнѣе гордой отважности, которая подвергаетъ народъ бѣдствію. Сіи мысли ка-

зались благоразумiемъ Великому Князю и нѣкоторымъ изъ Бояръ, такъ, что онъ желалъ, если можно, удалить рѣшительную битву. Т. 1480.

Ахматъ, слыша, что берега Оки къ Рязанскимъ предѣламъ вездѣ заняты Іоанновымъ войскомъ, пошелъ отъ Дона мимо Мценска, Одоева и Любутска къ Угрѣ, въ надеждѣ соединиться тамъ съ Королевскими полками, или вступить въ Россiю съ той стороны, откуда его не ожидали. Великiй Князь, давъ повелѣнiе сыну и брату итти къ Калугѣ и стать на лѣвомъ берегу Угры, самъ пріѣхалъ въ Москву, гдѣ жители посадовъ перебиралися въ Кремль съ своимъ драгоцѣннѣйшимъ имѣнiемъ, и видя Іоанна, вообразили, что онъ бѣжитъ отъ Хана. Многiе кричали въ ужасѣ: «Государь выдаетъ насъ «Татарамъ! отягощалъ землю налогами, и «не платилъ дани Ординской! разгнѣвилъ «Царя, и не стоитъ за отечество!» Сiе неудовольствiе народное, по словамъ одного Лѣтописца[193], столь огорчило Великаго Князя, что онъ не въѣхалъ въ Кремль, но остановился въ Красномъ селѣ, объявивъ, что прибылъ въ Москву для совѣта съ маторiю, Духовенствомъ и Боярами. «Иди же смѣло на врага!» сказали ему единодушно всѣ Духовные и мiрскiе сановники. Архiепископъ Вассiанъ, сѣдый, ветхiй старецъ, въ великодушномъ порывѣ ревностной любви къ отечеству воскликнулъ: «Смертнымъ ли боятъ-

Г. «ся смерши? Рокъ неизбѣженъ. Я спаръ и
1480. «слабъ; но не убоюся меча Тапарскаго, не «опвращу лица моего опъ его блеска[194].» — Іоаннъ желалъ видѣпь сына, и велѣлъ ему быпь въ сполицу съ Даніиломъ Холмскимъ: сей пылкій юноша не поѣхалъ, опвѣпсповуя родипелю: «ждемъ Тапаръ»; а Холмскому: «лучше мнѣ умерепь здѣсь, нежели уда-«литься опъ войска.» Великій Князь успупилъ общему мнѣнію, и далъ слово крѣпко пропивоборспвовапь Хану. Въ сіе время онъ помирился съ брапьями, коихъ Послы находились въ Москвѣ; обѣщалъ жипь съ ними дружно, надѣлипь ихъ новыми волоспями, пребуя единспвенно, чпобы они спѣшили къ нему съ своею воинскою дружиною для спасенія опечеспва. Мапь, Мипрополипъ, Архіепископъ Вассіанъ, добрые совѣпники, а всего болѣе опасноспь Россіи, къ чеспи обѣихъ сторонъ, прекрапили вражду единокровныхъ[195]. — Іоаннъ взялъ мѣры для защипы городовъ; опрядилъ Дмипровцевъ въ Переславль[196], Москвипянъ въ Дмипровъ; велѣлъ сжечь посады вокругъ сполицы, и 3 Окпября, принявъ благословеніе опъ Мипрополипа, поѣхалъ къ войску. Никпо ревностнѣе Духовенспва не ходапайспвовалъ погда за свободу опечеспва и за необходимоспь упвердипь оную мечемъ. Первосвяпипель Геронпій, знаменуя Государя креспомъ, съ умиленіемъ сказалъ: «Богъ да «сохранипъ пвое Царспво и даспъ тебѣ

«побѣду, якоже древле Давиду и Конспан- Г.
«шину! Мужайся и крѣпися, о сынъ духов- 1480.
«ный! какъ испинный воинъ Христовъ.
«Добрый паспырь полагаепъ душу свою за «овцы: шы не наемникъ! Избави врученное «тебѣ Богомъ словесное спадо опъ гряду- «щаго нынѣ звѣря. Господь намъ поборникъ!» Всѣ Духовные примолвили: *Аминь! буди тако!* и молили Великаго Князя не слушапь мнимыхъ друзей мира, коварныхъ или малодушныхъ.

Іоаннъ пріѣхалъ въ Кременецъ, городокъ на берегу Лужи[197], и далъ знашь Воеводамъ, чпо будешъ оппуда управляпь ихъ движеніями. Полки наши, расположенные на шеспидесяпи верспахъ, ждали непріяпеля, опразивъ легкій передовый опрядъ его, копорый искалъ переправы черезъ Угру. 8 Окпября, на восходѣ солнца, вся сила Ханская подспупила къ сей рѣкѣ. Сынъ и брапъ Великаго Князя стояли на пропивномъ берегу. Съ обѣихъ споронъ пускали спрѣлы: Россіяне дѣйспвовали и пищалями. Ночь прекрапила бипву. На другой, трепій и чепвёрпый день опять сражались издали. Видя, чпо наши не бѣгупъ, и спрѣляюпъ мѣпко, въ особенноспи изъ пищалей, Ахмапъ удалился за двѣ верспы опъ рѣки, спалъ на обширныхъ лугахъ и распуспилъ войско по Липовской землѣ для собранія съѣспныхъ припасовъ[198]. Между пѣмъ многіе Тапары выѣзжали изъ спана на берегъ и кричали на-

Г. нимъ: «Дайпе пупь Царю, или онъ силою
1480. «дойдепъ до Великаго Князя, а вамъ бу-
«депъ худо.»

Миновало нѣсколько дней. Іоаннъ совѣповался съ Воеводами: всѣ изъявляли бодроспь, хопя и говорили, чпо силы непріяпельскія велики. Но онъ имѣлъ двухъ любимцевъ, Бояри-на Ощеру и Григорія Мамона, коего маспь была сожжена Княземъ Іоанномъ Можайскимъ за мнимое волшебспво[199]: сіи, какъ сказано въ лѣпописи, пучные Вельможи любили свое имѣніе, женъ и дѣпей гораздо болѣе опечеспва, и не преспавали *шептать* Государю, чпо лучше искапь мира. Они смѣялись надъ геройспвомъ нашего Духовенспва, копорое, не имѣя поняпія о случайноспяхъ войны, хочепъ кровопролипія и бипвы; напоминали Великому Князю о судьбѣ его родипеля, Василія Темнаго, плѣненнаго Тапарами; не успыдились думапь, чпо Государи Московскіе, издревле обязывая себя кляпвою не поднимапь руки на Хановъ, не могупъ безъ вѣроломспва воевапь съ ними. Сіи внушенія дѣйспвовали пѣмъ сильнѣе, чпо были согласны съ правилами собспвеннаго опасливаго ума Іоаннова. Любимцы его жалѣли своего богапспва: онъ жалѣлъ своего величія, снисканнаго прудами осьмнадцапи лѣпъ, и не увѣренный въ побѣдѣ, мыслилъ сохранипь оное дарами, учпивоспями, обѣщаніями. Однимъ словомъ, Государь послалъ Боярина, Ивана Ѳедоро-

вича Товаркова, съ мирными предложеніями г. къ Ахмату и Князю Ординскому, Темиру. 1480.
Но Царь не хотѣлъ слушать ихъ, отвергнулъ дары, и сказалъ Боярину: «я пришелъ «сюда наказать *Ивана* за его неправду, за «то, что онъ не ѣдетъ ко мнѣ, не бьетъ «челомъ и уже *девять* лѣтъ не платилъ да- «ни. Пусть самъ явится предо мною: тог- «да Князья наши будутъ за него ходатай- «ствовать, и я могу оказать ему милость[200].» Темиръ также не взялъ даровъ, ответствуя, что Ахматъ гнѣвенъ, и что Іоаннъ долженъ у *Царскаго стремени* вымолить себѣ прощеніе. Великій Князь не могъ унизиться до такой степени рабольпства. Получивъ отказъ, Ахматъ сдѣлался снисходительнѣе, и велѣлъ объявить Іоанну, чтобы онъ прислалъ сына или брата, или хотя Вельможу, Никифора Басенка, угодника Ординскаго. Государь и на то не согласился[201]. Переговоры кончились.

Свѣдавъ объ нихъ, Митрополитъ Геронтій, Архіепископъ Вассіанъ и Паисій, Игуменъ Троицкій, убѣдительными грамотами напоминали Великому Князю обѣтъ его стоять крѣпко за отечество и Вѣру. Старецъ Вассіанъ писалъ такъ[202]:

Посланіе Архіепископа Вассіана къ Великому Князю

«Наше дѣло говорить Царямъ истину: «что я прежде изустно сказалъ тебѣ, слав- «нѣйшему изъ Владыкъ земныхъ, о томъ «нынѣ пишу, ревностно желая утвердить «твою душу и Державу. Когда ты, внявъ

Г. 1480. «моленію и доброй думѣ Митрополита, сво-
«ей родительницы, благовѣрныхъ Князей и
«Бояръ, поѣхалъ изъ Москвы къ воинству съ
«намѣреніемъ ударить на врага Христіан-
«скаго, мы, усердные твои богомольцы, ден-
«но и нощно припадали къ олтарямъ Все-
«вышняго, да увѣнчаетъ тебя Господь по-
«бѣдою. Что же слышимъ? Ахматъ прибли-
«жается, губитъ Христіанство, грозитъ
«тебѣ и отечеству: ты же предъ нимъ
«уклоняешься, молишь о мирѣ и шлешь къ
«немуОсловъ; а нечестивый дышетъ гнѣ-
«вомъ и презираетъ твое моленіе! . . . . Го-
«сударь! какимъ совѣтамъ внимаешь? людей
«недостойныхъ имени Христіанскаго. И что
«совѣтуютъ? повергнуть ли щиты, обра-
«титься ли въ бѣгство? Но помысли, отъ
«какой славы и въ какое уничиженіе низво-
«дятъ они твое величество! Предашь зем-
«лю Русскую огню и мечу, церкви разоренію,
«тьмы людей погибели! Чье сердце камен-
«ное не изліется въ слезахъ отъ единыя
«мысли? О Государь! кровь паствы вопіетъ
«на небо, обвиняя пастыря. И куда бѣжать?
«гдѣ воцариться, погубивъ данное тебѣ Бо-
«гомъ спадо? *Взыграеши ли яко орелъ, и*
«*посреди ли звѣздъ гнѣздо себѣ устроиши?*
«*свергнетъ тебя Господь и оттуду*... Нѣтъ,
«нѣтъ! уповаемъ на Вседержителя. Нѣтъ,
«ты не оставишь насъ, не явишься бѣгле-
«цомъ, и не будешь именоваться предате-
«лемъ отечества! . . . Отложи страхъ и

«возмогай о Господѣ въ державѣ крѣпостии г.
«Его! Единъ поженепъ пысящу, и два двиг- 1480.
«нупъ пьму, по слову мужа свяпаго: *не суть*
«*боги ихъ яко Богъ нашъ!* Господь мерп-
«випъ и живипъ: Онъ даспъ силу пвоимъ
«воинамъ. Язычникъ, Философъ Демокрипъ,
«въ числѣ главныхъ Царскихъ добродѣпелей
«спавипъ прозорливоспь въ мірскихъ слу-
«чаяхъ, пвердоспь и мужеспво. Поревнуй
«предкамъ своимъ: они не полько землю Рус-
«скую хранили, но и многія иныя спраны
«покоряли; вспомни Игоря, Свяпослава, Вла-
«димíра, коихъ данники были Цари Грече-
«скіе, и Владимíра Мономаха, ужаснаго для
«Половцевъ; а прадѣдъ пвой великій, хвалы
«доспойный Димипрій, не сихъ ли невѣр-
«ныхъ Тапаръ побѣдилъ за Дономъ? Прези-
«рая опасноспь, сражался впереди; не думалъ:
«*имѣю жену, дѣтей и богатство; когда*
«*возьмутъ землю мою, вселюся индѣ* — но
«спалъ въ лице Мамаю, и Богъ осѣнилъ главу
«его въ день брани. Не уже ли скажешь,
«чпо пы обязанъ кляпвою своихъ предковъ
«не поднимапь руки на Хановъ? Но Димип-
«рій поднялъ оную. Кляпва принужденная
«разрѣшаепся Мипрополипомъ и нами: мы
«всѣ благословляемъ пебя на Ахмапа, не Ца-
«ря, но разбойника и *Богоборца*. Лучше со-
«лгапь и спаспи Государспво, нежели испин-
«спвовапь и погубипь его. По какому свя-
«пому закону пы, Государь православный,
«обязанъ уважапь сего злочеспиваго само-

Г. 1180. «званца, который силою порабопилъ нашихъ «опцевъ за ихъ малодушіе, и воцарился, не «будучи ни Царемъ, ни племени Царскаго? «То было дѣйспвіемъ гнѣва Небеснаго; но «Богъ еспь опецъ чадолюбивый: наказуепъ «и милуепъ; древле попопилъ Фараона и «спасъ Израиля: спасепъ и народъ пвой, и «тебя, когда покаяніемъ очиспишь свое серд- «це: ибо пы человѣкъ и грѣшенъ. Покаяніе «Государя еспь искренній обѣпъ блюспи «правду въ судахъ, любипь народъ, не упот- «ребляпь насилія, оказывапь милоспь и ви- «новнымъ. . . . Тогда Богъ возспавипъ намъ «тебя, Государя, яко древле Моисея, Іисуса «и другихъ, освободившихъ Израиля, да и «новый Израиль, земля Русская, освободипся «тобою опъ нечеспиваго Ахмапа, новаго «Фараона: Ангелы снидупъ съ небесъ въ по- «мощь пвою; Господь пошлешъ тебѣ опъ «Сіона жезлъ силы, и одолѣеши враговъ, и «смяпупся, и погибнупъ. Тако глаголепъ «Господь: *Азъ воздвигохъ тя, Царя правды,* «*и пріяхъ тя за руку десную, и укрѣпихъ* «*тя, да послушаютъ тебе языцы, и крѣ-* «*пость Царей разрушиши; и Азъ предъ то-* «*бою иду, и горы сравняю, и двери мѣдныя* «*сокрушу, и затворы желѣзныя сломлю....* «и даруепъ тебѣ Всевышній Царспво слав- «ное, и сынамъ сыновъ пвоихъ въ родъ и «родъ во вѣки. А мы Соборами Свяпипель- «скими день и нощь молимъ Его, да разсы- «плюпся племена нечеспивыя, хопящія бра-

«ни; да будутъ омрачены молніею небесною Г.
«и яко псы гладные да лижутъ землю язы- 1480.
«ками своими! Радуемся и весслимся, слыша
«о доблестіи твоей и Богомъ даннаго тебѣ
«сына: ужс вы поразили невѣрныхъ; но не
«забуди слова Евангельскаго: *претерпѣвый*
«*до конца, той спасенъ будетъ.* — Наконецъ
«прошу тебя, Государь, не осудишь моего
«худоумія; писано бо есть: *дай мудрому ви-*
«*ну, и будетъ мудрѣе.* Да будетъ тако!
«Благословеніе нашего смиренія на тебѣ, на
«твоемъ сынѣ, на всѣхъ Боярахъ и Воево-
«дахъ, на всемъ Христолюбивомъ воинствѣ...
«Аминь.»

Прочитавъ сіе письмо, доспойное великой души безсмертнаго мужа, Іоаннъ, какъ сказано въ лѣтописи[203], *исполнился веселія, мужества и крѣпости*; не мыслилъ болѣе о средствахъ мира, но мыслилъ единственно о средствахъ побѣды, и готовился къ битвѣ. Скоро прибыли къ нему братья его, Андрей и Борисъ, съ ихъ многочисленною дружиною: не было ни упрековъ, ни извиненій, ни условій; единокровные обнялися съ видомъ искренней любви, чтобы вмѣстѣ служить отечеству и Христіанству.

Прошло около двухъ недѣль въ бездѣйствіи: Россіяне и Татары смотрѣли другъ на друга чрезъ Угру, которую первые называли *поясомъ Богоматери*, охраняющимъ Московскія владѣнія. Ахматъ послалъ лучшую свою конницу къ Городищу Опакову,

Г. и велѣлъ ей украдкою переплыть Оку[204]:
1480. Воеводы Іоанновы не пустили Тапаръ на свой берегъ. Ахматъ злобился; грозилъ, что морозы откроютъ ему путь чрезъ рѣки; ждалъ Липовцевъ и зимы. О Липовцахъ не было слуха; но въ исходѣ Октября наспали сильные морозы: Угра покрывалась льдомъ, и Великій Князь приказалъ всѣмъ нашимъ Воеводамъ отступить къ Кременцу, чтобы сразиться съ Ханомъ на поляхъ Боровскихъ, удобнѣйшихъ для битвы[205].

Такъ говорилъ онъ; такъ, вѣроятно, и мыслилъ. Но Бояре и Князья изумились, а воины оробѣли, думая, что Іоаннъ спрашится и не хочетъ битвы. Полки не отступали, но бѣжали отъ непріятеля, который могъ ударить на нихъ съ тылу. Сдѣлалось чудо, по словамъ Лѣтописцевъ: Тапары, видя лѣвый берегъ Угры оставленный Россіянами, вообразили, что они манятъ ихъ въ сѣти, и вызываютъ на бой, приготовивъ засады: объятый страннымъ ужасомъ, Ханъ спѣшилъ удалиться. Представилось
Нояб. зрѣлище удивительное: два воинства бѣжа-
7. ли другъ отъ друга, никѣмъ не гонимыя! Россіяне наконецъ остановились; но Ахматъ ушелъ во-свояси, разоривъ въ Липвѣ двѣнадцать городовъ, за то, что Казимиръ не далъ ему помощи[206]. Такъ кончилось сіе послѣднее нашествіе Ханское на Россію: Царь не могъ ворваться въ ея предѣлы; не вывелъ ни одного плѣнника Московскаго. Толь-

ко сынъ его, Амурпоза, на возвратномъ пу- г.
пи захватилъ часпь нашей Украйны[207]; но 1480.
былъ немедленно изгнанъ оттуда братья-
ми Великаго Князя, посланными съ войскомъ
въ слѣдъ за непріятелемъ. Одинъ Лѣтопи-
сецъ Казанскій удовлетворительно изъясня-
етъ сіе бѣгство Ахматово, сказывая, что
Крымскій Царевичь, Нордоулатъ, и Князь
Василій Ноздроватый счастливо исполнили
повелѣніе Іоанново: достигли Орды, взяли
Юртъ Батыевъ (вѣроятно Сарай), множе-
ство плѣнниковъ, добычи, и могли бы въ
конецъ истребить сіе гнѣздо нашихъ зло-
дѣевъ, если бы Уланъ Нордоулатовъ, име-
немъ Обуязъ, не помѣшалъ тому своими
представленіями. «Что дѣлаешь?» сказалъ
онъ своему Царевичу: «вспомни, что сія древ-
«няя Орда есть наша общая мать; всѣ мы
«отъ нее родились. Ты исполнилъ долгъ
«чести и службы Московской: нанесъ ударъ
«Ахмату: довольно; не губи остатковъ!»
Нордоулатъ удалился; а Ханъ, свѣдавъ о
разореніи Улусовъ, оставилъ Россію, чтобы
защитить свою собственную землю[208]. Сіе
обстоятельство служитъ къ чести Іоанно-
ва ума: заблаговременно взявъ мѣры от-
влечь Ахмата отъ Россіи, Великій Князь
ждалъ ихъ дѣйствія, и для того не хотѣлъ
битвы. Но всѣ другіе Лѣтописцы славятъ
единственно милость Божію, и говорятъ:
«Да не похваляется легкомысленные стра-
«хомъ ихъ оружія! Нѣтъ, не оружіе и не

Г. «мудрость человѣческая, но Господь спасъ
1480. «нынѣ Россію[209]!» Іоаннъ, распустивъ войско, съ сыномъ и съ братьями пріѣхалъ въ Москву славословить Всевышняго, за побѣду, данную ему безъ кровопролитія. Онъ не увѣнчалъ себя лаврами, какъ побѣдитель Мамаевъ, но утвердилъ вѣнецъ на главѣ своей и независимость Государства. Народъ веселился; а Митрополитъ установилъ особенный ежегодный праздникъ Богоматери и крестный ходъ Іюня 23[210] въ память освобожденія Россіи отъ ига Моголовъ: ибо здѣсь конецъ нашему рабству.

Разореніе Большой Орды и смерть Ахмата.

Ахматъ имѣлъ участь Мамая. Онъ вышелъ изъ Литвы съ богатою добычею: Князь *Шибанскихъ* или Тюменскихъ Улусовъ, Ивакъ, желая отнять ее, съ Ногайскими Мурзами, Ямгурчеемъ, Мусою, и съ шестнадцатью тысячами Козаковъ гнался за нимъ отъ береговъ Волги до Малаго Донца, гдѣ сей Ханъ, близъ Азова, остановился зимовать, распустивъ своихъ Улановъ. Ивакъ приближился ночью, окружилъ на разсвѣтѣ Царскую *бѣлую вежу*, собственною рукою умертвилъ спящаго Ахмата, безъ сраженія взялъ Орду, его женъ, дочерей, богатство, множество Литовскихъ плѣнниковъ, скота; возвратился въ Тюмень и прислалъ объявить Великому Князю, что злодѣй Россіи лежитъ въ могилѣ[211]. Еще такъ называемая Большая Орда не совсѣмъ исчезла, и сыновья Ахматовы удержали въ степяхъ Волжскихъ имя Царей;

но Россія уже не поклонялась имъ, и знаме- г.
нитая сполица Батыева, гдѣ наши Князья 1480.
болѣе двухъ вѣковъ работѣпспивовали Ха-
намъ, обратилась въ развалины, донынѣ ви-
димыя на берегу Ахтубы: тамъ среди об-
ломковъ гнѣздятся змѣи и ехидны[212]. — Отъ-
селѣ Татары Шибанскіе и Ногайскіе, коихъ
Улусы находились между рѣкою Бузулукомъ
и моремъ Аральскимъ[213], являются дѣйстви-
вующими въ нашей Исторіи и въ сношені-
яхъ съ Москвою, не рѣдко служа орудіемъ
ея Политикѣ. Князь Инакъ Тюменскій хва-
лился происхожденіемъ своимъ отъ Чингиса
и правомъ на тронъ Батыевъ, называя Ах-
мата, его братьевъ и сыновей дѣтьми Те-
миръ-Кутлуя, а себя истиннымъ Царемъ
Бесерменскимъ[214]; искалъ дружбы Іоанновой
и величался именемъ равнаго ему Государя,
уже не дерзая требовать съ насъ дани и
мыслишь, чтобы Россіяне были природными
подданными всякаго Хана Татарскаго.

Замѣтимъ тогдашнее расположеніе умовъ.
Не смотря на благоразумныя мѣры, взятыя
Іоанномъ для избавленія Государства отъ зло-
бы Ахматовой; не смотря на бѣгство не-
пріятеля, на цѣлость войска и Державы,
Москвитяне, веселяся и торжествуя, не были
совершенно довольны Государемъ: ибо дума-
ли, что онъ не явилъ въ семъ случаѣ свой-
ственнаго великимъ душамъ мужества и
пламенной ревности жертвовать собою за
честь, за славу отечества. Осуждали, что

Г. 1480. Іоаннъ, готовясь къ войнѣ, послалъ супругу въ отдаленныя сѣверныя земли, думая о личной ея безопасности болѣе, нежели о спокойствіи, гдѣ надлежало ободрить народъ присутствіемъ Великокняжескаго семейства. Строго осуждали и Софію, что она безъ всякой явной опасности бѣгала съ знатнѣйшими женами Боярскими изъ мѣста въ мѣсто, не хотѣла даже остаться и въ Бѣлозерскѣ, уѣхала далѣе къ морю, и на пути позволяла многочисленнымъ слугамъ своимъ грабить жителей какъ непріятелей[215]. И такъ славнѣйшее дѣло Іоанново для потомства, конечное сверженіе Ханскаго ига, въ глазахъ современниковъ не имѣло полной, чистой славы, обнаруживъ въ немъ, по ихъ мнѣнію, боязливость или нерѣшительность, хотя сія мнимая слабость происходитъ иногда отъ самой глубокой мудрости человѣческой, которая не есть Божественная, и предвидя многое, знаетъ, что не предвидитъ всего.

Тѣмъ болѣе народъ славилъ твердость нашего Духовенства, и въ особенности Васіана, коего посланіе къ Великому Князю ревностные друзья отечества читали и переписывали съ слезами умиленія. Сей добродѣтельный старецъ едва имѣлъ время благословить начало государственной независимости въ Россіи: занемогъ и скончался, оплакиваемый всѣми добрыми согражданами[216].

Г. 1481. Славная память его осталась навѣки нераз-

лучною съ памяпію нашей свободы. — Тогда же преспавился и брапъ Великаго Князя, Андрей Меньшій, любимый народомъ за вѣрноспь и бодрую дѣяпельноспь, оказанную имъ пропивъ Ахмапа [217]. Въ духовномъ завѣщаніи онъ признаепъ себя должникомъ Іоанна, получивъ опъ него 30,000 рублей для плапежа въ Орды, въ Казань и Царевичу Даніяру; велипъ выкупипь разныя вещи, опданныя имъ въ залогъ Ивану Фрязину и другимъ; не оспавивъ ни дѣпей, ни жены, опказываепъ Государю Удѣлъ свой, его сыновьямъ иконы, кресты, поясы и цѣпи золопыя, брапьямъ Андрею и Борису нѣкопорыя волосши, Троицкому монаспырю 40 деревень на Вологдѣ и проч. [218]. Такимъ образомъ дѣлая себя единспвеннымъ наслѣдникомъ своихъ ближнихъ, умирающихъ бездѣпными, Великій Князь новыми договорными грамопами упвердилъ за Андреемъ спаршимъ, за Борисомъ и за дѣпьми ихъ, Удѣлы родипельскіе съ часпію Московскихъ пошлинъ; далъ еще первому городъ Можайскъ, а впорому нѣсколько селъ, съ условіемъ, чпобы они не вспупались въ его пріобрѣшенія, наспоящія и будущія. Въ сихъ грамопахъ упоминаепся объ издержкахъ Ординскихъ[219]: хопя Великій Князь уже не мыслилъ быпь данникомъ, но предвидѣлъ необходимоспь подкупапь Тапаръ, чпобы располагапь ихъ оспальными силами въ нашу пользу. Содержаніе Царевича Даніяра и

Г. 1481. Кончина Андрея, меньшаго брата Іоанова.

г. братьевъ Менгли-Гиреевыхъ, Нордоулапа и
1481. Айдара, сосланнаго за что-то въ Вологду[220]; наконецъ дары посылаемые въ Тавриду, въ Казань, въ Ногайскіе Улусы, требовали не малыхъ расходовъ, въ коихъ Андрей и Борисъ Васильевичи обязывались участвовать[221].

Посольство въ Крым.

Благополучно опразивъ Ахмата, свѣдавъ о гибели его, и миромъ съ братьями успокоивъ какъ Россію, такъ и собственное сердце, Іоаннъ послалъ къ Менгли-Гирею Бояри-на Тимоѳея Игнатьевича Скрябу[222], съ извѣщеніемъ о своемъ успѣхѣ и съ напоминаніемъ, чтобы сей Ханъ не забывалъ ихъ договора дѣйствовать всегда общими силами противъ Волжской Орды и Казимира, въ случаѣ, если преемники Ахматовы или Король замыслятъ опять воевать Россію. Бояринъ Тимоѳей долженъ былъ говорить въ особенности съ Княземъ Крымскимъ, Именекомъ, нашимъ доброжелателемъ, и вручить его сыну, Довлетеку, *опасную грамоту* съ золотою печатію для свободнаго пребыванія во всѣхъ Московскихъ владѣніяхъ: ибо Довлетекъ, не вѣря спокойствію мятежной Тавриды, просилъ о томъ Іоанна. Странное дѣйствіе судьбы: Россія, столь долго губимая Татарами, сдѣлалась ихъ покровительницею и вѣрнымъ убѣжищемъ въ несчастіяхъ!

ГЛАВА IV.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ГОСУДАРСТВОВАНІЯ ІОАННОВА.

Война съ Ливонскимъ Орденомъ. Литовскія дѣла. Ханъ Крымскій опустошаетъ Кіевъ. Сыновья Ахматовы воюютъ съ Крымскимъ Ханомъ. Король Венгерскій Матѳей въ дружбѣ съ Іоанномъ. Бракъ сына Іоаннова съ Еленою, дочерью Стефана, Господаря Молдавскаго. Завоеваніе Твери. Присоединеніе Удѣла Верейскаго къ Москвѣ. Князья Ростовскіе. Ярославскіе лишены правъ Владѣтельныхъ. Происшествія Рязанскія. Покореніе Казани. Сношенія съ Ханомъ Крымскимъ. Посольство Мурзозы, сына Ахматова, въ Москву. Посольство Ногайское. Покореніе Вятки. Завоеваніе земли Арской. Кончина Іоанна Младаго. Казнь врача. Соборъ на еретиковъ Жидовскихъ. Сверженіе Митрополита; избраніе новаго.

Г. 1480 — 1490.

Въ сіе время Іоаннъ предпріялъ нанести ударъ Ливонскимъ Нѣмцамъ. Еще въ 1478 году, покоряя Новгородъ, Московская рать входила въ ихъ Нарвскіе предѣлы и возвратилась оттуда съ добычею[225]. Скоро послѣ того купцы Псковскіе были задержаны въ Ригѣ и въ Дерптѣ: у нѣкоторыхъ отняли товары, другихъ заключили въ темницу. Псковитяне сдѣлали то же и съ купцами Дерптскими; но не хотѣли войны, и считая себя въ миръ съ Нѣмцами, удивились, когда Рыцари заняли Вышегородокъ. Сіе извѣстіе

1480. Война съ Ливонскимъ Орденомъ.

Г. 1480. пришло во Псковъ ночью: ударили въ Вѣчевый колоколъ; граждане собралися, и на разсвѣтѣ выступили противъ непріятеля. Оставивъ Вышегородокъ, Нѣмцы явились подъ Гдовомъ. Съ помощію Великаго Князя, и съ его Воеводою, Княземъ Андреемъ Никипичемъ Ногтемъ, присланнымъ изъ Новагорода, Псковитяне заставили ихъ бѣжать, сожгли косперъ на рѣкѣ Эмбахѣ, взяли тамъ нѣсколько пушекъ, осаждали Дерптъ и возвратились обремененные добычею. Сіе вторженіе Россіянъ въ Дерптскую землю описано самимъ Магистромъ Ливонскимъ, Бернгардомъ, въ донесеніи его къ Главѣ Прусскаго Ордена [224]: нѣтъ любопытнѣе, въ которой бы онъ не обвинялъ ихъ; убіеніе людей безоружныхъ было легчайшимъ изъ злодѣйствъ, ими будто бы совершенныхъ. Напомнимъ читателю сказаніе Византійскихъ Историковъ о свирѣпости древнихъ Славянъ или повѣствованіе нашихъ Лѣтописцевъ о набѣгахъ Татарскихъ: Россіяне, по словамъ Бернгарда, едва ли не превзошли тогда сихъ варваровъ. Магистръ готовилъ месть: свѣдавъ, что Воевода Московскій, недовольный Псковитянами, ушелъ отъ нихъ съ своею дружиною, и что Іоаннъ занятъ войною съ Ахматомъ, Бернгардъ требовалъ помощи, людей и денегъ отъ Прусскаго Ордена; желая дѣйствовать всѣми силами, но боясь упустить время, приступилъ къ Изборску: не могъ взять его, и выжегъ только окрестности. Пско-

випяне, видя огонь и дымъ, жаловались на Г. своего Князя, Василія Шуйскаго, что онъ 1480.
пьетъ и грабитъ ихъ, а защитить не умѣетъ. Нѣмцы обратили въ пепелъ городокъ Кобылій, умертвивъ до четырехъ тысячь жителей, и наконецъ (въ 1480 году, Августа 20) осадили Псковъ. Войско ихъ, какъ пишутъ, состояло изъ 100,000 человѣкъ, большею частію крестьянъ, худо вооруженныхъ и совсѣмъ неспособныхъ къ ратнымъ дѣйствіямъ, такъ, что необозримый станъ его за рѣкою Великою походилъ на Цыганскій[225]: шумъ и безпорядокъ господствовали въ ономъ. Но Псковитяне ужаснулись. Многіе бѣжали, и самъ Князь Шуйскій уже садился на коня, чтобы слѣдовать примѣру малодушныхъ: граждане остановили его; дѣлали мирныя предложенія Магистру, съ обрядами священными носили вокругъ стѣнъ одежду своего незабвеннаго Героя, Довмонта, и наконецъ исполнились мужества. Бернгардъ, имѣя 13 Дерптскихъ судовъ съ пушками, старался зажечь городъ. Нѣмцы приспали къ берегу: тутъ Россіяне, вооруженные сѣкирами, мечами, камнями, устремились въ бой, и смяли ихъ въ рѣку. Нѣмцы тонули, бросаясь на суда; а ночью, снявъ осаду, ушли[226]. «Мы тщетно предлагали «Россіянамъ битву въ полѣ,» говоритъ Бернгардъ въ письмѣ къ начальнику Прусскаго Ордена: «рѣка Великая не допустила «насъ до города»[227]. Ожидая новаго нападе-

г. нія, Псковитяне требовали защиты отъ
1480. братьевъ Іоанновыхъ, Андрея и Бориса, которые ѣхали когда изъ Великихъ Лукъ въ Москву съ сильною дружиною; но сіи Князья отвѣтствовали, что имъ не время думать о Нѣмцахъ, и мимоѣздомъ ограбили нѣсколько деревень, за что, какъ сказано въ одной лѣтописи, что Псковитяне, опасаясь Іоаннова гнѣва, не хотѣли принять къ себѣ ихъ Княгиню, бывшихъ въ Литвѣ[223].

Магистръ, испытавъ неудачу, распустилъ войско: сія оплошность дорого стоила бѣдной землѣ его. Свѣдавъ о непріятельскихъ дѣйствіяхъ Ордена, и не имѣя уже другихъ враговъ, Іоаннъ послалъ Воеводъ, Князей Ивана Булгака и Ярослава Оболенскаго, съ двадцатью тысячами на Ливонію, кромѣ особенныхъ полковъ Новогородскихъ, предводимыхъ Намѣстниками, Княземъ Василіемъ Ѳедоровичемъ и Боярином Иваномъ Зиновьевичемъ. Псковъ былъ мѣстомъ соединенія Россійскихъ силъ, доспаточныхъ для завоеванія всей Ливоніи; но умѣренный Іоаннъ не хотѣлъ опаго, имѣя въ виду иныя, существенныйшія пріобрѣтенія: желалъ единственно вселить ужасъ въ Нѣмцевъ и нѣмъ на-долго успокоить наши сѣверо-западные предѣлы. Въ исходѣ Февраля,
Г. 1481 году, рать Великокняжеская, кон-
1481. ница и пѣхота, вступила въ Орденскія владѣнія и раздѣлилась на три части: одна пошла къ Маріенбургу, другая къ Дерпту,

препья къ Вальку[229]. Непріятель нигдѣ не г
смѣлъ явиться въ полѣ: Россіяне цѣлый мѣ- 1481.
сяцъ дѣлали, что хотѣли въ землѣ его;
жгли, грабили; взяли Феллинъ, Тарваспъ,
множество людей, лошадей, колоколовъ, се-
ребра, золота; захватили обозъ Магиспра:
едва и самъ Бернгардъ не попался имъ въ
руки, бѣжавъ изъ Феллина за день до ихъ
прихода. Нѣкоторые города откупались:
Лѣтописецъ обвиняетъ корыстолюбіе Кня-
зей Булгака и Ярослава, тайно бравшихъ съ
нихъ деньги[230]. Всѣхъ болѣе потерпѣли Свя-
щенники: Москвитяне ругались надъ ними,
сѣкли ихъ и жгли, какъ сказано въ бумагахъ
Орденскихъ[231]: Дворянъ, купцевъ, земле-
дѣльцевъ, женъ, дѣтей отправляли тысяча-
ми въ Россію и тяжелые обозы съ добычею.
Весенняя распутица освободила наконецъ Ли-
вонію: полки наши возвратились во Псковъ;
а Бернгардъ, оплакивая судьбу Ордена, ви-
нилъ во всемъ Великаго Магиспра Прусска-
го, не давшаго ему помощи; другіе же обви-
няли Епископа Дерптскаго, который, имѣя
свое особенное войско, не хотѣлъ дѣйство-
вать совокупно съ Рыцарями[232]. Но обсто-
ятельства перемѣнились: Орденъ при вѣка
боролся съ Новогородцами и Псковитянами,
часто несогласными между собою: Едино-
властіе давало Россіи такую силу, что бы-
тіе Ливоніи уже находилось въ опасности. —
Въ 1483 году Послы Іоанновы заключили

Г. въ Нарвѣ перемиріе съ Нѣмцами на 20 лѣтъ[233].
1482 — 88.

Съ Литвою не было ни войны, ни мира. Литовскія дѣла. Іоаннъ предлагалъ миръ, но пребовалъ нашихъ городовъ и земель, коими завладѣлъ Витовтъ; а Король пребовалъ Великихъ Лукъ и даже Новагорода[234]. Съ обѣихъ сторонъ недоброжелашельствовали другъ другу, спараясь вредишь шайно и явно. Россія имѣла друзей въ Литвѣ между Князьями единовѣрными: прое изъ нихъ, Ольшанскій, Михаилъ Олельковичь и Ѳедоръ Бѣльскій, правнуки славнаго Ольгерда, будучи недовольны Казимиромъ, замыслили поддашься Іоанну съ ихъ Удѣлами въ землѣ Сѣверской[235]. Сіе намѣреніе откры.лось: Король велѣлъ схвашишь двухъ первыхъ; а Бѣльскій (въ 1482 году) ушелъ въ Москву, оспавивъ въ Литвѣ юную супругу на другой день своей женишьбы. Такъ сказано о семъ происшествіи въ нашихъ лѣтописяхъ. Историкъ Польскій говоришъ слѣдующее: «Князья «Сѣверскіе, пріѣхавъ въ Вильну, хошѣли ви- «дѣшь Короля; но спражъ не позволилъ имъ «войши во дворецъ, и дверью прихлопнулъ «одному изъ нихъ ногу: Казимиръ осудилъ «сего воина на смерши, однакожь не могъ «укроишиць шѣмъ злобы Князей: счишая се- «бя несносно обиженными, и давно имѣя раз- «ныя досады на Правишельство Литовское, «къ нимъ неблагосклонное за иновѣріе, они «поддалися Государю Московскому[236].» Іоаннъ,

въ надеждѣ воспользоваться услугами Бѣльскаго, принялъ его съ отмѣнною милостію и далъ ему въ отчину городокъ Демонъ. Г. 1482 — 88.

Казимиръ поставилъ 10,000 ратниковъ въ Смоленскѣ[237], однакожь не смѣлъ начать войны; ласково угостилъ въ Гроднѣ чиновниковъ Пскова и снисходительно удовлетворилъ всѣмъ ихъ требованіямъ въ спорныхъ дѣлахъ съ Литвою; между тѣмъ совѣтовалъ Ахматовымъ сыновьямъ, Сендъ-Ахмату и Муртозѣ, превожить Россію, и старался отвлечь Хана Менгли-Гирея отъ нашего союза: въ чемъ едва было и не успѣлъ, подкупивъ Вельможу Крымскаго, Именека, который склонилъ Государя своего заключить (въ 1482 году) миръ съ Литвою. Но Іоаннъ разрушилъ сей замыслъ: Послы Великокняжескіе[238], Юрій Шеспакъ и Михайло Купузовъ, сильными представленіями заставили Менгли-Гирея снова объявить себя непріятелемъ Казимировымъ, такъ, что онъ въ 1482 году, осенью, со многочисленными конными толпами явился на берегахъ Днѣпра, взялъ Кіевъ, плѣнилъ тамошняго Воеводу, Ивана Хотковича, опустошилъ городъ, сжегъ монастырь Печерскій и прислалъ къ Великому Князю Дискосъ и Потиръ Софійскаго храма, вылитые изъ золота[239]. Сей случай оскорбилъ православныхъ Москвитянъ, которые видѣли съ сожалѣніемъ, что Россія насылаетъ варваровъ на единовѣрныхъ, жечь и грабить святыя церкви, древнѣйшіе па-

Ханъ Крымскій опустошилъ Кіевъ.

Г. мятники нашего Христіанства ; но Великій
1482 Князь, думая единственно о выгодахъ государ-
— 88. ственныхъ, изъявилъ благодарность Хану[240], убѣждая его и впредь ревностно исполнять условія ихъ союза. «Я съ своей стороны»— приказывалъ къ нему Іоаннъ — «не упускаю «ни единаго случая дѣлать тебѣ угодное : «содержу твоихъ братьевъ въ Россіи, Нор- «доулата и Айдара, съ немалымъ убыткомъ «для казны моей.» Великій Князь въ самомъ дѣлѣ поступалъ какъ истинный, усердный другъ Менгли-Гиреевъ. Взаимная ненависть Хановъ Крымской и Золотой Орды не прекратилась смертію Ахмата, не смотря на то, что Султанъ Турецкій, правомъ верховнаго Мусульманскаго Властителя, запретилъ имъ воевать между собою[241]. Скитаясь въ Донскихъ степяхъ съ особеннымъ своимъ Улусомъ, Царь Муртоза, при наступленіи жестокой зимы (въ 1485 году), искалъ убѣжища отъ голода въ окрестностяхъ Та-

Сыновья Ахматовы воюютъ съ Крымскимъ Ханомъ.

вриды: Менгли-Гирей вооружился, плѣнилъ его, отослалъ въ Кафу и разбилъ еще Улусъ Князя Золотой Орды, Темира; но сей Князь въ слѣдующее лѣто, соединясь съ другимъ Ахматовымъ сыномъ[242], нечаянно напалъ на Тавриду — когда жители и воины ея занимались хлѣбопашествомъ — едва не схватилъ самаго Менгли-Гирея, освободилъ Муртозу и съ добычею удалился въ степи. Великій Князь, свѣдавъ о томъ, немедленно отрядилъ войско на Улусы Ахматовыхъ сы-

новей и прислалъ къ Менгли-Гирею многихъ Крымскихъ плѣнниковъ, выручennыхъ Россіянами[243]. 1482 — 88 г.

Въ Венгріи царствовалъ Матѳей Корвинъ, сынъ славнаго Гуніада, знаменитый остроуміемъ и мужествомъ: будучи непріятелемъ Казимира, онъ искалъ дружбы Государя Московскаго, и въ 1482 году прислалъ къ нему чиновника, именемъ Яна[244]; а Великій Князь, принявъ его благосклонно, вмѣстѣ съ нимъ отправилъ къ Королю Дьяка Ѳедора Курицына, чтобы утвердить договоръ, заключенный въ Москвѣ между сими двумя Государствами, и размѣняться грамотами. Объ Державы условились вмѣстѣ воевать Королевство Польское въ удобное для того время. — Венгрія, бывъ нѣкогда въ частыхъ сношеніяхъ съ южною Россіею, уже около двухъ сотъ лѣтъ какъ бы не существовала для нашей Исторіи: Іоаннъ возобновилъ сію древнюю связь, которая могла распространить славу его имени въ Европѣ и способствовать нашему гражданскому образованію. Великій Князь требовалъ отъ Матѳея, чтобы онъ доставилъ ему 1) художниковъ, умѣющихъ лить пушки и стрѣлять изъ оныхъ; 2) *Размысловъ* или Инженеровъ; 3) серебрениковъ для дѣланія большихъ и малыхъ сосудовъ; 4) зодчихъ для строенія церквей, палатъ и городовъ; 5) горныхъ мастеровъ, искусныхъ въ добываніи руды золотой и серебреной, также въ отдѣленіи ме-

Король Венгерскій Матѳей въ дружбѣ съ Іоанномъ.

Г. талла опъ земли. «У насъ есть серебро и
1482 «золото,» велѣлъ онъ сказать Королю: «но
— 88. «мы не умѣемъ чистить руды. Услужи намъ,
«и тебѣ услужимъ всѣмъ, что находится
«въ моемъ Государствѣ[245].» — Дьякъ Курицынъ, возвращаясь въ Москву, былъ задержанъ Турками въ Бѣлѣгородѣ, но освобожденъ стараніемъ Короля и Менгли-Гирея. Новыя взаимныя Посольства, ласковыя письма и дары утверждали сію пріязнь. Іоаннъ (въ 1488 году) подарилъ Матѳею чернаго соболя съ кованными золотыми ногтками, обсаженными крупнымъ Новогородскимъ жемчугомъ[246]; въ знакъ особеннаго уваженія допускалъ къ себѣ Пословъ Венгерскихъ, изустно говорилъ съ ними, дозволялъ имъ садиться и самъ подавалъ кубокъ вина. Зная, что дружество Государей бываетъ основано на Политикѣ, онъ внимательно наблюдалъ Матѳееву и предписывалъ своимъ Посламъ развѣдывать о всѣхъ его сношеніяхъ съ Турціею, Римскимъ Императоромъ, съ Богеміею и съ Казимиромъ.

Въ сіе время явилась новая знаменитая Держава въ сосѣдствѣ съ Литвою и сдѣлалась предметомъ Іоанновой Политики. Мы говорили о началѣ Молдавскаго Княжества[247], управляемаго Воеводами, коихъ имена едва намъ извѣстны до самаго Стефана IV или Великаго, дерзнувшаго обнажить мечь на ужаснаго Магомета II, и славными побѣдами, одержанными имъ надъ многочисленными Турецкими воинствами, вписавшаго

имя свое въ Исторію рѣдкихъ Героевъ: мужественный въ опасностяхъ, твердый въ бѣдствіяхъ, скромный въ счастіи, приписывая его только Богу, покровителю добродѣтели, онъ былъ удивленіемъ Государей и народовъ, съ малыми средствами творя великое. Вѣра Греческая, сходство въ обычаяхъ, употребленіе одного языка въ церковномъ служеніи и въ дѣлахъ государственныхъ, необыкновенный умъ обоихъ Властителей, Россійскаго и Молдавскаго, согласіе ихъ выгодъ и правилъ служили естественною связію между ими. Стефанъ, кромѣ Турковъ, опасался честолюбиваго Казимира и Менгли-Гирея: первый хотѣлъ, чтобы Молдавія зависѣла отъ Королевства Польскаго; второй, будучи присяжникомъ Султана, угрожалъ ей нападеніемъ. Іоаннъ могъ содѣйствовать ея независимости и безопасности, обуздывая Короля страхомъ войны, а Менгли-Гирея дружественными представленіями, съ условіемъ, чтобы и Стефанъ, въ случаѣ нужды, помогалъ Россіи усердно. Сей *Воевода* и *Господарь*, такъ называетъ онъ себя въ своихъ грамотахъ[248] — противоборствуя насиліямъ Султановъ, утѣснителей Греціи, имѣлъ еще особенное право на дружество зятя Палеологовъ, который принялъ гербъ ихъ и съ нимъ обязательство быть врагомъ Магометовыхъ наслѣдниковъ. г. 1482 — 88.

Такимъ образомъ расположенные къ искреннему союзу, Іоаннъ и Стефанъ утвер-

Г. дили оный семейственнымъ: вторый пре-
1482 —88. дложилъ выдать дочь свою, Елену, за старшаго сына Іоаннова, избравъ въ посред-
Бракъ сына Іоанна съ Еленою, дочерью Стефана, Господаря Молдавскаго. ницы мать Великаго Князя [249]. Бояринъ Михайло Плещеевъ съ знатною дружиною въ 1482 году отправился за невѣстою въ Молдавію, гдѣ и совершилось обрученіе. Стефанъ отпустилъ дочь въ Россію съ своими Боярами: Ланкомъ, Синкомъ, Герасимомъ и съ женами ихъ. Она ѣхала черезъ Литву: Казимиръ не только далъ ей свободный путь, но и прислалъ дары въ знакъ учтивости [250]. Прибывъ въ Москву послѣ Филиппова заговѣнья, Елена жила въ Вознесенскомъ монастырѣ у матери Великаго Князя, и до свадьбы имѣла время познакомиться съ женихомъ. Ихъ обвѣнчали въ самый праздникъ Крещенія. Увидимъ, что Судьба не благословила сего союза.

Хитрою внѣшнею Политикою утверждая безопасность Государства, Іоаннъ возвеличилъ его внутри новымъ успѣхомъ Единовластія. Онъ уже покорилъ Новгородъ, взялъ Двинскую землю, завоевалъ Пермь отдаленную; но въ осмидесяти верстахъ отъ Москвы видѣлъ Россійское особенное Княжество, Державу равнаго себѣ Государя, по крайней мѣрѣ именемъ и правами. Со всѣхъ сторонъ окруженная Московскими владѣніями, Тверь еще возвышала независимую гла-
Завоеваніе Твери. ву свою, какъ малый островъ среди моря, ежечасно угрожаемый потопленіемъ. Князь

Михаилъ Борисовичь, шуринъ Іоанновъ, зналъ опасность и не вѣрилъ ни свойству, ни грамотамъ договорнымъ, коими сей Государь утвердилъ его независимость. Надлежало по первому слову смиренно оставить тронъ или защитить себя иноземнымъ союзомъ. Одна Литва могла служить ему опорою, хотя и весьма слабою, какъ по свидѣтельствовалъ жребій Новагорода; но личная ненависть Казимирова къ Великому Князю, примѣръ бывшихъ Тверскихъ Владѣтелей, искони друзей Литвы, и легковѣріе надежды, вселяемое страхомъ въ малодушныхъ, обратили Михаила къ Королю: будучи вдовцемъ[231], онъ вздумалъ жениться на его внукѣ[252], и вступилъ съ нимъ въ тѣсную связь. Доколѣ Іоаннъ, въ нужныхъ случаяхъ располагая Тверскимъ войскомъ, оставлялъ шурина въ покоѣ: узнавъ же о семъ тайномъ союзѣ и, какъ вѣроятно, обрадованный справедливымъ поводомъ къ разрыву, немедленно объявилъ Михаилу войну (въ 1485 году). Сей Князь, запрепятавъ, спѣшилъ умилостивить Іоанна жертвами: отказался отъ имени *равнаго* ему брата, призналъ себя *младшимъ*, уступилъ Москвѣ нѣкоторыя земли, обязался всюду ходить съ нимъ на войну[253]. Тверскій Епископъ былъ посредникомъ, и Великій Князь, желая обыкновенно казаться умѣреннымъ, долготерпѣливымъ, отсрочилъ гибель сей Державы. Въ мирной договорной грамотѣ, погда на- г. 1482. —88.

Г. писанной, сказано, что Михаилъ разрываетъ
1482. союзъ съ Королемъ и безъ вѣдома Іоаннова
—88. не долженъ имѣть съ нимъ никакихъ сношеній, ни съ сыновьями Шемяки, Князя Можайскаго, Боровскаго, ни съ другими Россійскими бѣглецами; что онъ клянется за себя и за дѣтей своихъ вовѣки не поддаваться Литвѣ; что Великій Князь обѣщаетъ не вступаться въ Тверь, и проч.[254]. Но сей договоръ былъ послѣднимъ дѣйствіемъ Тверской независимости: Іоаннъ въ умѣ своемъ рѣшилъ ея судьбу, какъ прежде Новогородскую; началъ тѣснить землю и подданныхъ Михаиловыхъ: если они чѣмъ нибудь досаждали Москвитянамъ, то онъ грозилъ и требовалъ ихъ казни; а если Москвитяне отнимали у нихъ собственность, и дѣлали имъ самыя несносныя обиды, то не было ни суда, ни управы. Михаилъ писалъ и жаловался: его не слушали. Тверитяне, видя, что уже не имѣютъ защитника въ своемъ Государѣ, искали его въ Московскомъ: Князья Микулинскій и Дорогобужскій вступили въ службу Великаго Князя, который далъ первому въ помѣстье Дмитровъ, а второму Ярославль. Въ слѣдъ за ними пріѣхали и многіе Бояре Тверскіе[255]. Что оставалось Михаилу? готовить себѣ убѣжище въ Литвѣ. Онъ послалъ туда вѣрнаго человѣка: его задержали, и представили Іоанну письмо Михаилово къ Королю, доставочное свидѣтельство измѣны и вѣроломства: ибо Князь

Тверскій обѣщался не сноситься съ Литвою, а въ семъ письмѣ еще возбуждалъ Казимира пропивъ Іоанна. Несчаспный Михаилъ опправилъ въ Москву Епископа и Князя Холмскаго съ извиненіями: ихъ не приняли. Іоаннъ велѣлъ Намѣспнику Новогородскому, Боярину Якову Захарьевичу, ипши со всѣми силами ко Твери, а самъ, провождаемый сыномъ и брапьями, выспупилъ изъ Москвы 21 Августа со многочисленнымъ войскомъ и съ огнеспрѣльнымъ снарядомъ (ввѣреннымъ искусному Ариспопелю); Сенпября 8 осадилъ Михаилову сполицу и зажегъ предмѣспіе. Чрезъ два дни явились къ нему всѣ пайные его доброжелапели Тверскіе, Князья и Бояре, оспавивъ Государя своего въ несчаспіи. Михаилъ видѣлъ необходимоспь или спасапься бѣгспвомъ или опдапься въ руки Іоанну; рѣшился на первое, и ночью ушелъ въ Липву. Тогда Епископъ, Князь Михаилъ Холмскій съ другими Князьями, Боярами и земскими людьми, сохранивъ до конца вѣрноспь къ ихъ законному Власпипелю, опворили городъ Іоанну, вышли и поклонились ему какъ общему Монарху Россіи. Великій Князь послалъ Бояръ своихъ и Дьяковъ взяпь присягу съ жипелей; запрепилъ воинамъ грабипь; 15 Сенпября въѣхалъ въ Тверь, слушалъ Литургію въ храмѣ Преображенія, и порженспвенно объявилъ, чпо даруепъ сіе Княжеспво сыну, Іоанну Іоановичу; оспавилъ его памъ, и возвращился

Г. 1482—88.

Г. 1482—88. въ Москву. Чрезъ нѣкоторое время онъ послалъ Боляръ своихъ въ Тверь, въ Спарицу, Зубцовъ, Опоки, Клинъ, Холмъ, Новогородокъ, описать всѣ тамошнія земли и раздѣлить ихъ на сохи для платежа казенныхъ податей[256].

Сполъ легко исчезло бытіе Тверской[257] знаменитой Державы, которая отъ временъ Святаго Михаила Ярославича именовалась *Великимъ* Княженіемъ и долго спорила съ Москвою о первенствѣ. Ея народъ, уступая другимъ Россіянамъ въ промышленоспи, славился мужествомъ и вѣрноспію къ Государямъ. Князья Тверскіе имѣли до 40,000 коннаго войска; но будучи врагами Московскихъ, не хопѣли участвовать въ великомъ подвигѣ нашего освобожденія и пѣмъ лишились права на общее сожалѣніе въ ихъ бѣдспвіи. Михаилъ Борисовичь кончилъ дни свои изгнанникомъ въ Липвѣ, не оставивъ сыновей.

Іоаннъ извѣстилъ Матѳея, Короля Венгерскаго, о покореніи Твери, и велѣлъ сказать ему: «Я уже началъ воевать съ Казимиромъ, ибо Князь Тверскій его союзникъ. «Намѣспники мои заняли разныя мѣспа въ «Липовскихъ предѣлахъ, и Ханъ Менгли-Гирей, исполняя мою волю, огнемъ и мечемъ опуспошаепъ Казимировы владѣнія. «И пакъ помогай мнѣ, какъ мы условились.[257]» Но Матѳей, опнявъ тогда у Императора знапную часпь Австріи и Вѣну, хопѣлъ опдохновенія въ спаросши. «Душевно раду-

«юсь» — писалъ онъ къ Великому Князю — «успѣхамъ твоего Единовластія въ Россіи. «Я готовъ исполнить договоръ и вступить «въ землю общаго врага нашего, когда узнаю, «что ты всѣми силами противъ него дѣй- «ствуешь. Ожидаю сей вѣсти.» Между тѣмъ, возбуждая другъ друга къ войнѣ Польской, они не начинали ее и занимались иными дѣлами. Г. 1482 —88.

Взявъ Тверь мечемъ, Іоаннъ грамотою присвоилъ себѣ Удѣлъ Верейскій. Единственный сынъ и наслѣдникъ Князя Михаила Андреевича, Василій, женатый на Гречанкѣ Маріи, Софіиной племянницѣ, долженъ былъ еще при жизни родителя выѣхать изъ отечества, бывъ виною раздора въ семействѣ Великокняжескомъ, какъ сказываетъ Лѣтописецъ[258]. Іоаннъ, въ концѣ 1483 года обрадованный рожденіемъ внука, именемъ Димитрія[259], хотѣлъ подарить невѣстку, Елену, драгоцѣнное узорочье первой Княгини своей; узнавъ же, что Софія отдала его Маріи или мужу ея, Василію Михайловичу Верейскому, такъ разгнѣвался, что велѣлъ отнять у него все женнино приданое и грозилъ ему темницею. Василій въ досадѣ и страхѣ бѣжалъ съ супругою въ Литву; а Великій Князь, объявивъ его навѣки лишеннымъ отцевскаго наслѣдія, клятвенною грамотою обязалъ Михаила Андреевича не имѣть никакого сообщенія съ сыномъ измѣнникомъ, и города Ярославецъ, Бѣлоозеро, Верею по

Присоединеніе Верейскаго Удѣла къ Москвѣ. Князья Ростовскіе, Ярославскіе и прочіе владѣтельныхъ.

Г. кончинѣ своей уступипть ему, Государю Мо-
1482 сковскому, въ попомсптвенное владѣніе[260].
—88. Михаилъ Андреевичь умеръ весною въ 1485 году[261], сдѣлавъ Великаго Князя наслѣдни-комъ и душеприкащикомъ, не смѣвъ въ духовной ничего опказапть сыну въ знакъ благословенія, ни иконы, ни креспа, и моля единспвенно о помъ, чпобы Государь не пересуживалъ его судовъ[262].

Присоединяя Удѣлы къ Великому Княженію, Іоаннъ искоренялъ и всѣ остапки сей несчастной для Государспва сиспемы. Ярославль уже давно зависѣлъ опъ Москвы, но его Князья еще имѣли особенныя наслѣдспвенныя права, несогласныя съ Единовласпіемъ: они добровольно уступили ихъ Государю. Половина Роспова еще называлась опчиною памошнихъ Князей, Владиміра Андреевича, Ивана Ивановича, дѣпей ихъ и племянниковъ: они продали ее Великому Князю[263]. — Симъ возспановилась цѣлоспь сѣверной Россійской Державы, какъ была оная при Андреѣ Боголюбскомъ или Всеволодѣ III. Успленное сверхъ пого поддансповомъ Новагорода и всѣхъ его обширныхъ владѣній, пакже Удѣловъ Муромскаго и нѣкопорыхъ Черниговскихъ, Великое Княженіе Московское было уже доспойно имени Государспва. — Но Рязань еще сохраняла видъ Державы особенной: любя сеспру свою, Княгиню Анну, Іоаннъ позволялъ супругу и сыновьямъ ея господспвовапь памъ независи-

Происшествія Рязанскія.

мо. Зять его, Василій Ивановичь, преспавился въ 1483 году, опказавъ большему сыну, Ивану, Великое Княженіе Рязанское, съ городами Переславлемъ, Росписславлемъ и Пронскимъ, а Ѳеодору меньшему Перевитескъ и Спарую Рязань съ трепію доходовъ Переяславскихъ. Сіи два брапа жили мирно, слушаясь родипельницы, копорая брала себѣ четверпую часпь изъ всѣхъ казенныхъ пошлинъ, и въ 1486 году заключили между собою договоръ[264], чпобы одному наслѣдовапь послѣ другаго, если не будешь у нихъ дѣпей, и чпобы никакимъ образомъ не опдавапь своего Княжеспва въ иной родъ. Они боялись, кажепся, чпобъ Государь Московскій не объявилъ себя ихъ наслѣдникомъ.

Новый блеспящій усиѣхъ прославилъ оружіе Іоанново. Еще въ 1478 году Царь Казанскій, нарушивъ кляпвенные обѣпы, воевалъ зимою область Вяпскую, приспупалъ къ ея городамъ, опустошилъ села и вывелъ оппуда многихъ плѣнниковъ, будучи обманупъ ложною вѣспію, чпо Іоаннъ разбипъ Новогородцами и самъ-четверпъ упелъ раненный въ Москву[265]. Великій Князь опмспилъ ему весною: Успюжане и Вяпчане выжгли селенія въ окреспноспяхъ Камы; а Воевода Московскій, Василій Образецъ, на берегахъ Волги: онъ доходилъ изъ Нижняго до самой Казани и приспупилъ къ городу; но спрашная буря заспавила его удалипься. Царь Ибрагимъ просилъ мира, заключилъ

его и скоро умеръ[266], оставивъ многихъ дѣтей отъ разныхъ женъ. Казань сдѣлалась ѳеатромъ несогласія и мятежа чиновниковъ: одни хотѣли имѣть Царемъ Магмета-Амина, меньшаго Ибрагимова сына, коего мать, именемъ Нурсалтанъ, дочь Темирова, сочеталась вторымъ бракомъ съ Ханомъ Таврическимъ, Менгли-Гиреемъ[267]; другіе держали сторону Алегама, старшаго сына, и съ помощію Ногаевъ возвели его на престолъ, къ неудовольствію Іоанна, который доброжелательствовалъ пасынку своего друга, Менгли-Гирея, зналъ ненависть Алегамову къ Россіи и сверхъ того опасался тѣснаго союза Казани съ Ногаями. Юный Магметъ-Аминь пріѣхалъ въ Москву[268]: Великій Князь далъ ему въ помѣстье Коширу и наблюдалъ всѣ движенія Алегамовы. Воеводы Московскіе стояли на границахъ; вступали иногда и въ Казанскую землю[269]. Царь мирился; нелюбимый подданными, обѣщалъ быть намъ другомъ, обманывалъ и злодѣйствовалъ[270]. Наконецъ Іоаннъ, видя непримиримую его злобу, въ Апрѣлѣ 1487 года послалъ Магметъ-Амина и славнаго Даніила Холмскаго съ сильною ратію къ Казани. Маія 18 Холмскій осадилъ ее:

Г. 1487. Іюля 9 взялъ городъ и Царя. Сію радостную вѣсть привезъ въ Москву Князь Ѳеодоръ Ряболовскій[271]: Іоаннъ велѣлъ пѣть молебны, звонить въ колокола, и съ умиленіемъ благодарилъ Небо, что Оно предало ему въ руки Мамуметково Царство, гдѣ отецъ его Василій Темный,

лилъ слезы въ неволѣ. Но мысль, совершен- г.
но овладѣвъ симъ древнимъ Болгарскимъ 1487.
Царствомъ и присоединивъ оное къ Россіи,
еще не представлялась ему или казалась не-
благоразумною: народъ вѣры Магометовой,
духа рапнаго, безпокойнаго, не легко могъ
быть обузданъ властію Государя Христіан-
скаго, и мы еще не имѣли всегдашняго, не-
премѣннаго войска, коему надлежало бы хра-
нить страну завоеванную, обширную и
многолюдную. Іоаннъ только назвался *Госу-
даремъ Болгаріи*[272], но далъ ей собствен-
наго Царя: Холмскій его именемъ воз-
велъ Магметъ-Аминя на престолъ, казнилъ
нѣкоторыхъ знатныхъ Улановъ или Князей,
и прислалъ Алегама въ Москву, гдѣ народъ
едва вѣрилъ глазамъ своимъ, видя Царя Та-
тарскаго плѣнникомъ въ нашей столицѣ.
Алегамъ съ двумя женами былъ сосланъ въ
Вологду; а мать, братья и сестры его
въ Карголомъ на Бѣлоозеро.

Іоаннъ немедленно увѣдомилъ о семъ сча- Сно-
стливомъ происшествіи Менгли-Гирея, и шенія
въ особенности Царицу Нурсалтанъ, умную, съ Ха-
честолюбивую, желая, чтобы она, изъ бла- номъ
годарности за ея сына, имъ возвеличеннаго, Крым-
способствовала твердости союза между Рос- скимъ.
сіею и Крымомъ[273]. Сія искренняя, взаимная
пріязнь не измѣнялась. Великій Князь увѣдом-
лялъ Менгли-Гирея о замыслахъ Хановъ Ор-
динскихъ, о частыхъ ихъ сношеніяхъ съ Ка-
зимиромъ; и свѣдавъ, что они двинулись

Г. 1487. къ Тавридѣ, опрядилъ Козаковъ съ Нордоулапомъ, бывшимъ Царемъ Крымскимъ, на Улусы Золотой Орды; велѣлъ и Магмедъ-Аминю превожипь ее нападеніями[274]; совѣповалъ пакже Менгли-Гирею возбудипь Ногаевъ пропивъ сыновей Ахмапповыхъ. Сообщеніе между Тавридою и Россіею подвергалось крайнимъ запрудненіямъ, ибо Волжскіе Тапары хвапали въ спепяхъ, кого вспрѣчали, на берегахъ Оскола и Мерли: для пого Іоаннъ предлагалъ Хану успавипь новый пупь черезъ Азовъ, съ условіемъ, чпобы Турки освобождали Россіянъ опъ всякой пошлины. Сія безопасноспь пупи нужна была не полько для государспвенныхъ сношеній и купцевъ, но и для иноземныхъ художниковъ, вызываемыхъ Великимъ Княземъ изъ Ипаліи и ѣздившихъ въ Москву черезъ Кафу. Кромѣ обыкновенныхъ гонцевъ, опправлялись въ Тавриду и знаменипые Послы: въ 1486 году Семенъ Борисовичь, въ 1487 Бояринъ Дмипрій Васильевичь Шеинъ[275], съ ласковыми грамопами и дарами, весьма умѣренными; на примѣръ, въ 1486 году Іоаннъ послалъ Царю при шубы—рысью, кунью и бѣличью — при соболя и корабельникъ, женѣ его и брапу, Калгѣ Ямгурчею, по корабельнику, а дѣпямъ по червонцу. За по и самъ хопѣлъ даровъ: узнавъ, чпо Царица Нурсалпанъ доспала славную Тохпамышеву жемчужину (копорую, можепъ быпь, сей Ханъ похипилъ въ Москвѣ при

Димитріи Донскомъ) онъ неотступно пре- г.
бовалъ ее въ письмахъ и наконецъ получилъ 1487.
отъ Царицы. — Какъ истинный другъ Мен-
гли-Гирея, Іоаннъ способствовалъ его сою-
зу съ Королемъ Венгерскимъ, и не далъ ему
сдѣлать важной политической ошибки. Сей
случай достопамятенъ, показывая умъ Ве-
ликаго Князя и простосердечіе Хана. Братья
Менгли-Гиреевы, Айдаръ и Нордоулатъ,
добровольно пріѣхавъ въ Россію, уже не
имѣли свободы выѣхать оттуда. Ханъ Зо- Посольство
лотой Орды, Муртоза, желалъ переманить Мурпозы,
Нордоулата къ себѣ и (въ 1487 году) при- сына
слалъ своего чиновника въ Москву съ пись- Ахмашова,
мами къ нему и къ Великому Князю, гово- въ Москву.
ря первому: «Братъ и другъ мой, сердцемъ
«праведный, величествомъ знаменитый, отца
«ра Бесерменскаго Царства! ты вѣдаешь,
«что мы дѣти единаго отца; предки наши,
«омраченные властолюбіемъ, возстали другъ
«на друга: не мало было зла и кровопроли-
«тія; но раздоры утихли: слѣды крови
«омылися млекомъ, и пламень вражды по-
«гасъ отъ воды любовной. Братъ твой,
«Менгли-Гирей, снова возбудилъ междоусо-
«біе: за что Господь наказалъ его споль
«многими бѣдствіями. Ты, краса отечества,
«живешь среди невѣрныхъ: сего мы не мо-
«жемъ видѣть спокойно, и шлемъ твоему
«величеству *тяжелый поклонъ съ легкимъ*
«*даромъ* чрезъ слугу, Шихъ-Баглула: от-
«крой ему тайныя свои мысли. Хочешь ли

Г. «оспавипть спрану злочеспія? Мы пишемъ
1487. «о помъ къ *Ивану*. Гдѣ ни будешь, будь «здравъ и люби наше брапспво[276].» Письмо къ Великому Князю содержало въ себѣ слѣдующее: «Мурпозино слово Ивану: Знай, «что Царь Нордоулапъ всегда любилъ меня: оппуспи его, да возведу на Царспво, «свергнувъ моего злодѣя, Менгли-Гирея. «Удержи въ залогъ жену и дѣпей Нордоулаповыхъ: когда онъ сядепъ на прespолъ, «погда возмепъ ихъ у тебя добромъ и любовію.» Великій Князь посмѣялся надъ гордоспію Мурпозы; задержавъ его Посла, извѣспилъ о помъ Менгли-Гирея; и прибавилъ, что Король Польскій пайно зовепъ къ себѣ другаго брапа Ханскаго, Айдара. Но Менгли-Гирей, не весьма прозорливый, скучая множеспвомъ забопъ, самъ желалъ уступипь Нордоулапу половину прона, чпобы онъ, вмѣспѣ съ нимъ царспвуя, своимъ умомъ и мужеспвомъ облегчилъ ему пягоспь власпи. «Опправь его ко мнѣ,» писалъ Менгли-Гирей къ Іоанну: «мы забудемъ прошедшее. Айдара же не боюсь: «пуспь идепъ, куда хочепъ.» Великій Князь опвѣпспвовалъ, что не можепъ исполнипь пребованія споль неблагоразумнаго; что власполюбіе не знаепъ ни брапспва, ни благодарноспи; что Нордоулапъ, бывъ самъ Царемъ въ Тавридѣ, не удовольспвуепся часпію власпи, имѣя дарованія и многихъ единомышленниковъ; что долгъ пріязни есть осперегапь

пріяпеля, и не соглашаться на то, что ему вредно[277]. Сіи предстaвленія образумили и, можетъ быть, спасли Менгли-Гирея. г. 1487.

Несчастная судьба Алегама оскорбила Шибанскихъ и Ногайскихъ Владѣтелей, связанныхъ съ нимъ родствомъ: Царь Ивакъ, Мурзы Алачь, Муса, Ямгурчей и жена его, прислали въ Москву грамоты, убѣждая въ нихъ Іоанна освободить сего плѣнника. Ивакъ писалъ къ Великому Князю: «Ты мнѣ братъ: «я Государь Бесерменскій, а ты Христіанскій. Хочешь ли быть въ любви со мною? «отпусти моего брата, Алегама. Какая тебѣ польза держать его въ неволѣ? Вспомни, что ты, заключая съ нимъ договоры, «обѣщалъ ему доброжелательство и пріязнь.» Мурзы изъявляли въ своихъ письмахъ болѣе смиренія, говоря, что они шлютъ Великому Князю *тяжелые поклоны съ легкимъ даромъ*, и ждутъ отъ него милости; что отцы ихъ жили всегда въ любви съ Государями Московскими; что обстоятельства удаляли Юртъ Иваковъ отъ предѣловъ Россіи, но что сей Царь, побѣдивъ недруговъ, снова къ ней приближился и хочетъ Іоанновой дружбы. Послы Ногайскіе желали еще, чтобы купцы ихъ могли свободно пріѣзжать къ намъ и торговать вездѣ безъ пошлинъ. Государь велѣлъ объявить имъ слѣдующій отвѣтъ: «Алегама, обманщика и клятво«преступника, мною сверженнаго, не отпу«скаю; а другомъ вашимъ быть соглашаюсь, По-сольство Ногайское. г. 1489.

г. «если Царь Ивакъ казнитъ разбойниковъ,
1489. «людей Алегамовыхъ, которые у него жи-
«вутъ и грабятъ землю мою и сына моего,
«Магметъ-Аминя; если возвратитъ все по-
«хищенное ими и не будетъ впредь терпѣть
«подобныхъ злодѣйствъ.» Въ ожиданіи сего пребуемаго удовлетворенія Іоаннъ задержалъ въ Москвѣ одного изъ Пословъ, отпустилъ другихъ, и велѣлъ, чтобы Ногайцы ѣздили въ Россію всегда чрезъ Казань и Нижній, а не Мордовскою землею, какъ они, пріѣхали[278]. Сіи сношенія продолжались и въ слѣдующіе годы, представляя мало достопамятнаго для Исторіи. Видимъ только, что Орда Ногайская, кочуя на берегахъ Яика и близъ Тюменя, имѣла разныхъ Царей и сильныхъ Мурзъ или Князей Владѣтельныхъ; называясь ихъ другомъ, Іоаннъ говорилъ съ ними языкомъ повелителя; *дозволилъ* Князю Мусѣ, внуку Эдигееву и племяннику Темирову, выдать дочь свою за Магмедъ-Амиия, но не велѣлъ послѣднему выдавать сестры за сына Мурзы Ногайскаго, Ямгурчея, коего люди, вмѣстѣ съ жителями Астраханскими, грабили нашихъ рыболововъ на Волгѣ[279]; не смотря на всѣ убѣдительныя прозьбы Ногайскихъ Владѣтелей, держалъ Алегама въ неволѣ, оправдываясь: «изъ уваженія къ вамъ даю ему всякую льготу;» посылалъ къ нимъ гонцевъ и дары, Ипрскія сукна, кречетовъ, рыбьи зубы, не забывая и женъ ихъ, которыя въ своихъ при-

пискахъ именовались его *сестрами*; но, спро- г.
го наблюдая приспойноспь въ Дворскихъ 1489.
обрядахъ и различая Пословъ, Великій Князь
изъяснялся съ Ногайскими единспвенно че-
резъ впоросшепенныхъ сановниковъ, Казна-
чеевъ и Дьяковъ. Главною цѣлію Іоанновой
Полипики въ разсужденіи сего кочеваго на-
рода было возбуждапь его пропивъ Ахма-
повыхъ сыновей и не допускапь до впаде-
нія въ землю Казанскую, гдѣ Магмедъ-Аминь
царспвовалъ какъ присяжникъ и *данникъ*
Россіи: ибо въ погданныхъ бумагахъ нахо-
димъ жалобу Магмедъ-Аминя на чиновника
Московскаго, Ѳедора Киселева, копорый
сверхъ обыкновенныхъ пошлинъ взялъ у жи-
телей Цывильской области нѣсколько ка-
докъ меда, лопадей, куницъ, бобровъ, лись-
ихъ шкуръ и проч.[280].

Подчинивъ себѣ Казань, Государь уппвер- Поко-
дилъ власпь свою надъ Вяпкою. Въ по вре- реніе
мя, когда Холмскій дѣйспвовалъ пропивъ Вя-
Алегама, безпокойный ея народъ, не менѣе пки.
своихъ брапьевъ, Новогородцевъ, привязан-
ный къ древнимъ успавамъ вольноспи, изъ-
явилъ непослушаніе, и выгналъ Намѣспни-
ка Великокняжескаго. Не смотря на много-
численноспь войска, бывшаго въ Казанскомъ
походѣ, Іоаннъ имѣлъ еще иное въ гопов-
носпи, и послалъ Воеводу, Юрія Шеспака-
Купузова, смирипь мяпежниковъ; но Вяп-
чане умѣли обольспипь Купузова: принявъ
ихъ оправданіе, онъ возвраппился съ миромъ[281].

Г. 1489. Великій Князь назначилъ другихъ Полководцевъ, Князя Даніила Щеню и Григорья Морозова, которые съ 60,000 воиновъ приступили къ Хлынову. Жители обѣщались повиноваться, платить дань и *служить службы* Великому Князю, но не хотѣли выдать главныхъ виновниковъ бунта: Аникіева, Лазарева и Богодайщикова. Воеводы грозили огнемъ: велѣли окружить городъ плетнями, а плетни берестомъ и смолою. Оставалось нѣсколько минутъ на размышленіе: Вятчане представили Аникіева съ товарищами, коихъ немедленно послали окованныхъ къ Государю. Народъ присягнулъ въ вѣрности. Ему дали новый уставъ гражданскій, согласный съ Самодержавіемъ, и вывели оттуда всѣхъ нарочитыхъ земскихъ людей, гражданъ, купцевъ съ женами и дѣтьми въ Москву[282]. Іоаннъ поселилъ земскихъ людей въ Боровскѣ и въ Кременцѣ, купцевъ въ Дмитровѣ, а прехъ виновнѣйшихъ мятежниковъ казнилъ: чѣмъ и преклось бытіе сей достопамятной народной Державы, основанной выходцами Новогородскими, въ исходѣ втораго надесять вѣка[283], среди пустынь и лѣсовъ, гдѣ въ тишинѣ и неизвѣстности обитали Вотяки съ Черемисами. Долго Исторія молчала о Вяткѣ: малочисленный ея народъ, управляемый законами Демократіи, строилъ жилища и крѣпости, пахалъ землю, ловилъ звѣрей, опасалъ нападенія Вотяковъ, и мало по малу

усиливаясь размноженіемъ людей, болѣе и болѣе успѣвая въ гражданскомъ хозяйствѣ, выпѣснилъ первобытныхъ жителей изъ мѣстъ привольныхъ, загналъ ихъ во глубину болотистыхъ лѣсовъ, овладѣлъ всею землею между Камою и Югомъ, устьемъ Вятки и Сысолою; началъ торговать съ Пермяками, Казанскими Болгарами, съ восточными Новогородскими и Великокняжескими областями; но еще не довольный выгодами купечества, благопріятствуемаго рѣками судоходными, сдѣлался ужасенъ своими дерзкими разбоями, не щадя и самыхъ единоплеменниковъ. Вологда, Устюгъ, Двинская земля опасались сихъ Русскихъ Норманов столько же, какъ и Болгарія: легкія вооруженныя суда ихъ непрестанно носились по Камѣ и Волгѣ. Въ исходѣ XIV вѣка уже часто упоминается въ лѣтописяхъ о Вяткѣ. Полководецъ Тохтамыша выжегъ ея города: сынъ Донскаго присвоилъ себѣ власть надъ оною, внукъ стѣснилъ тамъ вольность народную, правнукъ уничтожилъ навѣки. Воеводы Іоанновы вмѣстѣ съ Вяткою покорили и землю *Арскую* (гдѣ нынѣ городъ Арскъ); сія область древней Болгаріи имѣла своихъ Князей, взятыхъ погда въ плѣнъ и приведенныхъ въ Москву: Государь отпустилъ ихъ назадъ, обязавъ клятвою подданства. Завоеваніе земли Арской.

Среди блестящихъ дѣяній государственныхъ, ознаменованныхъ мудростію и счастіемъ Вѣнценосца, онъ былъ пораженъ не- Кончина Іоанна Младо.

Г. 1490. счастіемъ семейственнымъ. Достойный наслѣдникъ Великаго Князя, Іоаннъ Младый, любимый отцемъ и народомъ, пылкій, мужественный въ опасностяхъ войны, въ 1490 году занемогъ ломотою въ ногахъ (что называли тогда *каменною*[284]). За нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ сыновья Рала Палеолога, бывъ въ Италіи, привезли съ собою изъ Венеціи, вмѣстѣ съ разными художниками, лекаря, именемъ Мистра Леона, родомъ Жидовина[285]: онъ взялся вылечить больнаго, сказавъ Государю, что ручается за то своею головою. Іоаннъ повѣрилъ и велѣлъ ему лечить сына. Сей Медикъ, болѣе смѣлый, нежели искусный, жегъ больному ноги стеклянными сосудами, наполненными горячею водою, и давалъ пить какое-то зеліе. Недугъ усилился: юный Князь, долго страдавъ, къ неописанной скорби отца и подданныхъ скончался, имѣвъ отъ рожденія 32 года[286]. Іоаннъ немедленно приказалъ заключить Мистра Леона въ темницу и че-

Казнь врача. резъ шесть недѣль казнилъ всенародно на Болвановѣ за Москвою рѣкою[287]. Въ семъ, для насъ жестокомъ дѣлѣ народъ видѣлъ одну справедливость: ибо Леонъ обманулъ Государя и самъ себя обрекъ на казнь. Такую же участь имѣлъ въ 1485 году и другой врачь, Нѣмецъ Антонъ, лекарствами уморивъ Князя Тапарскаго, сына Даніярова: онъ былъ выданъ роднымъ головою, и зарѣзанъ ножемъ подъ Москворѣцкимъ мостомъ,

къ ужасу всѣхъ иноземцевъ[288], такъ, что и славный Аристотель хотѣлъ немедленно уѣхать изъ Россіи: Іоаннъ разгнѣвался и велѣлъ заключить его въ домѣ; но скоро простилъ. 1490. Г.

Строгій въ наказаніи бѣдныхъ неискусныхъ врачей, сей Государь въ то же время изъявилъ похвальную умѣренность въ случаѣ важномъ для Вѣры, въ расколѣ столь бѣдственномъ, по выраженію современника, Св. Іосифа Волоцкаго, что благочестивая земля Русская не видала подобнаго соблазна отъ вѣка Ольгина и Владимірова. Разскажемъ обстоятельства. Былъ въ Кіевѣ Жидъ именемъ Схаріа, умомъ хитрый, языкомъ острый: въ 1470 году пріѣхавъ въ Новгородъ съ Княземъ Михайломъ Олельковичемъ, онъ умѣлъ обольстить тамъ двухъ Священниковъ, Діонисія и Алексія: увѣрилъ ихъ, что законъ Моисеевъ есть единый Божественный; что Исторія Спасителя выдумана; что Христосъ еще не родился; что не должно покланяться иконамъ, и проч. Завелась Жидовская ересь[289]. Попъ Алексій назвалъ себя Авраамомъ, жену свою Саррою, и развратилъ, вмѣстѣ съ Діонисіемъ, многихъ Духовныхъ и мірянъ, между коими находился Протоіерей Софійской церкви, Гавріилъ, и сынъ знатнаго Боярина, Григорій Михайловичь Тучинъ. Но трудно понять, чтобы Схаріа могъ столь легко размножить число своихъ учениковъ Новогородскихъ, если бы мудрость его со- Соборъ на еретиковъ Жидовскихъ.

Г. спояла единственно въ опверженіи Хри-
1490. стіанства и въ прославленіи Жидовства;
Св. Іосифъ Волоцкій даетъ ему имя *Астро-*
лога и *чернокнижника*: и такъ вѣроятно,
что Схаріа обольщалъ Россіянъ Іудейскою
Каббалою, наукою плѣнительною для не-
вѣждъ любопытныхъ и славною въ XV вѣ-
кѣ, когда многіе изъ самыхъ ученыхъ *людей*
(на примѣръ, Іоаннъ Пикъ Мирандольскій)
искали въ ней разрѣшенія всѣхъ важнѣйшихъ
загадокъ для ума человѣческаго. Каббалисты
хвалились древними преданіями, будто бы
дошедшими до нихъ отъ Моисея; многіе увѣ-
ряли даже, что имѣютъ книгу, получен-
ную Адамомъ отъ Бога, и главный испоч-
никъ Соломоновой мудрости; что они зна-
ютъ всѣ тайны Природы, могутъ изъ-
яснять сновидѣнія, угадывать будущее, по-
велѣвать Духами; что сею наукою Моисей
восторжествовалъ надъ Египетскими вол-
хвами, Илія повелѣвалъ огнемъ небеснымъ,
Даніилъ смыкалъ челюсти львамъ; что Вет-
хій Завѣтъ исполненъ хитрыхъ иносказа-
ній, объясняемыхъ Каббалою; что она тво-
ритъ чудеса посредствомъ нѣкоторыхъ словъ
Библіи, и проч. Неудивительно, если сіи
внушенія произвели сильное дѣйствіе въ
умахъ слабыхъ, и хитрый Жидъ, овладѣвъ
ими, увѣрилъ ихъ и въ томъ, что Мессія
еще не являлся въ мірѣ. — Внутренно от-
вергая святыню Христіанства, Новогород-
скіе еретики соблюдали наружную христой-

ность, казались смиренными постниками, г. ревностными въ исполненіи всѣхъ обязан- 1490.
ностей благочестія, такъ, что Великій Князь въ 1480 году взялъ Поповъ Алексія и Діонисія въ Москву, какъ Пастырей отличныхъ достоинствами: первый сдѣлался Протоіереемъ храма Успенскаго, а второй Архангельскаго. Съ ними перешелъ туда и расколъ, оставивъ корень въ Новѣгородѣ. Алексій снискалъ особенную милость Государя, имѣлъ къ нему свободный доступъ, и тайнымъ своимъ ученіемъ прельстилъ Архимандрита Симоновскаго, Зосиму, Инока Захарію, Дьяка Великокняжескаго Ѳедора Курицына и другихъ. Самъ Государь, не подозрѣвая ереси, слыхалъ отъ него рѣчи двусмысленныя, таинственныя: въ чемъ послѣ каялся наединѣ Святому Іосифу, говоря, что и невѣстка его, Княгиня Елена, была вовлечена въ сей Жидовскій расколъ однимъ изъ учениковъ Алексіевыхъ, Иваномъ Максимовымъ [290]. Между тѣмъ Алексій до конца жизни пользовался довѣренностію Государя, и всегда хваля ему Зосиму, своего единомышленника, былъ главною виною того, что Іоаннъ, по смерти Митрополита Геронтія, возвелъ сего Архимандрита Симоновскаго (въ 1490 году) на степень Первосвятителя [291]. «Мы увидѣли» — пишетъ Іосифъ — «чадо Сатаны на престо- «лѣ Угодниковъ Божіихъ, Петра и Алексія; «увидѣли хищнаго волка въ одеждѣ мирнаго

Г. 1490. «пастыря.» Тайный Жидовинъ еще скрывался подъ личиною Христіанскихъ добродѣтелей.

Наконецъ Архіепископъ Геннадій опкрылъ ересь въ Новѣгородѣ: собравъ всѣ объ ней извѣстія и доказательства, прислалъ дѣло на судъ Государю и Митрополиту вмѣстѣ съ виновными, большею частію Попами и Діаконами; онъ именовалъ и Московскихъ ихъ единомышленниковъ, кромѣ Зосимы и Дьяка Ѳедора Курицына. Государь призвалъ Епископовъ, Тихона Ростовскаго, Нифонта Суздальскаго, Симеона Рязанскаго, Вассіана Тверскаго, Прохора Сарскаго, Филоѳея Пермскаго, также многихъ Архимандритовъ, Игуменовъ, Священниковъ, и велѣлъ Соборомъ изслѣдовать ересь[292]. Митрополитъ предсѣдательствовалъ. Съ ужасомъ слушали Геннадіеву обвинительную грамоту: самъ Зосима казался изумленнымъ. Архіепископъ Новогородскій доносилъ, что сіи отступники злословятъ Христа и Богоматерь, плюютъ на кресты, называютъ иконы болванами, *грызутъ оныя зубами*, повергаютъ въ мѣста нечистыя, не вѣрятъ ни Царству Небесному, ни воскресенію мертвыхъ, и безмолвствуя при усердныхъ Христіанахъ, дерзостно развращаютъ слабыхъ. Призвали обвиняемыхъ: Инока Захарію, Новогородскаго Протопопа Гавріила, Священника Діонисія и другихъ (глава ихъ, Алексій, умеръ года за два до сего времени). Они во всемъ запирались[293]; но свидѣтельства, Новогородскія

и Московскія, были не сомнительны. Нѣкоторые думали, что уличенныхъ надобно пытать и казнить: Великій Князь не захотѣлъ того, и Соборъ, дѣйствуя согласно съ его волею, проклялъ ересь, а безумныхъ еретиковъ осудилъ на заточеніе [294]. Такое наказаніе по суровости вѣка и по важности разврата было весьма человѣколюбиво. Многіе изъ осужденныхъ были посланы въ Новгородъ: Архіепископъ Геннадій велѣлъ посадить ихъ на коней, лицемъ къ хвосту, въ одеждѣ вывороченной, въ шлемахъ берестовыхъ, острыхъ, какіе изображаются на бѣсахъ, съ мочальными кистями, съ вѣнцемъ соломеннымъ и съ надписью: *се есть Сатанино воинство!* Такимъ образомъ возили сихъ несчастныхъ изъ улицы въ улицу; народъ плевалъ имъ въ глаза, восклицая: *се враги Христовы!* и въ заключеніе сжегъ у нихъ на головѣ шлемы. Тѣ, которые хвалили сіе дѣйствіе какъ достойное ревности Христіанской, безъ сомнѣнія осуждали умѣренность Великаго Князя, не хотѣвшаго употребить ни меча, ни огня для истребленія ереси. Онъ думалъ, что клятва Церковная достаточна для обращенія людей слабыхъ отъ подобныхъ заблужденій. г. 1490.

Но Зосима, не дерзнувъ на Соборѣ покровительствовать своихъ обличенныхъ тайныхъ друзей, остался въ душѣ еретикомъ; соблюдая наружную пристойность, скрытно вредилъ Христіанству, по изъясняя

Г. ложно Св. Писаніе, по будто бы съ удив-
1490. леніемъ находя въ немъ пропиворѣчія; иногда же, въ порывѣ искренности, совершенно отвергая ученіе Евангельское, Апостольское, Святыхъ Отцевъ, говорилъ пріятелямъ: «что такое Царство Небесное? что «второе пришествіе и воскресеніе мертвыхъ? кто умеръ, того нѣтъ и не будетъ.» Придворный Дьякъ Ѳедоръ Курицынъ и многіе его сообщники также дѣйствовали во мракѣ; имѣли учениковъ; толковали имъ Астрологію, Іудейскую мудрость, ослабляя въ сердцахъ Вѣру истинную. Духъ суетнаго любопытства и сомнѣнія въ важнѣйшихъ истинахъ Христіанства обнаруживался въ домахъ и на торжищахъ: Иноки и свѣтскіе люди спорили о Естествѣ Спасителя, о Троицѣ, о святости иконъ, и проч. Всѣ зараженные ересію составляли между собою нѣкоторый родъ тайнаго общества, коего гнѣздо находилось въ палатахъ Митрополитовыхъ: тамъ они сходились умствовать и пировать. — Ревностные враги ихъ заблужденій были предметомъ гоненія: Зосима удалилъ отъ церкви многихъ Священниковъ и Діаконовъ, которые опличались усердіемъ къ православію и ненавистію къ Жидовскому расколу. «Не должно (говорилъ онъ) злобиться и на еретиковъ: Пастыри духов-«ные да проповѣдуютъ только миръ!»

Такъ повѣствуетъ Св. Іосифъ, основатель и начальникъ монастыря Волоколамскаго,

Историкъ, можетъ быть, не совсѣмъ без- г.
пристрастный: по крайней мѣрѣ смѣлый, не- 1490.
устрашимый противникъ ереси: ибо онъ
еще во время Зосимина Первосвятительства дерзалъ обличать ее, какъ по видимъ изъ письма его къ Суздальскому Епископу, Нифонту. «Сокрылись опять насъ» — пишетъ Іосифъ — «отлетѣли ко Христу древніе ор-«лы Вѣры, Святители добродѣтельные, «коихъ гласъ возвѣщалъ истину въ саду «Церкви, и которые истерзали бы когтя-«ми всякое око, не право зрящее на боже-«ственность Спасителя. Нынѣ шипитъ тамо «змій пагубный, изрыгая хулу на Господа и «на Его Матерь[295].» Онъ заклинаетъ Нифонта очистить Церковь отъ неслыханнаго доволѣ соблазна, открыть глаза Государю, свергнуть Зосиму: что и совершилось. Увѣрился ли Великій Князь въ расколѣ Митрополита, неизвѣстно; но въ 1494 году, Свер-
безъ суда и безъ шума, велѣлъ ему какъ Ми-
бы добровольно удалиться въ Симоновъ, а пре
оттуда въ Троицкій монастырь, за то, поли
какъ сказано въ лѣтописи, что сей Перво- та.
святитель не радѣлъ о Церкви и любилъ вино[296]. Благоразумный Іоаннъ не хотѣлъ, можетъ быть, соблазнить Россіянъ всенароднымъ осужденіемъ Архипастыря, имъ избраннаго, и для того не огласилъ его дѣйствительной вины.

Преемникъ Зосимы въ Митрополіи былъ Игуменъ Троицкій, Симонъ. Здѣсь Лѣто-

Г. писцы сообщаютъ намъ нѣкоторыя, весьма
1490. любопытныя обстоятельства. Когда Вла-
Избраніе дыки Россійскіе въ Великокняжеской Думѣ
новаго. нарекли Симона достойнымъ Первосвятительства, Государь пошелъ съ нимъ изъ Дворца въ церковь Успенія, провождаемый сыновьями, внукомъ, Епископами, всѣми Боярами и Дьяками. Поклонились иконамъ и гробамъ Святительскимъ; пѣли, читали молитвы и тропари. Іоаннъ взялъ будущаго Архипастыря за руку, и выходя изъ церкви, въ западныхъ дверяхъ *предалъ* Епископамъ, которые отвели его въ домъ Митрополитовъ. Тамъ, отпустивъ ихъ съ благословеніемъ, сей скромный мужъ обѣдалъ съ Иноками Троицкаго монастыря, съ своими Боярами и Дѣтьми Боярскими. Въ день посвященія онъ ѣхалъ на *осляти*, коего велъ знатный сановникъ Михайло Русалка. Совершились обряды, и новый Митрополитъ долженъ былъ итти на свое мѣсто. Вдругъ священнодѣйствіе остановилось; пѣніе умолкло: взоры Духовенства и Вельможъ устремились на Іоанна. Государь выступилъ и громогласно сказалъ Митрополиту: «Всемогущая и Животворящая Святая Троица, «дарующая намъ Государство всея Руси, «подаетъ тебѣ сей великій престолъ Архіерейства руковозложеніемъ Архіепископовъ и «Епископовъ нашего Царства. Воспріими «жезлъ Пастырства; взыди на сѣдалище «старѣйшинства во имя Господа Іисуса; мо-

«ли Бога о насъ — и да подаспъ тебѣ Гос- г.
«подь здравіе со многоденспвомъ.» Тупъ хоръ 1490.
шѣвчихъ возгласилъ *Исполлаэти Деспота.*
Миипрополипъ опвѣтспповалъ: «Всемогу-
«щая и вседержащая десница Вышняго да со-
«хранитъ мирное пвое Богопоставленное Цар-
«спво, Самодержавный Владыко! да будетъ
«оно многолѣтно и побѣдипельно со всѣми по-
«винующимися тебѣ Христолюбивыми воин-
«спвами и народами! Во вся дни живопа
«пвоего буди здравъ, пворя добро, о Го-
«сударь Самодержавный!» Пѣвчіе возгласили
Іоанну многолѣпіе. — Великіе Князья всегда располагали Миипрополіею, и нѣпъ примѣра въ нашей Испоріи, чпобы власпь духовная спорила съ ними о семъ важномъ правѣ; но Іоаннъ хопѣлъ упвердипь оное священнымъ обрядомъ: самъ указалъ Миипрополипу пресполъ, и поржеспвенно дѣйспвовалъ въ храмѣ: чего мы доселѣ не видали.

Къ успокоенію правовѣрныхъ, новый Миипрополипъ ревноспно спарался искоренипь Жидовскую ересь; еще ревноспнѣе Іосифъ Волоцкій, копорый, имѣя досшупъ къ Государю, пребовалъ опъ него, чпобы онъ велѣлъ по всѣмъ городамъ искапь и казнипь еретиковъ. Великій Князь говорилъ, чпо надобно испреблять развращъ, но безъ казни, пропивной духу Христіанспва; иногда, выводимый изъ терпѣнія, приказывалъ Іосифу умолкнупь; иногда обѣщалъ ему подумапь [297], и не могъ рѣшиться на жеспо-

Г. 1490. кія средспва, шакъ чшо многіе дѣйспви-шельные или мнимые ерешики умерли спокойно; а знашный Дьякъ Ѳедоръ Курицынъ еще долго пользовался довѣренносшію Государя и былъ упошребляемъ въ дѣлахъ Посольскихъ. [298].

ГЛАВА V.

Продолженіе государствованія Іоаннова.

Заключеніе Андрея, Іоаннова брата. Смерть его и Бориса Василіевича. Посольства Императора Римскаго и наши къ нему. Открытіе Печерскихъ рудниковъ. Посольство Дапское, Чагатайское, Иверское. Первое дружелюбное сношеніе съ Султаномъ. Посольства въ Крымъ. Литовскія дѣла. Смерть Казимира: сынъ его, Александръ, на тронѣ Литовскомъ. Непріятельскія дѣйспвія проптивъ Литвы. Переговоры о мирѣ и сватовспвѣ. Злоумышленіе на жизнь Іоаннову. Посольство Князя Мазовецкаго въ Москву. Миръ съ Литвою. Іоаннъ отдаетъ дочь свою, Елену, за Александра. Новыя неудовольспвія между Россіею и Литвою.

Г. 1491 — 1496.

Обратимся къ государспвеннымъ происшесптвіямъ. — Великій Князь жилъ мирно съ брашьями до кончины маптери, Инокини Мар-

ены: она преставилась въ 1484 году[299], и съ того времени началось взаимное подозрѣніе между ими. Андрей и Борисъ не могли привыкнуть къ новому порядку вещей и досадовали на властолюбіе Іоанна, копорый, непрестанно усиливая Государство Московское, не давалъ имъ части въ своихъ пріобрѣтеніяхъ. Лишенные защиты и посредничества любимой, уважаемой родительницы, они боялись, чтобы Великій Князь не отнялъ у нихъ и наслѣдственныхъ Удѣловъ. Іоаннъ также, зная сіе внутреннее расположеніе братьевъ, помня ихъ бѣгство въ Литву и наглыя злодѣйства въ предѣлахъ Россійскихъ, не имѣлъ къ нимъ ни довѣренности, ни любви; но соблюдалъ приспойность, не хотѣлъ быть явнымъ утѣснителемъ, и въ 1486 году обязался новою договорною грамотою не присвоивать себѣ ни Андреевыхъ, ни Борисовыхъ городовъ, требуя, чтобы сіи Князья не входили въ переговоры съ Казимиромъ, съ Тверскимъ изгнанникомъ Михаиломъ, съ Литовскими Панами, Новогородцами, Псковитянами, и немедленно сообщали ему всѣ ихъ письма[300]. Слѣдственно Іоаннъ опасался тайно связи между братьями, Литвою и тѣми Россіянами, которые не любили Самодержавія: можетъ быть, и зналъ объ ней, желая прервать оную или въ противномъ случаѣ не оставить братьямъ уже никакого извиненія. Еще они съ обѣихъ сторонъ удерживались

1491 — 93. Заключеніе Андрея, Іоаннова брата

Г. 1491 — 93. опъ явныхъ знаковъ взаимнаго недоброжелапельспва, когда Андрею Василіевичу сказали, чпо Великій Князь намѣренъ взяпь его подъ спражу: Андрей хопѣлъ бѣжапь; одумался, и велѣлъ Московскому Боярину, Ивану Юрьевичу, спросипь у Государя, чѣмъ онъ заслужилъ гнѣвъ его? Бояринъ не дерзнулъ вмѣшапься въ дѣло сполъ опасное. Андрей самъ пришелъ къ брапу, и хопѣлъ знапь вину свою. Великій Князь изумился: спавилъ Небо во свидѣпели, чпо не думалъ сдѣлапь ему ни малѣйшаго зла, и прибовалъ, чпобы онъ наименовалъ клевепника. Андрей сослался на своего Боярина, Образца: Образецъ на слугу Іоаннова, Мунпа Таппищева; а послѣдній признался, чпо сказалъ по единспвенно въ шупку. Государь, успокоивъ брапа, далъ повелѣніе опрѣзапь Таппищеву языкъ: ходапайспво Митрополипово спасло несчаспнаго опъ сей казни; однакожь его высѣкли кнупомъ[301]. Въ 1491 году Великій Князь посылалъ войско пропивъ Ординскихъ Царей, Сеидъ-Ахмупа и Шигъ-Ахмепа, копорые хопѣли иппи на Тавриду, но удалились опъ ея границъ, свѣдавъ, чпо Московская papь уже споипъ на берегахъ Донца. Полководцы Іоанновы, Царевичь Салпаганъ, сынъ Нордоулаповъ, и Князья Оболенскіе, Пепръ Никипичь и Рѣпня, возвpапились, не сдѣлавъ ничего важнаго[302]. Въ семъ походѣ долженспвовали учаспвовапь и брапья Великаго Князя; но Андрей не при-

слалъ вспомогательной дружины къ Салта- г.
гану. Іоаннъ скрылъ свою досаду. Осенью, 1491.
Сентября 19, пріѣхавъ изъ Углича въ Мос- — 93.
кву, Андрей былъ цѣлый вечеръ во дворцѣ у Великаго Князя. Они казались совершенными друзьями: бесѣдовали искренно и весело. На другой день Іоаннъ чрезъ Дворецкаго, Князя Пепира Шастунова, звалъ брата къ себѣ на обѣдъ, встрѣтилъ ласково, поговорилъ съ нимъ, и вышелъ въ другую комнату, опославъ Андреевыхъ Бояръ въ столовую *гридню*, гдѣ ихъ всѣхъ немедленно взяли подъ стражу. Въ то же время Князь Симеонъ Ивановичь Ряполовскій со многими иными Вельможами явился передъ Андреемъ, хотѣлъ говорить и не могъ ясно произнести ни одного слова, заливаясь слезами; наконецъ дрожащимъ голосомъ сказалъ: *Государь Князь Андрей Василіевичь! поманъ еси Богомъ, да Государемъ Великимъ Княземъ, Иваномъ Василіевичемъ, всея Руси, братомъ твоимъ старѣйшимъ.* Андрей вспалъ и съ твердостію отвѣтствовалъ: «*волень Богъ, «да Государь братъ мой; а Всевышній разсудитъ насъ въ томъ, что лишаюсь свобо-«ды безвинно.*» Андрея свели на Казенный дворъ, оковали цѣпями, и приставили къ нему многочисленную стражу, состоящую изъ Князей и Бояръ; двухъ его сыновей, Ивана и Димитрія, заключили въ Переславлѣ; дочерей оставили на свободѣ[303]: Удѣлъ же ихъ родителя присоединили къ Великому

Г. 1491 — 93. Княженію. Чтобы оправдать себя, Іоаннъ объявилъ Андрея измѣнникомъ: ибо сей Князь, нарушивъ клятвенный обѣтъ, замышлялъ возспать на Государя съ братьями Юріемъ, Борисомъ и съ Андресмъ Меньшимъ, переписывался съ Казимиромъ и съ Ахманомъ, наводя ихъ на Россію; вмѣстѣ съ Борисомъ уѣзжалъ въ Литву; наконецъ ослушался Великаго Князя и не посылалъ Воеводъ своихъ противъ Сеидъ-Ахмута[304]. Только послѣдняя вина имѣла видъ справедливости: другія, какъ старыя, были заглажены миромъ въ 1479 году; или надлежало уличить Андрея, что онъ уже послѣ того писалъ къ Казимиру. Однимъ словомъ, Іоаннъ въ семъ случаѣ поступилъ жестоко, оправдываясь, какъ вѣроятно, въ собственныхъ глазахъ извѣстною строптивостію Андрея, государственною пользою, требующею безпрекословнаго Единовластія, и примѣромъ Ярослава I, который также заключилъ брата. — Государь тогда же потребовалъ къ себѣ и Бориса Васильевича: сей Князь съ ужасомъ и трепетомъ явился въ Московскомъ дворцѣ, но черезъ три дни былъ съ милостію отпущенъ назадъ въ Волокъ[305]. Андрей въ 1493 году умеръ въ темницѣ, къ горести Великаго Князя, по увѣренію Лѣтописцевъ. Разсказываютъ, что онъ (въ 1498 году) призвавъ Митрополита и Епископовъ во дворецъ, вступилъ ихъ съ лицемъ печальнымъ, безмолвствовалъ, заплакалъ и началъ

Смерть Андрея и Бориса Васильевича.

смиренно каяпься въ своей жеспокоспи, г. бывъ виною жалоспной, безвременной кон- 1491 — 93.
чины брапа. Мипрополипъ и Епископы си-
дѣли: Государь споялъ передъ ними и пре-
бовалъ прощенія. Они успокоили его совѣспь:
оппуспили ему грѣхъ, но съ паспырскимъ
душеспаситпельнымъ увѣщаніемъ[306]. — Бо-
рисъ Василіевичь пакже скоро преспавился.
Сыновья его, Ѳеодоръ и Иванъ, наслѣдовали
доспояніе родипеля. Въ 1497 году они успу-
пили Великому Князю Коломенскія и другія
села, взявъ за нихъ Тверскія. Иванъ Борисо-
вичь, умирая въ 1503 году, опказалъ Госу-
дарю Рузу и половину Ржева, вмѣспѣ съ его
воинскою рухлядью, доспѣхами и конями[307].
Такъ въ Государспвѣ Московскомъ исчезали
всѣ особенныя наслѣдспвенныя власпи, успу-
пая Великокняжеской.

Между пѣмъ и внѣшнія полипическія оп-
ношенія Россіи болѣе и болѣе возвышали
доспоинспво ея Монарха. Послы Ольгины
находились въ Германіи, при Оппонѣ I, а
Нѣмецкіе въ Кіевѣ около 1075 года; Изяславъ
I и Владиміръ Галицкій искали покровипель-
спва Римскихъ Имперапоровъ; Геприкъ IV По-
былъ женапъ на Княжнѣ Россійской, и Фри- сольс-
дерикъ Барбарусса уважалъ Всеволода III[308]: спва
но съ пого времени мы не имѣли сообщенія Импе
съ Имперіею, до 1486 года, когда знапный рапо-
Рыцарь, именемъ Николай Поппель, пріѣхалъ Рим-
въ Москву съ письмомъ Фридерика III, безъ скаго
всякаго особеннаго порученія, единспвенно и на-
ши къ
нему.

Г. изъ любопытства. «Я видѣлъ» — говорилъ
1491 онъ — «всѣ земли Христіанскія и всѣхъ Ко-
— 93. «ролей: желаю узнать Россію и Великаго
«Князя[309].» Бояре ему не вѣрили и думали, что сей иноземецъ съ какимъ нибудь злымъ намѣреніемъ подосланъ Казимиромъ Липовскимъ; однакожь Поппель, удовлетворивъ своему любопытству, благополучно выѣхалъ изъ Россіи, и чрезъ два года возвратился въ качествѣ Посла Императорскаго съ новою грамотою отъ Фридерика и сына его, Короля Римскаго, Максимиліана, писанною въ Ульмѣ 26 Декабря, 1488 года. Принятый ласково, онъ въ первомъ свиданіи съ Московскими Боярами, Княземъ Иваномъ Юрьевичемъ, Даніиломъ Холмскимъ и Яковомъ Захарьевичемъ, говорилъ слѣдующее: «Выѣхавъ «изъ Россіи, я нашелъ Императора и Кня-«зей Германскихъ въ Нюренбергѣ; бесѣдо-«валъ съ ними о странѣ вашей, о Великомъ «Князѣ, и вывелъ ихъ изъ заблужденія: они «думали, что Іоаннъ есть данникъ Казими-«ровъ. *Нѣтъ*, сказалъ я: *Государь Москов-«скій сильнѣе и богатѣе Польскаго; Держа-«ва его неизмѣрима, народы многочислен-«ны, мудрость знаменита.* Однимъ словомъ, «самый усерднѣйшій изъ слугъ Іоанновыхъ «не могъ бы говорить объ немъ иначе, рев-«ностнѣе и справедливѣе. Меня слушали съ «удивленіемъ, особенно Императоръ, въ часъ «обѣда ежедневно разговаривая со мною. На-«конецъ сей Монархъ, желая быть союзни-

«комъ Россіи, велѣлъ мнѣ ѣхать къ вамъ Г. «Посломъ со многочисленною дружиною. Еще 1491 «ли не вѣрите истинѣ моего званія? За два — 93. «года я казался здѣсь обманщикомъ, ибо «имѣлъ съ собою только двухъ служителей. «Пусть Великій Князь пошлетъ собствен- «наго чиновника къ моему Государю: тогда «не останется ни малѣйшаго сомнѣнія.» Но Іоаннъ уже вѣрилъ Послу, который именемъ Фридериковымъ предложилъ ему выдать его дочь, Елену или Ѳеодосію, за Албрехта, Маркграфа Баденскаго, племянника Императорова, и желалъ видѣть невѣсту. Великій Князь отвѣтствовалъ ему черезъ Дьяка, Ѳедора Курицына, что вмѣстѣ съ нимъ отправится въ Германію Посолъ Россійскій, коему велѣно будетъ изъяснится о семъ съ Императоромъ, и что обычаи наши не дозволяютъ прежде времени показывать юныхъ дѣвицъ женихамъ или сватамъ. — Второе предложеніе Поппелево состояло въ томъ, чтобы Іоаннъ запретилъ Псковитянамъ вступаться въ земли Ливонскихъ Нѣмцевъ, подданныхъ Имперіи. Государь велѣлъ отвѣтствовать, что Псковитяне владѣютъ только собственными ихъ землями и не вступаются въ чужія.

Весьма достопамятна третія аудіенція, данная Послу Фридерикову въ *набережныхъ сѣняхъ*, гдѣ самъ Великій Князь слушалъ его, отступивъ нѣсколько шаговъ отъ своихъ Бояръ. «Молю о скромности и тайнѣ,»

г. сказалъ Поппель: «ежели непріятели твои ,
1491 «Ляхи и Богемцы, узнаютъ, о чемъ я гово-
— 93. «рить намѣренъ: то жизнь моя будетъ въ
«опасности. Мы слышали, что ты , Госу-
«дарь, требовалъ себѣ отъ Папы *Королев-*
«*скаго* достоинства; но знай , что не Папа,
«а только Императоръ жалуетъ въ Коро-
«ли, въ Принцы и въ Рыцари. Если жела-
«ешь быть Королемъ , то предлагаю те-
«бѣ свои услуги. Надлежитъ единственно
«скрыть сіе дѣло отъ Монарха Польскаго ,
«который боится, чтобы ты , сдѣлавшись
«ему равнымъ Государемъ, не отнялъ у него
«древнихъ земель Россійскихъ.» Отвѣтъ Іо-
анновъ изображаетъ благородную, истинно
Царскую гордость. Бояре сказали Послу
такъ: «Государь, Великій Князь, Божіею мило-
«стію наслѣдовалъ Державу Русскую отъ
«своихъ предковъ , и *поставленіе* имѣетъ
«отъ Бога , и молитъ Бога, да сохранитъ
«оную ему и дѣтямъ его вовѣки; а поставле-
«нія отъ иной власти никогда не хотѣлъ и
«не хочетъ»[310]. Поппель не смѣлъ болѣе го-
ворить о томъ, и вторично обратился къ
сватовству. «Великій Князь» — сказалъ онъ—
«имѣетъ двухъ дочерей: если не благоволитъ
«выдать ни которой за Маркграфа Баденска-
«го, то Императоръ представляетъ ему въ
«женихи одного изъ Саксонскихъ знаменитыхъ
«Принцевъ, сыновей его племянника (Курфир-
«ста Фридерика), а другая Княжна Россійская
«можетъ быть супругою Сигизмунда, Марк-

«графа Бранденбургскаго, коего старшій г. «братъ есть зять Короля Польскаго.» На сіе не было отвѣта, и Поппель скоро 1491 — 93.
опправился изъ Москвы въ Данію чрезъ Швецію, для какого-то особеннаго Императорскаго дѣла: Государь же послалъ въ Нѣмецкую землю Грека, именемъ Юрія Траханіота, или Трахонипа, выѣхавшаго къ намъ съ Великою Княгинею, Софіею, давъ ему слѣдующее наставленіе:

I. «Явить Императору и сыну его, Рим«скому Королю Максиміліану, вѣрющую По«сольскую грамоту. Увѣрить ихъ въ искре«ней пріязни Іоанновой. — II. Условиться о «взаимныхъ дружественныхъ Посольствахъ «и свободномъ сообщеніи обѣихъ Державъ. — «III. Ежели спросятъ, намѣренъ ли Великій «Князь выдать свою дочь за Маркграфа Ба«денскаго? то отвѣтствовать, что сей со«юзъ не пристоенъ для знаменитости и силы «Государя Россійскаго, брата древнихъ Царей «Греческихъ, которые, переселясь въ Визан«тію, уступили Римъ Папамъ. Но буде Им«ператоръ пожелаетъ сватать нашу Княжну «за сына своего, Короля Максиміліана: то «ему не отказывать, и дать надежду. — «IV. Искать въ Германіи и принять въ служ«бу Россійскую полезныхъ художниковъ, гор«ныхъ масперовъ, Архитекторовъ и проч.» На издержки дано было ему 80 соболей и 3000 бѣлокъ. Іоаннъ написалъ съ нимъ друже-

Г. спвенныя грамопы къ Бургомиспрамъ Нарв-
1491 скому, Ревельскому и Любекскому.
— 93. Траханіопъ поѣхалъ (22 Марпа) изъ Москвы въ Ревель, оппуда въ Любекъ и Франкфурпъ, гдѣ былъ предспавленъ Римскому Королю Максимиліану, говорилъ ему рѣчь на языкѣ Ломбардскомъ и вручилъ дары Великокняжескіе, 40 соболей, шубы горноспаевую и бѣличью. Докпоръ, Георгъ Торнъ, именемъ Максимиліана опвѣчалъ Послу на помъ же языкѣ, изъявляя благодарноспь и пріязнь сего Вѣнценосца къ Государю Московскому[311]. Посла осыпали въ Германіи ласками и привѣпспвіями. Король Римскій, вспрѣчая его, сходилъ обыкновенно съ прона и сажалъ подлѣ себя; по же дѣлалъ и самъ Имперапоръ. Они споя подавали ему руку въ знакъ уваженія къ Великому Князю[312]. Болѣе ничего не знаемъ о переговорахъ Траханіопа, копорый возвратился въ Москву 16 Іюля, 1490 года, съ новымъ Посломъ Максимиліановымъ, Георгомъ Делапоромъ[313]. Не за-долго до того времени умеръ славный Король Мапѳей, и Папы Венгерскіе согласились избрапь на сго мѣспо Казимирова сына, Владислава, Государя Богемскаго, въ досаду Максимиліану, считавшему себя законнымъ наслѣдникомъ Мапѳеевымъ. Сіе обспояпельспво соединяло Авспрійскую Политику съ нашею: Максимиліанъ хопѣлъ завоевапь Венгрію, Іоаннъ южную Липовскую Россію: они признавали Казимира общимъ

врагомъ, и Делапоръ, чтобы тѣмъ вѣр- г.
нѣе успѣть въ государственномъ дѣлѣ, объ- 1491
явилъ желаніе Римскаго Короля (погда вдо- —93.
ваго) быть Іоанну зятемъ: хотѣлъ видѣть
юную Княжну и спрашивалъ о цѣнѣ ея при-
данаго. Отвѣтъ состоялъ въ учтивомъ от-
казѣ: Послу изъяснили наши обычаи. Какой
стыдъ для отца и невѣсты, если бы сватъ
отвергнулъ ее! Могъ ли знаменитый Госу-
дарь съ безпокойствомъ и страхомъ ждать,
что слуга иноземнаго Властителя скажетъ
объ его дочери? Изъяснили также Делапо-
ру, что Вѣнценосцамъ не прилично торго-
ваться въ приданомъ; что Великій Князь
безъ сомнѣнія назначитъ его по достоинству
жениха и невѣсты, но уже послѣ брака; что
надобно согласиться прежде въ дѣлѣ важнѣй-
шемъ, а именно въ томъ, чтобы Княжна
Россійская, если будетъ супругою Максими-
ліана, не перемѣняла Вѣры, имѣла у себя
церковь Греческую и Священниковъ. Для по-
слѣдняго Великій Князь требовалъ увѣри-
тельной записи; но Делапоръ сказалъ, что
онъ для сего не уполномоченъ. И такъ пе-
рестали говорить о бракѣ.

Однакожъ союзъ государственный заклю-
чился, и написали договоръ слѣдующаго со-
держанія:

«По волѣ Божіей и нашей любви мы Іо-
«аннъ, Божіею милостію Государь всея Ру-
«сіи, Владимірскій, Московскій, Новогород-
«скій, Псковскій, Югорскій, Вятскій, Перм-

Г. 1491.–93. «скій, Болгарскій» (по еспь, Казанскій) «и «проч. условились съ своимъ брапомъ, Мак- «симиліаномъ, Королемъ Римскимъ и Кня- «земъ Авспрійскимъ, Бургонскимъ, Лопа- «рингскимъ, Спирскимъ, Каринпійскимъ и «проч. быпь въ вѣчной любви и согласіи, «чпобы помогапь другъ другу во всѣхъ слу- «чаяхъ. Если Король Польскій и дѣпи его «будупъ воеванъ съ побою, брапомъ мо- «имъ, за Венгрію, пвою опчину: по извѣ- «спи насъ, и поможемъ пебѣ усердно, безъ «обмана. Если же и мы начнемъ *добывать* «Великаго Княженія Кіевскаго и другихъ зе- «мель Русскихъ, коими владѣепъ Липва: по «увѣдомимъ тебя, и поможешь намъ усердно, «безъ обмана. Если и не успѣемъ обослапь- «ся, но узнаемъ, чпо война началася съ «пвоей или моей спороны: по обязываемся «немедленно иппи другъ ко другу на по- «мощь. — Послы и купцы наши да ѣздяпъ «свободно изъ одной земли въ другую. На «семъ цѣлую креспъ къ пебѣ, моему бра- «пу.... Въ Москвѣ, въ лѣпо 6998 (1490), «Августа 16[314].»

Сей первый договоръ съ Авспріею, на- писанный на харпіи, былъ скрѣплѐнъ золо- пою Великокняжескою печапію. Делапоръ, видѣвъ супругу Іоаннову, Софію[315], поднесъ ей въ даръ опъ Максимиліана сѣрое сукно и попугая; а Государь, пожаловавъ его въ *Золотоносцы*, далъ ему золопую цѣпь съ крепомъ, горноспаевую шубу и серебря-

ныя *остроги* или шпоры, какъ бы въ знакъ Рыцарскаго достоинства[316]. Делапоръ выѣхалъ изъ Москвы Августа 19, вмѣстѣ съ нашими Послами, Траханіотомъ и Дьякомъ Васильемъ Кулешинымъ. Наказъ, имъ данный, состоялъ въ слѣдующемъ: 1) «Вручить Максимиліану договорную Іоаннову «грамоту и присягнуть въ вѣрномъ исполненіи условій. 2) Взять съ него такую же, «писанную языкомъ Славянскимъ; а буде напишутъ оную по-Нѣмецки или по-Латини[317], то изъяснить, что обязательство «Великаго Князя не имѣетъ силы, ежели «въ грамотѣ будутъ опмѣны пропивъ Рус«ской» (ибо Траханіотъ и Кулешинъ не знали сихъ двухъ языковъ). 3) «Максимиліанъ «долженъ утвердить союзъ цѣлованіемъ «креста передъ нашими Послами. 4) Объявить Королю согласіе Іоанново выдать за «него дочь, съ условіемъ, чтобы она не пе«ремѣняла Закона. 5) Сказать ему, что Послamъ его и Московскимъ лучше ѣздить «впредь чрезъ Данію и Швецію, для избѣжанія непріятностей, какія могутъ имъ «встрѣтиться въ Польскихъ Владѣніяхъ. 6) «Требовать, чтобы онъ далъ Великому Князю лекаря искуснаго въ цѣленіи внутрен«нихъ болѣзней и ранъ. 7) Привѣтствовать «единственно Короля Римскаго, а не Импе«ратора: ибо Делапоръ, будучи въ Москвѣ, «не сказалъ Великому Князю ни слова отъ «Фридерика.» Не смотря на государствен-

1491 —93. г.

Г. 1491 —93. ную важность заключаемаго съ Австріею союза, Іоаннъ, какъ видимъ, строго наблюдалъ достоинство Россійскаго Монарха, и въ сіе же время отослалъ изъ Москвы безъ отвѣта слугу Поппелева, который пріѣзжалъ въ Россію за живыми лосями для Императора, но съ письмомъ не довольно учтивымъ отъ господина своего. Не взявъ даровъ Поппелевыхъ, богатаго мониста съ ожерельемъ, Великій Князь милостиво принялъ отъ его слуги двѣ обьяри, и далъ ему за то 120 соболей, цѣною въ 30 червонцевъ[318].

Траханіотъ и Кулешевъ писали къ Государю изъ Любека, что Король Датскій и Князья Нѣмецкіе, свѣдавъ объ ихъ прибытіи въ Германію, и желая добра Казимиру, замышляли сдѣлать имъ остановку въ пути; что Посолъ Максиміліановъ ѣдетъ вмѣстѣ съ ними и возметъ мѣры для ихъ безопасности; что Римскій Король уже завоевалъ многія мѣста въ Венгріи. Они наѣхали Максиміліана въ Нюренбергѣ, вручили ему дары отъ Іоанна и Великой Княгини (80 соболей, камку и птицу кречета); явили письменный договоръ, имъ одобренный и клятвенно утвержденный, но не упоминали о сватовствѣ, ибо слышали, что Максиміліанъ, долго не имѣвъ отвѣта отъ Великаго Князя, въ угожденіе своему отцу помолвилъ на Княжнѣ Бретанской. Пробывъ тамъ отъ 22 Марта до 23 Іюня (1491 года), Послы Іоанновы воз-

врашились въ Москву Августа 30 съ Мак- г.
симиліановою союзною грамотою, которую 1491
Великій Князь приказалъ отдать въ храни- —93.
лище государственное[319].

Въ слѣдъ за ними Король Римскій вто-
рично прислалъ Делапора, чтобы онъ былъ
свидѣтелемъ клятвеннаго Іоаннова обѣта
исполнить заключенный договоръ. Государь
сдѣлалъ то же, что Максимиліанъ: цѣловалъ
крестъ передъ его Посломъ. Изъявивъ со-
вершенное удовольствіе и благодарность Ко-
роля, Делапоръ молилъ Великаго Князя не
досадовать за помолвку его на Принцессѣ
Бретанской, и разсказалъ длинную исторію
въ оправданіе сего поступка. «Король Рим-
«скій » — говорилъ онъ — «весьма желалъ
«чести быть зятемъ Великаго Князя; но
«Богъ не захотѣлъ того. Разнесся въ Гер-
«маніи слухъ, что я и Послы Московскіе,
«въ 1490 году отплывъ на двадцати че-
«тырехъ корабляхъ изъ Любека, утонули
«въ морѣ. Государь нашъ думалъ, что Іоаннъ
«не свѣдалъ о его намѣреніи вступить въ
«бракъ съ Княжною Россійскою. Дальнее раз-
«стояніе не дозволяло отправить новаго
«Посольства, и согласіе Великаго Князя бы-
«ло еще не вѣрно. Между тѣмъ время те-
«кло. Князья Нѣмецкіе требовали отъ Им-
«ператора, чтобы онъ женилъ сына и пре-
«дложили въ невѣсты Анну Бретанскую.
«Фридерикъ убѣдилъ Максимиліана принять
«ея руку. Когда же Государь нашъ узналъ,

Г. 1491 —93. «что мы живы, и что Княжна Россійская «могла быть его супругою: то искренно «огорчился, и донынѣ жалѣетъ о невѣстѣ «столь знаменитой.» Сія справедливая или выдуманная повѣсть удовлетворила Іоанновой чести: онъ не изъявилъ ни малѣйшей досады и не отвѣчалъ Послу ни слова. Делапоръ, какъ бы въ знакъ особенной, неограниченной къ нему довѣренности Максимиліановой, извѣстилъ Великаго Князя о тайныхъ видахъ Австрійской Политики. Долговременная война Нѣмецкаго Ордена съ Польшею рѣшилась (въ 1466 году) совершенною зависимостію перваго отъ Казимира, такъ, что Великій Магистръ Лудвигъ назвалъ себя его присяжникомъ, и Рыцарство, нѣкогда Державное, стенало подъ игомъ чужеземной власти. Максимиліанъ тайно возбуждалъ Орденъ свергнуть сіе иго и снова прибѣгнуть къ оружію; но Магистры Нѣмецкій и Ливонскій требовали отъ него, чтобы онъ прежде доставилъ имъ важное покровительство Монарха Россійскаго, сильнаго и грознаго. Делапоръ убѣждалъ Великаго Князя послать Московскаго чиновника въ Ливонію для переговоровъ, дать ея Рыцарямъ вѣчный миръ, не тѣснить ихъ и *взять Орденъ въ его милостивое соблюденіе.* — Столь же усердно ходатайствовалъ Посолъ за Швецію. Государственный ея Правитель, Стенъ-Стуръ, находился въ дружественной связи съ Максиміліаномъ, и жаловался ему на оби-

ды Россіянъ, которые въ 1490 году ужас- г.
нымъ образомъ свирѣпствовали въ Осперботнѣ: жгли, рѣзали, мучили жителей, 1491 — 93.
присвоивая себѣ господство надъ Финляндіею[320]. Делаторъ молилъ Іоанна оставить сію несчастную землю въ покоѣ. Наконецъ предлагалъ, чтобы Московскіе Послы ѣздили въ Имперію чрезъ Мекленбургъ и Любекъ, а не чрезъ Данію, гдѣ въ разсужденіи ихъ не соблюдаются уставы чести и гостепріимства: ибо Король держитъ сторону Казимирову. — Замѣтимъ, что Посолъ Максиміліановъ въ своихъ аудіенціяхъ именовалъ Великаго Князя *Царемъ*; такъ и наши Послы называли Іоанна въ Германіи: Нѣмцы же въ переводѣ дипломатическихъ бумагъ употребляли имя Kayser, Imperator, вмѣсто Царя[321].

Отвѣтъ Великаго Князя, сообщенный Послу Казначеемъ Дмитріемъ Владимировичемъ и Дьякомъ Ѳедоромъ Курицынымъ, былъ такой: «Я заключилъ искренній союзъ съ «моимъ братомъ Максиміліаномъ; хотѣлъ «помогать ему всѣми силами въ завоеваніи «Венгріи, и готовился самъ сѣсть на коня; «но слышу, что Владиславъ, сынъ Казими- «ровъ, объявленъ тамъ Королемъ, и что «Максиміліанъ съ нимъ примирился: слѣд- «ственно мнѣ теперь нечего дѣлать. Одна- «кожь вмѣстѣ съ тобою отправлю къ нему «Ословъ. Не измѣню клятвѣ. Если братъ «мой рѣшится воевать, то иду немедленно «на Казимира и сыновей его, Владислава и Ал-

Г. «брехпа. Въ угодноспь Максимиліану буду
1491 «посредникомъ его союза съ Господаремъ Мол-
— 93. «давскимъ, Спефаномъ. Чпо касаепся до
«Магиспровъ Прусскаго и Ливонскаго, по я
«гоповъ взяпь ихъ въ мое храненіе. Послѣд-
«ній желаепъ условиться о мирѣ съ моими
«особенными Послами и вмѣспо *челобитья*
«писапь въ договорахъ *моленіе*; но да бу-
«депъ все по спарому. Прежде онъ *билъ*
«*челомъ* вольному Новугороду: нынѣ да имѣ-
«епъ дѣло съ памошними моими Намѣспни-
«ками, людьми знапными.» — О Швеціи не
было слова въ опвѣпѣ.

Делапоръ выѣхалъ изъ Москвы 12 Апрѣ-
ля, 1492 года[322], съ Великокняжескимъ При-
спавомъ, коему надлежало довольспвовапь
его всѣмъ нужнымъ до самой границы. Такъ
обыкновенно бывало: Приспавы вспрѣча-
ли и провожали Пословъ. Маія 6 снова оп-
правился Траханіопъ съ Дьякомъ Михайломъ
Яропкинымъ въ Германію. Ему велѣно было
именемъ Іоанновымъ *спросить Максимиліана*
о здравіи, но не править поклона: ибо Дела-
поръ въ первой аудіенціи не кланялся ни
Великому Князю, ни супругѣ его опъ своего
Короля, а спрашивалъ только о здравіи[323].
Наказъ сего Посольспва былъ слѣдующій:

«Объявипь Максимиліану, чпо Великій
«Князь, вспупивъ съ нимъ въ союзъ, желалъ
«вѣрно исполняпь условія, и для пого не
«хопѣлъ говорипь о мирѣ съ Посломъ Ли-
«повскимъ, бывшимъ въ Москвѣ: слѣдспвен-

«но и Король Римскій не долженъ мириться г.
«съ Богеміею и Польшею безъ Іоанна, копо- 1491
«рый гоповъ, въ случаѣ его вѣроспи, дѣй- — 93.
«спвовапь съ нимъ за-одно всѣми силами,
«ему Богомъ данными. — Если онъ заклю-
«чилъ миръ съ Владиславомъ, по развѣдапь
«о пайныхъ причинахъ онаго. Узнапь всѣ
«обспояпельспва и виды Авспрійской По-
«липики: имѣепъ ли Максимиліанъ силь-
«ныхъ доброжелапелей въ Венгріи, и кого
«именно? не для пого ли успупаепъ оную
«Владиславу, чпобы воевапь съ Государемъ
«Французскимъ, копорый, по слуху, опни-
«маепъ у него невѣспу, Анну Брепанскую?—
«Ежели бракъ Римскаго Короля не соспоялся,
«по искуснымъ образомъ внушипь ему, чпо
«Великій Князь, можепъ быпь, не опри-
«непъ его впоричнаго сваповспва, когда
«Имперапоръ и Максимиліанъ пришлюпъ къ
«нему убѣдипельную грамопу съ *человѣ-*
«*комъ добрымъ* (по еспь, знапнымъ). Въ
«пакомъ случаѣ изъяснипься о Вѣрѣ Гре-
«ческой, о церкви и Священникахъ. А буде
«Король женипся на Принцессѣ Брепанской,
«по говорипь о сынѣ его, Филиппѣ, или о
«Саксонскомъ Курфирспѣ Фридерикѣ. Навѣ-
«дапься пакже о приспойныхъ невѣспахъ
«для сына Государева, Василія, изъ дочерей
«Королевскихъ, и проч.; но соблюдапь благо-
«разумную оспорожноспь, чпобы не повре-
«дипь Государевой чеспи. — Заѣхапь къ
«Саксонскому Курфирспу, поднеспи ему въ

Г. 1491 — 93. «даръ 40 соболей и сказапъ: Великій Князь «благодаритъ тебя за охраненіе его Пословъ «въ землѣ швоей : и впредь охраняй ихъ , «равномѣрно и пѣхъ , копорые ѣздятъ къ «намъ изъ *странъ Италійскихъ*. Дозволяй «художникамъ, швоимъ подданнымъ, пересе- «ляпься въ Россію : за чпо Великій Князь «гоповъ служитъ тебѣ всѣмъ, чѣмъ изоби- «луетъ земля его.»

Послы наши имѣли письма къ Герцогу Мекленбургскому, къ Бургомистрамъ и Рапманамъ городовъ Нѣмецкихъ , о свободномъ ихъ пропускѣ ; въ Нарвѣ и въ Ревелѣ они должны были вручитъ сіи грамопы *сидя*. — Донесенія , писанныя ими къ Государю въ пупи, любопытны своею подробностію, вмѣщая въ себѣ извѣстія не только о главныхъ дѣлахъ Европейской Политики , но и купеческія: на примѣръ, о дороговизнѣ хлѣба во Фландріи, гдѣ ласпъ ржи споилъ погда 100 червонцевъ[324]. Описывая войну Максимиліана съ Королемъ Французскимъ , Траханіопъ и Яропкинъ говоряпъ о союзѣ перваго съ Англіею, Шопландіею, Испаніею, Португаллію и со всѣми Князьями Нѣмецкими; о мирѣ его съ Владиславомъ, копорый обязался ему заплашишь за Венгрію 100,000 червонцевъ , объявивъ Максимиліана послѣ себя наслѣдникомъ; увѣдомляюпъ пакже о походѣ Сулпанскаго войска въ Сервію; однимъ словомъ, предспавляюпъ всѣ движенія Европы очамъ любопытнаго Іоанна , копорый хопѣлъ

быпь самъ однимъ изъ ея великихъ Монар- г.
ховъ. 1491
— 93.

Приплывъ на кораблѣ изъ Ревеля въ Германію, Траханіотъ и Яропкинъ жили нѣсколько мѣсяцевъ въ Любекѣ — не зная, куда ѣхать къ Максимиліану, заняпому погда Французскою войною — и для перевода Нѣмецкихъ бумагъ, ими получаемыхъ, приняли въ Государеву службу памсшняго славнаго *книгопечатника*, Варѳоломея, копорый далъ имъ кляпву паипь содержаніе оныхъ. Они нашли Максимиліана въ Кольмарѣ, гдѣ и были опъ 15 Генваря до 23-го Марпа. Политика его уже перемѣнилась: сей Государь, довольный условіями заключеннаго съ Владиславомъ мира, не думалъ болѣе о сѣверномъ союзѣ, употребляя всѣ усилія пропивъ Франціи. Послы наши — не сдѣлавъ, кажепся, ничего — возвранились въ Москву въ Іюлѣ 1493 года[325].

Такимъ образомъ прекранились на сей разъ сношенія Великокняжескаго Двора съ Имперіею, хопя и не имѣвъ важныхъ государспвенныхъ слѣдспвій, однакожь удовлепворивъ чесполюбію Іоанна, копорый поспавилъ себя въ оныхъ наравнѣ съ первымъ Монархомъ Европы. — Связь съ Германіею доспавила намъ и другую сущеспвенную выгоду. Новое велелѣпіе Двора Московскаго, новыя Кремлевскія зданія, сильныя ополченія, Посольспва, дары, пребовали издержекъ, копорыя испо-

Г. щали казну болѣе, нежели прежняя дань
1491 Ханская. Доселѣ мы пользовались единспв.
— 93. венно чужими драгоцѣнными мепаллами, добываемыми внѣшнею порговлею и мѣною съ Сибирскими народами черезъ Югру: сей послѣдній испочникъ, какъ вѣрояпно, оскудѣлъ или совсѣмъ закрылся: ибо въ лѣпописяхъ и въ договорахъ XV вѣка уже нѣпъ ни слова о *серебрѣ Закамскомъ*[326]. Но издавна былъ у насъ слухъ, чпо спраны полунощныя, близъ Каменнаго Пояса, изобилуюпъ мепаллами: присоединивъ къ Московской Державѣ Пермь, Двинскую землю, Вяпку, Іоаннъ желалъ имѣпь людей свѣдущихъ въ горномъ искусспвѣ. Мы видѣли, чпо онъ писалъ о помъ къ Королю Венгерскому[327]; но Траханіопъ, кажепся, первый вывезъ ихъ изъ Германіи. Въ 1491 году два Нѣмца, Иванъ и Викпоръ, съ Андреемъ Пепровымъ и Василіемъ Болпинымъ опправились изъ Москвы искапь серебряной руды въ окреспноспяхъ Печеры[328]. Черезъ семь мѣсяцевъ они возвращились съ извѣспіемъ, чпо нашли оную, вмѣспѣ съ мѣдною, на рѣкѣ Цыльмѣ, верспахъ въ двадцапи опъ Космы, въ прехъ спахъ опъ Печеры и въ 3500 опъ Москвы, на проспранспвѣ десяпи верспъ. Сіе важное опкрыпіе сдѣлало Государю величайшее удовольспвіе, и съ пого времени мы начали сами добывапь, плавипь мепаллы и чеканипь монепу изъ своего серебра; имѣли и золопыя деньги или медали Россій-

Открытіе Печерскихъ рудниковъ.

скія. Въ собраніи нашихъ древностей хра- г
нится снимокъ золотой медали 1497 году съ 1491
изображеніемъ Св. Николая: въ надписи ска- — 93.
зано, что *Великій Государь* вылилъ сей *единый талеръ* изъ золота для *Княгини* (Княжны) своей, Ѳеодосіи[329]. На серебряныхъ деньгахъ Іоаннова времени обыкновенно представлялся всадникъ съ мечемъ.

Можетъ быть, слухъ о новыхъ, въ сѣверной Россіи открытыхъ, богатыхъ рудникахъ скоро дошелъ до Германіи и возбудилъ тамъ любопытство увѣриться въ справедливости онаго (Европа еще не знала Америки, и нуждаясь въ драгоцѣнныхъ металлахъ, долженствовала брать живѣйшее участіе въ такомъ открытіи): по крайней мѣрѣ въ 1492 году пріѣхалъ въ Москву Нѣмецъ Михаилъ Снупсъ съ письмомъ къ Великому Князю отъ Максимиліана и дяди его, Австрійскаго Эрцгерцога Зигмунда, княжившаго въ Инспрукѣ: они дружески просили Іоанна, чтобы онъ дозволилъ сему путешественнику осмотрѣть все любопытное въ нашемъ отечествѣ, учиться языку Русскому, видѣть обычаи народа и пріобрѣсти знанія нужныя для успѣховъ общей Исторіи и Географіи. Снупсъ, обласканный Великимъ Княземъ, немедленно изъявилъ желаніе ѣхать въ дальнѣйшія страны полуночныя и на Востокъ, къ берегамъ Оби. Іоаннъ усомнился и наконецъ рѣшительно отказалъ ему. Проживъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Москвѣ,

Г. 1491 — 93. Снупсъ опправился назадъ въ Германію прежнимъ пупемъ, чрезъ Ливонію, съ слѣдующимъ письмомъ опъ Великаго Князя къ Максимиліану и Зигмунду: «Изъ дружбы къ вамъ «мы ласково приняли вашего человѣка, но «не пустили его въ страны отдаленныя, «гдѣ течетъ рѣка Обь, за неудобностію «пупи: ибо самые люди наши, ѣздящіе ту- «да для собранія дани, подвергаются не ма- «лымъ трудамъ и бѣдствіямъ. Мы не дозволили ему также возвратиться къ вамъ «чрезъ владѣнія Польскія или Турецкія: ибо «не можемъ опвѣтствовать за безопасность «сего пупи. Богъ да блюдетъ ваше здра- «віе[330].» Вѣроятно, что Іоаннъ опасался сего Нѣмца какъ лазупчика, и не хотѣлъ, чтобы онъ видѣлъ наши сѣверо-восточныя земли, гдѣ опкрылся новый источникъ богатства для Россіи.

Посольство Датское. Впорымъ достопамятнымъ Посольствомъ описываемыхъ нами временъ было Датское. Если не Данія, то по крайней мѣрѣ Норвегія издревле имѣла сношенія съ Новымгородомъ, по сосѣдству съ его сѣверными областями. Дворъ Ярослава Великаго служилъ убѣжищемъ для ея знаменитыхъ изгнанниковъ[331]; Александръ Невскій хотѣлъ женить сына на дочери Гаконовой[332]; мы упоминали также о договорѣ Норвегіи съ Правительствомъ Новогородскимъ въ 1326 году[333]: но отдаленная Москва скрывалась во мракѣ неизвѣстности для трехъ Сѣверныхъ Ко-

ролевспвъ до пого времени, какъ Великій Г Князь сдѣлался Самодержцемъ всей Россіи, опъ береговъ Волги до Лапландіи. Пріязнь, бывшая между погдашнимъ Королемъ Датскимъ, Іоанномъ, сыномъ Христіановымъ, и Казимиромъ, заспавила перваго нарушипь долгъ госпепріимспва въ разсужденіи Пословъ Московскихъ, когда они ѣхали въ Любекъ чрезъ его землю: ибо Траханіопъ и Яропкинъ жаловались на преперпѣнныя ими въ ней обиды; но сущеспвенныя выгоды государспвенныя перемѣнили образъ мыслей сего Монарха: будучи врагомъ Шведскаго Правипеля, онъ увидѣлъ пользу быпь другомъ Великаго Князя, чпобы спрахомъ нашего оружія обуздывапь Шведовъ, и Посолъ Датскій (въ 1493 году) заключилъ въ Москвѣ союзъ любви и брапспва съ Россіею. Грекъ Дмипрій Ралевъ и Дьякъ Зайцовъ опправились въ Данію для размѣна договорныхъ грамопъ[334]. 1491 — 93.

Упомянемъ шакже о двухъ Посольспвахъ Азіапскихъ. Неизмѣримая Держава, основанная завоеваніями дикаго Героя, Тамерлана, хопя не могла по его смерпи успоящь въ своемъ величіи и раздѣлилась: однакожь имя Царспва Чагапайскаго, сосшавленнаго изъ Бухаріи и Хорасана, еще гремѣло въ Азіи: Сулпанъ Абусаидъ, внукъ Тамерланова сына, Мирана, господспвовалъ опъ береговъ моря Каспійскаго до Мульпана въ Индіи, и въ 1468 году убипый Персидскимъ Царемъ

Г. 1491 — 93. Гассаномъ, оставилъ сію обширную страну въ наслѣдіе сыновьямъ, конхъ междоусобіе предвѣспило ихъ общую гибель. Гуссеинъ Мирза, правнукъ впораго Тамерланова сына, Омара, завладѣлъ Хорасаномъ; прославился многими побѣдами, одержанными имъ надъ Тапарами-Узбеками; любилъ добродѣпель, Науки; слышалъ о величіи Государя Россійскаго, и желая его дружбы, въ 1489 году прислалъ въ Москву какого-то *богатыря* Уруса для заключенія союза съ Іоанномъ[338]. Можепъ быпь, онъ хопѣлъ, чпобы Великій Князь, имѣя связь съ Ногаями, возбудилъ ихъ пропивъ Узбековъ. Но Царспво Чагапайское опжило вѣкъ свой: Ханъ Узбекскій, Шай-Бегъ, въ началѣ XVI вѣка изгналъ Гуссеиновыхъ сыновей изъ Хорасана, овладѣвъ и Бухаріею, опкуда послѣдній Султанъ Тамерланова рода, Баборъ, ушелъ въ Индоспанъ, гдѣ Судьба опредѣлила ему быпь основапелемъ Имперіи пакъ называемаго *Великаго Могола*.

Чагатайское, Иверское посольство.

Иверія, или нынѣшняя Грузія, искони славилась воинскою доблеспію своего народа, пакъ, чпо ни Персидское, ни Македонское оружіе не могло порабопишь его; славилась пакже богапспвомъ (древніе Аргонавпы искали *Злапаго руна* въ сосѣдспвенной съ нею Мингреліи). Завоеванная Помпеемъ, она дѣлаепся съ пого времени извѣспною въ Римской Испоріи, копорая именуепъ намъ ея разныхъ Царей, данниковъ Рима. Одинъ изъ

нихъ, Фарасманъ II, вѣрный другъ Импера- г.
тора Адріана, удосполился чести приносить 1491
богамъ жертву въ Капитоліи и видѣть свой —93.
изваянный образъ въ храмѣ Беллоны на бе-
регу Тибра. Но далѣе не находимъ уже ни-
какихъ извѣстій о сей странѣ до раздѣле-
нія Имперіи; знаемъ только, что Христіан-
ская Вѣра начала тамъ утверждаться еще
со временъ Конспантина Великаго; что Св.
Симеонъ Столпникъ способствовалъ успѣ-
хамъ ея; что Иверія, имѣя всегда собствен-
ныхъ Царей или Князей, зависѣла то отъ
Монарховъ Персидскихъ, то отъ Императо-
ровъ Греческихъ, была покорена Моголами и
въ 1476 году подвластна Царю Персидско-
му, Узунъ-Гассану[556]. Нѣтъ сомнѣнія, что
Россія издревле находилась въ связи съ еди-
новѣрною Грузіею: Изяславъ I, какъ извѣст-
но, былъ женатъ на Княжнѣ Абассинской, а
сынъ Андрея Боголюбскаго супругомъ слав-
ной Грузинской Царицы, Тамари[557]. Сія
связь, прерванная нашествіемъ Батыевымъ,
возобновилась: Послы Князя Иверскаго, Алек-
сандра, именемъ Нариманъ и Хоземарумъ, въ
1492 году пріѣхали къ Іоанну, требовать
его покровительства[558]. Уважаемый въ Пер-
сіи и въ странахъ окрестныхъ, Великій
Князь могъ дѣйствительно быть заступ-
никомъ своихъ утѣсненныхъ единовѣрцевъ,
которые оплакивали паденіе Греціи, и подъ
игомъ варваровъ закоснѣвъ въ невѣжествѣ,
имѣли нужду въ совѣтахъ нашего Духовен-

Г. спва для Христіанскаго просвѣщенія. Алек-
1491 сандръ въ грамотѣ своей смиренно име-
— 93. нуетъ себя *холопомъ* Іоанна, его же назы-
ваетъ великимъ Царемъ, *свѣтомъ зеленаго неба, звѣздою темныхъ, надеждою Христіанъ, подпорою бѣдныхъ, закономъ, истинною управою всѣхъ Государей, тишиною земли* и ревностнымъ *обытникомъ Св. Николая.*

Занимаясь дѣлами Европы и Азіи, могъ ли Іоаннъ оставить безъ примѣчанія Державу Оттоманскую, которая уже столь сильно дѣйствовала на судьбу трехъ частей міра? Какъ зять Палеологовъ и сынъ Греческой Церкви, утѣсняемой Турками, онъ долженствовалъ быть врагомъ Султановъ; но не хотѣлъ себя обманывать: видѣлъ, что еще не пришло время для Россіи бороться съ ними; что здравая Политика велитъ ей употреблять свои юныя силы на иные предметы, ближайшіе къ истинному благу ея: для того, заключая союзы съ Венгріею и Молдавіею, не касался дѣлъ Турецкихъ, имѣя въ виду одну Литву, нашего врага естественнаго. Выгодная торговля купцевъ Московскихъ въ Азовѣ и Кафѣ, управляемой Константинопольскими Пашами, зависимость Менгли-Гирея (важнѣйшаго союзника Россіи) отъ Султановъ, и надежда вредить Казимиру чрезъ Оттоманскую Порту склоняли Іоанна къ дружбѣ съ нею: онъ ждалъ только пристойнаго случая, и тѣмъ болѣе обрадовался, узнавъ, что Султанскіе

Паши, говоря въ Бѣлѣгородѣ съ Дьякомъ его, Ѳедоромъ Курицынымъ, объявили ему желаніе ихъ Государя искать Іоанновой пріязни [339]. Великій Князь поручилъ Менгли-Гирею основательно развѣдать о семъ предложеніи, и Сулпанъ, Баязетъ II, отвѣтствовалъ: «ежели Государь Московскій тебѣ, «Менгли-Гирею, братъ: то будетъ и мнѣ «братъ [340].» Слѣдующее происшествіе служило поводомъ къ первому государственному сношенію между нами и Портою. Купцевъ Россійскихъ обижали въ Азовѣ и въ Кафѣ, такъ, что они перестали наконецъ ѣздить въ Сулпанскія владѣнія. Паша Кафинскій жаловался на то Баязету, слагая вину на Менгли-Гирея, будто бы отвратившаго Россіянъ отъ торговли съ симъ городомъ; а Менгли-Гирей хотѣлъ, чтобы Іоаннъ оправдалъ его въ глазахъ Сулпана. Удовлетворяя требованію оклеветаннаго друга, и какъ бы единственно изъ снисхожденія, Великій Князь написалъ такую грамоту къ Баязету [341]:

1491 — 93.

Первое дружелюбное сношеніе съ Сулпаномъ Турецкимъ.

«Сулпану, *вольному* Царю Государей Тур-
«скихъ и *Азямскихъ*, земли и моря, Баязету,
«Іоаннъ Божіею милостію единый правый,
«наслѣдственный Государь всея Русіи и мно-
«гихъ иныхъ земель отъ Сѣвера до Восто-
«ка. Се наше слово къ твоему Величеству.
«Мы не посылали людей другъ ко другу спра-
«шивать о здравіи; но купцы мои ѣздили въ
«страну твою и торговали, съ выгодою для
«обѣихъ Державъ. Они уже нѣсколько разъ

Г. 1491 — 93. «жаловались мнѣ на твоихъ чиновниковъ: я «молчалъ. Наконецъ, въ теченіе минувшаго «лѣта, Азовскій Паша принудилъ ихъ ко- «пать ровъ и носить каменья для городска- «го строенія. Сего мало: въ Азовѣ и въ Ка- «фѣ отнимаютъ у нашихъ купцевъ товары «за полцѣны; въ случаѣ болѣзни одного изъ «нихъ, кладутъ печать на имѣніе всѣхъ: ес- «ли умираетъ, то все остается въ казнѣ; «если выздоравливаетъ, отдаютъ назадъ «только половину. Духовныя завѣщанія не «уважаемы: Турецкіе чиновники не призна- «ютъ наслѣдниковъ, кромѣ самихъ себя, въ «Русскомъ достояніи. Узнавъ о сихъ обидахъ, «я не велѣлъ купцамъ ѣздить въ твою зем- «лю. Прежде они платили единственно за- «конную пошлину и торговали свободно: отъ «чего же родилось насиліе? знаешь или не «знаешь онаго? . . . . Еще одно слово: отецъ «твой (Магометъ II) былъ Государь вели- «кій и славный: онъ хотѣлъ, какъ сказыва- «ютъ, отправить къ намъОсловъ съ дру- «жескимъ привѣтствіемъ; но его намѣреніе, «по волѣ Божіей, не исполнилось. Для чего «же не быть тому нынѣ? Ожидаемъ отвѣта. «Писано въ Москвѣ, 31 Августа» (въ 1492 году). — Менгли-Гирей долженъ былъ до- ставить сію грамоту Баязету: увидимъ слѣдствіе.

Посольство въ Крым.

Тѣсная связь Іоаннова съ Ханомъ Таври- ческимъ не ослабѣвала, утверждаемая ча- стыми Посольствами и дарами. Въ 1490

году ѣздилъ въ Тавриду Князь Василій Ро- г.
модановскій съ увѣреніемъ, что войско наше 1491
гопово всегда превожипь Золопую Орду[342]. — 93.
Сія пѣнь Бапыева Царспва скипалась изъ мѣспа въ мѣспо: иногда переходила за Днѣпръ, иногда удалялась къ предѣламъ спраны Черкесской, къ берегамъ Кумы. Тщепно сыновья Ахмапповы вмѣспѣ съ Царемъ Аспраханскимъ, Абдылъ-Керимомъ, замышляли впаденіе въ Тавриду, оберегаемую съ одной спороны Россіянами, Магмепъ-Аминемъ Казанскимъ и Ногаями, а съ другой Сулпаномъ, копорый далъ Менгли-Гирею 2000 воиновъ для его защипы. Крымцы опгоняли спада у Волжскихъ Тапаръ, и въ одной кровопролипной сшибкѣ убили сына Ахмапова, Едигея. — Въ 1492 году новый Посолъ Іоанновъ, Лобанъ Колычевъ, убѣждалъ Менгли-Гирея воевапь Липовскія владѣнія, предспавляя, что Ординскіе Цари злодѣйспвуюпъ ему единспвенно по внушеніямъ Казимировымъ[343]. Ханъ опвѣпспвовалъ: «Я «съ брапомъ моимъ, Великимъ Княземъ, всег- «да одинъ человѣкъ, и спрою пеперь при «успьѣ Днѣпра, на спаромъ *городищѣ*, но- «вую крѣпоспь, чпобы оппуда вредипь «Польшѣ.» Сія крѣпоспь была *Очаковъ*, основанный на какихъ-по древнихъ развалинахъ. Брапъ Ханскій, Усмемиръ, и племянникъ Довлепъ жили у Казимира: Великій Князь, для безопасноспи Менгли-Гирея, спарался переманипь ихъ въ Россію, но не могъ;

Г. 1491 — 93. въ угодность ему принялъ также меньшаго пасынка его, Абдылъ-Лепифа, и съ честію отправилъ къ Царю Казанскому, Магметъ-Аминю. Менгли-Гирей желалъ еще, чтобы онъ далъ Коширу въ помѣстье Царевичу Мамышеку, сыну Муспафы: сіе требованіе не было уважено, равно какъ и другое, чтобы Іоаннъ заплатилъ 33,000 алтынъ, взятыхъ Ханомъ въ долгъ у жителей Кафинскихъ для строенія Очакова. «Не строени-«емъ безполезныхъ крѣпостей, отдаленныхъ «отъ Литвы» — приказывалъ Великій Князь къ своему другу — «но частыми владеніями «въ ея земли долженъ ты безпокоить об-«щихъ враговъ нашихъ.» Ханъ любилъ дары; просилъ кречетовъ и соболей для Турецкаго Султана: Государь давалъ, однакожь не безкорыстно, и (въ 1491 году) походомъ Воеводъ Московскихъ на Улусы Золотой Орды оказавъ услугу Менгли-Гирею, хотѣлъ, чтобы онъ въ знакъ благодарности прислалъ къ нему свой *большой красной лалъ*. Замѣтимъ еще, что Ханъ Крымскій, опасаясь Іоаннова подозрѣнія, сносился съ Царемъ Казанскимъ только чрезъ Москву: всякую грамоту ихъ переводили и читали Государю, который думалъ, что осторожность не мѣшаетъ дружбѣ[344].

Литовскія дѣла.

Такъ было до 1492 года, когда важная перемѣна случилась въ Литвѣ и перемѣнила систему Россіи. Не смотря на взаимную ненависть между сими двумя Державами, ни

которая не хотѣла явной войны. Казимиръ, уже старый и всегда малодушный, боялся твердаго, хитраго, дѣятельнаго и счастливаго Іоанна, увѣнчаннаго славою побѣдъ; а Великій Князь оплагалъ войну по внушенію государственной мудрости: чѣмъ болѣе медлилъ, тѣмъ болѣе усиливался и вѣрнѣе могъ обѣщать себѣ успѣхи; неусыпно стараясь вредить Литвѣ, казался готовымъ къ миру и не отвергалъ случаевъ объясняться съ Королемъ въ ихъ взаимныхъ неудовольствіяхъ. Съ 1487 до 1492 года Литовскіе Послы, Князь Тимоѳей Мосальскій, Смоленскій Боярин Плюсковъ, Стромиловъ, Хребтовичь и Намѣстникъ Упенскій, Клочко, пріѣзжали въ Москву съ разными жалобами. Со временъ Виновта Удѣльные Князья древней земли Черниговской, въ нынѣшнихъ Губерніяхъ Тульской, Калужской, Орловской, были подданными Литвы: видя наконецъ возрастающую силу Іоанна, склоняемые къ нему единовѣріемъ и любезнымъ ихъ сердцу именемъ Русскимъ, они начали переходить къ намъ съ своими отчинами, и для успокоенія совѣсти давали только знать Казимиру, что слагаютъ съ себя обязанность его присяжниковъ. Уже нѣкоторые Одоевскіе, Воротынскіе, Бѣлевскіе, Перемышльскіе Князья служили Московскому Государю, и вели непрестанную войну съ своими родственниками, которые еще оставались въ Литвѣ. Такъ Василій Кривый, Князь Воротынскій, отъ-

Г. 1491 — 93.

Г. 1491 —93. спошилъ нѣсколько мѣспъ въ землѣ Королевской[345]. Сыновья Князя Симеона Одоевскаго взяли городъ ихъ дяди, Ѳеодора, Одоевъ; расхипили казну, плѣнили мапь его. Дружина Князя Дмипрія Воропынскаго обрапила въ пепелъ многія Брянскія села. Князь Иванъ Бѣлевскій силою принудилъ брапа, Андрея, опложипься опъ Короля. Казимиръ жаловался, чпо Іоаннъ принимаепъ измѣнниковъ и перпипъ ихъ разбои; чпо многія Липовскія мѣспа опошли къ намъ; чпо Великія Луки и Ржева не хопяпъ плапипь ему дани, и проч. Іоаннъ опвѣпспвовалъ ему на словахъ и чрезъ собспвенныхъ Пословъ, чпо сіи жалобы большею частію несправедливы; чпо Великія Луки и Ржева супь искони Новогородскія области; чпо Казимировы подданные сами обижаюпъ Россіянъ; чпо ссорныя дѣла должны быпь рѣшены на мѣспѣ общими судіями; чпо Князья племени Владимірова, добровольно служивъ Липвѣ, имѣюпъ право съ наслѣдспвеннымъ своимъ доспояніемъ возврапиппься подъ сѣнь ихъ древняго опечеспва. Государь пребовалъ, чпобы Казимиръ оппуспилъ въ Россію жену Князя Бѣльскаго, не обременялъ нашихъ купцевъ налогами и возврапилъ опняпое у нихъ насиліемъ въ его землѣ, казнилъ обидчиковъ, дозволилъ Посламъ Великокняжескимъ свободно ѣздипь чрезъ Липву въ Молдавію, и проч. «Государь вашъ» — сказалъ Король чиновнику Іоаннову, Яропкину — «любипъ пре-

«боваться, а не удовлетворять: я долженъ «слѣдовать его примѣру.» Однакожь взаимно соблюдалась учтивость: Литовскіе Послы объѣдали у Государя; не только онъ, но и юный сынъ его, Василій Іоанновичь, приказывалъ съ ними дружескіе поклоны къ Казимиру; въ знакъ пріязни Великій Князь освободилъ даже многихъ Поляковъ, которые находились плѣнниками въ Ордѣ. Въ Маѣ 1492 году былъ отправленъ въ Варшаву Иванъ Никитичь Беклемишевъ съ предложеніемъ, чтобы Король отдалъ намъ городки Хлепенъ, Рогачевъ и другія мѣста, издревле Россійскія, и чтобы съ обѣихъ сторонъ выслать Бояръ на границу для изслѣдованія взаимныхъ обидъ. Но Беклемишевъ возвратился съ извѣстіемъ, что Казимиръ умеръ 25 Іюня; что старшій его сынъ, Альбертъ, сдѣлался Королемъ Польскимъ, а меньшій, Александръ, Великимъ Княземъ Литовскимъ. Г. 1491. — 93.

Смерть Казимира. Сынъ его Александръ на тронѣ Литовскомъ.

Сей случай казался благопріятнымъ для Россіи: Литва, избравъ себѣ инаго Властителя, уже не могла располагать силами Польши, которая не имѣла вражды съ нами и долженствовала слѣдовать особенной государственной системѣ. Іоаннъ немедленно послалъ Константина Заболоцкаго къ Менгли-Гирею, убѣдить его, чтобы онъ воспользовался смертію Короля и шелъ на Литовскую землю, не отлагая похода до весны; что Волжская Орда кочуетъ въ отдаленныхъ восточныхъ предѣлахъ и не опасна для

Г. 1491 — 93. Тавриды; что ему никогда не будетъ лучшаго времени отмстить Казимировымъ сыновьямъ за всѣ злыя козни отца ихъ[346]. — Другой Великокняжескій чиновникъ, Иванъ Плещеевъ, отправился къ Стефану Молдавскому, вѣроятно съ такими же представленіями[347]. Начались и непріязненьскія дѣйствія съ нашей стороны: Князь Ѳеодоръ Телепня-Оболенскій, вступивъ съ полкомъ въ Литву, разорилъ Мценскъ и Любутскъ; Князья Перемышльскіе и Одоевскіе, служащіе Іоанну, плѣнили въ Мосальскѣ многихъ жителей, Намѣстниковъ и Князей съ ихъ семействами; другой отрядъ завоевалъ Хлепенъ и Рогачевъ[348].

Непріятельскія дѣйствія противъ Литвы.

Между тѣмъ новый Государь Литовскій, Александръ, всего болѣе желалъ мира съ Россіею, отъ юныхъ лѣтъ слышавъ непрестанно о величіи и побѣдахъ ея Самодержца. Вѣрнѣйшимъ средствомъ снискать Іоаннову пріязнь казалось ему супружество съ одною изъ его дочерей, и Намѣстникъ Полоцкій, Янъ, писалъ о томъ къ первому Воеводѣ Московскому, Князю Ивану Юрьевичу, представляя, что Россія и Литва наслаждались счастливымъ миромъ, когда дѣдъ Іоанновъ, Василій Димитріевичь, совокупился бракомъ съ дочерію Витовта[349]. Скоро явилось въ Москвѣ и торжественное Посольство Литовское[350]. Панъ Станиславъ Глѣбовичь, вручивъ вѣрющую грамоту, объявилъ Іоанну о смерти Казимира, о восшествіи Алек-

сандра на престолъ, и требовалъ удовле- г.
творенія за разореніе Мценска и другихъ 1491
городовъ. Ему отвѣтствовали, что мы долж- — 93.
ны были отмстить Литвѣ за грабежи ея
подданныхъ; что плѣнники будутъ освобож-
дены, когда Александръ удовольствуетъ
всѣхъ обиженныхъ Россіянъ, и проч. Станис-
славъ, пируя у Воеводы Московскаго, Князя Перего-
Ивана Юрьевича, въ веселомъ разговорѣ упо- воры о
мянулъ о сватовствѣ: онъ былъ не трезвъ, миръ
и для того не получилъ отвѣта; а на дру- и сва-
гой день сказалъ, что Литовскіе Сенаторы товст-
желаютъ сего брака, но что ему велѣно вѣ.
тайно развѣдать о мысляхъ Великаго Князя.
Дѣло столь важное требовало осторожно-
сти: не входя ни въ какія изъясненія, Послу
дали чувствовать, что надобно утвердить
искренній, вѣчный миръ прежде, нежели гово-
рить о сватовствѣ; что миръ легко можетъ
быть заключенъ, если Правительство Литов-
ское удержится отъ *лишнихъ рѣчей* и требова-
ній неосновательныхъ. То же написалъ и Князь
Иванъ Юрьевичь къ Намѣстнику Полоцкому.

Станиславъ уѣхалъ изъ Москвы и непрія-
тельскія дѣйствія продолжались. Князья
Воротынскіе, Симеонъ Ѳеодоровичь съ пле-
мянникомъ Иваномъ Михайловичемъ, вступи- г.
въ въ нашу службу, засѣли города Литов- 1493.
скіе, Серпейскъ и Мещовскъ: Воевода Смо-
ленскій, Панъ Юрій, и Князь Симеонъ Мо-
жайскій выгнали ихъ оттуда; но Государь
послалъ сильное войско, Московское и Ря-

Г. 1493. занское, копорое взяло приступомъ Серпейскъ и городокъ Опаковъ; а Мещовскъ сдался. Въ числѣ плѣнниковъ находились многіе знатные Смоляне и Паны Двора Александрова[351]. Другое наше войско покорило Вязьму: ея Князья, присягнувъ Государю, оспались въ наслѣдственномъ владѣніи; пакже и Князь Мезецкій, выдавъ Іоанну своихъ двухъ брапьевъ, сосланныхъ въ Ярославль за ихъ усердіе къ Липвѣ[352]. Князья Воропынскіе завоевали Мосальскъ[353].

Въ сіе время опкрылось въ Москвѣ гнусное злоумышленіе, коего испинный виновникъ уже плѣлъ во гробѣ, но копорое едва не исполнилось и не пресѣкло славнаго печенія Іоанновой жизни. Никогда выгода государственная не можепъ оправдапь злодѣянія; нравспвенность существуепъ не пользу для часпныхъ людей, но и для Государей: они должны посгупапь пакъ, чпобы правила ихъ дѣяній могли быпь общими законами. Кпо же успавипъ, чпо Вѣнценосецъ имѣепъ право шайно убипь другаго, находя его опаснымъ для своей Державы: попъ разрушипъ связь между гражданскими общесгвами, успавипъ вѣчную войну, безпорядокъ, ненависгь, спрахъ, подозрѣніе между ими, совершенно пропивные ихъ цѣли, копорыя есгь безопасносгь, спокойспвіе, миръ. Не пакъ разсуждалъ опецъ Александровъ, Казимиръ: онъ подославъ къ Іоанну Князя Ивана Лукомскаго, племени Вла-

Злоумышленіе на жизнь Іоаннову.

димірова, съ пѣмъ, чпобы злодѣйски убипь или оправипь его. Лукомскій клялся испол- г. 1493.
нипь сіе адское порученіе, привезъ съ со-
бою въ Москву ядъ, соспавленный въ Вар-
шавѣ, и будучи милоспиво обласканъ Госу-
даремъ, вспупилъ въ нашу службу; но ка-
кою-по счасппливою нескромноспію обнару-
жилъ свой умыселъ: его взяли подъ спра-
жу; нашли и ядъ, коимъ онъ хопѣлъ умерп-
випь Государя, чпобы сдержапь данное Ка-
зимиру слово. Злодѣйспво споль необыкно-
венное пребовало и наказанія чрезвычайнаго:
Лукомскаго и единомышленника его, Лапин-
скаго шолмача, Поляка Маппіаса, сожгли въ
клѣпкѣ на берегу Москвы-рѣки[364]. Князь
Ѳеодоръ Бѣльскій пакже впалъ въ подозрѣ-
ніе, и былъ сосланъ въ Галичь: ибо Лукомс-
кій доказывалъ, чпо сей легкомысленный
родспвенникъ Казимировъ хопѣлъ пайно
уѣхапь опъ насъ въ Липву. Опкрылись и
другіе преспупники, два брапа, Алексѣй и
Богданъ Селевины, граждане Смоленскіе: бу-
дучи плѣнниками въ Москвѣ, они жили на
свободѣ, упопребляли во зло довѣренноспь
Государеву къ ихъ чеспноспи, имѣли связь
съ Липвою и посылали вѣспи къ Александ-
ру Липовскому. Богдана засѣкли кнупомъ
до смерпи: Алексѣю опрубили голову.

Такое прошсшесптвіе не могло расположипь
Іоанна къ миру: онъ непресшанно побуждалъ
Менгли-Гирея воеваппь Липву. Посолъ Алек-
сандра, Князь Глинскій, находился погда въ

г. Крыму, и пребовалъ, чтобы Ханъ снесъ
1493. городъ Очаковъ, поспроенный имъ на Литовской землѣ. Въ угодность Великому Князю, Менгли-Гирей задержалъ Глинскаго, зимою подступилъ къ Кіеву, и выжегъ окрестности Чернигова, но за разлитіемъ Днѣпра возвратился въ Перекопъ[355]. Между тѣмъ Воевода Черкасскій, Богданъ, разорилъ Очаковъ, къ великой досадѣ Хана, испратившаго 150,000 алтынъ на спроеніе онаго. «Мы ничего важнаго не сдѣлаемъ врагамъ своимъ, если не будемъ имѣть крѣпости при устьѣ Днѣпра,» писалъ Менгли-Гирей къ Великому Князю[356], увѣдомляя, что Александръ посредствомъ Султана Турецкаго предлагалъ ему миръ и 13,500 червонцевъ за Литовскихъ плѣнниковъ, но что онъ, какъ вѣрный союзникъ Іоанновъ, не хотѣлъ о томъ слышать; что сей новый Государь Литовскій, слѣдуя Политикѣ отца, возбуждаетъ Ахматовыхъ сыновей противъ Тавриды и Россіи; что Царь Ординскій, Шигъ-Ахмедъ, женатый на дочери Ногайскаго Князя Мусы, и за то сверженный съ престола, опять царствуетъ вмѣстѣ съ братомъ Сеидъ-Махмутомъ[357]; что войско Крымское всегда готово итти на нихъ и на Литву, и проч. Въ самомъ дѣлѣ Менгли-Гирей не переставалъ превожить Александровыхъ владѣній набѣгами и грабежемъ.

Новый союзникъ представился Іоанну, Владѣтельный Князь Мазовецкій, Конрадъ,

племени древнихъ Вѣнценосцевъ Польскихъ. Будучи погда врагомъ сыновей Казимировыхъ, онъ желалъ вступить въ тѣсную связь съ Россіею и прислалъ въ Москву Варшавскаго Намѣстника, Ивана Подосію, свапать за него одну изъ дочерей Великаго Князя. Сей бракъ казался приспойнымъ и выгоднымъ для нашей Политики; но Государь не хотѣлъ вдругъ изъявить согласія, и самъ опправилъ Пословъ въ Мазовію для заключенія предварительнаго договора съ ея Княземъ: 1) о вспоможеніи, которое онъ да-етъ Россіи противъ сыновей Казимировыхъ; 2) о назначеніи вѣна для будущей супруги его: то есть, Іоаннъ требовалъ, чтобы она имѣла въ собственномъ владѣніи нѣкоторые города и волости въ Мазовіи[358]. — Не знаемъ, съ какимъ отвѣтомъ возвратились Послы; но сіе сватовство не имѣло дальнѣйшихъ слѣдствій, вѣроятно отъ перемѣны обстоятельствъ. г. 1493. Повольство Князя Мазовецкаго въ Москву.

Если и Казимиръ, Государь Литвы и Польши, опасался войны съ Іоанномъ: то Александръ, властвуя единственно надъ первою, и не увѣренный въ усердной помощи брата, могъ ли безъ крайности отважиться на кровопролитіе? Менгли-Гирей опустошалъ, Стефанъ Молдавскій грозилъ, заключивъ тѣсный союзъ между собою посредствомъ Іоанна[359], и слѣдуя его указаніямъ. Но всего опаснѣе былъ самъ Великій Князь, именемъ отечества и единовѣрія призывая

Г. 1493. къ себѣ всѣхъ древнихъ Россіянъ, которые составляли большую часпь Александровыхъ подданныхъ. Уже Москва расширила свои предѣлы до Жиздры и самаго Днѣпра, дѣйспвуя не сполько мечемъ, сколько примаюмъ. Въ городахъ, въ селахъ и въ бипвахъ спрашились измѣны. — И пакъ Александръ рѣшипельно хопѣлъ искренняго, вѣчнаго мира.

Не споль легко изъяснипь обспояпельспвами миролюбіе Іоанна; все ему благопріяпспвовало: онъ имѣлъ сильное, опыпное войско, друзей въ Липвѣ и счаспіе, важное въ дѣлахъ человѣческихъ; видѣлъ ея боязнь и слабоспь; могъ обѣщапь себѣ рѣдкую славу и даже Хриспіанскую заслугу, по еспь, возвранипь опечеспву лучшую его половину, а Церкви шеспь или семь знаменипыхъ Епархій, насиліемъ Лапинскимъ опюрженныхъ опъ ея испиннаго, общаго Паспырспва. Но мы знаемъ харакперъ Іоановъ, для коего умѣренноспь была закономъ въ самомъ счаспіи; знаемъ умъ его, копорый не любилъ опважноспи, кромѣ необходимой. Власпвовавъ уже болѣе придцапи лѣпъ въ непреспанной и часпо безпокойной дѣяпельноспи, онъ хопѣлъ пишины, согласной съ доспоинспвомъ великаго Монарха и благомъ Державы. Вообще люди на шеспомъ десяпилѣпіи жизни рѣдко предпринимаюпъ прудное и менѣе обольщаюпся успѣхами опдаленными. Покушеніе завоевапь

всю древнюю южную Россію возбудило бы г. пропивъ насъ не только Польшу, но и Вен- 1493.
грію, и Богемію, гдѣ царспвовалъ брапъ Александровъ, Владиславъ; надлежало бы воевапь долго и не распускапь полковъ: чпо казалось погда невозможноспію. Союзъ Хана Крымскаго и Спефана Великаго, полезный для усмиренія Липвы, не могъ бышь весьма надеженъ въ усильномъ бореніи съ сими премя Государспвами. Менгли-Гирей зависѣлъ опъ Сулпана, гоповаго иногда оказывапь услуги Венгріи и Польшѣ: хопя не измѣнялъ Іоанну, однакожь не во всемъ удовлепворялъ ему: напримѣръ, безъ его вѣдома освободилъ Глинскаго, ссылался съ Александромъ и дѣйспвовалъ пропивъ Липвы слабо, недружно[360]. Спефанъ же имѣлъ болѣе ума и мужеспва, нежели силъ, испощаемыхъ имъ въ войнахъ съ Турками. — Замѣпимъ наконецъ, чпо время уже пріучило Сѣверную Россію смопрѣпь на Липовскую какъ на чуждую землю; въ обычаяхъ и нравахъ сдѣлалась перемѣна, и связь единородспва ослабѣла. Іоаннъ, опнявъ у Липвы нѣкопорыя обласпи, былъ доволенъ симъ знакомъ превосходспва силъ, и лучше хопѣлъ миромъ упвердипь пріобрѣпенное, нежели войною искапь новыхъ пріобрѣпеній.

Въ слѣдъ за Липовскими Послами, бывшими въ Москвѣ, Великій Князь опправилъ Дворянина Загряскаго къ Александру, съ объ-

Г. явленіемъ, что опчины Князей Воротынских, Бѣлевскихъ, Мезецкихъ и Вяземскихъ,
1493. служащихъ Государю, будутъ впредь частію Россіи, и что Литовское Правительство не должно вступаться въ оныя. Въ вѣрющей грамотѣ, данной Загряскому, Іоаннъ по своему обыкновенію назвалъ себя Государемъ *всей Россіи*. Сей Посолъ имѣлъ также письмо отъ юнаго сына Іоаннова, Василія, къ изгнаннику, Князю Василію Михайловичу Верейскому, коему дозволялось возвратиться въ Москву: ибо Великая Княгиня Софія исходатайствовала ему прощеніе[361]. Въ Вильнѣ отвѣчали Загряскому, что новые Послы Александровы будутъ въ Москву: они дѣйствительно пріѣхали въ исходѣ Іюня съ требованіемъ, чтобы Іоаннъ не только отдалъ ихъ Государю всѣ захваченныя Россіянами Литовскія области, но и казнилъ виновниковъ сего насилія; сверхъ того изъявили негодованіе, что Великій Князь употребляетъ въ грамотахъ титулъ новый и *высокій*, именуясь Государемъ *всей Россіи* и многихъ земель; а въ заключеніе сказали Воеводѣ Московскому, Ивану Юрьевичу, что Александръ, по желанію Сенаторовъ Литовскихъ, готовъ начать переговоры о вѣчномъ мирѣ[362]. Отвѣтъ Іоанновыхъ Бояръ состоялъ въ слѣдующемъ: « Князья Воротынскіе «и другіе искони были слугами нашихъ Го«сударей. Пользуясь *незгодою Россіи*, Литва «завладѣла ихъ странами: теперь иныя вре-

«мена. — Великій Князь не пишетъ въ гра-
«мотахъ своихъ ничего *высокаго*, а назы-
«вается Властителемъ земель, данныхъ ему
«Богомъ.»

Въ Генварѣ 1494 году *Великіе Послы Ли-* Г. 1494.
товскіе, Воевода Троцкій, Петръ Яновичь Бѣлой и Станиславъ Гаштольдъ, Староста Жмудскій, прибыли въ Москву для заключенія мира. Они хотѣли возобновить договоръ Казимировъ съ Василіемъ Темнымъ, а наши Бояре древнѣйшій Ольгердовъ съ Симеономъ Гордымъ и отцемъ Донскаго. Первые успу-
«кали Іоанну Новгородъ, Псковъ и Тверь въ
«вѣчное потомственное владѣніе, но пребо-
вали всѣхъ иныхъ городовъ, коими завладѣ-
ли Россіяне въ новѣйшія времена. «Вы успу-
«кайте намъ не свое, а наше,» сказали Бояре. Спорили долго, хитрили и нѣсколько разъ прерывали сношенія; наконецъ согласились, чтобы Вязьма, Алексинъ, Тешиловъ, Миръ съ Литвою.
Рославль, Веневъ, Мстиславль, Торуса, Обо-
ленскъ, Козельскъ, Серенскъ, Новосиль, Одо-
евъ, Воротынскъ, Перемышль, Бѣлевъ, Мещера остались за Россіею; а Смоленскъ, Любутскъ, Мценскъ, Брянскъ, Серпейскъ, Лучинъ, Мосальскъ, Дмитровъ, Лужинъ и нѣкоторыя иныя мѣста по Угру за Литвою[365]. Князьямъ Мезецкимъ или Мещовскимъ дали волю служить, кому они хотятъ. Александръ обѣщалъ признать Великаго Князя *Государемъ всей Россіи*, съ тѣмъ, чтобы онъ не требовалъ Кіева. Тогда Послы

Г. 1494. Іоаннъ отдаетъ дочь свою, Елену, за Александра

Липовскіе, впорично предспавленные Іоанну, начали дѣло сваповспва, и Государь изъявилъ согласіе выдапь дочь свою, Елену, за Александра, взявъ слово, чпо онъ не будепъ нудипь ее къ перемѣнѣ Вѣры. На другой день, Февраля 6, въ комнапахъ у Великой Княгини Софіи они увидѣли невѣспу, копорая чрезъ Окольничаго спросила у нихъ о здоровьѣ будущаго супруга. Тупъ, въ присупспвіи всѣхъ Бояръ, совершилось обрученіе. Спанславъ Гаспольдъ заспупалъ мѣспо жениха, ибо спаршему Послу, Воеводѣ Пепру, *имѣвшему вторую жену*, не дозволили быпь дѣйспвующимъ въ семъ обрядѣ. Іереи чипали молипвы. Обмѣнялись перспнями и креспами, висящими на золопыхъ цѣпяхъ.

Февраля 7 Послы именемъ Александра присягнули въ вѣрномъ соблюденіи мира; а Великій Князь цѣловалъ креспъ въ помъ же. Главныя условія договора, написаннаго на харпіи съ золопою печапію, были слѣдующія: 1) «Жипь обоимъ Государямъ и дѣ-«пямъ ихъ въ вѣчной любви и помогапь «другъ другу во всякомъ случаѣ; 2) владѣпь «каждому своими землями по древнимъ рубе-«жамъ; 3) Александру не принимапь къ себѣ «Князей Вяземскихъ, Новосильскихъ, Одоев-«скихъ, Воропынскихъ, Перемышльскихъ, «Бѣлевскихъ, Мещерскихъ, Говдыревскихъ, «ни Великихъ Князей Рязанскихъ, оспаю-«щихся *на сторонѣ* Государя Московскаго,

«коему и рѣшить ихъ спорныя дѣла съ Лип- г.
«вою ; 4) двухъ Князей Мезецкихъ , сослан- 1494.
«ныхъ въ Ярославль, освободить; 5) въ слу-
«чаѣ обидъ выслать общихъ судей на гра-
«ницу; 6) измѣнниковъ Россійскихъ, Михаила
«Тверскаго, сыновей Князя Можайскаго, Ше-
«мяки , Боровскаго , Верейскаго , никуда не
«отпускать изъ Литвы: буде же уйдутъ ,
«по вновь не принимать ихъ; 7) Посламъ и
«купцамъ ѣздить свободно изъ земли въ
«землю,» и проч.[364]. — Сверхъ того Послы
дали слово , что Александръ обяжется гра-
мотою не безпокоить супруги въ разсужде-
ніи Вѣры. Они три раза обѣдали у Государя и получили въ даръ богатыя шубы съ серебряными ковшами. Отпуская ихъ, Великій Князь сказалъ изустно: «Петръ и Спа-
«нославъ! милостію Божіею мы утвердили
«дружбу съ зятемъ и братомъ Александ-
«ромъ; что обѣщали, то исполнимъ. Послы
«мои будутъ свидѣтелями его клятвы.»

Для сего Князья Василій и Симеонъ Рябовскіе , Михайло Яропкинъ и Дьякъ Ѳедоръ Курицынъ были посланы въ Вильну[365]. Александръ , присягнувъ , размѣнялся мирными договорами ; написалъ также грамоту о Законѣ будущей супруги , но вмѣстилъ слова : «если же Великая Княгиня «Елена сама захочетъ принять Римскую Вѣ-
«ру, то ея воля.» Сіе дополненіе едва не остановило брака: Іоаннъ гнѣвно велѣлъ сказать Александру , что онъ по видимому не

хочетъ быть его зятемъ. Бумагу переписали, и чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ явилось
Г. 1495. Генваря 6. въ нашей столицѣ Великое Посольство Литовское. Воевода Виленскій, Князь Александръ Юрьевичь, Князь Янъ Заберезенскій, Намѣстникъ Полоцкій, Панъ Юрій, Намѣстникъ Брянславскій, и множество знатнѣйшихъ Дворянъ пріѣхали за невѣстою, блистая великолѣпіемъ въ одеждѣ, въ услугѣ и въ украшеніи коней своихъ. Въ вѣрющей грамотѣ Александръ именовалъ Великаго Князя отцемъ и тестемъ. Выслушавъ рѣчь Посольскую, Іоаннъ сказалъ: «Государь «вашъ, братъ и зять мой, восхотѣлъ проч«ной любви и дружбы съ нами: да будетъ! «Отдаемъ за него дочь свою. — Онъ дол«женъ помнить условіе, скрѣпленное его пе«чатію, чтобы дочь наша не перемѣняла «Закона ни въ какомъ случаѣ, ни принужден«но, ни собственною волею. Скажите ему «отъ насъ, чтобы онъ дозволилъ ей имѣть «придворную церковь Греческую. Скажите, «да любитъ жену, какъ Законъ Божественный повелѣваетъ, и да веселится сердце «родителя счастіемъ супруговъ! — Скажи«те отъ насъ Епископу и Панамъ вашей «Думы Государственной, чтобы они увѣр«ждали Великаго Князя Александра въ люб«ви къ его супругѣ и въ дружбѣ съ нами. «Всевышній да благословитъ сей союзъ!»

Генваря 13 Іоаннъ, отслушавъ Литургію въ Успенскомъ храмѣ со всѣмъ Великокня-

жескимъ семействомъ и съ Боярами, при- г.
звалъ Липовскихъ Вельможъ къ церковнымъ 1495.
дверямъ, вручилъ имъ невѣспу и проводилъ до саней. Въ Дорогомиловѣ Елена оспановилась и жила два дни: брапъ ея, Василій, угоспилъ памъ Пановъ роскошнымъ обѣдомъ; мапь ночевала съ нею, а Великій Князь два раза пріѣзжалъ обняпь любезную ему дочь, съ копорою разспавался навѣки. Онъ далъ ей слѣдующую записку: «Памяпь Великой Княжнѣ «Еленѣ. Въ божницу Лапинскую не ходипь, а «ходипь въ Греческую церковь: изъ любо«пытспва можешь видѣпь первую или мона«спырь Лапинскій, но полько однажды или «два раза. Если свекровь пвоя будепъ въ Виль«нѣ и прикажепъ пебѣ иппи съ собою въ «божницу, по проводи ее до дверей и скажи «учпиво, чпо идешь въ свою церковь.» — Невѣспу провожали Князь Симеонъ Ряполовскій, Бояринъ Михайло Яковлевичь Русалка и Прокофій Зиновьевичь съ женами, Дворецкій Дмипрій Пѣшковъ, Дьякъ и Казначей Василій Кулешинъ, нѣсколько Окольничихъ, Спольниковъ, Конюшихъ и болѣе сорока знапныхъ Дѣпей Боярскихъ. Въ пайномъ наказѣ, данномъ Ряполовскому, велѣно было пребовапь, чпобы Елена вѣнчалась въ Греческой церкви, въ Русской одеждѣ, и при совершеніи брачнаго обряда на вопросъ Епископа о любви ея къ Александру оппвѣщспвовала: *любъми, и не оставити ми его до живота никоея ради болъзни, кромъ Закона*; дер-

Г. 1495. *жать мнѣ Греческій, а ему не нудить меня къ Римскому.* Іоаннъ не забылъ ничего въ своихъ предписаніяхъ, назначая даже, какъ Еленѣ одѣваться въ пути, гдѣ и въ какихъ церквахъ пѣть молебны, кого видѣть, съ кѣмъ обѣдать, и проч[366].

Ея путешествіе отъ предѣловъ Россіи до Вильны было веселымъ торжествомъ для народа Литовскаго, который видѣлъ въ ней залогъ долговременнаго, счастливаго мира. Въ Смоленскѣ, Витебскѣ, Полоцкѣ, Вельможи и Духовенство встрѣчали ее съ дарами и съ любовію, радуясь, что кровь Св. Владиміра соединяется съ Гедиминовою; что Церковь Православная, сирая, безгласная въ Литвѣ, найдетъ ревностную покровительницу на тронѣ; что симъ брачнымъ союзомъ возобновляется древняя связь между единоплеменными народами. Александръ выслалъ знатнѣйшихъ чиновниковъ привѣтствовать Елену на пути и самъ встрѣтилъ ее за три версты отъ Вильны, окруженный Дворомъ и всѣми Думными Панами. Невѣста и женихъ, сшупивъ на разостланное алое сукно и золотую камку, подали руку другъ другу, сказали нѣсколько ласковыхъ словъ, и вмѣстѣ въѣхали въ столицу, онъ на конѣ, она въ саняхъ, богато украшенныхъ[367]. Невѣста въ Греческой церкви Св. Богоматери отслушала молебенъ: Боярыни Московскія расплели ей косу, надѣли на голову кику съ покрываломъ, осыпали ее хмѣ-

лемъ и повели къ жениху въ церковь Св. Спаниславa, гдѣ вѣнчалъ ихъ, на бархапѣ и на соболяхъ, Лапинскій Епископъ и напъ Священникъ Ѳома. Тупъ былъ и Виленскій Архимандрипъ Макарій, Намѣспникъ Кіевскаго Мипрополипа[368]; но не смѣлъ чипапь молипвъ. Княгиня Ряполовская держала надъ Еленою вѣнецъ, а Дьякъ Кулешинъ скляницу съ випомъ. — По совершеніи обрядовъ Александръ поржеспвенно принялъ Бояръ Іоанновыхъ; начались веселые пиры: опкрылись и взаимныя неудовольспвія. г. 1495.

Давно замѣчено Испориками, чпо рѣдко брачные союзы между Государями способспвуюпъ благу Государспвъ: каждый Вѣнценосецъ желаепъ упопребипь свойспво себѣ въ пользу; вмѣспо успупчивоспи раждаюпся новыя пребованія, и пѣмъ чувспвипельнѣе бываюпъ опказы. Кажепся, чпо Іоаннъ и Александръ въ семъ случаѣ не хопѣли обманупь другъ друга, но сами обманулись: по крайней мѣрѣ первый дѣйспвовалъ опкровеннѣе, великодушнѣе, какъ должно сильнѣйшему; не успупалъ, однакожъ и не мыслилъ коварспвовапь, съ прискорбіемъ видя, чпо надежда обѣихъ Державъ не исполнилась, и чпо свойспво не принесло ему мира надежнаго.

Еще во время сваповспва Александръ съ досадою писалъ въ Москву о новыхъ обидахъ, дѣлаемыхъ Россіянами Липвѣ[369]. Іоаннъ объщалъ управу; но самъ былъ не доволенъ Новыя недовольспвія

между Россіею и Липвою.

пѣмъ, чпо Александръ именовалъ его въ грамопахъ полько Великимъ Княземъ, а не *Государемъ всей Россіи.* Весною пріѣхалъ изъ Липвы Маршалокъ Спаниславъ съ брачными дарами: вручивъ ихъ Государю и семейспву его, онъ жаловался ему на Молдавскаго Воеводу, Спефана, разорившаго городъ Бряславль, и на Пословъ Московскихъ, Князя Ряполовскаго и Михайла Русалку, копорые, ѣдучи изъ Вильны въ Москву, будпо бы грабили жипелей; пребовалъ еще, чпобы всѣ Россійскіе чиновники, служащіе Еленѣ, были опозваны назадъ: «ибо она имѣепъ «довольно своихъ подданныхъ для услуги.» Іоаннъ обѣщалъ примирипь Спефана съ зятемъ; но досадовалъ, чпо Александръ не позволилъ ни православному Епископу, ни Архимандрипу Макарію вѣнчапь Елены, не соглашаепся поспроипь ей домовую церковь Греческаго Закона, удалилъ опъ нее почпи всѣхъ Россіянъ, и весьма худо содержитъ оспальныхъ. Жалоба на Московскихъ Пословъ была клевепою: напропивъ пого они дорогою перпѣли во всемъ недоспашокъ [370]. — Оппуспивъ Спанислава, Великій Князь послалъ гонца въ Вильну навѣдапься о здоровьѣ Елены, и далъ ему два письма: одно съ обыкновенными привѣпспвіями, а другое съ пайными наспавленіями, желая, чпобы она не имѣла при себѣ чиновниковъ, ни слугъ Лапинской Вѣры, и никакъ не оппускала нашихъ Бояръ, изъ коихъ главнымъ былъ погда Князь Василій

Г. 1495.

Ромодановскій, присланный въ Вильну съ же- г.
ною[371]. Для переписки съ родителемъ Еле- 1495.
на употребляла Московскаго Подьячаго и должна была скрывать оную отъ супруга: положеніе весьма опасное и непріятное! Юная Великая Княгиня, одаренная здравымъ смысломъ и нѣжнымъ сердцемъ, вела себя съ удивительнымъ благоразуміемъ, и сохраняя долгъ покорной дочери, не измѣняла мужу, ни государственнымъ выгодамъ ея новаго отечества; никогда не жаловалась родителю на свои домашнія неудовольствія, и старалась утвердить его въ союзѣ съ Александромъ. Въ сіе время разнесся слухъ въ Вильнѣ, что Ханъ Менгли-Гирей идетъ на Литву: Елена вмѣстѣ съ супругомъ писала къ Іоанну, чтобы онъ, исполняя договоръ, защитилъ ихъ; о томъ же писала и къ матери въ выраженіяхъ убѣдительныхъ и ласковыхъ[372].

Великій Князь находился въ обстоятельствахъ затруднительныхъ: безъ вѣдома и безъ участія Менгли-Гиреева вступивъ въ тѣсный союзъ съ Александромъ, ихъ бывшимъ непріятелемъ, онъ извѣстилъ Хана Таврическаго о семъ важномъ происшествіи, увѣряя его въ неизмѣнной дружбѣ своей, и предлагая ему также помириться съ Литвою. Отвѣтъ Менгли-Гиреевъ, сильный искренностію и прямодушіемъ, содержалъ въ себѣ упреки, отчасти справедливые. «Съ «удивленіемъ читаю твою грамоту,» писалъ Ханъ къ Государю: «ты вѣдаешь, из-

Г. «мѣнялъ ли я тебѣ въ дружбѣ, предпочи-
1495. «палъ ли ей мои особенныя выгоды, усер-
«дно ли помогалъ тебѣ на враговъ твоихъ!
«*Другъ и братъ великое дѣло; не скоро до-*
«*будешь его*: такъ я мыслилъ, и жегъ Литву,
«громилъ Улусы Ахматовыхъ сыновей, не
«слушалъ ихъ предложеній, ни Казимировыхъ,
«ни Александровыхъ: что жъ моя награда? Ты
«спалъ другомъ нашихъ злодѣевъ, а меня оспа-
«вилъ имъ въ жертву!...Сказалъ ли намъ хотя
«единое слово о своемъ намѣреніи? Не раз-
«судилъ и подумавъ съ твоимъ братомъ[373].!»
Однакожь Менгли-Гирей все еще держался Великаго Князя, и даже снова клялся умереть его вѣрнымъ союзникомъ; не отвергалъ и мира съ Литвою, пребуя единственно, чтобы Александръ удовлетворилъ ему за понесенные имъ въ войнѣ убытки.

И такъ Іоаннъ могъ бы легко примириться съ Ханомъ; но прежде надлежало удостовѣриться въ искренней дружбѣ перваго: отвѣтствуя ему, что договоръ съ нашей стороны будетъ исполненъ, и что войско Российское готово защитить Литву, если Менгли-Гирей не согласится на миръ, Іоаннъ послалъ въ Вильну Боярина Кутузова, съ требованіемъ, чтобы Александръ непремѣнно позволилъ супругѣ своей имѣть домовую церковь, не принуждалъ ее носить Польскую одежду, не давалъ ей слугъ Римскаго Исповѣданія, писалъ въ грамотахъ весь титулъ Государя согласно съ услови-

емъ, не запрещалъ вывозить серебра изъ г. Литвы въ Россію, и чтобы наконецъ от- 1495.
пустилъ въ Москву жену Князя Бѣльска-
го[374]. Въ угодность зятю, Великій Князь
отозвалъ изъ Вильны Бояръ Московскихъ,
коихъ Александръ считалъ опасными доноси-
телями и ссорщиками: остались при Еленѣ
только Священникъ Ѳома съ двумя Кре-
товыми Дьяками и нѣсколько Русскихъ по-
варовъ. Не смотря на то, зять не хотѣлъ
исполнить ни одного изъ требованій Іоан-
новыхъ, отвѣтствуя на первое, что успавъ
предковъ его запрещаетъ строить вновь
церкви нашего Исповѣданія, и что Елена мо-
жетъ ходить въ приходскую, которая не-
далеко отъ дворца. «Какое мнѣ дѣло до ва-
«шихъ успавовъ?» возражалъ Государь: «у
«тебя супруга православной Вѣры, и ты обѣ-
«щалъ ей свободу въ Богослуженіи.» Но
Александръ упрямился; не отпустилъ даже
и Княгини Бѣльской, говоря, что она сама
не ѣдетъ въ Россію.

Къ симъ досадамъ онъ присовокупилъ но- Г.
вую. Султанъ Турецкій, Баязетъ, получивъ 1496.
грамоту Великаго Князя[375], и строго запре-
тивъ утѣснять купцевъ нашихъ, торгу-
ющихъ въ Кафѣ и Азовѣ, немедленно от-
правилъ въ Москву Посла съ дружествен-
увѣреніями: Александръ велѣлъ ему и быв-
шимъ съ нимъ Константинопольскимъ го-
спямъ возвратиться изъ Кіева въ Турцію,
приказавъ къ Іоанну, что никогда Султан-

Г. 1496. скіе Послы не ѣзжали въ Россію чрезъ Липву, и что они могутъ быть лазутчиками[376].

Однакожъ Великій Князь еще изъявлялъ доброхотство зятю, и далъ ему знать, что Стефанъ Молдавскій и Менгли-Гирей соглашаются жить въ мирѣ съ Литвою[377]. Сего недовольно: услышавъ, что Александръ, по совѣту Думныхъ Пановъ, готовъ отдать въ Удѣлъ меньшему брату, Сигизмунду, Кіевскую область, Іоаннъ писалъ къ Еленѣ, чтобы она всячески старалась отвратить мужа отъ намѣренія столь вреднаго. Повторимъ собственныя слова его: «Я слыхалъ «о неустройствахъ, какія были въ Литвѣ «отъ Удѣльнаго Правленія. И ты слыхала «о нашихъ собственныхъ бѣдствіяхъ, произ- «веденныхъ разновластіемъ въ княженіе «отца моего; помнишь, что и самъ я пер- «пѣлъ отъ братьевъ. Чему быть доброму, «когда Сигизмундъ сдѣлается у васъ осо- «беннымъ Государемъ? Совѣтую, ибо лю- «блю тебя, милую дочь свою; не хочу ва- «шего зла. Если будешь говорить мужу, то «говори единственно отъ себя[378].» Въ семъ случаѣ Іоаннъ явилъ образъ мыслей достойный Монарха сильнаго и великодушнаго: имѣлъ досаду на зятя, но какъ искренній другъ предостерегалъ его отъ гибельной погрѣшности, не смотря на то, что Россія могла бы воспользоваться ею.

Сіе великодушіе, по видимому, не прону-

ло Александра: онъ съ грубостію оптвѣт- г.
спвовалъ, что не видитъ расположенія къ 1495
миру въ нашихъ союзникахъ, Менгли-Гиреѣ — 96.
и Спефанѣ, непрестанно враждующихъ Ли-
пвѣ; что тестъ указываетъ ему въ его
дѣлахъ, и не даетъ никакой управы. Огор-
ченный Великій Князь, жалуясь Еленѣ на му-
жа ея, спрашивалъ, для чего онъ не хочетъ
жить съ нимъ въ любви и братствѣ? «Для
«того» — писалъ Александръ къ тестю — «что
«ты завладѣлъ многими городами и воло-
«стями, издавна Литовскими; что пересы-
«лаешься съ нашими недругами, Султа-
«номъ Турецкимъ, Господаремъ Молдавскимъ
«и Ханомъ Крымскимъ, а доселѣ не помирилъ
«меня съ ними, вопреки нашему условію
«имѣть однихъ друзей и непріятелей; что
«Россіяне, не взирая на миръ, всегда оби-
«жаютъ Литовцевъ. Если дѣйствительно
«желаешь братства между нами, то возврати
«мое и съ убытками, запрети обиды, и
«докажи тѣмъ свою искренность: союзники
«твои, увидѣвъ оную, престанутъ мнѣ зло-
«дѣйствовать[379].» Елена въ сей грамотѣ
приписала только поклонъ родителю.

Всѣ неудовольствія Александровы проис-
ходили, кажется, отъ того, что онъ
жалѣлъ о городахъ, уступленныхъ имъ
Россіи, и съ прискорбіемъ оставлялъ
Елену Греческою Христіанкою. Іоаннъ не
отнялъ ничего новаго у Литвы послѣ за-
ключеннаго договора; видя же упрямство,

несправедливосnь и грубосnи зяnя, бралъ свои мѣры. Бояринъ Князь Звенецъ поѣхалъ къ Менгли-Гирею: извиняясь, чnо за худою зимнею дорогою не увѣдомилъ его во-время о сваnовсnвѣ Александровомъ, Іоаннъ убѣждалъ Хана забыnь прошедшее. «Не «nребую» — говорилъ онъ — «но соглашаюсь, «чnобы nы жилъ въ мирѣ сь Лиnвою; а «если зяnь мой будеnъ опяnь тебѣ или «мнѣ врагомъ, nо мы возсnанемъ на него «общими силами[380].» Вѣрояnно, чnо Іоаннъ nакимъ же образомъ писалъ и къ Сnефану Молдавскому: по крайней мѣрѣ сіи два союзника Россіи не сnѣшили мириnься съ Александромъ, и Великій Князь въ случаѣ войны могъ надѣяnься на ихъ усердную помощь.

ГЛАВА VI.

Продолженіе Государствованія Іоаннова.

Заложенъ Иваньгородъ. Гнѣвъ Вел. Князя на Ливонскихъ Нѣмцевъ и заключеніе всѣхъ купцевъ Ганзейскихъ въ Россіи. Союзъ съ Даніею. Война съ Шведами. Іоаннъ въ Новѣгородѣ. Походъ на Гамскую землю или Финляндію. Дѣла Казанскія. Первое наше Посольсnво въ Консnаnшинополь. Рязанская Княгиня въ Москвѣ и выдаеnъ дочь за Бѣльскаго. Гнѣвъ Іоанновъ на супругу и сына, Василія. Великій Князь nоржесnвенно вѣи-

чаетъ на Царство внука своего, юнаго Димитрія Іоанновича; мирится съ супругою, казнитъ Бояръ и называетъ Василія Вел. Княземъ Новагорода и Пскова. Посолъ изъ Шамахи. Посольство въ Венецію и въ Константинополь. Завоеваніе земли Югорской или сѣверо-западной Сибири. Посланъ Воевода въ Казань. Разрывъ съ Литвою. Князья Черниговскій и Рыльскій поддаются Іоанну. Завоеваніе Мценска, Серпейска, Брянска, Путивля, Дорогобужа. Князья Трубчевскіе добровольно покоряются. Мѣстничество нашихъ Воеводъ. Битва на берегахъ Ведроши. Ханъ Крымскій опустошаетъ Литву и Польшу. Союзъ Александра съ Ливонскимъ Орденомъ. Переговоры о мирѣ. Александръ избранъ въ Польскіе Короли. Новая побѣда надъ Литвою близъ Мстиславля. Война съ Орденомъ. Сраженіе близъ Изборска. Болѣзнь въ Ливонской рати. Россіяне опустошаютъ Ливонію. Царь Большой Орды, Шихъ-Ахметъ, помогаетъ Литвѣ. Ханъ Крымскій совершенно истребляетъ сіи остатки Батыева Царства. Александръ вѣроломно заключаетъ Шихъ-Ахмета. Досада Хана Крымскаго на Великаго Князя. Іоаннъ, заключивъ невѣстку и внука, объявляетъ Василія наслѣдникомъ. Разрывъ съ Стефаномъ Молдавскимъ. Смерть Стефанова. Осада Смоленска. Битва съ Магистромъ Ливонскимъ близъ Пскова. Папа старается о мирѣ. Перемиріе съ Литвою и съ Орденомъ. Хитрость Вел. Князя. Александръ безразсудно досаждаетъ ему.

Г. 1495 — 1503.

Имѣя Литву главнымъ предметомъ своей Политики, Государь съ тою же дѣятельностію занимался и другими внѣшними дѣлами, важными для чести и безопасности Россіи. Онъ велѣлъ въ 1492 году заложить каменную крѣпость противъ Нарвы, на Дѣвичьей горѣ, съ высокими башнями, и назвалъ ее, по своему имени, *Иваньгородъ*, къ

Заложенъ Иванъ городъ

великому безпокойспву Ливонскихъ Нѣмцевъ, копорые однакожь не могли ему въ помъ воспрепяпспвовапь, и въ 1493 году продолжили миръ съ Россіею на десяпь лѣпъ[381]. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ — пакъ пишепъ Нѣмецкій Испорикъ—«всенародно сожгли въ Ревелѣ одно-«го Россіянина, уличеннаго въ гнусномъ преспу-«пленіи[382], и легкомысленные изъ памопнихъ «граждапъ сказали его единоземцамъ: *мы сож-*

Гнѣвъ Великаго Князя на Ливонскихъ Нѣмцевъ, и заключеніе всѣхъ купцевъ Ганзейскихъ въ Россіи.

«гли бы и вашего Князя, если бы онъ сдѣлалъ у «насъ то же. Сіи безразсудныя слова, перескаканныя Государю Московскому, возбудили въ «немъ споль великій гнѣвъ, чпо онъ изломалъ «проспь свою, бросилъ на землю, и взглянувъ на небо, грозно произнесъ: *Богъ суди мое «дѣло и казни дерзость.*» А нашъ Лѣпописецъ говоритъ, чпо Ревельцы обижали купцевъ Новогородскихъ, грабили ихъ на морѣ, безъ обсылки съ Іоанномъ и безъ изслѣдованія варили его подданныхъ въ коплахъ, дѣлая несносныя грубоспи Посламъ Московскимъ, копорые ѣздили въ Ипалію и въ Нѣмецкую землю[383]. Раздраженный Государь пребовалъ, чпобы Ливонское Правипельспво выдало ему Магиспрапъ Ревельскій[384], и получивъ опказъ, велѣлъ схвапипь Ганзейскихъ купцевъ въ Новѣгородѣ: ихъ было памъ 49 человѣкъ, изъ Любека, Гамбурга, Грейфсвальда, Люнебурга, Мюнспера, Дордпмунда, Билефельда, Унны, Дуизбурга, Эймбека, Дершпапа, Ревеля и Дерпта. Запечапали Нѣмецкіе госпиные дворы, лавки и божни-

цу; опняли и послали въ Москву всѣ по- Г. 1495.
вары, цѣною на милліонъ гульденовъ[385]; за-
ключили несчаспныхъ въ пяжкія оковы и
въ душиныя шемницы. Вѣспь о семъ бѣд-
спвенномъ случаѣ произвела превогу во всей
Германіи. Давно не бывало подобнаго: Новго-
родъ въ самыхъ пылкихъ ссорахъ съ Ливон-
скимъ Орденомъ щадилъ купцевъ Ганзей-
скихъ, имѣя нужду во многихъ вещахъ, ими
доспавляемыхъ Россіи: ибо они привозили
къ намъ не только Фламандскія сукна и дру-
гія Нѣмецкія рукодѣлія, но и соль, медъ,
пшеницу[386]. Ганза находилась погда на выш-
ней спепени ея силы и богапспва. Ново-
городская Конпора сего доспопамяпнаго ку-
печескаго союза издавна считалась маперію
другихъ: ударъ споль жеспокій произвелъ
всеобщее замѣшапельспво въ дѣлахъ онаго.
Послы Великаго Магиспра, семидесяпи го-
родовъ Нѣмецкихъ и зяпя Іоаннова, Алек-
сандра, пріѣхали въ Москву ходапайспвовапь
за Ганзу и пребовапь освобожденія купцевъ,
предлагая съ обѣихъ споронъ выслапь судей
на оспровъ рѣки Наровы для разбора всѣхъ не-
удовольспвій[387]. Миновало болѣе года: заклю-
ченные помились въ шемницахъ. Наконецъ
Государь умилоспивился, и велѣлъ оппу-
спипь ихъ: нѣкопорые умерли въ оковахъ,
другіе попонули въ морѣ на пупи изъ Ре-
веля въ Любекъ; не многіе возвращились въ
опечество, и всѣ лишились имѣнія: ибо имъ
не опдали поваровъ[388]. Симъ пресѣклась

г. торговля Ганзейская въ Новѣгородѣ, бывъ
7195. для него испочникомъ богапсиіва и самаго гражданскаго просвѣщенія въ по время, когда Россія, омраченная гуспыми пѣнями варварсиіва Могольскаго, симъ однимъ путемъ сообщалась съ Европою. Іоаннъ безъ сомнѣнія сдѣлалъ ошибку, послѣдовавъ движенію гнѣва; хопѣлъ исправипь оную и не могъ: Нѣмецкіе купцы уже спрашились ввѣряпь судьбу свою пакой землѣ, гдѣ единое мановеніе грознаго Самовласпипеля лишало ихъ вольноспи, имѣнія и жизни, не опличая виновныхъ опъ невинныхъ. Любекъ, Гамбургъ и другіе союзные города, поспрадавъ за Ревель, имѣли причину жаловапься на жеспокоспь Іоанна, копорый думалъ полько явипь гнѣвъ и милоспь, въ надеждѣ, чпо Нѣмцы, смиренные наказаніемъ, съ благодарноспію возвращяпся на свое древнее пожище: чего однакожь не случилось. Люди охопнѣе подвергаюпся морскимъ волнамъ и бурямъ, нежели беззаконному насилію Правипельсивъ. Дворы, божница, лавки Нѣмецкія опуспѣли въ Новѣгородѣ; порговля перешла оппуда въ Ригу, Дерпиъ и Ревель, а послѣ въ Нарву, гдѣ Россіяне мѣнялись своими произведеніями съ чужеспранными купцами[789].

Такъ Великій Князь въ порывѣ досады разрушилъ благое дѣло вѣковъ, къ обоюдному вреду Ганзы и Россіи, въ пропивноспь собспвенному его всегдашнему спара-

нію быть въ связи съ образованною Европою. Нѣкоторые Историки умспвуюпъ, чпо Іоаннъ видѣлъ въ Ганзейскихъ купцахъ проповѣдниковъ народной вольноспи, пипающихъ духъ мяпежа въ Новѣгородѣ, и для того гналъ ихъ[390]; но сія мысль не имѣепъ никакого испорическаго основанія, и не согласна ни съ духомъ времени, ни съ характеромъ Ганзы, копорая думала единспвенно о своихъ шорговыхъ выгодахъ, не вмѣшиваясь въ полипическія опношенія гражданъ къ Правипельспву, и не смопря на покореніе Новагорода, еще нѣсколько лѣпъ купечесптвовала шамъ свободно. Другіе пишупъ, чпо Великій Князь сдѣлалъ шо въ угожденіе Королю Дапскому, ея непріяпелю; чпо они условились вмѣспѣ воеваппь Швецію; чпо Король успупалъ Іоанну знашную часпь Финляндіи, пребуя уничпоженія Ганзейской Конпоры въ Новѣгородѣ[391]. Сіи два Монарха дѣйспвипельно заключили между собою пѣсный союзъ. Наши Послы возвра- Союзъ
пились изъ Копенгагена съ новымъ Посломъ съ Да-
Дапскимъ[392], и скоро Воеводы Россійскіе, ніею.
Князь Щеня, Бояринъ Яковъ Захарьевичь,
Князь Василій Ѳедоровичь Шуйскій, осадили Война
Выборгъ. Пригопповленія и силы наши были съ
велики. Желая изъявипь особенное усердіе, Шве-
Псковипяне съ каждыхъ десяши сохъ поспа- дами.
вили вооруженнаго всадника, и на шумномъ
Вѣчѣ обезчеспили многихъ Іереевъ, копорые доказывали Номоканономъ, чпо жипели

г. 1495.

Г. церковныхъ селъ не должны участпвовапть въ
1495. земскихъ ополченіяхъ[393]. Но Россіяне около прехъ мѣсяцевъ споями подъ Выборгомъ, и не могли взяпть его. Увѣряюпть, что памошній начальникъ, храбрый випязь Кнупъ Поссе, видя ихъ уже на спѣнѣ крѣпоспи, зажегъ башню, гдѣ лежалъ порохъ: она съ ужаснымъ прескомъ взлепѣла на воздухъ, а съ нею и множеспво Россіянъ; другіе, оглушенные, израненные обломками, пали на землю; оспальные бѣжали, гонимые спрахомъ и мечемъ осажденныхъ. Сей случай, едва ли не баснословный, долго жилъ въ памяпи Финновъ подъ именемъ *Выборгскаго треска* и прославилъ мнимое волшебное искусспво Кнупа Поссе[394]. Воеводы наши удовольспвовались полько опуспошеніемъ селъ на проспранспвѣ прядцапи или сорока миль.

Іоаннъ въ Новѣгородѣ.

Желая распорядипть на мѣспѣ военныя дѣйспвія, Іоаннъ самъ ѣздилъ въ Новгородъ со внукомъ Димипріемъ и сыномъ Юріемъ, оспавивъ спаршаго сына, Василія, въ Москвѣ. Уже сей городъ не имѣлъ ни прежняго многолюдспва, ни величавыхъ Бояръ, ни купцевъ именипыхъ; но Архіепископъ Геннадій и Намѣспники спарались пышною вспрѣчею удовлепворипь вкусу Іоаннову ко всему поржесптвенному: Свяпитель, Духовенство, чиновники, народъ ждали Государя на Московской дорогѣ; радоспныя восклицанія провождали его до Софійской церкви: онъ обѣ-

далъ у Геннадія со Дворомъ своимъ, копо- г.
рый состоялъ изъ осьми Боляръ Московскихъ, 1495.
четырехъ Тверскихъ, прехъ Окольничихъ,
Великаго Дворецкаго, Постельничаго, Спаль-
ничаго, прехъ Дьяковъ, пятидесяти Князей
и многихъ Дѣтей Боярскихъ[395].

Воеводы, Князь Василій Косой, Андрей Ѳедоровичь Челяднинъ, Александръ Владиміровичь Ростовскій и Дмитрій Васильевичь Шеинъ, посланные на *Гамскую землю, Ямь* или Финляндію, разбили 7000 Шведовъ. Самъ Государственный Правитель, Стенъ Стуръ, находился въ Або, имѣя сорокъ тысячь воиновъ, и хотѣлъ встрѣтить Россіянъ въ полѣ; но далъ имъ время уйти назадъ съ добычею и плѣнниками[396]. Іоаннъ возвратился въ Москву, приказавъ двумъ братьямъ, Князьямъ Ивану и Петру Ушатымъ, собрать войско въ области Устюжской, Двинской, Онѣжской, Вагской, и весною итти на Каянію или на *десять рѣкъ*[397]. Сей походъ имѣлъ важнѣйшее слѣдствіе: Князья Ушатые не только разорили всю землю отъ Кореліи до Лапландіи, но и присоединили къ Россійскимъ владѣніямъ берега Лименги, коихъ жители отправили Посольство къ Великому Князю въ Москву и дали клятву быть его вѣрноподданными. За то Шведскій чиновникъ, Сванте Стуръ, съ двумя тысячами воиновъ и съ огнестрѣльнымъ снарядомъ приплывъ на семидесяти легкихъ судахъ изъ Стокгольма въ рѣку

Походъ на Гамскую землю или Финлянд-ію. г. 1496.

Г. 1496. Нарову, взялъ Иваньгородъ. Тамошній начальникъ, Князь Юрій Бабичь, первый ушелъ изъ крѣпости; а Воеводы, Князья Иванъ Брюхо и Гундоровъ, стояли не далеко оттуда съ полкомъ многочисленнымъ, видѣли приступъ Шведовъ и не дали ни какой помощи гражданамъ[398]. Зная, что ему нельзя удержать сего мѣста, Свантъ уступалъ оное Ливонскому Рыцарству; но Магистръ отказался отъ пріобрѣтенія столь опаснаго. Шведы разорили часть крѣпости, и спѣшили удалиться съ тремя стами плѣнниковъ.

Война кончилась тѣмъ, что Король Датскій, другъ Іоанновъ, сдѣлался Государемъ Швеціи, согласно съ желаніемъ ея Сената и Духовенства. Онъ старался всячески соблюсти пріязнь Великаго Князя и, можетъ быть, отдалъ ему нѣкоторыя мѣста въ Финляндіи. Два раза (въ 1500 и въ 1501 году) Послы его были въ Москвѣ, а наши въ Даніи[399], вѣроятно для утвержденія безспорныхъ границъ между обѣими Державами. Финляндія наконецъ отдохнула, претерпѣвъ ужасныя бѣдствія отъ нашихъ частыхъ впаденій, такъ, что Шведскій Государственный Совѣтъ, обвиняя бывшаго Правителя Стена во многихъ жестокостяхъ, сказалъ въ Манифестѣ: «онъ злодѣйствовалъ «въ Швеціи какъ Россіяне въ Финляндіи[400]!» Главною причиною сей войны было, кажется, упрямство Стена, который никакъ не хотѣлъ относиться къ Новогородскимъ На-

мѣспникамъ, пребуя, чпобы самъ Великій Князь договаривался съ нимъ о миръ: Іоаннъ досадовалъ на пакую гордоспь и желалъ смирипь оную[401]. г. 1496.

Доселѣ Царь Казанскій вѣрно исполнялъ обязанноспь нашего присяжника; но угождая Іоанну, пѣснилъ подданныхъ и былъ ненавидимъ Вельможами, копорые пайно предлагали Владѣпелю Шибанскому, Мамуку, избавипь ихъ опъ ширана. Магмедъ-Аминь, узнавъ о помъ, пребовалъ защипы въ Москвѣ, и Государь прислалъ къ нему Воеводу Князя Ряполовскаго, съ сильною ратію[402]. Измѣнники бѣжали: Мамукъ удалился опъ предѣловъ Казанскихъ; все было пихо и спокойно. Магмедъ-Аминь оппуспилъ Ряполовскаго, но чрезъ мѣсяцъ самъ явился въ Москвѣ, съ вѣспію, чпо Мамукъ, незапно изгнавъ его, царспвуепъ въ Казани. Сей новый Царь умѣлъ полько грабипь: жадный къ богапспву, опнималъ у купцевъ пова- Дѣла Казанскія.

ры, у Вельможъ сокровища, и посадилъ въ пемницу главныхъ своихъ доброжелапелей, копорые предали ему Казань, измѣнивъ Магмедъ-Аминю. Онъ хопѣлъ завоевапь городокъ Арскій: не взялъ его, и не могъ уже возвращипься въ Казань, гдѣ граждане спояли на спѣнахъ съ оружіемъ, велѣвъ сказапь ему, чпо имъ не надобенъ Царь-разбойникъ. Мамукъ ушелъ во-свояси; а Вельможи Казанскіе опправили Посольспво къ Іоанну, смиренно извиняясь передъ нимъ, но г. 1497

Г. виня и Магмедъ-Аминя въ несносныхъ для
1497. народа упѣсненіяхъ. «Хопимъ имѣпь инаго «Царя опъ руки пвоей,» говорили они: «дай намъ впораго Ибрагимова сына, Абдылъ-«Лепифа.» Іоаннъ согласился и послалъ сего меньшаго пасынка Менгли-Гиреева въ Казань, гдѣ Князья Симеонъ Даниловичь Холмскій и Ѳедоръ Палецкій возвели его на Царспво, заспавивъ народъ присягнупь въ вѣрноспи къ Россійскому Монарху. — Чпобы удовольспвовапь и Магмедъ-Аминя, Великій Князь далъ ему въ помѣспье Коширу, Серпуховъ и Хопунь, къ бѣдспвію жипелей, коимъ онъ сдѣлался ненависпенъ своимъ алчнымъ корысполюбіемъ и злобнымъ нравомъ.

Сіе происшеспвіе могло обезпокоипь Нурсалпанъ, жену Менгли-Гирееву: Іоаннъ далъ ей знапь о помъ въ самыхъ ласковыхъ выраженіяхъ, увѣряя, чпо Казань всегда будепъ собспвенноспію ея рода [403]. Благодаря Великаго Князя, она увѣдомляла его о своемъ возвращеніи изъ Мекки и намѣреніи ѣхапь въ Россію для свиданія съ сыновьями. Менгли-Гирей прислалъ Іоанну въ даръ яхонповый перспень Магомепа II[404], и спарался упвердипь Сулпана Баязепа въ благосклонномъ къ намъ расположеніи. Хопя Посолъ Турецкій и не доѣхалъ до Москвы[405], однакожь Іоаннъ рѣшился погда опправипь своего въ Конспанпинополь, чпобы изъявипь признапельноспь Сулпану за его доброе намѣреніе, и поручилъ сіе дѣло Михайлу Андрее-

Первое нашеПосольспво въ Конспанпинополь.

вичу Плещееву[406]: Ханъ Крымскій далъ ему письма и вожапыхъ. Цѣлію Посольспва было доспавипь нашимъ купцамъ безопасноспь и свободу въ порговлѣ съ областями Сулпанскими: по крайней мѣрѣ въ бумагахъ онаго не упоминаепся ни о чемъ иномъ; сказано полько, чпобы Плещеевъ въ изъявленіяхъ Іоаннова дружеспва къ Баязепу и къ юному сыну его, Магмеду Шихзодѣ, Кафинскому Сулпану, спрого наблюдалъ доспоинспво Великаго Князя; чпобы *правилъ имъ поклонъ стоя, не на колѣняхъ*, и никому изъ другихъ Пословъ не успупалъ мѣспа; чпобы говорилъ рѣчь единспвенно Сулпану, а не Пашамъ, и проч. Плещеевъ, исполняя въ почноспи наказъ Государевъ, своею гордоспію удивилъ Дворъ Баязепов. Обласканный Пашами въ Конспанпинополѣ, и слыша, чпо его на другой день предспавяпъ Сулпану, онъ не хопѣлъ ѣхапь къ нимъ на обѣдъ, не взялъ ихъ даровъ, копорые соспояли въ драгоцѣнной одеждѣ, ни десяпи пысячь Опипоманскихъ денегъ, назначенныхъ ему на содержаніе и сказалъ присланному опъ нихъ чиновнику: «Мнѣ съ «Папами нѣпъ рѣчи; ихъ плашья не надѣ- «ну; денегъ не хочу; буду говорипь поль- «ко съ Сулпаномъ.» Однакожъ Баязепъ опипуспилъ Плещеева съ ласковою опвѣпною грамопою, и сдѣлалъ все, чего пребовалъ Іоаннъ въ разсужденіи нашихъ купцевъ. «Го- «сударь Россійскій,» — писалъ онъ къ Менгли- г. 1497.

г. Гирею — «съ коимъ искренно желаю быпть
1497. «въ любви, прислалъ ко мнѣ какого-по не-
«вѣжду: для сего не посылаю съ нимъ мо-
«ихъ людей въ Россію, опасаясь, чтобы
«ихъ тамъ не оскорбили. Уважаемый опъ
«Востока до Запада, не хочу подвергнупь
«себя такому спыду. Пусть сынъ мой, Пра-
«вишель Кафы, сносится съ Іоанномъ.» Но
соблюдая учтивость, Баязетъ не жаловал-
ся самому Великому Князю на его Посла, и
писалъ къ нему слѣдующее: «Ты опъ чи-
«стаго сердца прислалъ *добраго* мужа *къ*
«*моему порогу*: онъ видѣлъ меня и вручилъ
«мнѣ твою грамопу, которую я приложилъ
«къ своему сердцу, видя, что желаешь быпь
«намъ другомъ. Послы и гостіи твои да ѣз-
«дятъ часто въ мою землю: они увидятъ
«и скажутъ тебѣ нашу правду, равно какъ
«и сей, ѣдущій назадъ въ свое отечество.
«Дай Богъ, чтобы онъ благополучно возвра-
«тился съ *нашимъ великимъ поклономъ* къ
«тебѣ и ко всѣмъ друзьямъ твоимъ: ибо
«кого ты любишь, того и мы любимъ[107].»
Сполъ мирно и дружелюбно началось госу-
дарственное сношеніе Россіи съ Оттоман-
скою Державою! Ни та, ни другая не могла
предвидѣпь, что Судьба готовитъ ихъ къ
ужасному взаимному противоборству, коему
надлежало рѣшить паденіе Магометанскихъ
Царствъ въ мірѣ и первенство Христіан-
скаго оружія!

Плещеевъ возвратился въ Москву тогда, какъ Дворъ, Вельможи и народъ были ужаснымъ образомъ волнуемы происшествіями 1498. г. гористными для Іоаннова сердца. Мы видѣли, что съ XV вѣка уставилось новое право наслѣдственное въ Россіи, по коему уже не братья, а сыновья были преемниками Великокняжескаго достоинства; но кончина старшаго Іоаннова сына произвела вопросъ: «кому быть наслѣдникомъ Государства, внуку ли Димитрію или Василію Іоанновичу?» Великій Князь колебался: Бояре думали разно, одни доброхотствуя Еленѣ и юному сыну ея, другіе Софіи и Василію; первыхъ было гораздо болѣе, отчасти по любви, которую всѣ имѣли къ великодушному отцу Димитріеву, отчасти и потому, что мать его окружали только Россіяне: Софію же многіе Греки, непріятные нашимъ Вельможамъ. Друзья Еленины утверждали, что Димитрій естественнымъ образомъ наслѣдовалъ право своего родителя на Великое Княженіе; а Софіины доброжелатели оспѣвствовали, что внукъ не можетъ быть предпочтенъ сыну — и какому? происшедшему отъ крови Императоровъ Греческихъ. Софія и Елена, обѣ хитрыя, честолюбивыя, ненавидѣли другъ друга, но соблюдали наружную пристойность. Великая Княгиня Рязанская, Анна, гостила тогда въ Москвѣ у брата, равно ласкаемая его супругою и невѣсткою: онъ могъ еще насла- Рязанская Княгиня

въ Москвѣ и выдаетъ дочь за Бѣльскаго.

ждаться семейственными удовольствіями; продержалъ сестру нѣсколько мѣсяцевъ, склонилъ ее выдать дочь за Князя Ѳедора Ивановича Бѣльскаго, и съ любовію отпустилъ въ Рязань, гдѣ надлежало быть свадьбѣ.

Гнѣвъ Іоанновъ на супругу и на сына Василія.

Скоро по отъѣздѣ Анны донесли Государю о важномъ заговорѣ. Дьякъ Ѳедоръ Спромиловъ увѣрилъ юнаго Василія, что родитель его хочетъ объявить внука наслѣдникомъ: сей Дьякъ и нѣкоторые безразсудные молодые люди предлагали Василію погубить Димитрія, уйти въ Вологду, и захватить тамъ казну Государеву. Они втайнѣ умножали число своихъ единомышленниковъ и клятвою обязались усердно служить сыну противъ отца и Государя. Іоаннъ, узнавъ о томъ, воспылалъ гнѣвомъ. Обвиняемыхъ взяли въ допросъ, пытали, и вынудивъ отъ нихъ признаніе, казнили на Москвѣ-рѣкѣ: Дьякамъ Спромилову и Гусеву, Князю Ивану Палецкому и Скрябину отсѣкли голову: Ѳанасію Яропкину и Поярку ноги, руки и голову; многихъ иныхъ Дѣтей Боярскихъ посадили въ темницу, и къ самому Василію приставили во дворцѣ стражу. Гнѣвъ Іоанновъ палъ и на Софію: ему сказали, что къ ней ходятъ мнимыя колдуньи съ зеліемъ; ихъ схватили, обыскали, и ночью утопили въ Москвѣ-рѣкѣ[408]. Съ того времени Государь не хотѣлъ видѣть супруги, подозрѣвая, кажется, что она мыслила отравить ядомъ невѣстку Елену и Димитрія. Въ семъ

случаѣ Намѣстникъ Московскій Князь Иванъ Юрьевичь, и Воевода Симеонъ Ряполовскій дѣйствовали явно какъ ревностные друзья Іоаннова внука и недоброжелатели Софіины. г. 1498

Елена торжествовала: Великій Князь немедленно назвалъ ея сына своимъ преемникомъ, и возложилъ на него вѣнецъ Мономаховъ. Искони Духовные Россійскіе Пастыри благословляли Государей при восшествіи ихъ на престолъ, и сей обрядъ совершался въ церкви[409]; но древніе Лѣтописцы не сказываютъ ничего болѣе: здѣсь въ первый разъ видимъ Царское вѣнчаніе, описанное со всѣми любопытными обстоятельствами. Въ назначенный день Государь, провождаемый всѣмъ Дворомъ, Боярами и Чиновниками, ввелъ юнаго, пятнадцатилѣтняго Димитрія въ Соборную церковь Успенія, гдѣ Митрополитъ съ пятью Епископами, многими Архимандритами, Игуменами, пѣлъ молебенъ Богоматери и Чудотворцу Петру. Среди церкви возвышался амвонъ съ тремя сѣдалищами: для Государя, Димитрія и Митрополита. Близъ сего мѣста лежали на столѣ вѣнецъ и бармы Мономаховы. Послѣ молебна Іоаннъ и Митрополитъ сѣли: Димитрій стоялъ предъ ними на вышней степени амвона. Іоаннъ сказалъ: «Отче Митрополитъ! издревле Го- «судари, предки наши, давали Великое Кня- «жество первымъ сынамъ своимъ: я также «благословилъ онымъ моего первороднаго, «Іоанна. Но по волѣ Божіей его не стало: Великій Князь торжественно вѣнчаетъ на Царство внука. Февр. 4.

г. «благословляю нынѣ внука Димитрія, его
1498. «сына, при себѣ и послѣ себя Великимъ Кня-
«жествомъ Владимірскимъ, Московскимъ, Но-
«вогородскимъ: и ты, отче, дай ему благо-
«словеніе.» Митрополитъ велѣлъ юному Князю ступить на амвонъ, всталъ, благословилъ Димитрія крестомъ, и положивъ руку на главу его, громко молился, да Господь, Царь Царей, отъ святаго жилища Своего благоволитъ возрѣть съ любовію на Димитрія; да сподобитъ его помазатися елеемъ радости, пріять силу свыше, вѣнецъ и скипетръ Царствія; да возсядетъ юноша на престолъ правды, оградится всеоружіемъ Святаго Духа и твердою мышцею покоритъ народы варварскіе; да живетъ въ сердцѣ его добродѣтель, вѣра чистая и правосудіе. Тутъ два Архимандрита подали бармы: Митрополитъ, ознаменовавъ Димитрія крестомъ, вручилъ ихъ Іоанну, который возложилъ оныя на внука. Митрополитъ тихо произнесъ слѣдующее: «Господи Вседержи-
«телю и Царю вѣковъ! се земный человѣкъ,
«Тобою Царемъ сотворенный, преклоняетъ
«главу въ моленіи къ Тебѣ, Владыкѣ міра.
«Храни его подъ кровомъ Своимъ: правда и
«миръ да сіяютъ во дни его; да живемъ съ нимъ
«тихо и покойно въ чистотѣ душевной!»...
Архимандриты подали вѣнецъ: Іоаннъ взялъ его изъ рукъ Первосвятителя и возложилъ на внука. Митрополитъ сказалъ: «во
«имя Отца и Сына и Святаго Духа!»

Чипали Екпенію и молипву Богомапе- Г. 1498.
ри. Великій Князь и Мипрополипъ сѣли на своихъ мѣспахъ. Архидіаконъ съ амвона возгласилъ многолѣпіе обоимъ Государямъ: за нимъ ликъ Священниковъ и Діаконовъ. Мипрополипъ вспалъ, и вмѣспѣ съ Епископами поздравилъ дѣда и внука: пакже сыновья Государевы, Бояре и всѣ знапные сановники. Въ заключеніе Іоапнъ сказалъ юному Князю: «Внукъ Димипрій! я пожаловалъ «и благословилъ тебя Великимъ Княже- «спвомъ; а пы имѣй спрахъ Божій въ серд- «цѣ, люби правду, милоспь, и пекись о «всемъ Христіанспвѣ.» — Великіе Князья сошли съ амвона. Послѣ обѣдни Іоаннъ возвращился въ свой дворецъ, а Димипрій въ вѣнцѣ и въ бармахъ, провождаемый всѣми дѣпьми Государевыми (кромѣ Василія) и Боярами, ходилъ въ Соборъ Архангела Михаила и Благовѣщенія, гдѣ сынъ Іоанновъ, Юрій, осыпалъ его въ дверяхъ золопыми и серебряными деньгами[410]. — Въ попъ день былъ великолѣпный пиръ у Государя для всѣхъ духовныхъ и свѣпскихъ сановниковъ. Лаская юнаго Димипрія, онъ подарилъ ему крепъ съ золопою цѣпью, поясъ осыпанный драгоцѣнными каменьями, и сердоликовую крабію Августа Цесаря[411].

Не смопря на сіи знаки любви ко внуку, грозное чело Іоанново изъявляло мучипельное смяпеніе его души, пакъ, что самые усердные доброжелатели Елены — самые пѣ,

Г. 1498. копорые своими доносами и внушеніями возбудили гнѣвъ Государевъ на Софію и Василія — не смѣли радоваться, опасаясь перемѣны. Спрахъ ихъ былъ весьма основапелѣнъ. Іоаннъ любилъ супругу, по крайней мѣрѣ чпилъ въ ней опрасль знаменипаго Имперапорскаго Дома, двадцапь лѣпъ благоденспвовалъ съ нею, пользовался ея совѣпами, и могъ по суевѣрію, свойспвенному и великимъ людямъ, приписывапь спаспію Софіи успѣхи своихъ важнѣйшихъ предпріяпій. Она имѣла понкую Греческую хипроспь[412] и друзей при Дворѣ. Василій, кого рожденіе, прославленное чудомъ[413], было споль вожделѣнно для опца, не могъ лишипься всѣхъ правъ на любовь его. Вина сего юнаго Князя — если и не сомнипельная — находила извиненіе въ незрѣлоспи ума и въ легкомысліи молодыхъ лѣпъ. Но миновалъ годъ: Россія уже привыкла къ мысли, чпо Димипрій, любезный, непорочный сынъ опца памяпнаго благороднымъ мужесптвомъ, и внукъ двухъ великихъ Государей[414], будепъ ея Монархомъ. Опкрылось, чпо дѣдъ украсилъ вѣнцемъ сего юношу какъ жерпву обреченную на погибель.

Іоаннъ мирится съ супругою и казнитъ Бояръ

Къ сожалѣнію, Лѣпописцы не объясняюпъ всѣхъ обспояпельспвъ сего любопыпнаго происшесптвія, сказывая полько, чпо Іоаннъ возврапилъ наконецъ свою нѣжноспь супругѣ и сыну, велѣлъ снова изслѣдовапь бывшіе на нихъ доносы, узналъ козни дру-

зей Елениныхъ, и считая себя обманутымъ, явилъ ужасный примѣръ строгости надъ знатнѣйшими Вельможами, Княземъ Иваномъ Юрьевичемъ Патрикеевымъ, двумя его сыновьями и зятемъ, Княземъ Симеономъ Ряполовскимъ, обличенными въ *крамолѣ*[415]: осудилъ ихъ на смертную казнь, не взирая на то, что Иванъ Юрьевичъ, праправнукъ славнаго Ольгерда, былъ родный племянникъ Темнаго, сынъ дочери Великаго Князя Василія Димитріевича, Маріи[416], и тридцать-шесть лѣтъ вѣрно служилъ Государю какъ первый Бояринъ въ дѣлахъ войны и мира: отецъ же Ряполовскаго, одинъ изъ потомковъ Всеволода Великаго, спасалъ Іоанна въ юности отъ злобы Шемякиной[417]. Государь по видимому увѣрился, что они, усердствуя Еленѣ, оклеветали предъ нимъ и Софію и Василія: не знаемъ точной истины; но Іоаннъ во всякомъ случаѣ былъ обманутъ кознями той или другой стороны: жалостная участь Монарховъ, коихъ легковѣріе стоитъ чести или жизни невиннымъ! Князю Ряполовскому отсѣкли голову на Москвѣ рѣкѣ; но Митрополитъ Симонъ, Архіепископъ Ростовскій и другіе Святители ревностнымъ ходатайствомъ спасли Патрикеевыхъ отъ казни: Иванъ Юрьевичь и старшій его сынъ, Бояринъ Василій Косой, постриглись въ Монахи: первый въ Обители Св. Сергія, а второй Св. Кирилла Бѣлозерскаго; меньшій сынъ Юрьевича, Иванъ Мынинда, оспался

1499. Февраля 5.

Г. 1499. подъ спражею въ домѣ[418]. Сія *первая знаменитая Боярская опала* изумила Вельможъ, доказавъ, что гнѣвъ Самодержца не щадитъ ни сана, ни заслугъ долговременныхъ.

Называетъ Василія Великимъ Княземъ Новагорода и Пскова.

Чрезъ шесть недѣль Іоаннъ назвалъ Василія *Государемъ, Великимъ Княземъ Новагорода и Пскова;* изъявлялъ холодность къ невѣсткѣ и ко внуку; однакожь долго медлилъ и совѣстился отнять старѣйшинство у послѣдняго, данное ему предъ лицемъ всей Россіи и съ обрядами священными. Еще Димитрій именовался Великимъ Княземъ Владимірскимъ и Московскимъ; но Дворъ благоговѣлъ предъ Софіею, удаляясь отъ Елены и сына ея: ибо предвидѣли будущее. Могъ ли Іоаннъ, сколь счастливо основавъ Единовластіе въ Россіи, предать ее по своей кончинѣ въ жертву новому, вѣроятному междоусобію двухъ Князей Великихъ, сына и внука? Могла ли и Софія быть спокойною, не свергнувъ Димитрія? Однимъ словомъ, его паденіе казалось уже необходимымъ. — Псковитяне, съ удивленіемъ и неудовольствіемъ свѣдавъ, что Іоаннъ далъ имъ Государя особеннаго, послали къ нему знатнѣйшихъ чиновниковъ, жаловались на такую новость, и молили, чтобы Димитрій, какъ будущій наслѣдникъ Россійской Державы, оспалися и Главою земли ихъ. Великій Князь съ гнѣвомъ отвѣтствовалъ: «Развѣ я не воленъ «въ моемъ сынѣ и внукѣ? Кому хочу, тому «и дамъ Россію. Служите Василію.» Пословъ

заключили въ башню, но скоро освободили[419]. Г.

Сіе время безъ сомнѣнія было самымъ пе- 1499.
чальнѣйшимъ Іоанновой жизни: однакожь Монархъ являлъ и тогда непрестанную дѣятельность въ отношеніяхъ государственныхъ. Въ Шамахѣ господствовалъ Султанъ Махмутъ, внукъ Ширванъ-Шаха, данника Тамерланова и сыновей его[420]. Слабость и бѣдствія ихъ преемниковъ, смерть завоевателя Персидскаго, Узунъ-Гассана, и малодушіе его наслѣдниковъ возвратили независимость сей странѣ Каспійской. Махмутъ, величаясь достоинствомъ Монарха, желалъ имѣть любовь и дружбу съ Государями знаменитыми, каковъ былъ Іоаннъ. Онъ прислалъ въ Москву Вельможу своего, Шебеддина, съ учтивыми и ласковыми словами, на которыя отвѣтствовали ему такими же: но Государь не счелъ за нужное отправить собственнаго Посла въ Шамаху, свѣдавъ, можетъ быть, о завоеваніяхъ Измаила Софи, мнимаго потомка Аліева, который около сего времени назвался Шахомъ, овладѣлъ Ираномъ, Багдадомъ, южными окрестностями моря Каспійскаго, и сдѣлался основателемъ сильной Державы Персидскихъ Софіевъ, во дни отцевъ нашихъ уничтоженной Тахмасомъ Кулы-Ханомъ. Посолъ изъ Шамахи.

Тогда же Іоаннъ посылалъ въ Венецію Грека Дмитрія, Ралева сына, съ Митрофаномъ Карачаровымъ и къ Султану Баязету Алексѣя Голохвастова, съ коимъ отправились многіе наши купцы въ Азовъ рѣкою Дономъ

Г. (они грузились на Мечѣ у Каменнаго Коня[421]).
1499. Голохвасповъ, имѣя учпивыя письма къ Баязепу и къ сыну его Магмепу Шихзодѣ, долженъ былъ исходапайспвовапь разныя выгоды Московскимъ порговымъ людямъ въ Баязеповыхъ владѣніяхъ, и сказапь Пашамъ Сулпанскимъ слѣдующія слова: «Великій «Князь не вѣдаепъ, чѣмъ вы обвиняепе бы-
Посольства въ Венецію и въ Конспинополь. «вшаго у васъ Россійскаго Посла Михаила «Плещеева; но знайпе, чпо многіе Государи «шлюпъ Пословъ къ нашему, чпущему и «жалующему ихъ ради своего имени: Сулпанъ «можепъ въ помъ удосповѣриться опы- «помъ.» Голохвасповъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ возвращился съ опвѣпными грамопами опъ Баязепа и Шихзоды: послѣдній присылалъ изъ Кафы въ Москву и собспвеннаго чиновника, копорый обѣдалъ у Великаго Князя[422]. Но дѣло шло, какъ и прежде, единспвенно о безопасной и свободной порговлѣ.

Въ сей годъ Іоаннъ упвердилъ власпь свою надъ сѣверо-западною Сибирію, копорая издревле платила дань Новугороду. Еще въ 1465 году — по извѣспію одного Лѣпописца[423] — Успюжанинъ, именемъ Василій Скряба, съ полпою вольницы ходилъ за Уральскія горы воевапь Югру, и привелъ въ Москву двухъ памошнихъ Князей Калпака и Течика: взявъ съ нихъ присягу въ вѣрноспи, Іоаннъ оппуспилъ сихъ Князей въ опечеспво, обложилъ Югру данію, и милоспиво наградилъ Скрябу. Сіе завоеваніе оказалось

недѣйспвипельнымъ или мнимымъ: подчинивъ себѣ Новгородъ, Іоаннъ (въ Маѣ 1483 году) долженъ былъ опрядипь Воеводъ, Князя Ѳедора Курбскаго Чернаго и Салпыка-Травина[424], съ полками Устюжскими и Пермскими на Вогуличей и Югру. Близъ устья рѣки Пелыни разбивъ Князя Вогульскаго, Юмшана, Воеводы Московскіе шли внизъ по рѣкѣ Тавдѣ мимо Тюменя до Сибири, оптпуда же берегомъ Ирпыша до Великой Оби въ землю Югорскую, плѣнили ея Князя Молдана, и съ богапою добычею возвратились чрезъ пять мѣсяцевъ въ Устюгъ. Владѣшели Югорскіе или *Кодскіе* пребовали мира, коего посредникомъ былъ Епископъ Пермскій Филоѳей; присягнули въ вѣрноспи къ Россіи и *пили воду съ золота* предъ нашими чиновниками, близъ устья Выми; а Юмшанъ Вогульскій съ Епископомъ Филоѳеемъ самъ пріѣзжалъ въ Москву, и милоспиво обласканный Великимъ Княземъ, началъ плапипь ему дань, бывъ допюлѣ, равно какъ и опецъ его, Асыка, ужасомъ Пермской области. Но конечное покореніе сихъ опдаленныхъ земель совершилось уже въ 1499 году: Князья Симеонъ Курбскій, Петръ Ушаповъ и Заболоцкій-Бражникъ, предводишельспвуя пятью шысячами Устюжанъ, Двинянъ, Вяпчанъ, плыми разными рѣками до Печоры, заложили на ея берегу крѣпосшь, и 21 Ноября опправились на лыжахъ къ Каменному Поясу[425]. Сражаясь съ усиліемъ вѣпровъ, и засыпаемые снѣгомъ, стран-

Завоеваніе земли Югорской.

Г. 1499. спвующіе полки Великокняжескіе съ неописаннымъ прудомъ всходили на сіи, во многихъ мѣспахъ неприспупныя горы, гдѣ и въ лѣпніе мѣсяцы не является глазамъ ничего, кромѣ ужасныхъ пуспынь, голыхъ упесовъ, спремишнъ, печальныхъ кедровъ и хищныхъ бѣлыхъ кречеповъ, но гдѣ, подъ мшиспыми гранипами, скрываюпся богатыя жилы мспалловъ и цвѣтные камни драгоцѣнные. Тамъ вспрѣпили Россіяне толпу мирныхъ Самоѣдовъ, убили 50 человѣкъ и взяли въ добычу 200 оленей; наконецъ спуспились въ равнины, и доспигнувъ городка Ляпина (нынѣ Вогульскаго мѣспечка въ Березовскомъ уѣздѣ) исчислили, чпо они прошли уже 4650 верспъ. За Ляпинымъ съѣхались къ нимъ Владѣпели Югорскіе, земли Обдорской, прелагая миръ и вѣчное подданспво Государю Московскому. Каждый изъ спхъ Князьковъ сидѣлъ на длинныхъ саняхъ, запряженныхъ оленями. Воеводы Іоановы ѣхали пакже на оленяхъ, а воины на собакахъ, держа въ рукахъ огнь и мечь для испребленія бѣдныхъ жипелей. Курбскій и Петръ Ушаповъ взяли 32 города, Заболоцкій 8 городовъ (по есть, мѣспъ укрѣпленныхъ остроюмъ), болѣе тысячи плѣнниковъ и пятьдесятъ Князей; обязали всѣхъ жипелей (Вогуличей, Югорцевъ или, какъ вѣроятно, Остяковъ и Самоѣдовъ) кляпвою вѣрности, и благополучно возвратились въ Москву къ Пасхѣ. Сподвижники ихъ разска-

зывали любопытнымъ о прудахъ, ими пе- г.
ренесенныхъ; о высотѣ Уральскихъ горъ, 1499.
коихъ хребты скрываются въ облакахъ; и которыя, по мнѣнію Географовъ, назывались въ древности Рифейскими или Гиперборейскими; о звѣряхъ и птицахъ неизвѣстныхъ въ нашемъ климатѣ; о видѣ и странныхъ обыкновеніяхъ жителей Сибирскихъ: сіи разсказы, повторяемые съ прибавленіемъ, служили источникомъ баснословія о чудовищахъ и *пѣмыхъ людяхъ*, будто бы обитающихъ на Сѣверо-Востокѣ; о другихъ, которые по смерти снова оживаютъ, и проч.[426].—Съ того времени Государи наши всегда именовались Князьями *Югорскими*; а въ Европѣ разнесся слухъ, что мы завоевали древнее отечество *Угровъ* или Венгерцевъ: сами Россіяне хвалились тѣмъ[427], основываясь на сходствѣ именъ и на преданіи, что единоплеменникъ Аттилинъ, славный Маджарскій Воевода Альмъ, вышелъ изъ глубины Азіи сѣверной, или Скиѳіи, гдѣ много соболей и драгоцѣнныхъ металловъ: Югорія же, какъ извѣстно, доставляла издревле серебро и соболей Новугороду[428]. Даже и новѣйшіе Ученые хотѣли доказывать истину сего мнѣнія сходствомъ между языкомъ Вогуличей и Маджарскимъ или Венгерскимъ[429].

Іоаннъ посылалъ еще войско въ Казань съ Княземъ Ѳедоромъ Бѣльскимъ, узнавъ, что Шибанскій Царевичь Агалакъ, братъ Мамуковъ, ополчился на Абдылъ-Летифа: Агалакъ ушелъ

назадъ въ свои Улусы, и Бѣльскій возвратился; а для защиты Царя оспались памъ Воеводы, Князь Михайло Курбскій и Лобанъ Ряполовскій, которые чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ опразили Ногайскихъ Мурзъ, Ямгурчея и Мусу, хотѣвшихъ изгнать Абдылъ-Летифа[430].

Послань Воеводы въ Казань Г. 1500.

Но дѣла Литовскія всего болѣе забопили тогда Іоанна: взаимныя неудовольствія пестя и зятя произвели наконецъ разрывъ явный и войну, которая оспалась навѣки памятною въ лѣтописяхъ обѣихъ Державъ, имѣвъ споль важныя для оныхъ слѣдствія.

Разрывъ съ Литвою

Александръ могъ двумя способами исполнить обязанность Монарха благоразумнаго: или спараясь искреннею пріязнію заслужить Іоаннову для цѣлости и безопасности Державы своей, или въ тишинѣ изготовляя средства съ успѣхомъ противоборствовать Великому Князю, умножая свои ратныя силы, оттлекая отъ него союзниковъ, пріобрѣтая ихъ для себя: вмѣсто чего онъ досаждалъ тестю по упрямству, по зависти, по слѣпому усердію къ Латинской Вѣрѣ; приближалъ войну, и не готовился къ оной; не умѣлъ распоргнуть опасной для него связи Іоанновой съ Менгли-Гиреемъ, ни съ Стефаномъ Молдавскимъ, искавъ полько безполезной дружбы бывшаго Шведскаго Правителя, Стена, и слабыхъ Царей Ординскихъ; однимъ словомъ, не умѣлъ быть ни пріятелемъ, ни врагомъ сильной Москвы. Великій

Князь еще нѣсколько времени показывалъ Г. миролюбіе: освобождая купцевъ Ганзейскихъ, говорилъ, что дѣлаетъ то изъ уваженія къ ходатайству зятя; не отвергалъ его посредничества въ дѣлахъ съ Швеціею[431]; объяснялъ несправедливость частыхъ Липовскихъ жалобъ на обиды Россіянъ. Въ 1497 году войско Султанское перешло Дунай, угрожая Липвѣ и Польшѣ: Іоаннъ велѣлъ сказать зятю, что Россіяне въ силу мирнаго договора готовы помогать ему, когда Турки дѣйствительно вступятъ въ Липву. Но сіе обѣщаніе не было искреннимъ: Султанъ успѣлъ бы взять Вильну прежде, нежели Россіяне пронулись бы съ мѣста. Къ счастію Александра, Турки удалились[432]. Досадуя на Стефана за разореніе Бряславля, онъ хотѣлъ воевать Молдавію: Великій Князь просилъ его не провожать союзника Москвы[433]. «Я всегда надѣялся» — отвѣтствовалъ Александръ — «что зять тебѣ дорожe «же свата: вижу иное.» Въ 1499 году пріѣхалъ въ Москву Липовскій Посолъ, Маршалокъ Станиславъ Глѣбовичь, и представленный Іоанну, говорилъ такъ именемъ своего Князя[434]: «Въ угодность тебѣ, нашему бра- «ту, я заключилъ наконецъ союзъ любви и «дружбы съ Воеводою Молдавскимъ Стефа- «номъ. Нынѣ слышимъ, что Баязетъ Сул- «танъ ополчается на него всѣми силами, да- «бы овладѣть Молдавіею. Братья мои, «Короли Венгерскій, Богемскій, Польскій,

Г. «хотятъ вмѣстѣ со мною защитить оную.
1500. «Будь и ты нашимъ сподвижникомъ про-
«тивъ общаго злодѣя, уже владѣющаго
«многими великими Государствами Христі-
«анскими. Держава Стефанова есть ограда
«для всѣхъ нашихъ: когда Султанъ поко-
«ритъ ее, будетъ равно опасно и намъ и
«тебѣ.... Ты желаешь, чтобы я въ своихъ
«грамотахъ именовалъ тебя *Государемъ всей*
«*Россіи*, по мирному договору нашему: не
«отрицаюсь, но съ условіемъ, чтобы ты
«письменно и навѣки утвердилъ за мною
«городъ Кіевъ.... Къ изумленію и прискор-
«бію моему свѣдалъ я, что ты, вопреки
«клятвенному обѣту искренняго доброжела-
«тельства, умышляешь противъ меня зло
«въ своихъ тайныхъ сношеніяхъ съ Менгли-
«Гиреемъ. Брать и тесть! вспомяни душу
«и Вѣру.» Сей упрекъ имѣлъ видъ справед-
ливости: Іоаннъ, (въ 1498 году)ославъ
въ Тавриду Князя Ромодановскаго будто бы
для того, чтобъ прекратить вражду Мен-
гли-Гирея съ Александромъ, велѣлъ на-единѣ
сказать Хану: «Мирись, если хочешь; а
«я всегда буду за-одно съ тобою на Липов-
«скаго Князя и на Ахматовыхъ сыновей.»
Александръ — неизвѣстно, какимъ обра-
зомъ — имѣлъ въ рукахъ своихъ выписку изъ
тайныхъ бумагъ Ромодановскаго, и прислалъ
оную въ Москву для улики. Казначей и Дья-
ки Великокняжескіе оправдывали Послу,
что Іоаннъ, будучи свапомъ и другомъ

Стефану, не опкажется дать ему войско, г. когда онъ самъ того потребуетъ; что 1500.
Государь никогда не утвердитъ Кіева за Литвою, и что сіе предложеніе есть нелѣпость; что Ромодановскій дѣйствительно говорилъ Менгли-Гирею вышеприведенныя слова, но что виною тому самъ Александръ, будучи въ дружбѣ съ непріятелями Россіи, сыновьями Ахматовыми.

Зная трудныя обстоятельства Воеводы Молдавскаго, Іоаннъ не препятствовалъ ему мириться съ Литвою; но тѣмъ пріятнѣе было Великому Князю, что Менгли-Гирей изъявлялъ постоянную ненависть къ наслѣдникамъ Казимировымъ, отвергая всѣ Александровы мирныя предложенія, или требуя отъ него Кіева, Канева и другихъ городовъ, завоеванныхъ нѣкогда Батыемъ, то есть, невозможнаго. Онъ убѣждалъ Іоанна немедленно итти на Литву войною, обѣщая ему даже помощь Баязетову; но въ то же время самъ не вѣрилъ Султану и писалъ откровенно къ Великому Князю, что мыслитъ на всякой случай о безопасномъ для себя убѣжищѣ внѣ Тавриды. Вотъ собственныя слова его: «Султаны *не прямые люди*; «говорятъ то, дѣлаютъ другое. Прежде «Кафинскіе Намѣстники зависѣли отъ моей «воли; а нынѣ тамъ сынъ Баязетовъ: теперь еще молодъ и меня слушается; но за «будущее не льзя ручаться. У спариковъ «есть пословица, что *двѣ бараны головы*

Г. 1500. «*въ одинъ котелъ не лѣзутъ*. Если начнемъ «ссорипься, по будепъ худо; а гдѣ худо, «оппуда бѣгупъ люди. Ты можешь до- «спашь себѣ Кіевъ и городокъ Черкаскъ: я «съ радосптію переселюсь на берегъ Днѣпра; «наши люди будупъ пвои, а пвои наши. «Когда же *ни добромъ, ни лихомъ* не воз- «мемъ Кіева, ни Черкаска, по не льзя ли хо- «пя вымѣнипь ихъ на другія мѣспа? чпо упъ- «шипъ мое сердце и прославипъ имя пвое.» Іоаннъ опвѣчалъ: «Ревносптно молю Бога «о возвращеніи намъ древней опчины, Кіева, «и мысль о ближнемъ сосѣдспвѣ съ побою, «моимъ брапомъ, весьма для меня пріяп- «на[435].» Онъ ласкалъ Менгли-Гирея во всѣхъ письмахъ какъ друга, желая располагапь его силами пропивъ Липвы, въ случаѣ яв- наго съ нею разрыва.

Но Александръ сполъ мало надѣялся на успѣхъ своего оружія, и Великій Князь сполъ любилъ умѣренноспь въ счаспіи, сполъ былъ доволенъ послѣднимъ миромъ съ Липвою, чпо не смопря на безпреспанныя взаимныя досады, жалобы, упреки, война едва ли могла бы опкрыпься между ими, если бы въ распрю ихъ не замѣшалась Вѣ- ра. Іоаннъ долго сносилъ грубоспи зяпя; но перпѣніе его исчезло, когда надлежало за- щищипь Православіе опъ Лапинскихъ Фа- напиковъ. Какъ ни скромно вела себя Елена, какъ ни паилась въ своихъ домашнихъ при- скорбіяхъ, увѣряя родипеля, чпо она люби-

ма мужемъ, свободна въ исполненіи обрядовъ Г. Греческой Вѣры и всѣмъ довольна: однакожь 1500. Іоаннъ не преспавалъ безпокоипься, посылалъ ей душеспасипельныя книги, пвердилъ о Законѣ, и свѣдавъ, чпо Духовникъ ея, Священникъ Ѳома, высланъ изъ Вильны, съ удивленіемъ спрашивалъ о винѣ его. «Онъ «мнѣ неугоденъ,» сказала Елена: «буду ис- «кань другаго[436].» Наконецъ (въ 1499 году) увѣдомили Великаго Князя, чпо въ Липвѣ опкрылось гоненіе на Восточную Церковь; чпо Смоленскій Епископъ, Іосифъ, взялся обрапить всѣхъ единовѣрцевъ нашихъ въ Латинспво; чпо Александръ нудипъ къ пому и супругу, желая угодить Папѣ и въ лѣпописяхъ Римской Церкви заслужить имя Свяпаго. Можепъ быпь, онъ хопѣлъ и государспвеннаго блага, думая, чпо единовѣріе подданныхъ упверждаепъ основаніе Державы: сіе неоспоримо; но предпріяпіе опасно: должно знапь свойспво народа, пригоповить умы, избрапь время и дѣйспвовапь болѣе хипроспію, нежели явною силою, или вмѣспо желаемаго добра произведешь бѣдспвія: для пого язычникъ Гедиминъ, Каполикъ Виповпъ, и опецъ Александровъ, впрочемъ суевѣрный, никогда не касались совѣспи людей въ дѣлахъ Закона. Вспревоженный извѣспіемъ, Іоаннъ немедленно опправилъ въ Вильну Боярскаго сына, Мамонова, узнапь подробно всѣ обспояпельспва, и велѣлъ ему на-единѣ сказапь Еленѣ, чпобы она, прези-

Г. рая льстивыя слова и даже муки, сохранила
1500. чистоту Вѣры своей. Такъ и поступила сія юная, добродѣтельная Княгиня: ни ласки, ни гнѣвъ мужа, ни хитрыя убѣжденія коварнаго отступника, Смоленскаго Владыки, не могли поколебать ея твердости въ Законѣ: она всегда гнушалась Латинскимъ, какъ пишутъ Историки Польскіе[457].

Между тѣмъ гоненіе на Греческую Вѣру въ Литвѣ продолжалось. Кіевскаго Митрополита Макарія (въ 1497 году) злодѣйски умертвили Перекопскіе Татары близъ Мозыря[458]: Александръ обѣщалъ Первосвятительство Іосифу Смоленскому. Въ угодность ему, сей честолюбивый Владыка, Епископъ Виленскій Альбертъ Таборъ и Монахи Бернардинскіе ѣздили изъ города въ городъ склонять Духовенство, Князей, Бояръ и народъ къ соединенію съ Римскою Церковію: ибо по смерти Кіевскаго Митрополита, Григорія, Святители Литовской Россіи, отвергнувъ уставъ Флорентійскаго Собора, не хотѣли зависѣть отъ Папы и снова принимали Митрополитовъ отъ Патріарховъ Константинопольскихъ[459]. Іосифъ доказывалъ, что Римскій Первосвятитель есть дѣйствительно Глава Христіанства; Виленскій Епископъ и Бернардины вопили: «да «будетъ едино стадо и единъ Пастырь!» Александръ грозилъ насиліемъ: Папа въ красноречивой Буллѣ изъявлялъ свою радость, что еретики озаряются свѣтомъ истины,

и присылалъ въ Липву мощи Святыхъ[440]. Г. 1500.
Но ревностные въ Православіи Христіане
гнушались Латинскимъ соблазномъ, и многіе
выѣхали въ Россію. Знатный Князь, Симе-
онъ Бѣльскій, первый поддался Государю
Московскому съ своею отчиною: за нимъ
Князья Мосальскіе и Хотетовскій, Бояре
Мценскіе и Серпейскіе; другіе готовились
къ тому же, и вся Липва находилась въ
волненіи[441]. Принимая къ себѣ Липовскихъ
Князей съ ихъ помѣстьями, Іоаннъ нарушалъ
мирный договоръ; но оправдывался необхо-
димостію быть покровителемъ единовѣр-
цевъ, у коихъ отнимаютъ миръ совѣсти и
душевное спасеніе.

Видя опасность своего положенія, Але-
ксандръ прислалъ въ Москву Намѣстника
Смоленскаго, Станислава[442], написавъ въ вѣ-
рющей грамотѣ весь Государевъ титулъ,
и требуя, чтобы Іоаннъ взаимно исполнилъ
договоръ, удовлетворилъ всѣмъ жалобамъ
Липовскихъ подданныхъ, и выдалъ ему Кня-
зя Симеона Бѣльскаго вмѣстѣ съ другими
бѣглецами, коихъ онъ будто бы никогда не
мыслилъ *гнать за Вѣру*, и которые без-
стыднымъ образомъ на него клевещутъ.
«Поздно братъ и зять мой исполняетъ
«условія,» отвѣтствовалъ Великій Князь:
«именуетъ меня наконецъ Государемъ всей
«Россіи; но дочь моя еще не имѣетъ при-
«дворной церкви и слышитъ хулы на свою
«Вѣру отъ Виленскаго Епископа и нашего

Г. 1500. «описступника, Іосифа. Что дѣлается въ Ли-«пвѣ? спрояпъ Лапинскія божницы въ го-«родахъ Русскихъ; опнимаюпъ жепъ опъ «мужей, дѣпей у родипелей и силою *кре-«стятъ* въ Законъ Римскій. То ли называеп-«ся *не гнать за Вѣру*? и могу ли видѣпь «равнодушно упѣсняемое Православіе? Од-«нимъ словомъ, я ни въ чемъ не преспу-«пилъ условій мира, а зятъ мой не испол-«няепъ оныхъ.»

Новыя измѣны успрашили Александра. Князь Иванъ Андреевичь Можайскій и сынъ Шемякинъ, Иванъ Димипріевичь, непримиримые враги Государя Московскаго, пользовались въ Липвѣ опмѣнною милоспію Казимира, пакъ, что онъ далъ имъ въ наслѣдспвенное владѣніе цѣлыя области въ южной Россіи: первому Черниговъ, Спародубъ, Гомель, Любечь; впорому Рыльскъ и Новгородъ Сѣверскій[443], гдѣ, по смерпи сихъ двухъ Князей, господспвовали ихъ дѣпи: сынъ Можайскаго, Симеонъ, и внукъ Шемякинъ, Васипій, вѣрные присяжники Александра до самаго шого времени, какъ онъ вздумалъ обращапь Князей и народъ въ Лапинспво. Сіе безразсудное дѣло рушило узы любви и вѣрноспи, соединявшіе Государя съ поддапными. Слѣдуя примѣру Бѣльскаго, Симеонъ и Василій Ивановичи, забывъ наслѣдспвенную вражду, предложили Великому Князю избавипь ихъ и подвласпные имъ города опъ Липовскаго ига[444]. Тогда Іоаннъ рѣшил-

Князья Черниговскій и Рыльскій поддаются Іоанну

ся дѣйпсвовапь силою пропивъ зяпя: по- г.
слалъ чиновника, именемъ Телешева, объя- 1500.
випь ему, чпобы онъ уже не вспупался въ опчину Симеона Черниговскаго, ни Василія Рыльскаго, копорые добровольно присоединяюпся къ Московской Державѣ, и будупъ охраняемы ея войскомъ[445]. Телешевъ долженъ былъ вручипь Александру и *складную грамоту*: по еспь, Іоаннъ, *сложивъ съ себя крестное цѣлованіе*, объявлялъ войну Липвѣ за принужденіе Княгини Елены и всѣхъ нашихъ единовѣрцевъ къ Лапинспву. Грамопа оканчивалась словами: «хочу спояпь за «Христіанспво, сколько мнѣ Богъ помо- «жепъ.»

Тщепно Александръ желалъ опклонипь войну, увѣряя, чпо онъ всякому даепъ полную свободу въ Вѣрѣ, и немедленно ошправипъ Пословъ въ Москву: Государь дозволилъ имъ пріѣхапь, но уже бралъ города въ Липвѣ. Войскомъ нашимъ предводипельспвовалъ бывшій Царь Казанскій, Магмедъ-Аминь[446], но дѣйспвовалъ и всѣмъ управлялъ Бояринъ Яковъ Захарьевичь. Мцепскъ и Серпейскъ сдалися добровольно. Брянскъ не могъ сопропивляпься долго: памошній Епископъ и Намѣспникъ, Спанипславъ Бардашевичь, были опосланы въ Москву. Князь Симеонъ Черниговскій и внукъ Шемякинъ, вспрѣпивъ Москвипянъ на берегу Кондовы, съ радоспію присягнули Іоанну: по же сдѣлали и Князья Трубчевскіе (или Трубецкіе), Завоеваніе Мценска, Серпейска, Брянска, Пупивля, Дорогобужа. Май.

Г. 1500. Князья Трубчевскіе покоряются. Августа 6.

попомки Ольгердовы. Усиленный ихъ дружинами, Воевода Яковъ Захарьевичь овладѣлъ Пупивлемъ, плѣнилъ Князя Богдана Глинскаго съ его женою и занялъ безъ кровопролитія всю Липовскую Россію опъ нынѣшней Калужской и Тульской Губерніи до Кіевской. — Другая Московская рапь, предводимая Бояриномъ[447], Юріемъ Захарьевичемъ (прапрадѣдомъ Царя Михаила Ѳеодоровича) вспупила въ Смоленскую область и взяла Дорогобужъ.

Необходимоспь защипипь свою Державу вооружила наконецъ Александра. Обнаживъ мечь съ препепомъ, и чувспвуя себя неспособнымъ къ рапному дѣлу, онъ искалъ Полководца между своими Вельможами. Не за-долго до пого времени Гепманъ Липовскій, Петръ Бѣлый, спарецъ уважаемый Дворомъ и любимый народомъ, будучи на смерпномъ одрѣ, сказалъ гореспному Александру: «Князь Оспрожскій, Конспанпинъ, «можепъ замѣнипь меня опечеспву, буду- «чи украшенъ доспоинспвами рѣдкими[448].» Таковъ дѣйспвипельно былъ сей мужъ, одинъ изъ попомковъ славнаго Романа Галицкаго[449], имѣя весьма скромную наружноспь, малый роспъ, но великую душу. Еще не многіе вѣдали его доблесть, копорая оказалась послѣ въ придцапи бипвахъ, счаспливыхъ для оружія Липовскаго; но всѣ опдавали ему справедливоспь въ добродѣтеляхъ государспвенныхъ, гражданскихъ и

семейственныхъ: «дома благочестивый Нума» (писалъ объ немъ Легатъ Римскій къ Папѣ) «въ сраженіяхъ Ромулъ: къ сожалѣнію, онъ «*раскольникъ*, ослѣпленъ излишнимъ усердіемъ къ Греческой Вѣрѣ и не хочетъ отступить ни на волосъ отъ ея Догматовъ[450].» Не смотря на то, Александръ возвелъ Константина на степень Гетмана Литовскаго и — что еще важнѣе — вручилъ ему главное Воеводство противъ Россіянъ, его братьевъ и единовѣрцевъ: такую довѣренность имѣлъ къ его чести и присягѣ! Въ самомъ дѣлѣ никто не служилъ Литвѣ и Польшѣ усерднѣе Острожскаго, брата Россіянъ въ Церкви, но страшнаго врага ихъ въ полѣ. Смѣлый, бодрый, славолюбивый, сей Вождь одушевилъ слабые полки Литовскіе: знатнѣйшіе Паны и рядовые воины шли съ нимъ охотно на битву. Самъ Александръ остался въ Борисовѣ: Константинъ выступилъ изъ Смоленска. г. 1500.

Между тѣмъ Іоаннъ прислалъ въ Дорогобужъ Князя Даніила Щеню съ Тверскою силою[451], велѣвъ ему предводительствовать *Большимъ* или главнымъ Полкомъ, а Юрію Захарьевичу *Сторожевымъ* или оберегательнымъ, къ досадѣ сего честолюбиваго Боярина, не хотѣвшаго зависѣть отъ Князя Даніила; но Государь далъ знать Юрію, что-бы онъ не смѣлъ противиться волѣ Самодержца; что всякое мѣсто хорошо, гдѣ служишь отечеству и Монарху; что пред- Мѣстничество нашихъ Воеводъ.

Г 1500. водитель Спорожеваго полку есть поваръ главнаго Воеводы и не долженъ обижаться своимъ саномъ[452]. Здѣсь видимъ древнѣйшій примѣръ такъ называемаго *Мѣстничества*, споль вреднаго въ послѣдствіи для Россійскихъ воинствъ.

Битва на берегахъ Ведроши. Близъ Дорогобужа, среди обширнаго Мипькова поля, на берегахъ рѣки Ведроши споряли Іоанновы Полководцы, Даніилъ Щеня и Юрій, готовые къ бою. Князь Оспрожскій зналъ опъ плѣнниковъ о числѣ Россіянъ, надѣялся легко управиться съ ними, и смѣло шелъ сквозь болописпыя, лѣсиспыя ущелья къ нашему спану. Передовый Московскій полкъ опспупилъ, чпобы заманипь Липовцевъ на другой берегъ рѣки. Тупъ начался кровопролипная бипва. Долго и мужеспво и силы казались равными: съ обѣихъ споронъ сражалось пысячь восемдесятъ или болѣе; но Воеводы Іоанновы имѣли пайную засаду, копорая внезапнымъ ударомъ смяла непріяпеля[453]. Липовцы искали спасенія въ бѣгспвѣ: ихъ легло на мѣспѣ пысячь восемь; множеспво упонуло въ рѣкѣ: ибо наша пѣхопа зашла имъ въ пылъ и подрубила моспъ. Военачальникъ Конспанпинъ, Намѣспникъ Смоленскій Спанислав, Маршалки Григорій Остюковичь и Липаворъ Хребповичь, Князья Друцкіе, Мосальскіе, Паны и чиновники были взяпы въ плѣнъ; весь обозъ и снарядъ огнеспрѣльный доспался въ руки побѣдипелю. Съ сею сча-

Іюля 14.

спливою для насъ вѣспію прискакалъ въ Москву Дворянинъ Михайло Плещеевъ. Государь, Бояре, народъ изъявили радость необыкновенную. Никогда еще Россіяне не одерживали такой побѣды надъ Литвою, ужасною для нихъ почти не менѣе Моголовъ въ теченіе ста-пятидесяти лѣтъ. Слыхавъ отъ своихъ дѣдовъ, какъ знамена Ольгердовы развѣвались передъ стѣнами Кремлевскими, какъ Витовтъ похищалъ цѣлыя Княжества Россіи, и съ какимъ трудомъ благоразумный сынъ Донскаго, Василій Димитріевичь, спасъ ея послѣднее достояніе, ликующіе Москвитяне дивились Іоанновой и собственной ихъ славѣ! — Князя Острожскаго вмѣстѣ съ другими знатными плѣнниками привезли въ Москву окованнаго цѣпями, по сказанію Литовскаго Историка[454]; но Іоаннъ чтилъ его и склонялъ вступить въ нашу службу. Константинъ долго не соглашался: наконецъ, угрожаемый темницею, присягнулъ въ вѣрности Россійскому Монарху, весьма неискренно; ему дали чинъ Воеводы и земли: но онъ, Литвинъ душею, не могъ простить своихъ побѣдителей, желалъ мести, и совершилъ оную чрезъ нѣсколько лѣтъ, какъ увидимъ. 1500.

Довольный искусствомъ и мужествомъ нашихъ Полководцевъ, Іоаннъ въ знакъ чрезвычайной милости послалъ къ нимъ знатнаго чиновника *спросить о их здравіи*, и велѣлъ ему сказать *первое слово* Князю Да-

Г. нілу Щенѣ, а *второе* Князю Іосифу Дорого-
1500. бужскому, который отличился въ семъ дѣлѣ[455]. — Скоро пакже пришла вѣсть, что соединенные полки Новогородскіе, Псковскіе и Великолуцкіе, разбивъ непріятеля близъ Ловапи, взяли Торопецъ[456]. Въ семъ войскѣ были племянники Государевы, Князья Иванъ и Ѳеодоръ, сыновья брата его, Бориса: они начальствовали только именемъ, подобно Царю Магмедъ-Аминю: Новогородскій Намѣстникъ, Андрей Ѳедоровичь Челяднинъ, велъ *Большой Полкъ*, имѣлъ знамя Великокняжеское, избиралъ частныхъ предводителей и давалъ всѣ повелѣнія. — Государь хотѣлъ увѣнчать свои успѣхи взятіемъ Смоленска; но дождливая осень, недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ и зима, оттмѣнно снѣжная, заставили его отложить сіе предпріятіе[457].

Въ самомъ началѣ войны онъ спѣшилъ известить Менгли-Гирея, что пришло для нихъ время ударить съ обѣихъ сторонъ на Литву. Сообщеніе между Россіею и Крымомъ было весьма невѣрно: Азовскіе Козаки разбойничали въ степяхъ Воронежскихъ, ограбили нашего Посла, Князя Кубенскаго, принужденнаго бросить свои бумаги въ воду, а другаго, Князя Ѳедора Ромодановскаго, плѣнили[458]! Не смотря на то, Менгли-Гирей, какъ усердный нашъ союзникъ, уже въ Августѣ мѣсяцѣ громилъ Литву. Сыновья его, предводительствуя пятнадцатью тысячами

Ханъ Крымскій опустошаетъ

конницы, выжгли Хмѣльникъ, Кременецъ, Брестъ, Владиміръ, Луцкъ, Бряславль, нѣсколько городовъ въ Польской Галиціи, и вывели оттуда множество плѣнниковъ[459]. — Желая довершить бѣдствіе зятя, Великій Князь старался воздвигнуть на него и Стефана Молдавскаго, обязаннаго договорами помогать Россіи въ случаѣ войны съ Литвою[460].

Литву и Польшу.

Въ сихъ несчастныхъ обстоятельствахъ Александръ дѣлалъ, что могъ, для спасенія Державы своей: укрѣпилъ Витебскъ, Полоцкъ, Оршу, Смоленскъ[461]; писалъ къ Стефану, что ему будетъ стыдно нарушить мирный договоръ, заключенный между ими, и служить орудіемъ сильному къ угнѣтенію слабаго; предлагалъ свою дружбу Менгли-Гирею, убѣждая его слѣдовать примѣру отца, постояннаго союзника Казимирова, и называя Государя Московскаго вѣроломнымъ, хищникомъ, лютымъ *братоубійцею*[462]; въ то же время отправилъ Посла въ Золотую Орду склонять Хана, Шигъ-Ахмета, къ нападенію на Тавриду[463]; въ Польшѣ, въ Богеміи, въ Венгріи, въ Германіи[464] нанималъ войско, не жалѣя казны, и заключилъ тѣсный союзъ съ Ливоніею. Хотя силы Ордена никакъ не могли равняться съ нашими; но тогдашній Магистръ онаго, Вальтеръ Фонъ-Плеттенбергъ, былъ мужъ необыкновенныхъ достоинствъ, благоразумный правитель и военачальникъ искусный: такіе лю-

Г. 1501. Союзъ Александра съ Ливонскимъ Орденомъ.

Г. ди умѣюпъ съ малыми средспвами дѣлапь
1501. великое и бываюпъ опасными непріяпеля-
ми. Воспипанный въ ненависпи къ Россія-
намъ, иногда безпокойнымъ и всегда неу-
спупчивымъ сосѣдамъ; досадуя на Великаго
Князя за бѣдспвіе, преперпѣнное Нѣмецкими
купцами въ Новѣгородѣ, и за другія новѣйшія
обиды, Плеппенбергъ пребовалъ помощи
опъ Имперскаго Сейма въ Ландау, въ Ворм-
сѣ, пакже опъ богапыхъ городовъ Ганзей-
скихъ[465], и думая, чпо война Липовская не
позволипъ Іоанну дѣйспвовапь пропивъ Ор-
дена большими силами, обязался быпь вѣр-
нымъ сподвижникомъ Александровымъ. Напи-
сали договоръ въ Венденѣ, упвержденный
Епископомъ Рижскимъ, Дерпгскимъ, Эзель-
скимъ, Курляндскимъ, Ревельскимъ, и всѣ-
ми чиновниками Ливоніи: условились вмѣспѣ
ополчипься на Россію, дѣлипь между собою
завоевапія, и въ печеніе десяпи лѣпъ одно-
му не мирипься безъ другаго[466].

Но Князь Липовскій въ самомъ дѣлѣ не
мыслилъ о *завоеваніяхъ*: извѣдавъ опыпомъ
могущество Іоанново, упрапивъ и войско и
знапную часпь своей Державы, не хопѣлъ
Перего- безъ крайноспи искапь новыхъ рапныхъ
воры о опасноспей и бѣдспвій. Въ началѣ 1501 года
миръ. пріѣхали въ Москву Послы опъ Королей,
его брапьевъ, Владислава Венгерскаго и
Альбрехпа Польскаго, а за ними и чинов-
никъ Александровъ, Спаниславъ Нарбупъ.
Именуя Великаго Князя брапомъ и свапомъ,

Короли желали знать, за что онъ вооружился на зятя; предлагали ему миръ; обѣщали удовлетвореніе; хотѣли, чтобы Іоаннъ освободилъ Литовскихъ плѣнниковъ и возвратилъ завоеванныя имъ области. Посолъ Александровъ предлагалъ то же, и говорилъ: «Ты *открылъ* люту̀ю войну и *пу-* «*стилъ огонь* въ нашу землю; *застылъ* мно- «гія области Александровы, и прислалъ гра- «моту складную поздно; взялъ въ плѣнъ Гет- «мана и Пановъ, высланныхъ единственно «для обереженія границы[467]. Уйми кровопро- «литіе. Большіе Послы Литовскіе гетовы «ѣхать къ тебѣ для мирныхъ перегово- «ровъ.» Казначей и Дьяки Великокняжескіе именемъ Іоанна отвѣтствовали, что зять его навлекъ на себя войну неисполненіемъ условій; что Государь, обнаживъ мечь за Вѣру, не отвергаетъ мира приспойнаго, но не любитъ даромъ освобождать плѣнныхъ и возвращать завоеванія; что онъ ждетъ Большихъ Пословъ Литовскихъ и согласенъ сдѣлать перемиріе. — Послы обѣдали во дворцѣ; но отпуская ихъ, Государь не подалъ имъ ни вина, ни руки. г. 1501.

Прошло нѣсколько времени: Александръ молчалъ, и Нѣмецкіе воины, имъ нанятые, грабя жителей въ собственной его землѣ, имѣли сшибки съ нашими отрядами[468]. Великій Князь рѣшился продолжать войну, не смотря на то, что его зять, по смерти Албрехта, сдѣлался Королемъ Польскимъ, Александр. избранъ въ Польскіе Короли.

Г. 1501. слѣдственно могъ располагать силами двухъ Державъ[469]. Сынъ Іоанновъ, Василій, съ Намѣстникомъ Княземъ Симеономъ Романовичемъ долженъ былъ изъ Новагорода ити къ сѣвернымъ предѣламъ Липвы[470]; а другое войско, подъ начальствомъ Князей Симеона Черниговскаго или Стародубскаго, Василія Шемякина, Александра Ростовскаго и Боярина Воронцова, близъ Мстислявля одержало знаменитую побѣду надъ Княземъ Михаиломъ Ижеславскимъ[471] и Воеводою Евстафіемъ Дашковичемъ: положивъ на мѣстѣ около семи тысячъ непріятелей, оно взяло множество плѣнниковъ и всѣ знамена; впрочемъ удовольствовалось только разореніемъ Мстиславскихъ окрестностей и возвратилось въ Москву.

Новая побѣда надъ Липвою. Ноября 14.

Война съ Орденом.

Уже Магистръ Фон-Плеттенбергъ дѣйствовалъ какъ ревностный союзникъ Липвы и врагъ Іоанновъ. Купцы наши спокойно жили и торговали въ Дерптѣ: ихъ всѣхъ (числомъ болѣе двухъ сотъ) нечаянно схватили, ограбили, заключили въ темницы[472]. Началась война, славная для мужества Рыцарей, еще славнѣйшая для Магистра, но безполезная для Ордена, бѣдственная для несчастной Ливоніи. Исполняя договоръ, и думая, что Король Александръ также исполнитъ его, то есть, всѣми силами съ другой стороны нападетъ на Россію, Плеттенбергъ собралъ 4000 всадниковъ, нѣсколько тысячъ пѣхоты и вооруженныхъ земледѣльцевъ[473]; вступилъ

въ область Псковскую; жечь, истреблять все огнемъ и мечемъ. Воеводы, Намѣстникъ Князь Василій Шуйскій съ Новогородцами, а Князь Пенко Ярославскій съ Тверитянами и Московскою дружиною пришли защитить Псковъ, но долго не хотѣли отважиться на битву[474]; ждали особеннаго указа Государева, получили его и сразились съ непріятелемъ, 27 Августа, въ десяти верстахъ отъ Изборска. Ливонскій Историкъ пишетъ, что Россіянъ было 40,000[475]: сіе превосходство силъ оказалось ничтожнымъ въ сравненіи съ искуснымъ дѣйствіемъ огнестрѣльнаго снаряда Нѣмецкаго. Приведенные въ ужасъ пушечнымъ громомъ, омраченные густыми облаками дыма и пыли, Псковитяне бѣжали; за ними и дружина Московская, съ великимъ стыдомъ, хотя и безъ важнаго урона[476]. Въ числѣ убитыхъ находился Воевода, Иванъ Бороздинъ, застрѣленный изъ пушки. — Бѣглецы кидали свои вещи и самое оружіе; но побѣдители не гнались за сею добычею, взятою жителями Изборскими, которые, раздѣливъ ее между собою, зажгли предмѣстіе, изготовились къ битвѣ, и на другой день мужественно отразили Нѣмцевъ. Г. 1501. Сраженіе на Сирицѣ.

Псковъ трепеталъ: всѣ граждане вооружились; отъ двухъ трепьему надлежало итти съ копьемъ и мечемъ противъ гордаго Магистра, который безжалостно опустошалъ села на берегу Великой, и 7 Сентября сжегъ Опровъ, гдѣ погибло 4000

Г. 1501. людей въ пламени, опъ меча или во глубинѣ рѣки, между пѣмъ, какъ наши Воеводы спояли неподвижно въ прехъ верспахъ, а Липовцы приспупали къ Опочкѣ, чпобы, взявъ сію крѣпоспь, вмѣспѣ съ Нѣмцами осадипь Псковъ[477]. Къ счаспію Россіянъ, опкрылась погда жеспокая болѣзнь въ войскѣ Плеппенберга: опъ худой пищи и недоспапка въ соли сдѣлался кровавый поносъ; всякой день умирало множеспво людей. Не время было думапь о геройскихъ подвигахъ. Нѣмцы спѣшили во-свояси: Липовцы пакже удалились[478]. Самъ Магиспръ занемогъ, съ прудомъ доспигнулъ своего замка, и распуспилъ войско, желая единспвенно опдохновенія.

Болѣзнь въ раши Ливонской.

Но Іоаннъ желалъ мespи и поручилъ оную храброму Князю Данiилу Щенѣ, побѣдипелю Конспанпина Оспрожскаго. Въ глубокую осень, не смопря на дожди, чрезвычайное разлипiе водъ и худыя дороги[479], сей Московскiй Воевода вмѣспѣ съ Княземъ Пенкомъ опуспошилъ всѣ мѣспа вокругъ Дерппа, Пейгаузена, Маріенбурга, умерпвивъ или взявъ въ плѣнъ около 40,000 человѣкъ[480]. Рыцари долго сидѣли въ крѣпоспяхъ; наконецъ, въ пемную ночь, близъ Гельмепа ударили на спанъ Россіянъ: спрѣляли изъ пушекъ; сѣклись мечами, во пмѣ и безпорядкѣ. Воевода нашей передовой дружины, Князь Александръ Оболенскiй, палъ въ сей кровопролипной бипвѣ. Но Рыцари не могли одолѣпь, и бѣжали[481]. Полкъ Епископа

Октября 18—24.

Россіяне опуспошаюпъ Ливонію.

Дерптскаго былъ испребленъ совершенно. «Не оспалось ни одного человѣка для вѣспи,» говоритъ Лѣтописецъ Псковскій: «Москвитяне и *Татары* не *саблями свѣтлыми* ру- «били поганыхъ, а били ихъ какъ вепрей «шестоперами.» — Щеня и Пенко доходили почти до Ревеля, и зимою возвратились, причинивъ неописанный вредъ Ливоніи. Нѣмцы отплатили намъ разореніемъ предмѣстія Иваногородскаго, умертвивъ тамошняго Воеводу, Лобана Колычева, и множество земледѣльцевъ въ окрестностяхъ Краснаго[482]. Г. 1502.

Какъ мужественный Плеттенбергъ отвлекъ знатную часть Іоанновыхъ силъ отъ Литвы, такъ Шигъ-Ахметъ, непримиримый злодѣй Менгли-Гиреевъ, обуздывалъ Крымцевъ. Онъ съ двадцатью тысячами своихъ Улусниковъ, конныхъ и пѣшихъ, расположился близъ устья Тихой Сосны, подъ Дѣвичьими горами: на другомъ берегу Дона стоялъ Ханъ Крымскій, съ двадцатью пятью тысячами, въ укрѣпленіи, ожидая Россіянъ. «Люди твои» — писалъ онъ къ Великому Князю —» ходятъ въ судахъ рѣкою Дономъ: «пришли съ ними нѣсколько пушекъ, для одной славы: врагъ уйдетъ.» Какъ ни занятъ былъ Іоаннъ войною Литовскою и Нѣмецкою, однакожь немедленно выслалъ помощь союзнику: Магметъ-Аминь велъ нашихъ *служилыхъ* Татаръ, а Князь Василій Новгородскій Москвитянъ и Рязанцевъ; за ними отправлялись пушки водою. Но Мен- Царь Большой Орды, Шигъ Ахметъ, помогаетъ Литвѣ.

Г. 1502. гли-Гирей не дождался ихъ, отступилъ, извиняясь голодомъ, и ручался Іоанну за скорую гибель Золотой Орды[483]. Съ того времени Крымцы дѣйствительно не давали ей покоя ни лѣтомъ, ни зимою, и зажигали степи, въ коихъ она скитalась. Напрасно Шигъ-Ахметъ звалъ къ себѣ Литовцевъ: подходилъ къ Рыльску и не видалъ ихъ знаменъ; видѣлъ только наши и войско Іоанново готовое къ бою; жаловался, винилъ Александра, говоря ему чрезъ своихъ Пословъ: «Для тебя мы ополчились, сносили труды «и нужду въ пустыняхъ ужасныхъ; а ты о- «ставляешь насъ безъ помощи, въ жертву «гладу и Менгли-Гирею.» Новый Король посылалъ Хану дары, обѣщалъ и войско, но обманывалъ или медлилъ, занимаясь погда празднествами въ Краковѣ[484]. Между тѣмъ Князья, Уланы бѣжали толпами отъ Шигъ-Ахмета. Оставленный и самою любимою женою, которая ушла въ Тавриду[485]; будучи въ ссорѣ съ братомъ, Сеитъ-Махмутомъ, желавшимъ погда имѣть пристанище въ Россіи[486]; досадуя на Короля Польскаго, и зная худые успѣхи его оружія, Шигъ-Ахметъ рѣшился искать дружбы Іоанновой, и въ концѣ 1501 года прислалъ въ Москву Вельможу Хаза, предлагая союзъ Великому Князю съ условіемъ воевать Литву, ежели онъ ни въ какомъ случаѣ не будетъ вступаться за Менгли-Гирея[487]. Политика не злопамятна: Іоаннъ охотно соглашался быть другомъ

Шигъ-Ахмепа, чпобы опвращипь его опъ Г. Липвы; полько не могъ пожерпвовапь ему 1502.
важнѣйшимъ союзникомъ Россіи: для по-
го послалъ въ Орду собспвеннаго чинов-
ника съ ласковыми привѣпспвіями, но съ
объявленіемъ, чпо враги Менгли-Гиреевы
не будупъ никогда нашими друзьями[488].
Ослѣпленный личною ненависпію, Шигъ-
Ахмепъ лучше хопѣлъ зависѣпь опъ ми-
лоспи своего бывшаго данника, Государя Ханъ
Московскаго, нежели примиришься съ еди- Крым-
новѣрнымъ брапомъ, Ханомъ Таврическимъ, скій
и погубилъ оспапки Баппыева Царспва: вес- совер-
ною въ 1502 году Менгли-Гирей внезапнымъ шенно
нападеніемъ сокрушилъ оные; разсыпалъ, истре-
испребилъ или взялъ въ плѣнъ изнуренныя бля-
голодомъ полпы, копорыя еще скипались ется
съ Шигъ-Ахмепомъ; прогналъ его въ опда- сіи о-
ленныя спепи Ногайскія и поржеспвенно сша-
извѣспилъ Іоанна, чпо древняя Большая Ор- тки
да уже не сущеспвуепъ[489]. «Улусы злодѣя Ба-
«нашего въ рукѣ моей,» говорилъ онъ: «а тыева
«пы, брапъ любезный, слыша сполъ доб- Цар-
«рыя вѣспи, ликуй и радуйся!» спва.

Замѣпимъ, чпо Лѣпописцы наши едва упоминаюпъ о семъ происшесптвіи: ибо Россіяне уже презирали слабую Орду, еще не давно препепавъ Ахмапова могущеспва. — Поздравляя Менгли-Гирея съ одолѣніемъ ихъ общаго врага, Іоаннъ писалъ къ нему, чпобы онъ не забывалъ гораздо важнѣйшаго, по есть, Короля Польскаго, и навсегда без-

Г. опасный опъ злобы Ахматовыхъ сыновей,
1502. довершилъ побѣду надъ Липвою. Имѣя единственно сію цѣль, Великій Князь мыслилъ даже возспавить Шигъ-Ахмепа: пересылаясь съ нимъ, обѣщалъ ему Аспрахань, съ условіемъ, чпобы сей изгнанникъ кляпвенно обязался быпь врагомъ Липвы и доброжелапелемъ Хана Крымскаго[490]. Такимъ образомъ Шигъ-Ахмепъ могъ еще оспаться Царемъ по милоспи Государя, коему болѣе всѣхъ иныхъ надлежало бы ненавидѣпь племя Батыево! Но увлеченный Судьбою, онъ съ двумя брапьями, Козякомъ и Халекомъ, поѣхалъ въ Царьградъ къ Сулпану Баязепу. Ихъ осптановили. Сулпанъ велѣлъ имъ сказапь, чпо для враговъ Менгли-Гиреевыхъ нѣпъ пупи въ Турецкую Имперію. Гонимые Царевичами Крымскими, они бѣжали въ Кіевъ, и вмѣспо помощи нашли памъ неволю: Шигъ-Ахмепа, брапьевъ, слугъ его взяли подъ спражу: ибо Государь Липовскій, уже не имѣя нужды въ союзѣ бѣглеца, думалъ, чпо сей несчаспный можепъ быпь для него залогомъ мира съ Тавридою. «Врагги пвои въ моихъ рукахъ,» приказывалъ онъ къ Менгли-Гирею: «опъ меня зависсипъ на зло пебѣ освободипь Ахмапо«выхъ сыновей, если не примиришься со «мною[491].» Но Іоаннъ убѣждалъ Хана ие вѣрипь ему и писалъ: «Въ пропивноспь «всѣмъ успавамъ Липовцы заключили сво«его союзника, копорый долгое время слу-

Александр. вѣроломно заключаетъ Шигъ Ахмепа.

«жилъ имъ орудіемъ: пакъ нѣкогда поспу- Г.
«пили и съ Седи-Ахмапомъ; пакъ и сія но- 1502.
«вая жертва ихъ вѣроломспва погибнетъ
«въ темницѣ. Будь спокоенъ: они уже не
«освободятъ твоего злодѣя, ибо должны опа-
«саться его мести[492].» Предсказаніе Великаго Князя исполнилось: бывъ еще нѣсколько лѣтъ игралищемъ Липовской Политики — то съ уваженіемъ чествимый во дворцѣ какъ знаменитый Властитель, то осуждаемый на самую тяжкую неволю какъ преступникъ — Шигъ-Ахметъ изъявлялъ великодушіе въ бѣдствіи, и представленный на Сеймъ Радомскій, торжественно обвинялъ Короля, сказавъ: «Ты льстивыми обѣщані-
«ями вызвалъ меня изъ дальнихъ странъ
«Скиѳіи и предалъ Менгли-Гирею. Утративъ
«мое войско и все Царское достояніе, я ис-
«калъ убѣжища въ землѣ друга, а другъ
«вступилъ меня какъ непріятеля и ввер-
«гнулъ въ темницу. Но есть Богъ» (примолвилъ онъ, воздѣвъ руки на небо): «предъ
«Нимъ будемъ судишься, и вѣроломство
«твое не останется безъ наказанія.» Ни краснорѣчіе, ни истина сихъ упрековъ не тронули Александра, коего Вельможи оправдывали, что Шигъ-Ахметъ долженъ винить самаго себя; что его воины грабили въ окрестностяхъ Кіева; что Король совѣтовалъ ему удалиться къ границамъ Россійскимъ, къ Стародубу, и тамъ искать добычи; что онъ упрямился, не хотѣлъ по-

Г. го сдѣлать, держался въ сосѣдствѣ съ опас-
1502. ною для него Тавридою, погубилъ свою рать и думалъ тайно уѣхать къ Султану, безъ сомнѣнія съ какимъ нибудь вреднымъ для Польши и Литвы намѣреніемъ. Однимъ словомъ, сей именемъ послѣдній Царь Золотой Орды умеръ невольникомъ въ Ковнѣ, не доставивъ заключеніемъ своимъ ни малѣйшей выгоды Литвѣ. Самая жестокосердая Политика, хваляся иногда злодѣйствами счастливыми, признаетъ безполезныя ошибками. Іоаннъ лучше своего зятя умѣлъ соглашать ея законы съ правилами великодушія: въ то время, когда сыновья Ахматовы кляли вѣроломство Литовское, племянники сего врага нашего, Царевичи Астраханскіе, Исупъ и Шигавліяръ, хвалились милостію Великаго Князя, вступивъ къ нему въ службу[493].

Не слушая никакихъ льстивыхъ предложеній Александровыхъ[494], Менгли-Гирей едва было не размолвился съ Іоанномъ по другой причинѣ. Свѣдавъ о многихъ несправедливостяхъ Царя Казанскаго[495], Абдылъ-Летифа, Государь велѣлъ Князю Василью Ноздроватому взять его, привезти въ Москву, и заточилъ на Бѣлоозеро, а въ Казань послалъ господствовать вторично Магметъ-Амина, отдавъ ему жену бывшаго Царя, Алегама[496]. Менгли-Гирей оскорбился и просилъ, чтобы Іоаннъ, извинивъ безразсудную молодость Летифа, или отпустилъ его или наградилъ помѣстьемъ. Ханъ писалъ: «Если не

Доса-да Хана Крым-скаго на Вели-каго Князя

«исполнишь сего, по уничпожится нашъ г.
«союзъ, весьма для тебя полезный: ибо 1502.
«счасппливымъ дѣйспвіемъ онаго враги твои
«исчезли и Государспво твое распроспра-
«нилось. Спарые, умные люди пвердяпъ,
«чпо лучше умерепь съ добрымъ именемъ,
«нежели благоденспвовапь съ худымъ: а
«можешь ли сохранипь первое, нарушивъ
«свяпую кляпву брапспва между нами?....
«Посылаю тебѣ перспѣнь изъ рога *Кагер-*
«*денева*, Индѣйскаго звѣря, коего пайная си-
«ла мѣшаепъ дѣйспвію всякаго яда: носи
«его на рукѣ и помни мою дружбу; а свою
«докажешь мнѣ, когда сдѣлаешь по, о чемъ
«молю тебя неопсцупно[497].» Но Великій Князь опасался выпуспипь Лепифа изъ Россіи, и давъ ему приспойное содержаніе, удовольспвовалъ Менгли-Гирея, пакъ, чпо сей Ханъ не преспаналъ вмѣспѣ съ нимъ усердно дѣйспвовапь пропивъ Липвы. Войско Крымское, соспоящее изъ 90,000 человѣкъ и предводимое сыновьями Ханскими, въ Авгуспѣ 1502 года опуспошило всѣ мѣспа вокругъ Луцка, Турова, Львова, Бряславля, Люблина, Вишневца, Бельза, Кракова.

Тогда же Спефанъ Молдавскій, пользуясь обспояпельспвами, завоевалъ на Днѣспрѣ Колымью, Галичь, Сняпинъ, Красное[498], и пѣмъ ослабилъ могущеспво Польши, хопя уже и не думалъ въ сіе время содѣйспвовапь нашимъ выгодамъ, ибо имѣлъ важную причину къ неудовольспвію на Іоанна. Око-

Г. ло прехъ лѣпъ дочь его, вдовствующая
1502. Княгиня Елена, среди Двора Московскаго находилась съ юнымъ сыномъ, Димитріемъ, какъ бы въ изгнаніи, оставленная прежними друзьями, угрожаемая немилостію Великаго Князя и ненавистію Софіи. Можетъ быть, открылись новые недозволенные происки честолюбивой Елены, или нескромныя слова, внушенныя ей досадою, оскорбили ея свекора, или клевета представила ему невѣстку въ видѣ опасной заговорщицы: не знаемъ; но Іоаннъ вдругъ разгнѣвался на Елену и на Димитрія, приставилъ къ нимъ стражу, запретилъ внуку именоваться Великимъ Княземъ и даже поминать ихъ въ церковныхъ молитвахъ; а чрезъ два дни объявилъ сына, Василія, Государемъ, наслѣдникомъ престола Всероссійскаго[199]. Димитрію едва исполнилось 18 лѣтъ: въ такой юности онъ не могъ быть важнымъ соумышленникомъ матери, если и дѣйствительно виновной. Народъ жалѣлъ объ немъ, хотя ни Духовенство, ни Вельможи не смѣли осуждать приговора, изреченнаго Самодержцемъ. Но Россія упрашила Стефанову дружбу: сѣдый Герой Молдавскій, оскорбленный бѣдствіемъ своей дочери и внука, возненавидѣлъ Іоанна, и старанія благоразумнаго Менгли-Гирея не могли примирить ихъ. Великій Князь любилъ исполнять только собственную волю; не терпѣлъ гордыхъ требованій, и въ отвѣтъ Хану Крымскому

Іоаннъ заключивъ невѣстку и внука, объявляетъ Василія наслѣдникомъ.

Разрывъ съ Стефаномъ Молдавскимъ.

на вопросъ: «Для чего Димитрій лишенъ г. «отцевскаго наслѣдія?» сказалъ: «Милость 1502.
«моя возвела внука на степень Государя, а «немилость свергнула: ибо онъ и мать его «досадили мнѣ. Жалуютъ того, кто слу-«житъ или угождаетъ: грубящихъ за что «жаловать[500]?» Елена отъ горести и тоски скончалась въ Генварѣ 1505 года; а несчастный ея сынъ, бывшій наслѣдникъ Россійской Монархіи, оспался подъ стражею какъ государственный преступникъ: никто не имѣлъ къ нему доступа, кромѣ малаго числа слугъ и надзирателей[501].

Впрочемъ сей разрывъ между Стефаномъ и Великимъ Княземъ не имѣлъ никакихъ важныхъ слѣдствій, кромѣ того, что первый задержалъ нашихъ Пословъ и художниковъ Италіянскихъ, которые ѣхали изъ Рима въ Москву[502]: о чемъ Іоаннъ писалъ не только къ Менгли-Гирею, но и къ Султану Кафинскому, Баязетову сыну, убѣждая ихъ вступиться за такое нарушеніе Права Народнаго. Стефанъ отпустилъ Пословъ. Тщетно Король Александръ склонялъ его быть дѣятельнымъ врагомъ Россіи и союзникомъ Польши: Стефанъ не хотѣлъ возвратить ему завоеванной имъ Днѣпровской области до самой своей кончины. Сей великій мужъ умеръ въ 1504 году: готовый закрыть глаза навѣки, онъ далъ совѣтъ сыну Богдану и Вельможамъ покориться Оттоманской Имперіи, сказавъ: «Знаю, какъ

Г. 1502. «прудно было мнѣ удерживать право неза-«висимаго Властителя. Вы не въ силахъ бо-«ротться съ Баязетомъ, и только разорили «бы отечество. Лучше добровольно усту-«пить то, чего сохранить не можете[505].» Богданъ призналъ надъ собою верховную власть Султана, и слава Молдавіи исчезла съ Господаремъ Стефаномъ, бывъ искусственнымъ твореніемъ его души великой.

Іоаннъ не терялъ времени въ бездѣйствіи; и желая увѣнчать свои побѣды новымъ важнымъ пріобрѣтеніемъ, въ Іюлѣ 1502 года отправилъ сына, Димитрія, со многочисленною ратію на Литву[504]. Съ нимъ находились племянники Государевы, Ѳеодоръ Волоцкій, Иванъ Торускій; Бѣльскій, зять сестры его, Анны; Удѣльный Князь Рязанскій Ѳеодоръ; Князь Симеонъ Стародубскій и внукъ Шемякинъ, Василій Рыльскій; Бояре Василій Холмскій, Яковъ Захарьевичь Шеинъ; Князья Александръ Ростовскій, Михайло Корамышъ-Курбскій, Телятевскій, Рѣпня и Телепень Оболенскіе, Константинъ Ярославскій, Сприга-Ряполовскій. Цѣлію столь знаменитаго ополченія былъ нашъ древній, столичный городъ Смоленскъ, укрѣпленный Природою и каменными стѣнами. Осада пребовала искусства и большихъ усилій. Димитрій послалъ отряды къ Березинѣ и Двинѣ. Россіяне взяли Оршу, выжгли предмѣстіе Витебское, всѣ деревни до Полоцка, Мстиславля; плѣнили нѣсколько тысячь людей,

Осада Смоленска.

но должны были за недоспапкомъ въ про- г.
довольспвіи удалишься опъ Смоленска[505], 1502.
гдѣ начальспвовали Воеводы Королевскіе,
Спанславъ Кишка и Намѣспникъ его, Сологубъ, прославленные Испорикомъ Липовскимъ за оказанное ими мужеспво[506]. — Въ Декабрѣ пого же года Князья Сѣверскіе, Симсонъ Спародубскій и внукъ Шемякинъ, Василій, съ Московскими и Рязанскими Воеводами опять ходили на Липву; не завоевали городовъ, но вездѣ распространили ужасъ жеспокими опуспошеніями[507].

Вѣрный союзникъ Александровъ, Вальперъ Плеппенбергъ, снова хопѣлъ опвѣдапь счаспія въ поляхъ Россійскихъ, и съ 15,000 воиновъ приспупилъ къ Изборску: разбилъ пушками спѣны, но боясь перяпь время, спѣшилъ осадипь Псковъ. Онъ ждалъ Короля, давшаго ему слово вспрѣпипь его на берегахъ Великой[508]. Сего не сдѣлалось: Липовцы оспались въ своихъ предѣлахъ; однакожь Магиспръ съ жаромъ началъ осаду: спрѣлялъ изъ пушекъ и пищалей; спаралася разрушипь крѣпоспь[509]. Къ счаспію жипелей, Воеводы Іоанновы, Данилъ Щеня и Князь Василій Шуйскій, уже были не далеко съ полками сильными. Нѣмцы опсступили: Воеводы опъ Изборска запили имъ въ пылъ. Они увидѣли другъ друга на берегахъ озера Смолина. Плеппенбергъ, ободривъ своихъ великодушною рѣчью, упопребилъ хипроспь: двинулся съ войскомъ въ

г. сторону, какъ бы имѣя намѣреніе спасать-
1502. ся бѣгствомъ. Россіяне кинулись на обозъ
Битва съ Магистромъ Ливонскимъ близъ Пскова. Нѣмецкій; другіе устремились за войскомъ и въ безпорядкѣ наскакали на стройные ряды непріятеля: смѣшенные дѣйствіемъ его огнестрѣльнаго снаряда, хотѣли мужествомъ исправить свою ошибку; сразились, но большею частію легли на мѣстѣ: остальные бѣжали. Магистръ не гнался за ними. Россіяне ободрились, устроились и снова напали. Если вѣрить Ливонскимъ Историкамъ, то нашихъ было 90,000. Нѣмцы бились отчаянно; пѣхота ихъ заслужила въ сей день славное названіе *желѣзной*. Оказавъ неустрашимость, хладнокровіе, искусство, Плеттенбергъ могъ бы одержать побѣду, если бы не случилась измѣна. Пишутъ, что Орденскій Знаменоносецъ, Шварцъ, будучи смертельно уязвленъ стрѣлою, закричалъ своимъ: «кто изъ васъ достоинъ принять «отъ меня знамя?» Одинъ изъ Рыцарей, именемъ Гаммерштетъ, хотѣлъ взять его, получилъ отказъ, и въ досадѣ отсѣкъ руку Шварцу, который, схвативъ знамя въ другую, зубами изорвалъ оное; а Гаммерштетъ бѣжалъ къ Россіянамъ и помогъ имъ испребить знатную часть Нѣмецкой пѣхоты. Однакожь Плеттенбергъ устоялъ на мѣстѣ. Сраженіе кончилось: пѣ и другіе имѣли нужду въ отдыхѣ[510]. Прошло два дни: Магистръ въ порядкѣ удалился къ границѣ и навѣки уставилъ торжествовать 13 Сен-

пября или день Псковской битвы, знаме- г.
нитой въ лѣтописяхъ Ордена, который 1502.
долгое время гордился подвигами сей войны
какъ славнѣйшими для своего оружія. — За-
мѣтимъ, что Полководцы Іоанновы гнушались измѣною Гаммерштепа: недовольный холодностію Россіянъ, онъ уѣхалъ въ Данію, искалъ службы въ Швеціи, наконецъ возвратился въ Москву уже при Великомъ Князѣ Василіи, гдѣ Послы Императора Максимиліана видѣли его въ богатой одеждѣ среди многочисленныхъ Царедворцевъ.

Не смотря на ревностное содѣйствіе и славу Плеттенберга, Король Польскій не имѣлъ надежды одолѣть Россію, сильную многочисленностію войска и великимъ умомъ ея Государя. Литва истощалась, слабѣла: Польша не охотно участвовала въ сей войнѣ разорительной. Самъ Римскій Первосвященникъ, Александръ VI, взялся быть посредникомъ мира, и въ 1503 году чиновникъ Короля Венгерскаго, Сигизмундъ Санпай, пріѣхалъ въ Москву съ грамотами отъ Папы и Кардинала Регнуса. Оба писали къ Великому Князю, что все Христіанство приведено въ ужасъ завоеваніями Оттоманской Имперіи; что Султанъ взялъ два города Венеціянской Республики, Модонъ и Коронъ, угрожая Италіи; что Папа отправилъ Кардинала Регнуса ко всѣмъ Европейскимъ Государямъ, склоняетъ ихъ на изгнаніе Турковъ изъ Греціи; что Короли Польскій и Венгер-

Папа спараетъся о мирѣ. Г. 1503.

Г. 1503. скій не могупъ участпвовапь въ семъ славномъ подвигѣ, имѣя врага въ Іоаннѣ; чпо Святый Опецъ, какъ Глава Церкви, для общей пользы Христіанспва молипъ Великаго Князя заключипь миръ съ ними, и вмѣспѣ съ другими Государями воевапь Порпу[511]. Посолъ вручилъ ему и письмо опъ Владислава пакого же содержанія, пребуя, чпобы Іоаннъ далъ *опасную грамоту* для проѣзда Вельможъ Липовскихъ въ Москву. Бояре наши опвѣпспвовали, чпо Великій Князь радъ спояпь за Христіанъ пропивъ невѣрныхъ; чпо онъ, умѣя наказывапь враговъ, гоповъ всегда и къ миру справедливому; чпо Александръ, изъявивъ желаніе прекрапипь войну, обманулъ его: навелъ на Россію Ливонскихъ Нѣмцевъ и Хана Ординскаго; чпо Государь дозволяепъ Посламъ Королевскимъ пріѣхапь въ Москву.

Послы явились, шеспь знапнѣйшихъ сановниковъ Королевскихъ[512], изъ коихъ главнымъ былъ Воевода Петръ Мишковскій. Они предлагали вѣчный миръ, съ условіемъ, чпобы Іоаннъ возвранилъ Королю всю его *отчину*, по еспь, всѣ завоеванные Россіянами города въ Липвѣ; освободилъ плѣнниковъ, примирился съ Ливонскимъ Орденомъ и съ Швеціею (гдѣ властолюбивый Стурнъ, изгнавъ Датчанъ, снова былъ Правипелемъ Государспвеннымъ). Великій Князь хладнокровно выслушалъ и рѣшипельно опвергнулъ споль неумѣренныя пребованія.

«*Отчина* Королевская, сказалъ онъ, есть г.
«земля Польская и Липовская, а Русская на- 1503.
«ша. Что мы съ Божіею помощію у него
«взяли, того не отдадимъ. Еще Кіевъ, Смо-
«ленскъ и многіе иные города принадлежатъ
«Россіи: мы и пѣхъ добывать намѣрены[813].» Перемиріе съ Липвою и съ Орденомъ.
Возраженія Пословъ оспались безъ дѣйствія:
Іоаннъ былъ непоколебимъ. Наконецъ, вмѣ-
сто вѣчнаго мира, условились въ перемиріи
на шесть лѣтъ, и только *изъ особеннаго*
уваженія къ зятю Государь возвратилъ
Липвѣ нѣкоторыя волости, Рудью, Вепли-
цы, Щучью, Святыя Озерища; велѣлъ На-
мѣстникамъ, Новогородскому и Псковскому,
заключить такое же перемиріе съ Орде-
номъ, а съ Правителемъ Шведскимъ не хо-
тѣлъ имѣть никакихъ договоровъ. Тогда
находились въ Москвѣ и Послы Ливонскіе:
они въ письмахъ своихъ къ Магистру жа-
ловались на грубость Іоаннову, Бояръ на-
шихъ, а еще болѣе на Пословъ Липовскихъ,
которые не оказали имъ ни малѣйшаго вспо-
моженія, ни доброжелательства. Епископъ
Дерптскій обязался, за ручательствомъ Ма-
гистровымъ, платить намъ какую-то спа-
ринную поголовную дань: ибо земля и го-
родъ его, основанный Ярославомъ Великимъ,
считались древнею собственностію Россіи.
При обнародованіи сего условія во Псковѣ спрѣ-
ляли изъ пушекъ и звонили въ колокола[814].

Непріятельскія дѣйствія прекратились —
ибо самая Россія, истощенная наборами мно-

Г. 1503. голюдныхъ ополченій, желала на время успокоиться — но вражда существовала въ прежней силѣ: ибо Александръ не могъ навсегда уступишъ намъ Виповпповыхъ завоеваній: Великій же Князь, сполъ счастливо возвративъ оныя Россіи, надѣялся со временемъ отнять у него и всѣ прочія наши земли. Попому Іоаннъ, извѣстивъ Менгли-Гирея о заключенномъ договорѣ, предлагалъ ему для вида также примириться съ Александромъ, на 6 лѣтъ; но тайно внушалъ, что лучше продолжать войну; что Россія никогда не будетъ въ истинномъ, вѣчномъ мирѣ съ Королемъ, и время перемирія употребитъ единственно на утвержденіе за собою городовъ Литовскихъ, откуда всѣ худо-расположенные къ намъ жители переводятся въ иныя мѣста, и гдѣ нужно сдѣлать укрѣпленія; что союзъ ея съ Ханомъ противъ Литвы останется неизмѣннымъ[515].

Хитрость Великаго Князя

Великій Князь дѣйствовалъ по крайней мѣрѣ согласно съ выгодами своей Державы: напротивъ чего Александръ, внутренно недовольный условіями перемирія, хотя и весьма нужнаго для его земли, слѣдовалъ единственно движеніямъ малодушной досады на врага сильнаго, счастливаго: онъ задержалъ въ Литвѣ нашихъ Бояръ и Великихъ Пословъ, Заболоцкаго и Плещеева, коимъ надлежало взять съ него присягу въ соблюденіи договора и требовать увѣрительной грамоты, за печатію Епископовъ Краков-

Александръ безразсудно досаждаетъ ему.

скаго и Виленскаго, въ помъ, чпо въ слу- г.
чаѣ смерпи Александра наслѣдники его не бу- 1503.
дупъ принуждапь Королевы Елены къ Рим-
скому Закону[516]. Іоаннъ, удивленный симъ нарушеніемъ общихъ государспвенныхъ успа-вовъ, желалъ знапь предлогъ онаго: Король писалъ, чпо Послы оспановлены за обиды, дѣлаемыя Россіянами Смоленскимъ Боярамъ; но скоро одумался, упвердилъ перемиріе и съ чеспію оппуспилъ ихъ въ Москву[517]. Тогда же схвапили въ Липвѣ гонца нашего, посланнаго въ Молдавію: Александръ не хопѣлъ освободипь его до рѣшипельнаго мира съ Россіею; не хопѣлъ еще, чпобы Королева Елена исполнила волю родипеля въ дѣлѣ семейспвенномъ: Іоаннъ велѣлъ ей искапь невѣспы для брапа, Василія, между Нѣмецкими Принцессами; но Елена опвѣ-чала, чпо не можепъ думапь о свапов-спвѣ, пока Великій Князь не упвердипъ испинной дружбы съ Липвою[518].

Такими ничпожными способами могъ ли Король доспигнупь желаемаго мира? ско-рѣе возобновилъ бы кровопролипіе, если бы Іоаннъ для государспвенной пользы не умѣлъ презирапь маловажныхъ, безразсуд-ныхъ оскорбленій: желая временнаго спокой-спвія, онъ перпѣлъ ихъ хладнокровно, и гоповилъ средспва къ дальнѣйшимъ успѣ-хамъ нашего величія.

ГЛАВА VII.

Продолженіе государствованія Іоаннова.

Кончина Софіи и болѣзнь Іоаннова. Завѣщаніе. Судъ и казнь еретиковъ. Посольство Липовское. Сношеніе съ Императоромъ. Василій женится на Соломоніи. Измѣна Царя Казанскаго. Впаденіе его въ Россію. Кончина Великаго Князя. Тогдашнее состояніе Европы. Іоаннъ творецъ величія Россіи. Устроилъ лучшее войско. Утвердилъ Единовластіе. Имя Грознаго. Жестокость его характера. Мнимая нерѣшительность есть осторожность. Названіе Великаго, приписанное ему иностранцами. Сходство съ Петромъ I. Титулъ Царскій. Бѣлая Россія. Умноженіе доходовъ. Законы Іоанновы. Городская и земская полиція. Соборы. Поставленіе Кессарійскаго Митрополита въ Москвѣ. Россійскій монастырь на Аѳонской горѣ. Капланъ Августинскаго Ордена принимаетъ Греческую Вѣру. Нѣкоторыя бѣдствія Іоаннова вѣка. Древнѣйшее описаніе Княжеской свадьбы. Путешествіе въ Индію.

Г. 1503 — 1505.

Г. 1503. Кончина Софіи и болѣзнь Іоаннова.

Сей Монархъ не слабѣлъ ни въ проницаніи, ни въ бодростіи, ни въ усердіи ко благу ввѣренной ему Небомъ Державы, вопреки своимъ уже преклоннымъ лѣтамъ и сердечнымъ горестямъ, необходимымъ въ жизни смертнаго. Онъ лишился тогда супруги[319]: хотя, можетъ быть, и не имѣлъ особенной къ ней горячности; но умъ Софіи въ самыхъ важныхъ дѣлахъ государственныхъ, ея

полезные совѣты[520], и наконецъ долговременная свычка между ими сдѣлала для него сію потерю споль чувспвипельною, чпо здоровье Іоанново, дополѣ крѣпкое, разспроилось. Вѣря болѣе дѣйспвію усердной молипвы, нежели искусспву врачеванія, Государь поѣхалъ въ Лавру Св. Сергія, въ Переславль, въ Ростовъ и Ярославль, гдѣ находились знаменипыя свяпоспію Обипели[521]. Тамъ, сопровождаемый всѣми дѣпьми, но безъ всякаго мірскаго великолѣпія, онъ въ видѣ проспаго смерпнаго умилялся предъ Богомъ, ожидая опъ Него исцѣленія или мирной кончины; но, вкусивъ сладоспь Хриспіанской набожноспи, спѣшилъ возвращипься на прespолъ, чпобы успроипь будущую судьбу Россіи. г. 1503.

Онъ написалъ завѣщаніе, въ присуписпвіи знапнѣйшихъ Бояръ, Князей Василія Холмскаго, Даніила Щени, Якова Захарьевича, Казначея Дмипрія Владиміровича и Духовника, Архимандрипа Андроникovскаго, именемъ Мипрофана, объявивъ спаршаго сына, Василія Іоанновича, преемникомъ Монархіи, Государемъ всей Россіи и меньшихъ его брапьевъ. Тупъ, въ исчисленіи всѣхъ обласпей Василіевыхъ, въ первый разъ упоминаепся о *дикой* Лапландіи[522]; далѣе сказано, чпо Спарая Рязань и Перевипескъ соспавляюпъ уже доспояніе Государя Московскаго, бывъ опказаны Іоанну умерщимъ его племянникомъ, сыномъ Велпкой Княгини Ап- Завѣщаніе.

Г. ны, Ѳеодоромъ; именуюпся пакже и всѣ
1503. города опняпые у Липвы, Мценскъ, Бѣлевъ, Новосиль, Одоевъ, кромѣ Чернигова, Спародуба, Новагорода Сѣверскаго, Рыльска: ибо памошніе Князья хотя и поддалися Государю Московскому, но удержали право Владѣпельныхъ. Другимъ сыновьямъ Іоаннъ далъ богапыя опчины: Юрію Дмипровъ, Звенигородъ, Кашинъ, Рузу, Брянскъ, Серпейскъ; Димипрію Угличь, Хлепень, Рогачевъ, Зубцовъ, Опоки, Мещовскъ, Опаковъ, Мологу; Симеону Бѣжецкій Верхъ, Калугу, Козельскъ; Андрею Верею, Вышегородъ, Алексинъ, Любупскъ, Спарицу, Холмъ, Новый Городокъ. Имѣя особенныхъ придворныхъ и воинскихъ чиновниковъ, пользуясь всѣми доходами своихъ городовъ и волоспей, братья Василіевы не могли въ оныхъ судипь душегубспва, ни дѣлапь монепы, и не учаспвовали въ выгодѣ опкуповъ государспвенныхъ[523]; однакожь Василій обязывался удѣляпь имъ часпь нѣкопорыхъ Московскихъ сборовъ и не покупапь земель въ ихъ опчинахъ, копорыя оспаваись наслѣдспвенными для ихъ сыновей и внуковъ[524]. То еспь, меньшіе сыновья Іоанновы долженспвовали имѣпь права полько часпныхъ владѣльцевъ, а не Князей Владѣпельныхъ. Одна Рязань еще предспавляла пѣнь вольной Державы: Князь ея, Іоаннъ, умеръ въ 1500 году, оспавивъ пяпилѣпняго сына, именемъ пакже Іоанна[525], подъ

опекою матери, Агриппины, и бабки его, г. любимой сестры Великаго Князя, Анны, кото- 1503.
рая преставилась въ 1501 году, утвердивъ внука въ достоинствѣ независимаго Владѣтеля, но только именемъ: ибо Государь Московскій былъ въ самомъ дѣлѣ верховнымъ повелителемъ Рязани, ея войска и народа[526].— Исполняя желаніе отца, Василій и братья его обязались между собою грамотами жить въ согласіи, по родительскому завѣщанію[527].

Іоаннъ хотѣлъ утвердить и спокойствіе нашей православной Церкви. Въ сіе время возобновилось дѣло *Жидовской ереси*, нами описанной. Еще она не пресѣклась, хотя и скрывалась. Іосифъ Волоцкій въ Москвѣ, Архіепископъ Геннадій въ Новѣгородѣ неутомимо старались истребить сіе несчастное заблужденіе ума: первый только говорилъ и писалъ, вторый дѣйствовалъ въ своей Епархіи, откуда многіе изъ гонимыхъ еретиковъ бѣжали въ Нѣмецкую землю и въ Литву[528]. Убѣжденный наконецъ предста- Судъ и казнь еретиковъ.
вленіями Духовенства, или самъ видя упрямство отступниковъ, не исправленныхъ средствами умѣренности, ни клятвою Церковною, ни заточеніемъ, Великій Князь рѣшился быть строгимъ, опасаясь казаться излишно снисходительнымъ или безпечнымъ въ дѣлѣ душевнаго спасенія. Созвавъ Епископовъ, онъ вмѣстѣ съ ними и съ Митрополитомъ снова выслушалъ доносы. Іосифъ

г. 1503. Волоцкій засѣдалъ съ судіями, гремѣлъ краснорѣчіемъ, обличалъ ересиковъ и пребовалъ для нихъ мірской казни. Главными изъ обвиняемыхъ были Дьякъ Волкъ Иванъ Курицынъ, посыланный къ Императору Максимиліану съ Юріемъ Трахаміотомъ[829], — Дмитрій Коноплевъ, Иванъ Максимовъ, Некрасъ Рукавовъ и Кассіанъ, Архимандритъ Юрьевскаго Новогородскаго монастыря: они дерзнули говорить откровенно, утверждая мнимую истину своихъ понятій о Вѣрѣ; были осуждены на смерть и всенародно сожжены въ клѣткѣ[830]; инымъ отрѣзали языкъ, другихъ заключили въ темницы или разослали по монастырямъ. Почти всѣ изъявляли раскаяніе; но Іосифъ доказывалъ, что раскаяніе, вынужденное пылающимъ костромъ, не есть истинное и не должно спасти ихъ отъ смерти. Сія жестокость скорѣе можетъ быть оправдана Политикою, нежели Вѣрою Христіанскою, столь небесно-человѣколюбивою, что она ни въ какомъ случаѣ не прибѣгаетъ къ мечу; единственными орудіями служатъ ей мирныя наставленія, молитва, любовь: таковъ по крайней мѣрѣ духъ Евангелія и книгъ Апостольскихъ. Но если кротkія наставленія не имѣютъ дѣйствія; если явный, дерзостный соблазнъ угрожаетъ Церкви и Государству, коего благо тѣсно связано съ ея невредимостію: тогда не Митрополитъ, не Духовенство, но Государь можетъ справед-

ливымъ образомъ казнить еретиковъ. Сія г. приспойноспь была соблюдена: ихъ осуди- 1503.
ли, какъ сказано въ лѣтописяхъ, по *градскому* закону[531].

Узнавъ о болѣзни Іоанна, и думая, что приближеніе смерти легко можетъ ослабить твердость его въ правилахъ внѣшней Политики, Александръ чрезъ новыхъ Великихъ Пословъ, Воеводу Станислава Глѣбовича, Пана Юрья Зиновьевича и *Писаря* или Секретаря Государственнаго, Богдана Сапѣгу, предложилъ Великому Князю купить дружество Литвы уступкою ей нашихъ завоеваній. Король именовалъ Іоанна *отцемъ* и *братомъ*: Елена *кланялась* ему съ почтеніемъ и нѣжностію. Сей Монархъ, приближаясь ко гробу, безъ сомнѣнія желалъ бы провести осталокъ дней своихъ въ тишинѣ, тѣмъ болѣе, что спокойствіе его любезной дочери зависѣло отъ согласія между ея родителемъ и супругомъ; но Іоаннъ зналъ свою обязанность: еще сидѣлъ на тронѣ, слѣдственно долженъ былъ мыслить только о благоденствіи отечества; не измѣрялъ вѣкомъ своимъ вѣка Россіи, смотрѣлъ далѣе гроба и хотѣлъ жить въ ея величіи. Бояринъ его, Яковъ Захарьевичь, сказалъ Посламъ Литовскимъ: «Великій Князь ни- «кому не отдаетъ своего. Желаете ли ис- «тиннаго, прочнаго мира? уступите Россіи «и Смоленскъ и Кіевъ.» По многихъ тѣхъ- яхъ Паны уѣхали[552], и Король увѣрился въ

По сольство Литовское.

Г. 1504.

Г. невозможностпи заключить вѣчный миръ съ
1504. Іоанномъ на условіяхъ, какихъ ему хотѣлось. Предметомъ дальнѣйшихъ сношеній между ими были единственно дѣла пограничныя: жаловались по наши, по Литовскіе подданные на обиды. Съ обѣихъ сторонъ обѣщали удовлетвореніе и раждались новыя неудовольствія. Знатный Королевскій чиновникъ, Евстафій Дашковичь, житель Волынiи, Вѣры Греческой, уѣхалъ въ Москву съ великимъ богатствомъ и со многими Дворянами: Александръ требовалъ, чтобы мы, согласно съ перемирною грамотою, выдали ему сего человѣка. Іоаннъ отвѣтствовалъ, что грамотою опредѣлено выдавать татей, бѣглецовъ, холопей, должниковъ и злодѣевъ; а Дашковичь былъ у Короля Воеводою, не уличенъ ни въ какомъ преступленiи и добровольно вошелъ къ намъ въ службу, какъ по и въ старину дѣлалось невозбранно. — Чтобы имѣть вѣрныя извѣстія о внутреннихъ обстоятельствахъ Литвы, Государь посылалъ гонцевъ къ Еленѣ съ дарами, приказывая всегда дружески кланяться ея супругу[553].

Мы видѣли, что Политика Западной Европы уже находилась въ связи съ нашею: война Литовская, славная для Іоаннова оружія, придала намъ еще болѣе важности и знаменитости. Императоръ Максимиліанъ вспомнилъ о Россіи и выгодахъ ея союза противъ сыновей Казимировыхъ: онъ жалѣлъ о Венгріи, не охотно имъ уступленной

Сношенія съ Императором.

Владиславу; думалъ возобновить свои пре- Г.
бованія на сіе Королевство, и послалъ къ 1504.
Великому Князю чиновника, именемъ Гар-
пингера, который, выѣхавъ изъ Аугсбурга
въ Августѣ 1502 года, прибылъ въ Москву
не прежде, какъ въ Іюлѣ 1504[534]. Слогъ
Максимиліанова письма достоинъ замѣчанія.
«Слышу, говоритъ Императоръ, что *нѣ-*
«*которыя* сосѣдственныя Державы возста-
«ли на Россію. Помня клятвенные обѣ-
«ты нашей взаимной любви, я готовъ
«помогать тебѣ, моему брату, совѣтомъ
«и дѣломъ.» Не сказано ни слова о Венгріи;
но Посолъ, какъ надобно думать, говорилъ о
томъ изустно Іоанновымъ Боярамъ. Въ дру-
гомъ особенномъ письмѣ Императоръ проситъ
у Великаго Князя бѣлыхъ кречетовъ. Мило-
стиво угостивъ Гарпингера обѣденнымъ
столомъ во дворцѣ, Іоаннъ отвѣтствовалъ
Максимиліану, что Россію воевали Король
Польскій и Магистръ Ордена, были на-
казаны и примирились съ нею на время; что
если Императоръ, въ случаѣ новыхъ непрія-
тельскихъ дѣйствій съ ихъ стороны, помо-
жетъ Россіянамъ, то и Россіяне, исполняя
договоръ, помогутъ Австріи овладѣть Вен-
ріею. Государь извинялся, что не отправ-
ляетъ собственнаго Послав Германію: ибо
Король Александръ и Магистръ Ливонскій
безъ сомнѣнія остановили бы его на пути.— Г.
Въ слѣдующемъ году тотъ же Гарпингеръ, 1505.
находясь въ Эстоніи, чрезъ Иваньгородъ до-

Г. 1505. спавилъ въ Москву новыя грамоты опъ Максимиліана и сына его Филиппа, Короля Испанскаго, къ Іоанну и юному Василію, *Царямъ* Россіи [535]. Гарпингеръ просилъ оп-вѣпа на языкѣ Лапинскомъ, сказывая, чпо Делапоръ умеръ, и чпо при Дворѣ ихъ нѣпъ уже ни одного человѣка, знающаго Русской языкъ. Дѣло шло о Ливонскихъ плѣнникахъ: Максимиліанъ и Филиппъ убѣждали Великихъ Князей освободипь сихъ несчасппыхъ, изнуренныхъ долговременною неволею; а Гарпингеръ ручался за безопасноспь нашего Посольспва, если Іоаннъ велипъ кому нибудь изъ своихъ придворныхъ ѣхапь въ Нѣмецкую землю на Ригу, чпобы сдѣлапь пѣмъ удовольспвіе Максимиліану. Но Великій Князь не сдѣлалъ сего; самъ писалъ къ Имперапору, а Василій къ Королю Филиппу, учпиво и ласково, съ объясненіемъ, чпо плѣнники немедленно будупъ свободны, когда Магиспръ прервепъ дружесшвенную связь съ Липвою. Однимъ словомъ, Іоаннъ по видимому уже худо вѣрилъ Максимиліану: плапилъ полько ласками за ласки, и дарилъ ему кречеповъ, но не хопѣлъ измѣнипь для него своимъ правиламъ и жалѣлъ денегъ на безполезное Посольспво въ Авспрію.

Василій женится на Соломоніи.

Сынъ и наслѣдникъ Великаго Князя, Василій, имѣлъ уже 25 лѣпъ опъ рожденія и еще не былъ женапъ, въ проппвноспь подашнему обыкновенію. Полипика осуждаепъ

брачные союзы Государей съ подданными, особенно въ Правленіяхъ Самодержавныхъ: свойспвенники пребуюпъ опличія безъ доспоинспвъ, милоспей безъ заслугъ; и сіи, пакъ сказапь, родовые Вельможи, пользуясь исключипельными правами, рѣдко не упопребляюпъ оныхъ во зло, думая, чпо Государь обязанъ въ нихъ уважапь самого себя, по еспь, чеспь своего Дома. Нарушаепся справедливоспь, испощаепся казна, или семейспвенныя докуки вредяпъ драгоцѣнному спокойспвію Монарха. Зная сію, какъ и многія другія важныя для Единовласпія испины по внушенію собспвеннаго Генія, Іоаннъ думалъ женипь сына на Принцессѣ иноспранной: будучи союзникомъ Даніи, онъ предлагалъ ея Королю упвердипь ихъ взаимную дружбу свойспвомъ: для пого, можепъ быпь, находился въ Москвѣ Дапскій Посолъ около 1503 года[536]; но Король — въ угожденіе ли Шведамъ, коихъ ему хопѣлось снова подчинипь Даніи, и коporые не любили Россіи, или запрудняясь иновѣріемъ жениха — уклонился опъ чеспи быпь песпемъ наслѣдника Великокняжескаго и выдалъ дочь свою, Елисавепу, за Курфирспа Бранденбургскаго. Видя предъ собою близкую кончину, желая благословипь счасппливый бракъ сына и не имѣя уже времени искапь невѣспы въ спранахъ опдаленныхъ, Государь рѣшился погда женипь его на подданной. Пишупъ, чпо самъ Васи- 1505.

г. лій хопѣлъ шого, уваживъ совѣпъ любима-
1505. го имъ Боярина, Грека Юрія Малаго, у ко-
шораго была дочь невѣспа; но женихъ вы-
бралъ иную, будпо бы изъ 1500 благо-
родныхъ дѣвицъ, предспавленныхъ для сего
ко Двору: Соломонію, дочь весьма незнат-
наго сановника Юрія Конспаншиновича Са-
бурова, одного изъ попомковъ выходца Ор-
динскаго, Мурзы Чепа[537]. Соломонія опли-
чалась, какъ вѣроятно, доспоинспвами цѣло-
мудрія, красопою, цвѣпущимъ здравіемъ;
но въ выборѣ не учаспвовала ли и Полипи-
ка? Можепъ быпь. Іоаннъ лучше хопѣлъ
вспупипь въ свойспво съ проспымъ Дво-
рянином, нежели съ Княземъ или съ Боя-
риномъ, чпобы имѣпь болѣе способовъ на-
градишь родспвенниковъ невѣспки безъ из-
лишней щедроспи и не удѣляя имъ особен-
ныхъ правъ, несовмѣспныхъ съ званіемъ
подданнаго. Опецъ Соломоніи былъ возвы-
шенъ на спепень Боярина уже въ царспво-
ваніе Василія[538]. Но мудрый Іоаннъ не пред-
видѣлъ, чпо сей бракъ, приближивъ Году-
новыхъ, ея родспвенниковъ, ко прону, бу-
депъ виною ужасныхъ для Россіи бѣдспвій
и гибели Царскаго дома!

Измѣна Царя Казанскаго.

Въ по время, когда Дворъ и сполица ликовали, празднуя свадьбу юнаго Великаго Князя, Государь свѣдалъ о злобной измѣнѣ нашего Казанскаго присяжника, Магмепъ-Аминя. Сей пакъ называемый Царь всего болѣе любилъ корыспь и лукавую жену

свою, бывшую вдову Алегамову, которая г.
нѣсколько лѣтъ жила невольницею въ Во- 1550.
логдѣ. Ненавидя Россіянъ какъ злодѣевъ ея
перваго мужа, она замышляла кровопролит-
ную месть, тайно бесѣдовала съ Вельможа-
ми Казанскими о средствахъ, и приступи-
ла къ дѣлу, возбуждая Магмета-Амина быть
истиннымъ, независимымъ Владѣтелемъ.
«Что ты? рабъ Московскаго тирана!» го-
ворила ему Царица: «нынѣ на престолѣ,
«завтра въ темницѣ, и подобно Алегаму
«умрешь невольникомъ. Цари и народы
«презираютъ тебя. Воспряни опять униже-
«нія къ величію; свергни иго или погибни
«достойнымъ славы[359].» Плѣнительныя ла-
ски ея дѣйствовали еще сильнѣе красно-
рѣчія: она день и ночь, по словамъ Лѣтопис-
ца, *висѣла на шеѣ* у мужа, и достигла
желаемаго. Забывъ милости Іоанна, своего
названаго отца, и присягу, Магметъ-Аминъ
далъ ей слово отложиться отъ Россіи; но
еще медлилъ, и послалъ одного изъ Вель-
можъ, Князя Уфимскаго, съ какими-то пред-
ставленіями въ Москву. Будучи недоволенъ
оными — угадывая, можетъ быть, и злое
его намѣреніе — Іоаннъ велѣлъ ѣхать въ Казань
Дьяку Михайлу Кляпику, чтобы объяснится
съ Царемъ. Тогда Магметъ-Аминь рѣшился Іюня
дѣйствовать явно. Наступалъ праздникъ Ро- 24.
ждества Іоанна Предтечи, день славной
ярмонки въ Казани, гдѣ гости Россійскіе съѣз-
жались съ Азіатскими мѣняться драгоцѣн-

Г. 1505. ными товарами, мирно и спокойно, не опасаясь ни малѣйшаго насилія: ибо Казань уже 17 лѣтъ считалась какъ бы Московскою областію. Въ сей день схватили тамъ Посла Великокняжескаго и нашихъ купцевъ: многихъ умертвили, не щадя ни женъ, ни дѣтей, ни старцевъ; иныхъ започили въ Улусы Ногайскіе; ограбили всѣхъ безъ исключенія. Народы не любятъ господъ чужеземныхъ: Казанцы, обольщенные и свободою и корыстію, служили усерднымъ орудіемъ воли Царской, въ изступленіи злобы лили кровь Москвитянъ и радовались отнятыми у нихъ сокровищами. «Магметъ-Аминь, сказано въ лѣтописи, наполнилъ цѣлую палашу «серебромъ Русскимъ, надѣлалъ себѣ золотыхъ вѣнцевъ, сосудовъ, блюдъ; уже перестал ѣсть изъ мѣдныхъ котловъ или «*опашцъ*, являясь на пирахъ въ сіяніи драгоцѣнныхъ каменьевъ и металловъ, въ «убранствѣ истинно Царскомъ. Самые бѣдные Казанскіе жители разбогатѣли: носивъ «прежде зимою и лѣтомъ овчины, украсились «тканями шелковыми, и въ одеждахъ разноцвѣтныхъ какъ павлины гордо расхаживали «предъ своими *катунами* или домами[840].»

Впаденіе его въ Россію.

Надменный убійствомъ мирныхъ гостей, Магметъ-Аминь вооружилъ 40,000 Казанцевъ, призвалъ 20,000 Ногаевъ, вступилъ въ Россію, умертвилъ нѣсколько тысячь земледѣльцевъ, осадилъ Нижній Новгородъ и выжегъ всѣ посады. Воеводою былъ тамъ Ха-

баръ Симскій: имѣя мало воиновъ для защи- Г.
ны города, онъ выпуспилъ изъ темницы 1505.
300 Литовскихъ плѣниковъ, взятыхъ на Ведрошѣ; далъ имъ ружья и Государевымъ именемъ обѣщалъ свободу, если они храбростію заслужатъ ее. Сія горспь людей спасла крѣпоспь. Будучи искусными спрѣлками, Литовцы убили множество непріятелей и въ томъ числѣ Ногайскаго Князя, шурина Магметъ-Аминева, который, споя близъ спѣны, распоряжалъ приступомъ. Видя его мерпваго, Ногайскіе полки уже не хопѣли биться: сдѣлалась распря между ими и Казанцами; началось даже кровопролипіе. Царь едва могъ смирипь ихъ; снялъ осаду и бѣжалъ во-свояси. — Литовскіе плѣнники немедленно были освобождены, съ честію, благодарностію и дарами.

Великій Князь не успѣлъ наказапь Магметъ-Аминя: высланные пропивъ него Московскіе Воеводы худо исполнили свою обязанность; имѣя около 100,000 рапниковъ, не пошли за Муромъ и дали непріятелю удалипься спокойно[541]. Въ сіе время болѣзнь Іоаннова усилилась: подобно великому своему дѣду, Герою Донскому, онъ хопѣлъ умерепь Государемъ, а не Инокомъ; склоняясь опъ преспола къ могилѣ, еще давалъ повелѣнія для блага Россіи, и пихо скончался 27 Окпября 1505 года, въ первомъ часу ночи, имѣвъ опъ рожденія 66 лѣпъ, 9 мѣсяцевъ, и властпвовавъ 43 года, 7 мѣсяцевъ. Кончина Великаго Князя.

Г. 1505. Тѣло его погребли въ новой церкви Св. Архиспрапнига Михаила. Лѣтописцы не говорятъ о скорби и слезахъ народа: славятъ единственно дѣла умершаго, благодаря Небо за такого Самодержца!

Іоаннъ III принадлежитъ къ числу весьма не многихъ Государей, избираемыхъ Провидѣніемъ рѣшить на-долго судьбу народовъ: онъ есть Герой не только Россійскій, но и Всемірной Исторіи. Не теряясь въ сомнительныхъ умствованіяхъ Метафизики, не дерзая опредѣлять вышнихъ намѣреній Божества, внимательный наблюдатель видитъ счастливыя и бѣдственныя эпохи въ лѣтописяхъ гражданскаго общества, какое-то согласное теченіе мірскихъ случаевъ къ единой цѣли, или связь между оными для произведенія какого нибудь главнаго дѣйствія, измѣняющаго состояніе рода человѣческаго. Іоаннъ явился на театрѣ политическомъ въ то время, когда новая государственная система вмѣстѣ съ новымъ могуществомъ Государей возникала въ цѣлой Европѣ на развалинахъ системы Феодальной или Помѣстной. Власть Королевская усилилась въ Англіи, во Франціи. Испанія, свободная отъ ига Мавровъ, сдѣлалась первостепенною Державою. Португаллія цвѣла, пріобрѣтая богатство успѣхами мореплаванія и важными для торговли открытіями. Раздѣленная Италія

Тогдашнее состояніе Европы.

хвалилась по крайней мѣрѣ флотами, купечествомъ, Искусствами, Науками и тонкою

Политикою. Безпечность и равнодушіе Императора, Фридерика IV, не могли успокоить Германіи, волнуемой междоусобіями; но сынъ его, Максиміанъ, уже гоповилъ въ умѣ своемъ счастливую перемѣну для ея внутренняго состоянія, которой надлежало возвысить достоинство Императорское, униженное слабодушіемъ Рудольфовыхъ преемниковъ, и поставить Домъ Австрійскій на вышнюю степень величія. Венгрія, Богемія, Польша, управляемыя тогда Гедиминовымъ родомъ, составляли какъ бы одну Державу и вмѣстѣ съ Австріею могли обуздывать ужасное для Христіанъ властолюбіе Баязета. Соединеніе трехъ Государствъ Сѣверныхъ, обѣщая имъ силу и важность въ политической системѣ Европы, было предметомъ усилій Короля Датскаго. Республика Швейцарская, основанная любовію къ вольности, безопасная въ оградѣ твердынь Альпійскихъ, но побуждаемая честолюбіемъ и корыстію, хотѣла славы участвовать въ распряхъ Монарховъ сильнѣйшихъ, и заслуживала оную храбростію своихъ пастырей. Ганза — сей торговый и воинскій союзъ осьмидесяти-пяти городовъ Нѣмецкихъ, безпримѣрный въ лѣтописяхъ и весьма достопамятный въ отношеніи къ древней Россіи — пользовалась всеобщимъ уваженіемъ Государей и народовъ. Личная слава Плетенбергова возвысила достоинство Ордена Ливонскаго и Нѣмецкаго. — Кромѣ успѣховъ

1505. г.

г. власти Монархической и разумной Политики,
1505. которая произвела сношенія между самыми отдаленными Государствами — кромѣ лучшаго гражданскаго состоянія, если не всѣхъ, по по крайней мѣрѣ многихъ Державъ — вѣкъ Іоанновъ ознаменовался великими открытіями. Гуттенбергъ и Фаустъ изобрѣли книгопечатаніе, которое болѣе всего способствовало распространенію знаній, едва ли уступая въ важности и въ пользѣ изобрѣтенію буквъ. Коломбъ открылъ новый міръ, привлекательный для хищнаго корыстолюбія и торговли, любопытный для испытателей Естества и для Философа, который, видя тамъ человѣчество въ состояніи дикой Природы и всѣ начальныя степени ума гражданскаго, Исторіею Америки объяснилъ для себя Всемірную. Драгоцѣнныя произведенія Индіи достигали Азова чрезъ Персію и море Каспійское, путемъ многотрудным, медленнымъ, невѣрнымъ: сія страна, древнѣйшая населеніемъ, образованіемъ, художествами, скрывалась отъ Европейцевъ какъ бы за щитомъ непроницаемымъ, и темные объ ней слухи раждали басни о несмѣтныхъ ея богатствахъ. Смѣлые порывы нѣкоторыхъ мореплавателей обойти Африку увѣнчались наконецъ совершеннымъ успѣхомъ, и Васко де-Гама, оставивъ за собою мысъ Доброй Надежды, съ такимъ же восторгомъ увидѣлъ берегъ Индіи, съ какимъ Христофоръ Коломбъ Америку. Сіи два открытія, обо-

гапивъ Европу, распространивъ ея мореплаваніе, умноживъ промышленость, свѣдѣнія, роскошь и пріятности гражданской жизни, имѣли сильное вліяніе на судьбу Державъ. Политика сдѣлалась хитрѣе, дальновиднѣе, многосложнѣе: при заключеніи государственныхъ договоровъ Министры смотрѣли на географическіе чертежи, и вычисляли торговые прибытки, основывая на нихъ государственное могущество; родились новыя связи между народами; однимъ словомъ, началась новая эпоха, если не для мирнаго счастія людей, то по крайней мѣрѣ для ума, для силы Правительствъ и для общественнаго духа Государствъ благопріятная. г. 1505.

Россія около трехъ вѣковъ находилась внѣ круга Европейской политической дѣятельности, не участвуя въ важныхъ измѣненіяхъ гражданской жизни народовъ. Хотя ничто не дѣлается вдругъ; хотя достохвальныя усилія Князей Московскихъ, отъ Калиты до Василія Темнаго, многое приготовили для Единовластія и нашего внутренняго могущества: но Россія при Іоаннѣ III какъ бы вышла изъ сумрака тѣней, гдѣ еще не имѣла ни твердаго образа, ни полнаго бытія государственнаго. Благотворная хитрость Калиты была хитростію умнаго слуги Ханскаго. Великодушный Димитрій побѣдилъ Мамая, но видѣлъ пепелъ столицы и рабольпствовалъ Тохтамышу. Сынъ Донской, дѣйствуя съ необыкновеннымъ благо- Іоаннъ Первецъ величія Россіи.

Г. разумѣемъ, соблюлъ единственно цѣлость
1505. Москвы, невольно уступивъ Смоленскъ и другія наши области Виновну, и еще искалъ милости въ Ханахъ; а внукъ не могъ пропитвиться горсти хищниковъ Тапарскихъ, испилъ всю чашу стыда и гореспи на престолѣ, униженномъ его слабостію, и бывъ плѣнникомъ въ Казани, невольникомъ въ самой Москвѣ, хотя и смирилъ наконецъ внутреннихъ враговъ, но возстановленіемъ Удѣловъ подвергнулъ Великое Княжество новымъ опасностямъ междоусобія. Орда съ Литвою какъ двѣ ужасныя тѣни заслоняли отъ насъ міръ и были единственнымъ политическимъ горизонтомъ Россіи, слабой, ибо она еще не вѣдала силъ, въ ея нѣдрѣ сокровенныхъ. Іоаннъ, рожденный и воспитанный данникомъ степной Орды, подобной нынѣшнимъ Киргизскимъ, сдѣлался однимъ изъ знаменитѣйшихъ Государей въ Европѣ, чтимый, ласкаемый отъ Рима до Царяграда, Вѣны и Копенгагена, не уступая первенства ни Императорамъ, ни гордымъ Султанамъ; безъ ученія, безъ наставленій, руководствуемый только природнымъ умомъ, далъ себѣ мудрыя правила въ Политикѣ внѣшней и внутренней; силою и хитростію возстановляя свободу и цѣлость Россіи, губя Царство Батыево, тѣсня, обрывая Литву, сокрушая вольность Новогородскую, захватывая Удѣлы, расширяя владѣнія Московскія до пустынь Сибирскихъ и Норвежской Лаплан-

дiи, изобрѣлъ благоразумнѣйшую, на дальновидной умѣренностiи основанную для насъ сиспему войны и мира, которой его преемники долженспвовали единспвенно слѣдовань поспоянно, чпобы упвердинь величiе Государспва. Бракосочепаніемъ съ Софiею обрапивъ на себя вниманiе Державъ, раздравъ завѣсу между Европою и нами, съ любопыпспвомъ обозрѣвая прespолы и Царспва, не хопѣлъ мѣшапься въ дѣла чуждыя; принималъ союзы, но съ условiемъ ясной пользы для Россiи; искалъ орудiй для собспвенныхъ замысловъ, и не служилъ никому орудiемъ, дѣйспвуя всегда какъ свойспвенно великому, хипрому Монарху, не имѣющему никакихъ спрасспей въ Полипикѣ, кромѣ добродѣпельной любви къ прочному благу своего народа. Слѣдспвiемъ было по, чпо Россiя, какъ Держава независимая, величespвенно возвысила главу свою на предѣлахъ Азiи и Европы, спокойная внупри, и не боясь враговъ внѣшнихъ. г. 1505.

Совершая сiе великое дѣло, Iоаннъ преимущесспвенно занимался успроенiемъ войска. Лѣпописцы говоряпъ съ удивленiемъ о силныхъ его полкахъ. Онъ первый, кажепся, началъ давапь земли или помѣспья Боярскимъ Дѣпямъ [542], обязаннымъ, въ случаѣ войны, приводинь съ собою нѣсколько вооруженныхъ холопей или наемниковъ, конныхъ или пѣшихъ, соразмѣрно доходамъ помѣспья (онъ сего умножилось число рапни- Устроилъ лучшее войско.

г. ковъ); принималъ въ службу и многихъ Ли-
1550. повскихъ, Нѣмецкихъ плѣнниковъ, волею и неволею: сіи иноземцы жили за Москвою-рѣкою въ особенной слободѣ[545]. Съ его времени также начинаются *Розряды*[544], которые даютъ намъ ясное понятіе о внутреннемъ образованіи войска, состоявшаго обыкновенно изъ пяти такъ называемыхъ *полковъ*: Большаго, Передоваго, Праваго, Лѣваго и Сторожеваго или запаснаго. Каждый имѣлъ своего Воеводу; но Предводитель Большаго Полку былъ главнымъ. Не дозволяя Вождямъ считаться между собою въ старѣйшинствѣ[545], Государь еще менѣе терпѣлъ непослушаніе воиновъ: сынъ Великокняжескій, Димитрій, возвратясь изъ-подъ Смоленска, жаловался, что многіе Дѣти Боярскіе безъ его вѣдома приступали къ городу, отлучались изъ стана и ѣздили грабить: Іоаннъ наказалъ ихъ всѣхъ, темницею или торговою казнію[546]. Силою, устройствомъ, мужествомъ рати и Воеводъ побѣждая отъ Сибири до Эмбаха и Десны, онъ лично не имѣлъ духа воинскаго. «Свашъ мой»—говорилъ объ немъ Стефанъ Молдавскій — «есть странный человѣкъ: сидитъ дома, веселится, спитъ «покойно и торжествуетъ надъ врагами. Я «всегда на конѣ и въ полѣ, а не умѣю защитить земли своей[547].» То есть, Іоаннъ родился не воиномъ, но Монархомъ; сидѣлъ на тронѣ лучше, нежели на рапномъ конѣ, и владѣлъ скиптромъ искуснѣе, нежели ме-

чемъ. Имѣя выспренній умъ для Государ- Г.
спвенной Науки, онъ имѣлъ слугъ для по- 1505.
бѣды: Холмскій, Сприга, Щеня вели къ ней
его легіоны. Воинъ на престолѣ опасенъ:
легко можетъ обмануть себя и начать кро-
вопролитіе только для своего личнаго славо-
любія; легко можетъ одною несчастною
битвою упратить плоды десяти счастли-
выхъ. Ему трудно быть миролюбивымъ: а
народы желаютъ сего качества въ Вѣнце-
носцахъ. Одна необходимая для государствен-
ной цѣлости и независимости война есть
законная: такъ Іоаннъ воевалъ съ Ахматомъ
и Литвою, среди успѣховъ не отвергая ми-
ра, согласнаго съ нашимъ благомъ.

Внутри Государства онъ не только у- Утвер-
чредилъ Единовластіе—до времени оставивъ дилъ Еди-
права Князей Владѣтельныхъ однимъ Укра- новлас-
инскимъ или бывшимъ Литовскимъ, чтобы тіе.
сдержать слово и не дать имъ повода къ
измѣнѣ — но былъ и первымъ, истиннымъ
Самодержцемъ Россіи, заставивъ благого-
вѣть предъ собою Вельможъ и народъ, вос-
хищая милостію, ужасая гнѣвомъ, отмѣнивъ
частныя права, несогласныя съ полновла-
стіемъ Вѣнценосца. Князья племени Рюри-
кова и Св. Владиміра служили ему на-равнѣ
съ другими подданными и славились титу-
ломъ Бояръ, Дворецкихъ, Окольничихъ, ко-
гда знаменитою, долговременною службою
пріобрѣтали оное. Василій Темный оставилъ
сыну только четырехъ Великокняжескихъ

Г. 1505. Бояръ, Дворецкаго, Окольничаго: Іоаннъ въ 1480 году имѣлъ уже 19 Бояръ и 9 Окольничихъ, а въ 1495 и 1496 годахъ учредилъ санъ Государственнаго Казначея, Поспельничаго, Ясельничаго, Конюшаго[548]. Имена ихъ вписывались въ особенную книгу для свѣдѣнія потомковъ. Все сдѣлалось чиномъ или милостію Государевою. Между Боярскими Дѣтьми, придворными или младшими Дворянами находились сыновья Князей и Вельможъ. — Председательствуя на Соборахъ Церковныхъ, Іоаннъ всенародно являлъ себя Главою Духовенства; гордый въ сношеніяхъ съ Царями, величавый въ пріемѣ ихъ Посольствъ, любилъ пышную торжественность; уставилъ обрядъ *цѣлованія* Монаршей руки въ знакъ лестной милости[549]; хотѣлъ и всѣми наружными способами возвышаться предъ людьми, чтобы сильно дѣйствовать на воображеніе; однимъ словомъ, разгадавъ тайны Самодержанія, сдѣлался какъ бы земнымъ Богомъ для Россіянъ, которые *съ сего времени* начали удивляться всѣ иные народы своею безпредѣльною покорностію волѣ Монаршей. Ему первому дали въ Россіи имя *Грознаго*[550], но въ похвальномъ смыслѣ: грознаго для враговъ и спротивныхъ ослушниковъ. Впрочемъ, не будучи тираномъ подобно своему внуку, Іоанну Василіевичу Второму, онъ безъ сомнѣнія имѣлъ природную жестокость во нравѣ, умѣряемую въ немъ силою разума. Рѣдко основатели

Имя Грознаго.

Жестокость его характера

Монархій славяпся нѣжною чувспвипельно- г.
спію, и пвердоспь, необходимая для вели- 1505.
кихъ дѣлъ государспвенныхъ, граничипъ съ суровоспію. Пишупъ, чпо робкія женщины падали въ обморокъ опъ гнѣвнаго, пламеннаго взора Іоаннова; чпо проспители боялись ипти ко прону; чпо Вельможи препепали и на пирахъ во дворцѣ, не смѣли шепнупь слова, ни пронупься съ мѣспа, когда Государь, упомленный шумною бесѣдою, разгоряченный виномъ, дремалъ по цѣлымъ часамъ за обѣдомъ: всѣ сидѣли въ глубокомъ молчаніи, ожидая новаго *приказа* веселипь его и веселиться[551]. — Уже замѣпивъ спрогоспь Іоаннову въ наказаніяхъ, прибавимъ, чпо самые знапные чиновники, свѣпскіе и духовные, лишаемые сана за преспупленія, не освобождались опъ ужасной порговой казни: пакъ (въ 1491 году) всенародно сѣкли кнупомъ Ухпомскаго Князя, Дворянина Хомупова и бывшаго Архимандрипа Чудовскаго, за подложную грамопу, сочиненную ими на землю умершаго брапа Іоаннова[552].

Испорія не есть похвальное слово, и не предспавляепъ самыхъ великихъ мужей совершенными. Іоаннъ какъ человѣкъ не имѣлъ любезныхъ свойспвъ ни Мономаха, ни Донскаго, но споипъ какъ Государь на вышней спепени величія. Онъ казался иногда боязливымъ, нерѣшипельнымъ, ибо хопѣлъ всегда дѣйспвовапь оспорожно. Сія оспорожноспь есть вообще благоразуміе: оно не плѣняепъ

Мнимая нерѣшипельность есть оспорожность.

Г. 1505. насъ подобно великодушной смѣлости; но успѣхами медленными, какъ бы неполными, даетъ своимъ твореніямъ прочность. Что оставилъ міру Александръ Македонскій? славу. Іоаннъ оставилъ Государство удивительное пространствомъ, сильное народами, еще сильнѣйшее духомъ Правленія, то, которое нынѣ съ любовію и гордостію именуемъ нашимъ любезнымъ отечествомъ. Россія Олегова, Владимірова, Ярославова погибла въ нашествіе Моголовъ: Россія нынѣшняя образована Іоанномъ; а великія Державы образуются не механическимъ слѣпленіемъ частей, какъ пѣла минеральныя, но превосходнымъ умомъ Державныхъ. Уже современники первыхъ счастливыхъ дѣлъ Іоанновыхъ возвѣстили въ Исторіи славу его: знаменитый Лѣтописецъ Польскій, Длугошъ, въ 1480 году заключилъ свое твореніе хвалою сего непріятеля Казимирова[583]. Нѣмецкіе, Шведскіе Историки шестаго-надесять вѣка согласно приписали ему имя Великаго[584]; а новѣйшіе замѣчаютъ въ немъ разительное сходство съ Петромъ Первымъ[585]; оба безъ сомнѣнія велики; но Іоаннъ, включивъ Россію въ общую государственную систему Европы и ревностно заимствуя искусства образованныхъ народовъ, не мыслилъ о введеніи новыхъ обычаевъ, о перемѣнѣ нравственнаго характера подданныхъ; не видимъ также, чтобы пекся о просвѣщеніи умовъ Науками: призывая худож-

Сходство съ Петромъ I

никовъ для украшенія сполицы и для успѣховъ воинскаго искусспва, хопѣлъ единспвенно великолѣпія, силы; и другимъ иноземцамъ не заграждалъ пупи въ Россію, но единспвенно пакимъ, копорые могли служипь ему орудіемъ въ дѣлахъ Посольскихъ или порговыхъ; любилъ изъявляпь имъ польско милоспь, какъ приспойно великому Монарху, къ чеспи, не къ униженію собспвеннаго народа. Не здѣсь, но въ Испоріи Петра должно изслѣдовапь, кпо изъ сихъ двухъ Вѣнценосцевъ поспупилъ благоразумнѣе или согласнѣе съ испинною пользою опечеспва. — Между иноземцами, копорые искали погда убѣжища и службы въ Москвѣ, доспойны замѣчанія Князь Таманскій, Гуйгурсисъ, жерпва Сулпанскаго насилія, и Кафинскій Еврей Скарья: Государь милоспивыми грамопами, скрѣпленными золопою печапію, дозволивъ имъ быпь къ себѣ, увѣрялъ ихъ въ особенномъ покровипельспвѣ и въ совершенной свободѣ выѣхапь изъ Россіи, если не захопяпъ въ ней оспапься[556]. Г. 1505.

Пепръ думалъ возвысипь себя чужезем- Типулъ Цар-
нымъ названіемъ Имперапора: Іоаннъ гор- скій.
дился древнимъ именемъ Великаго Князя и не хопѣлъ новаго; однакожь въ сношеніяхъ съ иноспранцами принималъ имя *Царя*[557], какъ почепное пипло Великокняжескаго сана, издавна упопребляемое въ Россіи. Такъ Изяславъ II, Димипрій Донскій назывались *Царями*[558]. Сіе имя не есть сокращеніе Лапинскаго Caesar, какъ многіе неосновапель-

Г. 1505. но думали, но древнее Восточное, которое сдѣлалось у насъ извѣстно по Славянскому переводу Библіи и давалось Императорамъ Византійскимъ, а въ новѣйшія времена Ханамъ Могольскимъ, имѣя на языкѣ Персидскомъ смыслъ *трона* или верховной власти [559]; оно замѣтно также въ окончаніи собственныхъ именъ Монарховъ Ассирійскихъ и Вавилонскихъ: Фалла*ссаръ*, Набона*ссаръ*, и проч. — Исчисляя въ титулѣ своемъ всѣ особенныя владѣнія Государства Московска-

Бѣлая Россія го, Іоаннъ наименовалъ оное *Бѣлою Россіею*, по есть, великою или древнею, по смыслу сего слова въ языкахъ Восточныхъ [560].

Умноженіе доходовъ. Онъ умножилъ государственные доходы пріобрѣтеніемъ новыхъ областей и лучшимъ порядкомъ въ собираніи дани, расписавъ земледѣльцевъ на сохи [561], и каждаго обложивъ извѣстнымъ количествомъ сельскихъ, хозяйственныхъ произведеній и деньгами: что записывалось въ особенныя книги. На примѣръ, два земледѣльца, высѣвая для себя 6 *коробей* или четвертей ржи, давали ежегодно Великому Князю 2 гривны и 4 деньги (около нынѣшняго серебрянаго рубля), 2 четверти ржи, при овса, осьмину пшеницы, ячменя, такъ, что съ пятла сходило по нынѣшнимъ умѣреннымъ цѣнамъ болѣе двадцати рублей нашими ассигнаціями. Нѣкоторые крестьяне представляли въ казну пятую или четвертую долю собираемаго хлѣба, барановъ, куръ,

сыръ, яица, овчины и проч.[562]. Одни давали г.
болѣе, другіе менѣе, смотря по изобилію 1505.
или недоспатку въ угодьяхъ. — Торговля
также обогащала Казну болѣе прежняго.
Россія сдѣлалась извнѣ независимою, внутри спокойною: Государь любилъ пышность, дополѣ неизвѣстную, и купцы наши вмѣстѣ съ иноземными спремились удовлетворять новымъ потребностямъ Москвы, гдѣ находилось для нихъ нѣсколько гостиныхъ казенныхъ дворовъ, и гдѣ собиралась пошлина съ товаровъ и съ лавокъ[563]. Іоаннъ перевелъ древнюю ярмонку изъ Холопьяго города въ Мологу, помѣстье сына его, Димитрія, и велѣлъ ему довольствоваться тамъ старыми купеческими сборами, не умножать ихъ, не вымышлять новыхъ, предписавъ его братьямъ, чтобы они не запрещали своимъ людямъ ѣздить на сію важную для Россіи ярмонку[564]. Вѣроятно, что Казна имѣла также не малый доходъ отъ внѣшней торговли: не даромъ Великій Князь столь ревностно заботился объ ея безопасности въ Азовѣ и въ Кафѣ; недаромъ Послы его обыкновенно ѣзжали туда съ обозами купеческими, нагруженными пушнымъ, драгоцѣннымъ товаромъ, мѣхами собольими, лисьими, горноспаевыми, зубами рыбьими, *Лунскими* (Нѣмецкими, Лондонскими) однорядками, холстомъ, юфтью: на что Россіяне вымѣнивали жемчугъ, шелкъ, тафту[565]. Богатство *древнихъ* нашихъ Государей из-

Г. 1505. вѣсшно болѣе по сказкамъ, нежели по дѣйсшвишельнымъ исшорическимъ свидѣшельсшвамъ. Не говоря о дани, взяшой Олегомъ съ Грековъ [566], знаемъ только, чшо Византійскій Имперашоръ Никифоръ далъ Свяшославу 15 ценшнеровъ золошa [567], если вѣришь Льву Діакону, и чшо Мономахъ (какъ означено *буквою* въ рукописи его *Поученія*) привезъ ошцу *триста* гривенъ сего меша-ла[568]. По крайней мѣрѣ *новѣйшіе* Великіе Князья не могли равняшься богашсшвомъ съ Іоанномъ. «Каждому изъ сыновей моихъ» — говоришъ онъ въ завѣщаніи — «оснавляю по «нѣскольку ларцевъ съ казною, за ихъ и мо-«ею печашями, у Государсшвеннаго Казна-«чея, Печашника и Дьяковъ. Всѣ иныя со-«кровища, лалы, яхоншы, жемчугъ, драго-«цѣнныя иконы, сосуды, деньги, золошо и «серебро, соболи, шелковыя шкани, одежды — «все, чшо находишся въ моей казнѣ *посшель-«ной*, у Дворецкаго, Конюшаго, Ясельничихъ, «Прикащиковъ, въ Москвѣ, въ Твери, Новѣ-«городѣ, Бѣлѣозерѣ, Вологдѣ и вездѣ-шо все «сыну моему Василію[569].» — Вспомнимъ, чшо кромѣ умноженія обыкновенныхъ, позем ельныхъ и шаможенныхъ доходовъ, открышіе и произведенія Пермскихъ рудниковъ служили новымъ испочникомъ богашсшва для государсшвованія Іоаннова.

Законы Іоанновы.

Сей Монархъ, оружіемъ и Полишикою возвеличивъ Россію, спарался, подобно Ярославу I, уповердишь ея внушреннее благо-

успройство общими гражданскими законами, г.
въ коихъ она имѣла необходимую нужду, 1505.
бывъ долгое время жертвою разновластія
и безпорядка. Митрополитъ Геронтій, въ
1488 году опсылая нѣкопорыхъ лишенныхъ
сана Іереевъ къ суду Государева Намѣстника, пишетъ въ своей грамотѣ, что они должны быть судимы, какъ уставилъ Великій Князь, по *Царскимъ Правиламъ*, или по законамъ Царей Греческихъ, внесеннымъ въ Кормчую Книгу[570]: слѣдственно сія Книга служила тогда для насъ и гражданскимъ Уложеніемъ въ случаяхъ не опредѣленныхъ Россійскимъ Правомъ. Но въ 1497 году Іоаннъ велѣлъ Дьяку Владиміру Гусеву собрать всѣ наши древнія судныя грамоты, разсмотрѣлъ, исправилъ, и выдалъ собственное Уложеніе, писанное весьма ясно, основательно[571]. Главнымъ судіею былъ Великій Князь съ дѣтьми своими; но онъ давалъ сіе право Боярамъ, Окольничимъ, Намѣстникамъ, такъ называемымъ *Волостелямъ* и помѣстнымъ Дѣтямъ Боярскимъ, которые однакожь не могли судить безъ Старосты, Дворскаго и *лучшихъ людей*, избираемыхъ гражданами. Судьямъ воспрещалось всякое пристрастіе, лихоимство; но осужденный платилъ имъ и Дьякамъ ихъ десятую долю иска, сверхъ пошлины за печать, за бумагу, за трудъ. Все рѣшилось единоборствомъ: самое душегубство, зажигательство, разбой; виновнаго, то есть побѣжденнаго, казнили

Г. смертію: всю собственность его отдавали
1505. истцу и судьямъ. За *первую* тапьбу, кромѣ церковной и *головной* (по есть, похищенія людей), сѣкли кнутомъ и лишали имѣнія, дѣлимаго между истцемъ и судьею; преступникъ бѣдный выдавался истцу головою. За *вторую* тапьбу казнили смертію, и даже безъ суда, когда пять или шесть *добрыхъ* гражданъ утверждали клятвенно, что обвиняемый есть воръ извѣстный. Человѣка *подозрительнаго*, оговореннаго тапемъ, пытали; но *безпорочнаго* не касались и требовали отъ него только поруки до объясненія дѣла. Несправедливое рѣшеніе судей уничтожалось Великимъ Княземъ, но безъ всякаго для нихъ наказанія. Съ жалобою, съ доносомъ надлежало ѣхать въ Москву, или къ Намѣстнику, или къ Боярину, имѣвшему судную власть въ той области, гдѣ жилъ отвѣтчикъ, за коимъ посылали *Недѣльщика* или Пристава. Являлись свидѣтели. Судья спрашивалъ: «можно ли имъ вѣрить? *Допросите ихъ, какъ законъ и совѣсть повелѣваютъ*, отвѣтствовали судимые. Свидѣтели начинали говорить: обвиняемый возражалъ, заключая обыкновенно рѣчь свою такъ: «требую присяги и суда «Божія; требую *поля* и единоборства[572]. Каждый вмѣсто себя могъ выставить бойца. Окольничій и Недѣльщикъ назначали мѣсто и время. Избирали любое оружіе, кромѣ огнестрѣльнаго и лука; сражались обыкновенно въ лапахъ и въ шлемахъ, копьями, сѣкира-

ми, мечами, на коняхъ или пѣшіе; иногда г. 1505.
употреблялись и кинжалы. Пишутъ, что въ Москвѣ былъ славный, искусный и сильный боецъ, съ которымъ уже никто не смѣлъ схватиться, но котораго убилъ одинъ Литвинъ. Іоаннъ оскорбился; хотѣлъ видѣть побѣдителя, взглянулъ гнѣвно, плюнулъ на землю, и запретилъ судные поединки между своими и чужеспранцами: ибо послѣдніе, зная превосходную силу Россіянъ, одолѣвали ихъ всегда хитростію.

Сіе Уложеніе, древнѣйшее послѣ Ярослава, не должно удивлять насъ своею краткостію: гдѣ всѣ запрудненія въ тяжбахъ рѣшились остръмъ желѣзомъ; гдѣ законодатель, такъ сказать, не распутывалъ ихъ узла глубокомысленными соображеніями, а разсѣкалъ его сполъ чуднымъ уставомъ: тамъ надлежало единственно дать правила для судебныхъ поединковъ. Видимъ, какъ и въ первобытныхъ нашихъ законахъ[573], великую довѣренность къ присягѣ, къ совѣсти людей. Тѣлесныя наказанія унижали человѣчество въ преступникахъ; но имя *добраго* гражданина, безъ всякаго инаго типла, было правомъ на государственное уваженіе: кто имѣлъ его, тотъ въ случаѣ свидѣтельства однимъ словомъ спасалъ невиннаго или губилъ виновнаго. — Несогласные съ разсудкомъ, поединки судебные могли однакожъ утверждать безопасность Государства: они питали воинскій духъ народа.

Г 1505. Въ Уложеніи Іоанновомъ находятся весьма немногія постановленія о куплѣ, займѣ, наслѣдствѣ, земляхъ, межахъ, холопяхъ, земледѣльцахъ. На примѣръ: 1) «Кто купилъ «вещь новую при двухъ или прехъ честн- «ныхъ свидѣтеляхъ, тотъ уже не лишает- «ся ее, хотя бы она была и краденая; но «*кромѣ лошади:*» слѣдственно лошадь возвращалась хозяину. — 2) «Если деньги или «товары, взятые купцемъ, будутъ у него «въ пути отняты, сгорятъ или утратятся- «ся безъ его вины: то ему дать время, для «платежа, и безъ всякаго росту; въ про- «тивномъ же случаѣ онъ, какъ виновный, «отвѣтствуетъ всѣмъ имѣніемъ и головою.» Сей законъ есть древній Ярославовъ. — 3) «Кто умретъ безъ духовной грамоты, не «имѣя сына: того имѣніе и земли принадле- «жатъ дочери; а буде нѣтъ и дочери, то бли- «жайшему родственнику. — 4) Между селами «и деревнями должны быть загороды: въ «случаѣ поправы взыскать убытокъ съ того, «въ чью загороду прошелъ скотъ. Кто уничто- «житъ межу или грань, того бить кнутомъ и «взять съ него рубль въ удовлетвореніе исп- «цу» (законъ Ярославовъ). — 5) «Кто три года «владѣетъ землею, тому она уже крѣпка; но «если истецъ Великій Князь, то сроку для «иска полагается шесть лѣтъ: далѣе нѣтъ «суда о землѣ. — 6) Крестьяне (или свобод- «ные земледѣльцы) отказываются изъ во- «лости въ волость, изъ села въ село (но

«есть, переходятъ отъ одного владѣльца къ «другому) за недѣлю до Юрьева дни, и черезъ «недѣлю послѣ онаго. Пожилаго за дворъ «назначается рубль въ степныхъ мѣстахъ, «а въ лѣсныхъ 100 денегъ. — 7) Холопъ или «рабъ, съ женою и дѣтьми, есть попъ, «кто даетъ на себя крѣпость, кто идетъ «къ господину въ Тіуны» (законъ Ярослановъ) «и ключники сельскіе (но если дѣти «служатъ другому господину или живутъ «сами собою, то они не участвуютъ въ «судьбѣ отца); кто женится на рабѣ; кто «отдастъ въ приданое или отказатъ по ду- «ховному завѣщанію. Если холопъ, взятый «въ плѣнъ Татарами, уйдетъ отъ нихъ: то «онъ уже свободенъ, и не принадлежитъ «своему бывшему господину. Если отпуск- «ная, данная рабу, писана рукою господина, «но она всегда дѣйствительна: иначе долж- «на быть явлена Боярамъ и Намѣстникамъ, «имѣющимъ судное право, и подписана Дья- «комъ. — 8) Попа, Діакона, Монаха, Монахи- «ню, старую вдову (которая питается отъ «церкви Божіей) судитъ Святитель; а міря- «нину съ церковнымъ человѣкомъ судъ об- «щій.» — Сіи законы, съ помощію Грече- скихъ, или Номоканона[574], были достаточны. Древніе обычаи служили имъ дополненіемъ. г. 1305.

Іоаннъ учредилъ лучшую городскую Ис- праву или Полицію: онъ велѣлъ поставить на всѣхъ Московскихъ улицахъ *решетки* (или рогатки), чтобы ночью запирать ихъ для Городская и Земская Полиція.

Г. безопасности домовъ[575]; не терпя шума и
1505. безпорядка въ городѣ, указомъ запретилъ гнусное пьянство[576]; пекся о дорогахъ: велѣлъ почину, ямы, гдѣ путешественникамъ давали не только лошадей, но и пищу, если они имѣли на то приказъ Государевъ[577]. Здѣсь же вмѣстимъ одну любопытную черту его заботливости о физическомъ благосостояніи народа. Открытіе Америки доставило Европѣ золото, серебро и болѣзнь, которая донынѣ свирѣпствуетъ во всѣхъ ея странахъ, искажая человѣчество, и которая съ удивительною быстротою разлила свой ядъ отъ Испаніи до Литвы. Сперва не знали ея причины, и лицемѣры нравственности не таились съ нею во мракѣ. Историкъ Литовскій пишетъ слѣдующее: «Въ 1493 году одна женщина привезла изъ «Рима въ Краковъ болѣзнь *Французскую*. «Сія ужасная казнь вдругъ поспигла мно«гихъ: въ числѣ ихъ находился и *Карди«налъ* Фридерикъ[578].» Слухъ о томъ дошелъ до Москвы: Великій Князь, въ 1499 году посылая въ Литву Боярскаго Сына, Ивана Мамонова, въ данномъ ему наставленіи говоритъ: «Будучи въ Вязьмѣ, развѣ«дай, не пріѣзжалъ ли кто изъ Смоленска «съ недугомъ, въ коемъ тѣло покрывается «болячками, и который называютъ Фран«цузскимъ[579]?» Іоаннъ хотѣлъ предохранить свой народъ отъ новаго бича Небеснаго.

Мы говорили о важнѣйшихъ дѣлахъ Церковныхъ. Кромѣ суда надъ еретиками, было еще три Собора: первый для уложенія Церковной Пасхаліи на осьмое тысящелѣтіе, которое настало въ 31 годъ Іоаннова государствованія. Суевѣрные успокоились; увидѣли, что земля стоитъ и небесный сводъ не колеблется съ исходомъ *седьмой тысячи*[330]. Митрополитъ Зосима созвалъ Епископовъ и поручилъ Геннадію Новогородскому сдѣлать исчисленія Церковнаго Круга. Сей разумный Святитель написалъ введеніе, гдѣ свидѣтельствами Апостоловъ и правилами истиннаго Христіанства опровергаетъ всѣ мнимыя предсказанія о концѣ міра, извѣстномъ единому Богу. «Намъ должно, говоритъ «онъ, не искать таинствъ сокровенныхъ «отъ мудрости человѣческой, но молить «Вседержителя о благоустройствѣ міра и «Церкви, о здравіи и спасеніи великаго Госу- «даря нашего, да цвѣтетъ его Держава сі- «лою и побѣдою.» Сперва изложили Пасхалію только на 20 лѣтъ и дали разсмотрѣть оную Пермскому Епископу Филоѳею, котораго вычисленія утвердили ея вѣрность [331]: послѣ того Геннадій означилъ на большихъ листахъ круги солнечные, лунные, Основанія, Эпакты, *въ руцѣ лѣто* и *ключи границъ* отъ 533 до 7980 года. Сей Соборъ утвердилъ, что годъ начинается въ Россіи вмѣстѣ съ Индиктомъ 1 Сентября.

г. 1505. Соборы.

г. 1505. Вторый Соборъ былъ при Симонѣ Митрополитѣ. Въ 1500 году раздавъ Новогородскія церковныя земли Дѣтямъ Боярскимъ, Великій Князь мыслилъ, чтo Духовенству, и въ особенности Инокамъ, непристойно владѣть безчисленными селами и деревнями, которыя возлагали на нихъ множество мірскихъ заботъ. Сіе важное дѣло именемъ Государя было предложено Митрополиту и всѣмъ Епископамъ въ общемъ ихъ Совѣтѣ[582]. Іоаннъ не присутствовалъ въ оном. Митрополитъ послалъ къ нему Дьяка Левапа съ такими словами: «Отецъ твой, Си-
«монъ Митрополитъ всея Русіи, Епископы
«и весь Освященный Соборъ говорятъ, что
«отъ Равноапостольнаго Великаго Царя Кон-
«стантина до позднѣйшихъ временъ вездѣ
«Святители и монастыри *держали грады*,
«*власти и села:* никогда Соборы Св. Отцевъ
«не запрещали сего; запрещали имъ един-
«ственно продавать недвижимое достояніе.
«При самыхъ предкахъ твоихъ, Великомъ
«Князѣ Владимірѣ, Ярославѣ, Андреѣ Бого-
«любскомъ, братѣ его Всеволодѣ, Іоаннѣ Да-
«ніиловичѣ, внукѣ блаженнаго Александра,
«современникѣ Чудотворца Петра Митро-
«полита, и до нашего времени Святители
«и монастыри имѣли грады и власти, сло-
«боды и села, управы, суды, пошлины, об-
«роки и дани церковныя. Не Святый ли
«Владиміръ, не Великій ли Ярославъ сказали
«въ Уставѣ своемъ: *кто преступитъ его изъ*

«*дѣтей или потомковъ моихъ; кто захва-* Г.
«*титъ церковное достояніе и десятины Свя-* 1505.
«*тительскія, да будетъ проклятъ въ сей вѣкъ*
«*и будущій*? Самые злочестивые Цари Ор-
«динскіе, боясь Господа, щадили собственно-
«носпь монастырей и Святительскую: *не*
«*смѣли двигнути вещей недвижимыхъ*..... И
«такъ не дерзаемъ и *не благоволимъ* оп-
«дань церковнаго стяжанія: ибо оно есть
«Божіе и неприкосновенно.» Великій Князь не
захотѣлъ упорствовать; мыслилъ, но не со-
вершилъ того, что и въ самомъ осьмомъ-
надесять вѣкѣ еще казалось у насъ смѣлостію. Екатерина II чрезъ 265 лѣтъ исполнила мысль Іоанна III, присоединивъ земли и села церковныя къ государственному достоянію и назначивъ Духовенству денежное жалованье.

На третьемъ Соборѣ (въ 1503 году) Іоаннъ уставилъ съ Митрополитомъ, слѣдуя правиламъ Апостольскимъ и Св. Петра Чудотворца, чтобы ни Іереи, ни Діаконы вдовые не священнодѣйствовали. «Забывъ страхъ
«Божій» — сказано въ семъ приговорѣ — «многіе изъ нихъ держали наложницъ, именуемыхъ *полу-попадьями*. Отнынѣ дозволяемъ
«имъ только, буде ведутъ жизнь непорочную, пѣть на крылосахъ и причащаться
«въ олтаряхъ, Іереямъ въ епитрахиляхъ, а
«Діаконамъ въ стихаряхъ, и брать четверную долю изъ церковныхъ доходовъ; уличен-
«ные же въ порокъ любострастія да жи-

Г. 1505. «вупъ въ мірѣ и ходяпъ въ свѣпской одеж-
«дѣ. Еще успавляемъ, чпобы Монахамъ и
«Монахинямъ не жипь никогда вмѣспѣ, но
«быпь въ особенноспи монаспырямъ жен-
«скимъ и мужескимъ[583],» и проч. — Грамо-
пою сего же Собора, скрѣпленною подпися-
ми Свяпипелей, запрещалось всякое церков-
ное мздоимспво. Не смопря на по, Архі-
епископъ Геннадій дерзнулъ явно брапь день-
ги съ посвящаемыхъ имъ Іереевъ и Діако-
новъ: спрогій Іоаннъ, свергнувъ его съ пре-
спола Свяпипельскаго, заперъ въ Чудовѣ
монаспырѣ, гдѣ онъ и кончилъ дни свои въ
гореспи[584].

Поспавленіе Кесарійскаго Мипрополипа въ Москвѣ.

Ревноспный ко благу и доспоинспву Церкви, Великій Князь съ удовольспвіемъ видѣлъ новую чеспь Духовенспва Россій-
скаго. Прежде оно искало милоспи въ Ви-
занпійскихъ Свяпипеляхъ: погда Москва
сдѣлалась Византіею, и Греки приходили къ
намъ не пользо за дарами, но и за саномъ
Свяпипельскимъ. Въ 1464 году Мипрополи-
липъ Ѳеодосій поспавилъ въ Москвѣ Мипро-
полипа Кесаріи. Папріархъ Іерусалимскій,
угнепаемый пиранспвомъ Египепскаго Сул-
пана, оспавилъ Свяпыя мѣспа и скончался
на пупи въ Россію. Она была упѣшеніемъ

Россійскій монаспыр. на Аѳонской горѣ.

бѣдныхъ Грековъ, копорые хвалились ея
Православіемъ и величіемъ какъ бы ихъ соб-
спвеннымъ. Знамениные монаспыри Аѳон-
скіе существовали нашими благодѣяніями,
въ особенноспи монаспырь Панпелеймона,

основанный древними Государями Кіевски- Г. 1505.
ми[685].

Соглашая уваженіе къ Духовенспву съ правилами всеобщей Монархіей власпи, Іоаннъ въ дѣлахъ Вѣры соглашалъ шерпимоспь съ усердіемъ ко Православію. Онъ покровипельспвовалъ въ Россіи и Магомеданъ и самыхъ Евреевъ, но пѣмъ болѣе изъявлялъ удовольспвія, когда Христіане Латинской Церкви добровольно обращались въ наше Исповѣданіе. Вмѣспѣ съ брапомъ Великой Княгини Софіи, съ Ипаліянскими и съ Нѣмецкими художниками, въ 1490 году пріѣхалъ въ Москву Каплапъ Августинскаго Ордена, именуемый въ лѣтописи Иваномъ *Спасителемъ*: онъ поржественно принялъ Греческую Вѣру, женился на Россіянкѣ и получилъ опъ Великаго Князя богапое село въ награду[686].

Капланъ Августинскаго Ордена принимаетъ Греческую Вѣру.

Описавъ государспвенныя и церковныя дѣянія, упомянемъ о нѣкопорыхъ бѣдспвіяхъ сего времени. Въ 1478 и 1487 годахъ возобновлялся моръ въ сѣверо-западныхъ обласпяхъ Россіи, Успюгѣ, Новѣгородѣ, Псковѣ. Были неурожаи, голыя зимы, чрезвычайныя разлипія водъ, необыкновенныя бури, и въ 1471 году, Августа 29, землепрясеніе въ Москвѣ. Цѣлые города обращались въ пепелъ, а сполица нѣсколько разъ. Въ сихъ ужасныхъ пожарахъ, днемъ и ночью, Великій Князь самъ являлся на конѣ съ Дѣпьми Боярскими, оспавляя прапезу и ложе: ука-

Нѣкопорыя бѣдспвія Іоаннова вѣка.

Г. зывалъ, распоряжалъ, тушилъ огонь, ломалъ
1505. домы, и возвращался во дворецъ уже погда, какъ все угасало[887].

Наконецъ замѣтимъ еще двѣ достопамятности: первая относится къ исторіи нашихъ старинныхъ обычаевъ; вторая къ ученой исторіи древнихъ путешествій.

Іоаннъ, особенно любя свою меньшую дочь, не хотѣлъ разстаться съ нею и не искалъ ей женіховъ внѣ Россіи. Горестныя слѣдствія Еленина супружества, хотя и блестящаго, тѣмъ болѣе отвращали его отъ мысли выдать Ѳеодосію за какого нибудь иноземнаго Принца. Въ 1500 году онъ сочепалъ ее съ Княземъ Василіемъ Холмскимъ, Бояриномъ и Воеводою, сыномъ Даніила, славнаго мужествомъ и побѣдами, который умеръ чрезъ шесть лѣтъ по завоеваніи Казани[888].

Древнѣйшее описаніе Княжеской свадьбы.

Сія свадьба описана въ прибавленіи Розрядныхъ Книгъ съ нѣкоторыми любопытными обстоятельствами. Знаменитый противникъ Ливонскаго Магистра, Героя Плеттенберга, Бояринъ и Полководецъ, Князь Даніилъ Пенко-Ярославскій, былъ въ *Тысяцкихъ*, а Князь Петръ Нагой-Оболенскій въ *Дружкахъ* съ ихъ женами. Въ поѣздѣ съ женихомъ находилось болѣе ста Князей и знатнѣйшихъ Дѣтей Боярскихъ. У саней Великихъ Княгинь, Софіи и Елены, шли Бояре, Греческіе и Россійскіе. Свадьбу вѣнчалъ Митрополитъ въ храмѣ Успенія. Не забыли никакого обряда, нужнаго, какъ думали, для

счастія супруговъ ; всѣ желали его и пред- г.
сказывали молодымъ ; веселились , пировали 1505.
во дворцѣ до ночи. — Счастливыя предска-
занія не сбылися: Ѳеодосія ровно черезъ годъ
скончалась.

Доселѣ Географы не знали , что честь Путе-
одного изъ древнѣйшихъ , описанныхъ Евро- шествіе
пейскихъ путешествій въ Индію принадле- въ Ин-
житъ Россіи Іоаннова вѣка. Нѣкто Ѳанасій дію.
Никитинъ, Тверскій житель, около 1470 года
былъ по дѣламъ купеческимъ въ Деканѣ и
въ Королевствѣ Голькондскомъ. Мы имѣемъ
его записки[589], которыя хотя и не показы-
ваютъ духа наблюдательнаго , ни ученыхъ
свѣдѣній, однакожь любопытны, пѣмъ бо-
лѣе , что тогдашнее состояніе Индіи намъ
почти совсѣмъ неизвѣстно. Здѣсь не мѣсто
описывать подробности. Скажемъ только ,
что нашъ путешественникъ ѣхалъ Волгою
изъ Твери до Астрахани , мимо Татарскихъ
городовъ *Услана* и *Берекзаны* ; изъ Астра-
хани въ Дербентъ , Бокару , Мазандеранъ ,
Амоль, Кашанъ, Ормусъ, Маскатъ, Гузуратъ
и далѣе, сухимъ путемъ, къ горамъ Индѣй-
скимъ, до Бедера , гдѣ находилась столица
Великаго Султана *Хоросанскаго;* видѣлъ *Ин-
дѣйскій Іерусалимъ*, то есть, славный Элор-
скій храмъ, какъ вѣроятно; именуетъ горо-
да, коихъ нѣтъ на картахъ; замѣчаетъ до-
стопамятное; удивляется роскоши Вельможъ
и бѣдности народа ; осуждаетъ не только
суевѣріе, но и худые нравы жителей испо-

Г. 1505. вѣдующихъ Вѣру Брамы; вездѣ поскуепъ о православной Руси, сожалѣя, если кпо изъ нашихъ единоземцевъ, прельщенный славою Индѣйскихъ богапспвъ, вздумаепъ ѣхапь по его слѣдамъ въ сей мнимый рай купечеспва, гдѣ много перцу и красокъ, но мало *годнаго для Россіи*; наконецъ возвращаепся въ Ормусъ, и чрезъ Испагань, Сулпанію, Требизонпъ прибывъ въ Кафу, заключаепъ исторію своего шеспилѣпняго пупенеспвія, копорое едва ли досправило ему чпо нибудь, кромѣ удовольспвія описапь оное: ибо Турецкіе Паши опняли у него большую часпь привезенныхъ имъ поваровъ. Можепъ быпь, Іоаннъ и не свѣдалъ о семъ любопыпномъ спранспвіи: по крайней мѣрѣ оно доказываепъ, чпо Россія въ XV вѣкѣ имѣла своихъ Таверньe и Шарденей, менѣе просвѣщенныхъ, но равно смѣлыхъ и предпріимчивыхъ; чпо Индѣйцы слышали объ ней прежде, нежели о Порпугалліи, Голландіи, Англіи. Въ по время, какъ Васко де-Гама единспвенно мыслилъ о возможноспи найпи пупь опъ Африки къ Индоспану, нашъ Тверипянинъ уже купечеспвовалъ на берегу Малабара и бесѣдовалъ съ жипелями о Догмапахъ ихъ Вѣры.

Конецъ VI тома.

ПРИМѢЧАНІЯ

КЪ VI ТОМУ

ИСТОРІИ

ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

(1) См. *Собр. Госуд. Грам.* 209.
(2) Тамъ же, 215.
(3) См. *Архив. Псков. Лът.*
(4) См. шамъ же, годъ 6972 – 6978.
(5) *Архив. Лът.* г. 1465 и *Степен. Кн.*
(6) Въ предисловіи Новог. Архіеп. Геннадія къ *Церковному Кругу* сказано» «Нѣціи мнѣша, яко скон-«чеваемѣ седмой пысущи быти и скончанію міра, «якоже и прѣже скончеваемѣй шестой пысущи си-«цево же мнѣніе объдержаше люди.» Въ описанномъ нами раздорѣ Духовенства Псковскаго съ Новогородскимъ Владыкою шакже упоминаешся о наступающемъ концѣ міра (Арх. *Пск. Лът.* г. 6972 – 6978).
(7) *Архив. Лът.* г. 6975, Ноября 1.
(8) См. *Архив. Новогород. Лът.* No 1, спр. 116, г. 1467, и *Архив. Псков. Лът.*
(9) См. *Архив. Лът.* г. 1463 и 1467.
(10) См. *Лът. Русск.* изданный Львовымъ, II, г. 1467, спр. 363. Марія, *добрая*, *смиренная*, умерла Апрѣля 22, въ 5 часу ночи.
(11) *Лът. Русск.* издан. Львовымъ, II, г. 1464. Ѳеодосій оспавилъ Мипрополію Сенп. 15, а Филиппъ былъ поспавленъ въ Ноябрѣ. Въ *Посланіи Рос. Митрополитовъ* еспь грамопа Ѳеодосіева къ Новогородцамъ, о шомъ, чпобы они не вспупались въ Епископскія дѣла и суды (Синод. библ. No 164, л. 40).
(12) По Родосл. Книгамъ (Синод. Библ. No 461, л. 176) Мамупекъ оспавилъ двухъ сыновей, Халила и Ибрагима: слѣдспвенно жена Касимова была вдовою Мамупека. Гербершпейнъ пишепъ, чпо Царь Казанскій, *Хелеалекъ*, умеръ бездѣпенъ, и чпо жена его, Нурсалпанъ, вышла за Ибрагима (R. M. Comment. спр. 67): сей *Хелеалекъ* еспь Халилъ, сынъ Мамупековъ, брапъ Ибрагимовъ.
(13) Въ *Арханг. Лът.* сказано, чпо Вел. Кн. еще въ 1463 г. посылалъ Воевода своихъ, Бориса Кожунова и Бориса Слѣпаго, съ Успюжанами, Вологжа-

нами и Галичанами на Черемису; что они шли мимо Успюга къ Вяткѣ, Вяткою до Камы и сею рѣкою въ Великую Пермь; что Казанцы съ Черемисою въ томъ же году приходили на Успюжскій уѣздъ, въ верховьѣ Юга, на волость Лоху, и плѣнили многихъ людей; что Успюжане догнали и побили ихъ.

Касима обманули Ибрагимовъ Вельможа, Князь Авдуманъ-Амонъ, и другіе, увѣривъ, что доставятъ ему престолъ. — См. *Продолж. Нест. Лът.* стр. 265.

(14) Онъ выѣхалъ изъ Владиміра въ Москву въ Великую Пятницу.

(15) См. *Арханг.* и *Архив. Лът.*

(16) Тутъ убили еще богатыря Колупая. Сраженіе было за 40 верстъ отъ Казани, на Звеничѣ бору.

(17) См. *Продолженіе Нестор. Лът.* стр. 266.

(18) См. *Арханг. Лът.* стр. 144.

(19) Тамъ же стр. 145 и 146.

(20) Тамъ же стр. 147.

(21) *Архив. Лът.* стр. 6: «Ради *послѣдняго сего времени* тое старины всее по грѣхомъ позабыли, а дѣла Государьскаго ничего не исправили, а пошлинъ не отдаютъ, а которыхъ земель и водъ съ суда по старинѣ отступилися Вел. Князю, да тѣ опять за собя поймали и людей къ цѣлованью приводили на Новогородское имя, и на дворѣ Вел. Князя на Городищѣ съ Большаго Вѣча присылали многихъ людей Намѣстникомъ его, да и послу Вел. К. лаяли, да въ имени Вел. К. за отказомъ на Городищѣ дву Князей поймали сильно, а людей перебили и переймали и въ городъ сводили и мучили въ его имени, а съ рубежовъ съ Новугородцкихъ отчинѣ Вел. К. и его братьи отчинамъ и людямъ пакость чинили, грубячи Вел. Князю, а сами держати себе мысля,» и проч.

(22) См. Архив. *Псков. Лът.*

(23) Во-первыхъ Іона, Архіепископъ Новогородскій, крайне оскорблялъ ихъ своимъ мздоимствомъ и самовластіемъ въ дѣлахъ церковныхъ; во-вторыхъ Ново-

городцы обижали купцовъ Псковскихъ и даже пословъ (см. Архив. *Псков. Лът.* г. 1470).

(24) См. тамъ же г. 1471.

(25) См. тамъ же. — Михаилъ прибылъ въ Новгородъ 8 Ноября 1471 года.

(26) Лѣтописцы называютъ его просто Священноинокомъ; но *Псковскій* именно «*Протодіакономъ* и «*Ризникомъ* Владычнимъ. «Для выбора клали на престолъ Софіи жеребей Варсонофія, Духовника Архіеп., Пимена Ключника Владыкина, и Ѳеофиловъ. Іона умеръ 5 Ноября, а Ѳеофилъ въ тотъ же день былъ нареченъ Святителемъ.

(27) См. Синод. *Лът. Новог.* въ листъ No 46, подъ годомъ 6985.

(28) См. въ Минеяхъ житіе *Св. Зосимы.* — Въ *Исторіи Рос. Іерархіи*, Ч. IV, стр. 629 — 632, напечатана грамота, данная Маѳою Корельскому Николаевскому монастырю на села, земли, рыбныя ловища, и сказано, что сей монастырь основанъ ею на мѣстѣ, гдѣ погребены ея (взрослые) сыновья, Антонъ и Феликсъ *Филипповы*, утопшіе въ морѣ. Обитель Св. Николая уже существовала въ 1419 году (см. *Новогор. Лът.*) Положимъ, что *Филиппомъ* назывался первый супругъ Маѳы: но какихъ же лѣтъ была она въ 1471 году, еще столь бодро дѣйствуя въ мятежѣ народномъ и думая опять выйти за-мужъ? Слогъ грамоты также не имѣетъ признаковъ древности.

(29) См. Послужной Списокъ Бояръ въ *Опытѣ Трудовъ Вольнаго Рос. Собранія*, I, 219. Маѳѣину сыну данъ чинъ Боярина въ 1471 году, вмѣстѣ съ Ѳедоромъ Давидовичемъ Хромымъ.

(30) Архив. *Псков. Лът.* г. 1471.

(31) См. тамъ же.

(32) См. *Лът. Ростов.*, *Архив.* и *Степен. Кн.*

(33) Сей важной договоръ нашелъ я въ Пушкинскомъ собраніи Двинскихъ грамотъ «*Списокъ съ докончальные, что были написали собѣ Новгородци съ Королемъ лѣта семдесять девятаго.*»

(34) См. *Архив. Лът.* л. 28 на обор.
(35) См. *Степен. Кн.*
(36) См. *Ростов. Лът.*, *Никон.*, *Степен. Кн.* и *Архив. Лът.* л. 24.
(37) См. *Архив. Лът.* л. 29, и *Никон.* стр. 22.
(38) См. *Архив. Лът.* 31.
(39) Въ *Архив. Лът.* говорится здѣсь только объ одной битвѣ (такъ и въ Синод. *Новогородск.*), а въ *Ростов.* и въ *Никон.* о двухъ.
(40) Синод. *Новог. Лът.* No 46, стр. 409. — Между бумагами Кенигсб. Архив. нашелъ я письмо Лив. Магистра къ Маг. Нѣмецкаго Ордена (отъ 15 Авг. 1471), гдѣ сказано, что Новогородцы заключаютъ съ Орденомъ союзъ противъ невѣрныхъ Псковитянъ и В. К. Московскаго.
(41) *Архив.-Лът.* л. 33 на обор.
(42) См. Синод. *Новогород. Лът.* No. 46, л. 409 на обор., и Архив. *Псков. Лът.*
(43) См. *Архив. Лът.* л. 36.
(44) О числѣ плѣнныхъ см. тамъ же л. 36 на обор. — Московитяне спрашивали у плѣнныхъ, отъ чего они, имѣя болѣе войска, не могли драться? Новогородцы отвѣтствовали: «Мы бо видѣхомъ васъ безчисленное множество грядуще на насъ, и еще иные полки видѣхомъ въ тылъ по насъ пришедшихъ; знамена же имутъ желты и большія спяги и скипетры, и говоръ людскій многъ, и топотъ конскій страшенъ, и ужасъ нападе на ны.»
(45) *Архив. Лът.* л. 36 на обор.
(46) *Архив. Лът.* л. 37, и Синод. *Новогород.* л. 410. Въ *Послужномъ Боярскомъ Спискѣ* сказано, что въ сей годъ *выбылъ* Дмитрій Исаковичь Борецкой.
(47) См. Синод. *Новогород. Лът.*
(48) Синод. *Новогород. Лът.* л. 409 на обор. и *Архив.* стр. 148.
(49) См. Синод. *Новогород. Лът.* л. 411.
(50) См. тамъ же, л. 410.

(51) *Архив. Лът.* л. 39. Θеофилъ прибылъ въ станъ Московскій 27 Іюля.

(52) Лѣтописецъ Львова, III, 17.

(53) *Архив. Лът.* л. 40.

(54) Сіи пять грамотъ находятся въ Пушкинскомъ Собраніи Двинскихъ грамотъ.

(55) Въ *Ростов.* и *Никон. Лът.* сказано такъ; въ *Архив. Лът.*; «изгибшихъ людей числомъ яко двѣ «седмь тысячь.»

(56) Онъ пріѣхалъ 30 Ноября съ чиновниками, поставленъ 15 Дек., а выѣхалъ назадъ 23. — Освобожденныхъ Новогородцевъ было 30.

(57) См. Т. IV, годъ 1332.

(58) См. выше, спр. 43.

(59) См. *Архив. Лът.* л. 51, и *Продолженіе Несторова Лът.* спр. 177.

(60) *Продолженіе Несторова Лът.* спр. 264.

(61) См. *Ростов. Лът.* 500 на обор. и 511. Кирей пріѣхалъ въ Орду осенью 1470 года, а выѣхалъ оттуда черезъ годъ.

(62) *Архив. Лът.* л. 42 на обор. и *Арханг.* 149. Въ первомъ сказано, что Большая Орда кочевала *за едино днище* отъ Сарая; что Татары хотѣли перехватить Вятчанъ и подъ Казанью; а во второмъ, что Воеводою Вятчанъ былъ Костя Юрьевъ; что они плѣнили Княгинь Сарайскихъ, и проч.

(63) Именемъ Григорій Волынинъ (см. *Арх. Лът.* л. 54.)

(64) Архив. *Псков. Лът.*

(65) Холмскій и Сперига выступили изъ Москвы 10 Іюля; въ тотъ же день выѣхала въ Ростовъ и мать Іоаннова; за нею братья Вел. Князя противъ Ахмата 30 Іюля «во второмъ часу дне Вел. К. по«велѣ пѣти обѣдню, и не вкусивъ ничто же, пой«де къ Коломнѣ, а сыну повелѣ за собою въ Рос«товъ.»

(66) *Арханг. Лът.* спр. 152.

(67) См. *Никон. Лът.* спр. 46, и *Ростов.*

(68) *Собр. Г. Г.* 230: «Дани ми Володимеру Гри-

горіевичю 500 рублевъ и 80 р. да полтину, а положилъ есмь въ томъ серебрѣ заклада чепь золоту 4 гривенки да полчетверта золотника, да поясъ золотъ на червчатѣ тясмѣ полпяты гривенки да 6 золотникъ, да поясъ золотъ на синѣ тясмѣ 5 гривенокъ, да поясъ золотъ 2 гривенки да 6 золотникъ, да чару золоту 2 грив. безъ полудевята золотника, да ковшъ золотъ гривенка да полтора золотника, да ковшъ серебренъ съ вѣнцемъ 8 грив. да полпята золотника, да ковшъ серебр. 4 гривенки безъ полупята золотника, да кубокъ серебрянъ на чешую битъ 5 грив. да 4 золотники, да кубокъ серебрянъ на косые грани битъ 5 грив. безъ 7 золотникъ.» Слѣдственно въ 380½ рубляхъ закладомъ служило 9 фунтовъ золота и 11 фунтовъ серебра съ золотниками: что по нынѣшней цѣнѣ составило бы около десяти тысячь рублей ассигнаціями. Далѣе: «дапи ми Ондрею Шихову 30 рублевъ, а мой у него поставъ Ипской (Ипрской) свѣтло зеленъ..... Да взялъ есмь у Петра у Игнатіева конь сѣръ, цѣна ему десять рублевъ,» то есть, два фунта серебра или около 180 рублей ассигнаціями. Далѣе: «Сестрѣ своей Вел. Княгинѣ Разанской Аннѣ даю монисто, чѣмъ мя благословила баба моя.» Далѣе опказываетъ многія села монастырямъ, уступая крестьянамъ недоимку. Въ концѣ: «у грамопы сѣдѣли господинъ мой Живоначальные Троицы Сергіева монастыря опецъ мой духовной Игуменъ Спиридоней, да Бояринъ мой Иванъ Микитичь, да Бояринъ мой Василей Ѳеодоровичь Веліаминовъ, да Иванъ Василіевичь Ощера.»

(69) См. *Архив. Лът.* стр. 64, и *Рос. Вивліоѳ.* II, 51, 73.

(70) Дю-Канжъ Histor. Byzant. стр. 247. Ѳома преставился въ Римѣ 12 Мая, 1465 года.

(71) См. *Лът.* Львова стр. 30.

(72) См. Райнальд. Annal. Eccl. г. 1470, No 9.

(73) См. тамъ же, г. 1471, No 48.

(74) Всѣ сіи любопытныя подробности находятся

въ Райнальдѣ, г. 1471. Къ сожалѣнію, онъ сгорѣлъ у меня въ Москвѣ вмѣстѣ съ моею библіотекою во время нашествія Французовъ.

(75) См. *Никон.*, *Ростов.*, *Архив. Псков. Лът.* и Арнпа Liefl. Chr.

(76) См. Архив. *Псков. Лът.* г. 6981.

(77) Такъ во всѣхъ лѣтописцахъ; а въ Львовскомъ, спр. 32: «вѣнча его Протопопъ Коломенскій Осія, «занеже здѣшнимъ Протопопомъ и Духовнику сво- «ему не повелѣ, понеже вдовцы.»

(78) Въ *Лът.* Львова, спр. 30—31, сказано, что Фрязинъ уже отпустилъ-было Тревизана съ переводчикомъ въ Орду, и что посланные Вел. Князя догнали его въ Рязани. Тревизанъ сидѣлъ въ Москвѣ подъ спражею въ домѣ у Никиты Беклемишева.

(79) *Лът.* Львова спр. 32.

(80) Кранцъ въ Wandal. спр. 397.

(81) Въ Дю-Канжевой росписи Палеологовъ нѣтъ сего Рала. — О Ѳеодорѣ Ласкирѣ сказано въ Родослов. Книгахъ, что онъ пріѣхалъ къ намъ отъ Короля Венгерскаго, и что отецъ его былъ въ Царѣградѣ Тысячскимъ.

(82) См. Дю-Канжа Hist. Byzant. спр. 248. Елисавета Каспильская извѣстнѣе подъ именемъ Изабелы. Андрей умеръ въ Римѣ въ 1502 году.

(83) *Собр. Г. Г.* I, 333. Вел. Князь началъ употреблять сей гербъ съ 1497 г.; до 1472 на печати его изображались Ангелъ, держащій въ рукѣ кольцо, и человѣкъ съ обнаженнымъ кинжаломъ; а съ сего времени до 1497 г. левъ терзающій змѣю; работа Греческая, и, какъ вѣроятно, подарокъ Софіинъ.

(84) *Лът.* Львова спр. 32.

(85) Въ 1471 г., осенью, Митрополитъ велѣлъ заготовлять камень для строенія церкви; 30 Апрѣля заложили ее. Главные Архитекторы были Ивашко Кривцовъ и Мышкинъ: они растворяли известь съ пескомъ, и весьма жидко; а въ стѣны насыпали мелкихъ каменьевъ. Митрополитъ обложилъ серебромъ всѣ монастыри и церкви для строенія сего

храма (см. *Лът. Русск.* Львова). Въ Маѣ и въ Іюлѣ перенесли мощи Митрополитовъ. См. подробностіи въ *Никон.*, въ *Ростов.* и въ *Архив. Лът.*

(86) *Никон. Лът.* и друг.

(87) *Лът.* Львова стр. 39. Зодчій и Механикъ Аристотель извѣстенъ въ Италіи подъ двумя именами: Alberti Aristotile и Ridolfe Fioraventi. Пишутъ, что онъ какою-то механическою хитростію передвинулъ Болонскую колокольню Св. Маріи del Tempis съ мѣста на мѣсто, а въ городѣ Ченто выпрямилъ колокольню С. Власія, не вынувъ изъ нее ни одного кирпича; что, уѣхавъ въ *Венгрію*, онъ сдѣлалъ тамъ удивительный мостъ, былъ за то пожалованъ въ Кавалеры, имѣлъ дозволеніе бить монету и вырѣзывать на ней свое имя. Вмѣсто *Венгріи* надобно поставить *Россію*. См. статью объ немъ въ Dictionnaire historique. Въ *Лът.* Львова: «домъ же (у Аристотеля въ Венеціи) добръ и палаты есть и блюдо у него мѣдяно на 4 яблокахъ; судно же на немъ яко умывальница, яко же оловяничнымъ дѣломъ; и началъ лить изъ него изъ одного на блюдо воду и вино и медъ, и что хотяше, то и потечешь.... Взялъ же съ собою Аристотель сына своего, Андрея, да паробка Петрушку.... Ту же церковь разби сицевымъ образомъ: три древа поставя, и концы ихъ верхніе совокупивъ, и брусъ дубовый обѣсилъ на ужищи посреди ихъ поперегъ, и конецъ его обручемъ желѣзнымъ скова, и раскачиваючи разби: а иные стѣны сысподи подобра и полѣніе подставляя, и зажже полѣніе, и стѣны падошася..... Книжницы же называли брусъ *барановъ*..... Сицевымъ образомъ Типъ Іерусалимъ разби..... Кирпичь его нашего уже, да продолговатѣе; егда его ломать, то въ водѣ размачиваютъ; известь же густо мошыгами повелѣ мѣшати: яко наутріе засохнетъ, то ножемъ не можно расколупати. С. Петра Чудотворца въ Иванъ Св. вынесли подъ колоколы.» — Въ *Ростов. Лът.*: «мѣсяца Іюня Венеційскій *муляръ* Аристотель пача рвы копати, глубина 2 сажени и глуб-

же..... Апр. въ 22 (г. 1476) начапа дѣлапи у церкви Богомапери..... Мая въ 12 молитвы глаголемы опъ Митрополита на основаніе храма и почтеніе креспа.» — Въ *Лът.* Львова, спр. 44, 65, 70: «На первое лѣто изведе церковь изъ земли Аристотель, известь же какъ тѣсто густое растворяше, а мазаше лопашками желѣзными, а камень равной внутри класти повелѣ; столпы же едины четыре обложи круглы, крѣпко стоять, а въ олтарѣ 2 столпа кирпичные, тѣ па 4 углы, а все дѣлано въ кружало и въ правило.... Тогожь лѣта (1475) храмъ по киворы сотвори: внутрь же стѣнъ цѣпи положи..... и между столповъ, идѣ же брусье дубовое въ нашихъ церквахъ, то все желѣзное..... И колесо сотворилъ (г. 1476), и вверхъ каменіе ношаше, ужищемъ цѣпляше..... Вверху же цѣпляше малые колеса, еже плотники векшею зовутъ, чѣмъ на избы землю волочатъ; на столпы же камени велики положи, и совокупивъ кружало, и испеса на нихъ по четыре конца на четырехъ странахъ, едино пропивъ другаго, и мнити кому, яко на каменныхъ деревьяхъ насквозь каменіе то збито..... Сотвори Аристотель у церкви верхи 4, около шеи большіе казну сотвори, полати же подлѣ олтаря отъ сторонних дверей, и на верхъ церкви всходити лѣствицу, своды же въ одинъ кирпичь, того ради, егда дождь идетъ, ино каплетъ. Помостъ же мелкимъ каменіемъ измости; въ олтарѣ же надъ Митрополичьимъ мѣстомъ крыжъ Ляцкій испеса на камени за престоломъ; передъ передними дверьми помостъ накрылъ каменіемъ и въ одинъ кирпичь сведе, и середину на гирѣ повѣси на желѣзной.»

(88) Въ началѣ 1490 г. съ брапомъ Вел. Княгини Софіи и съ нашими послами, Дмитріемъ и Мануиломъ, сыновьями Ивана Палеолога Рала, пріѣхали въ Москву Архитекторъ Петръ Аптоній, ученикъ его Заманшоній, пушечный масперъ Яковъ съ женою, серебреники Христофоръ съ двумя учениками изъ Рима, Нѣмецъ Олбертъ изъ Любека, Карлъ съ

ученикомъ изъ Милана, Грекъ Пепръ Райко изъ Венеціи, Капланъ изъ бѣлыхъ Черицевъ Августинова Ордена, Иванъ *Спаситель*, и Грекъ Арганнагой (см. *Продолженіе Нестор. Лът.* стр. 317). Въ 1490 г. былъ въ Римѣ нашъ посолъ, Грекъ Юрій Трахаліотъ или Тарханіотъ. Въ Маѣ 1493 Вел. К. посылалъ въ Венецію и въ Миланъ Грека Мануила Ангелова и Данила Мамырева за *стѣнными* и *палатными* масперами. Въ 1494 они возвратились съ Алевизомъ, спѣшнымъ мастеромъ, съ Петромъ *пушечникомъ* и съ другими художниками. Въ 1499 Грекъ Дмитрій, сынъ Ивана Палеолога Рала, и Митрофанъ Ѳедоровъ Карячаровъ ѣздили въ Италію за *Государевыми потребами* черезъ Краковъ и Венгрію: «да съ ними по«слалъ Вел. К. Михайла Погожево къ Олбрехту Ко«ролю, чтобъ далъ путь посломъ черезъ свою зем«лю.» Въ 1504 г. они возвратились и привезли съ собою многихъ *мастеровъ серебряныхъ*, *пушечныхъ* и *стѣнныхъ*.

(89) *Никон. Лът.* стр. 119, 122, 129.

(90) Въ 1484 Вел. К. за новою церковію Благовѣщенія заложилъ палапу, а въ 1485 г. каменный погребъ на Казенномъ дворѣ. Ховринъ и Василей Образецъ построили каменные домы въ 1485 или 1486 году. Митрополитъ Зосима въ 1493 г. поставилъ на своемъ дворѣ три келліи каменныя съ подклѣтами.

(91) См. *Древ. Рос. Вивліоѳ.* XIV, 285, 287.

(92) Но не ту, которая нынѣ слыветъ въ Москвѣ *большою пушкою*: она вылита въ 1686 году Андреемъ Чоховымъ, какъ означено въ ея надписи.

(93) См. Архив. *Псков. Лът.* г. 1472. К. Ѳедоръ ограбилъ всѣхъ чиновниковъ Псковскихъ, посланныхъ съ честію проводить его до границы. К. Ярославъ пріѣхалъ во Псковъ въ 1473 году, Февр. 29.

(94) *Псков. Лът.* г. 1469.

(95) Войско Московское пришло во Псковъ около 30 Ноября.

(96) См. Архив. *Псков. Лът.*

(97) *Древ. Рос. Вивліоѳ.* II, 94 – 96.

(98) *Послуж. Спис. Бояръ въ Трудахъ Вольн. Рос. Собранія.*

(99) Архив. *Псков. Лът.*

(100) Въ Генв. 1470 г. Псковскіе чиновники ѣздили къ Королю въ Полоцкъ. — Въ 1471 г. опять ѣздили Псковскіе чиновники къ Королю въ Вильну: въ аудіенціи 30 Марта онъ далъ имъ слово быть на границѣ (см. Архив. *Псков. Лът.*)

(101) Богданъ пріѣхалъ въ Сент. 1474 г. Василій Кипай съ Ѳедькою Мансуровымъ отправился въ Липву 2 Апр. 1475.

(102) Еще въ 1471 г., во время Новогородскаго похода, Никита Беклемишевъ ѣздилъ въ *поле* за Муртозою, и привезъ его въ Москву къ сыну Іоаннову. См. *Никон. Лът.* спр. 33 и 35.

(103) См. Кромер. кн. XXVII, 390. Абульгази, спр. 367, говоритъ объ *осьми* сыновьяхъ Ази-Гиреевыхъ.

(104) См. Дѣла Крымскія No 1, спр. 122.

(105) См. тамъ же л. 14.

(106) Сообщаемъ сей договоръ въ примѣръ погдашняго дипломатическаго слога:

«Вышняго Бога волею язъ Менгли-Гирей Царь съ «своимъ братомъ, съ Великимъ Княземъ Иваномъ, «взяли есмя любовь и братство и вѣчный миръ. Отъ «дѣтей и на внучата быти намъ вездѣ за одинъ, «другу другомъ быти, а недругу недругомъ быти. «Хто будетъ другъ мнѣ Менгли-Гирею Царю, тотъ «и тобѣ другъ Великому Князю Ивану; а хто будетъ «мнѣ Менгли-Гирею Царю недругъ, тотъ и тобѣ «Вел. К. Ивану недругъ; а хто будетъ другъ тобѣ «Вел. К. Ивану, тотъ и мнѣ другъ: а хто будетъ «тобѣ недругъ, тотъ и мнѣ недругъ. А мнѣ Мен- «гли-Гирею Царю твоее земли и тѣхъ Князей, ко- «торые на тобя смотрятъ, не воевати, ни моимъ «Уланомъ, ни Княземъ, ни Казакомъ; а безъ нашего «вѣдання люди наши твоихъ людей повоюютъ, а «пріидутъ къ намъ, и намъ ихъ казнити, а взятое «отдати, и головы людскіе безъ окупа намъ тобѣ

«отдать. А коли мой посолъ отъ меня пойдетъ хъ «тобъ Вел. Кн. Ивану, и мнѣ его хъ тобъ послати «безъ пошлинъ и безъ пошлинныхъ людей; а твой «посолъ ко мнѣ придетъ, и онъ идетъ прямо ко «мнѣ; а пошлинамъ *Даражскимъ* (путевымъ) и инымъ «всѣмъ пошлинамъ никоторымъ не быти; а на семъ «на всемъ, какъ писано въ семъ ярлыцѣ, язъ Менгли «Гирей Царь съ своими Уланы и со Князми тобѣ «брату своему Вел. Кн. Ивану, молвя крѣпкое слово, «*шерть* (клятву) есми далъ, жити намъ съ тобою «по сему ярлыку.«

Беклемишевъ поѣхалъ изъ Москвы въ Мартѣ 1474 г., а Старковъ 23 Марта въ 1475 г. — Наставленія Посламъ давались весьма обстоятельныя. Выписываемъ нѣчто для примѣра:

«*Правити посольство Олексѣю Ивановичу Стар-*«*кову*. Князь Великій велѣлъ тебѣ говорити: Князь «Великій челомъ бьетъ. Какъ мя еси пожаловалъ, на «чемъ еси ко мнѣ крѣпкое свое слово молвя, *шерть* «далъ, и на чемъ ярлыкъ свой шертный далъ, въ томъ «бы еси пожаловалъ и стоялъ..... И учнетъ Царь «говорити: приказывалъ есми къ своему брату, да «и ярлыкъ свой къ нему послалъ есми, чтобы со «мною былъ на Царя Ахмата за-одинъ: коли пойдетъ «на меня Ахматъ, и онъ бы Царевичевъ своихъ оттуспилъ на Орду; и братъ мой, Князь Великій, у своей «правды то выговорилъ, а на томъ мнѣ правды не «далъ. И Олексѣю говорити такъ: Осподарь мой К. «В. посылалъ къ тобѣ своего Боярина Микиту, а «билъ тобѣ челомъ по твоему жалованью, по твое-«му приказу, какъ еси къ нему приказалъ съ своимъ «посломъ съ Ази-Бабою, что другу другомъ быти, а «недругу недругомъ быти, безъ выговора на всякаго «недруга: ино не Государь мой то выговаривалъ на «имя: выговорилъ ты, *вольной человѣкъ*, у своей шер-«ти Осподаря нашего недруга Короля, а нашему Го-«сударю не хочешь на Короля помогати, а то Оспо-«дарю моему большей недругъ; и говоришь, вольный «человѣкъ, то, что Король еще съ твоимъ отцомъ

«въ братьствѣ и въ доконьчаньѣ былъ, а съ тобою «нынѣча также въ братьствѣ и въ докончаньѣ, и ты «тово не хочешь порушити: ино ты вѣдаешь, что «Осподари наши, Великіи Князи, отъ отцовъ и отъ «дѣдъ и отъ прадѣдъ слали своихъословъ къ преж- «нимъ Царямъ къ Ординскимъ, а они своихъословъ «посылали къ Великимъ Княземъ; а Осподарь мой, К. «В., и нынѣча попомужь своихъ словъ шлетъ къ «Ахмату Царю и къ брату его къ Махмуту, а они «своихъ словъ къ моему Государю посылаютъ. И «Осподарь мой тебѣ выговорилъ у своее правды Ца- «ря Ахмата, не хотя старины порушити, потому «же, какъ ты моему Осподарю у своей роты Ко- «роля выговорилъ.» — Называясь *братомъ*, Іоаннъ всегда писалъ Менгли-Гирею *челобитье*, а Менгли-Гирей къ нему *поклонъ*, или, въ знакъ особенной ласки, *много, много поклонъ;* то есть, Вел. Кн. употреблялъ почтительнѣйшія выраженія. — Ближними Ханскими Вельможами были Именекъ, Авдула и Карачь Мурза. Беклемишеву велѣно было дать двумъ первымъ по 40 собол., а если мало, то и по 2 сорока.

(107) Послѣ увидимъ, что Султаны Турецкіе присылали къ намъ Князей Манкупскихъ послами, и что сіи Князья были Греки.

(108) См. сей *Исторіи* Т. I.

(109) *Архив. Лът.* г. 1475.

(110) Кромер. 412 и Кантемира въ *Ист. Оттом. Имперіи.*

(111) *Архив. Лът.* г. 1476.

(112) Дѣла Крымскія No 1, л. 30. Вел. К. желалъ имѣть посла Зенебекова, но съ условіемъ, чтобы онъ пріѣхалъ съ немногими людьми и безъ *пошлинниковъ*.

(113) См. Длугоша Hist. Polon. 588, *Ядро Рос. Исторіи* 200, Герберштейна Rer. Moscov. Comment. 8, и ниже о *басмѣ* примѣч. 180. Послѣдній говоритъ, что Іоаннъ при въѣздѣ Ординскихъословъ всегда сказывался больнымъ.

(114) См. *Рос. Вивліоѳ.* II, 86, 106.

(115) *Никон. Лът.* стр. 58.

(116) *Лът.* Львова, стр. 33 и *Архив. Лът.* стр. 67.

(117) *Архив. Лът.* л. 78. Съ Бочюкомъ находилось 50 человѣкъ дружины, да 550 купцевъ съ лошадьми и съ разнымъ товаромъ. Онъ поѣхалъ назадъ 6 Сент.

(118) Герой Галлерова Романа, Узонга.

(119) См. Voyage de Perse par Ambroise Contareni, въ Бержеронѣ стр. 38 — 55.

(120) Архив. *Псков. Лът.:* «А Новгородцы люди «*Житіи* и Молодціи сами призвали (его) . . . . а пріѣхалъ во Вторникъ на Введеніе Св. Богородицы.»

(121) Вел. К. въ Дмитріевъ день обѣдалъ въ Волокѣ у своего брата, Бориса. См. всѣ дальнѣйшія подробности въ *Архив.*, *Рост.* и въ *Никон. Лът.*

(122) Назывались *Ипскими*. Въ Архив. *Новогород. Лът.* Іеродіакона Геронтія сказано здѣсь, что поставъ сего сукна стоилъ 30 руб., т. е. шесть фунтовъ серебра. Въ старинныхъ нашихъ ариѳметическихъ книгахъ опредѣлена мѣра *постава*: въ немъ было около 37 аршинъ сукна.

(125) См. Круга Münzkunde Russlands, 162. На сихъ монетахъ Англійскихъ и Французскихъ XIV и XV вѣка изображались *роза и корабль;* по-Нѣмецки назывались онѣ Rose-Nobel и Schiff-Nobel; ходили въ Германіи, Даніи, Пруссіи, Ливоніи.

(124) См. Далин. Gesch. des R. Schwed. II, 607 и *Ростов. Лът.*

(125) См. Архив. *Псков. Лът.* г. 6983.

(126) См. Архив. *Псков. Лът.* и Синод. *Новогор.* No 46.

(127) Ѳеофилъ пріѣхалъ Марта 30, съ Посадникомъ Яковомъ Коробомъ, Казимеровымъ братомъ и проч. — Ѳедоръ Исаковъ, Маѳеинъ сынъ, постригся въ Муромѣ и умеръ 9 Мая въ 1476 г., еще до прибытія Ѳеофилова въ Москву.

(128) Лѣтописцы забыли, что и Мономахъ заставлялъ ихъ ѣздить къ себѣ на судъ.

(129) См. *Ростов.* и Архив. *Псков. Лът.*

(130) См. *Ростов.* и Архив. *Псков. Лът.*, гдѣ Василій названъ *Ананьинымъ*: въ другихъ же во всѣхъ Никифоровымъ.

(131) Архив. *Псков. Лът.*: «Вамъ, Господиномъ «своимъ, челомъ біемъ, а чпо *Государи* васъ, а по не «зовемъ; а судъ вапимъ Намѣспникомъ на Городищѣ «по спаринѣ; а вашему суду Вел. Князей, ни вашимъ «Тіуномъ, по у насъ не быпи; ни Дворища вамъ «Ярославля не даемъ. На чемъ есмы съ тобою на «Короспыни миръ кончали и крестъ цѣловали, по «тому докончанью хопимъ съ вами и жипи.» и проч.

(132) См. *Ростов. Лът. л.* 534.

(133) 30 Сент. съ Подъячимъ Родіономъ Богомоловымъ.

(134) Первый пріѣхалъ въ Торжекъ къ Намѣспнику Великокняжескому, Василію Кипаю, еще въ Августѣ, а впорый въ Октябрѣ.

(135) Въ *Ростов. Лът.*: «да Новоторжцы, *Берновы* и *Глуховы.*» Ружанами именуюпся жипели Рузы.

(136) См. Архив. *Псков. Лът.* — О причинѣ ссоры пакъ въ Синод. *Псков. Лът.* «Повезе Псковитинъ «съ огорода капуспу черезъ торгъ мимо Княжей «дворъ, и *шестникъ* (пришлецъ?) похипивъ силою «наручье капуспы, даде Княжому барану; и про по «начапа Псковичи копорапись . . . ., дву человѣкъ «до смерпи заспрѣлиша. . . . и убипа на торгу по«вара Княжого.» Пековичи спояли съ оружіемъ во всю ночь, ибо люди Княжескіе грозились зажечь городъ. На другой день Вѣче опрѣшило Ярослава; но Іоаннъ не хопѣлъ смѣнипь его, и посолъ Великокняжескій, Боярипъ Иванъ Ѳедоровичь Товарковъ, сдѣлалъ Псковитянамъ множество убыпку и досадъ. Новое челобипье Государю. «Генв. во 2 день (1477) пріѣхаша «послы Псковскія: наѣхали Вел. К. въ Володимерѣ, «и тамъ державъ ихъ 5 дни, опять па Москву опо«слалъ, и на Москвѣ ждали 4 недѣли, и К. Вел. «опвѣпъ далъ: *коли отчина моя Псковъ на дворъ «нашего Намѣстника, а своего Князя, находила, «но сама изъ старины выступила, а не язъ Князь*

«*Великой*. Тоя же зимы К. Великой, Февр. въ 15, «прислалъ грамопу къ Ярославу, веля ему къ собѣ «ѣхати, и со Княгинею и со всѣмъ Дворомъ.» 23 Февр. онъ уѣхалъ. Лѣтописецъ говоритъ, что никогда не бывало у нихъ такого Князя злосердаго и хищника: Намѣстники его въ пригородахъ также грабили.

(137) См. Архив. *Псков. Лът.*

(138) См. *Ростов.* и *Псков. Лът.*

(139) См. Архив. *Псков. Лът.*

(140) См. *Ростов.*, *Архив.* и *Никон. Лът.*

(141) См. *Ростов. Лът. л.* 539.

(142) См. Архив. *Псков. Лът.*

(143) См. тамъ же.

(144) См. Синод. *Псков. Лът. л.* 209.

(145) См. *Ростов. Лът. л.* 541 — 542

(146) См. тамъ же.

(147) См. *Псков.* и *Ростов. Лът.* Сей Гребенка Шуйскій названъ братаничемъ К. Ивана Горбатаго. Въ *Продолженіи Нестор. Лът.* сказано, что Вел. К. далъ ему Новгородъ Нижній.

(148) «И Кн. Вел. у Владыки взялъ 10 волостей, «Порогъ Ладожскій и земля Порожская по обѣ сто- «роны Волхова, да въ нагоріи Емелегежскій погостъ, «да Колбалской, а сохъ въ нихъ 43½; да въ Дреглехъ «погостъ, да Кременицкой, 50 сохъ; да на мѣстѣ «Бѣлая 39½ сохъ; да Удомля 50 сохъ; да Кирва, да «Ахопа 52½ сохъ; да Перосъ, а въ ней 80 куницъ и «двѣ . . . . да преже-писанныхъ шести монастырей «по половинѣ волостей; а Юрьева монастыря въ по- «ловинѣ, что взялъ Кн. Великій 720 обежъ; а у «Аркажа 332, у Благовѣщенскаго 253; а у Никольскихъ Неровского Конца 251; а у Антонова монастыря 50 сохъ; а у Михайловскаго 97 обжей, да «шесть селъ, которыя были за Княземъ В. Шуйскимъ, а сохъ 58.» Въ *сохѣ* было три *обжи*. Хотя мы и назвали здѣсь *обжу* тяглом, но иногда въ *пяти* обжахъ находилось *семь* работниковъ, иногда *шесть* (см. Архив. Книгу Помѣстнаго Приказа). Въ лѣто-

писяхъ же сказано здѣсь: «обжа (Новогородская) единъ «человѣкъ на единой лошади орепъ.»

(149) «Кн. Вел. захопѣлъ взяпи съ обжи по по- «лугривнѣ, и Владыка со всѣми своими начаша бипи «челомъ, чпобы Государь ималъ дань, какъ біемъ че- «ломъ, по 7 денегъ съ сохи единова на годъ, и Кн. «Вел. пѣмъ ихъ пожаловалъ, чпо имапи ему съ сохи «по полугривнѣ.» Слѣдспвенно въ гривнѣ было поль- ко 14 денегъ *Новогородскихъ:* пакъ говорипъ и Гер- берштейнъ.

(150) Съ Одинцомъ.

(151) Посольспво правилъ *одинъ* К. Иванъ Юрье- вичь.

(152) См. *Ростов. Лът.* л. 548.

(153) См. *Ростов. Лът.*

(154) Длугош. Hist. Polon. кн. XIII, 538, и Арпта Liefl. Chron. — Въ Кремлевскомъ Арсеналѣ показы- ваютъ набатной колоколъ вылитый въ 1714 г. изъ спараго набатнаго: увѣряютъ, чпо сей послѣдній былъ Вѣчевый Новогородскій.

(155) *Ростов. Лът.* л. 503 на обор.: «наймоваху «злыхъ смердовъ . . . . и піи приходяще на Вѣче, «біяху въ колоколы, и кричаху.» и проч.

(156) При Олегѣ.

(157) См. сей *Исторіи* Т. III, спр. 204.

(158) Кранцъ въ Wandal. спр. 501: Ita civitas potentissima, non tam armis quam *ingenio*, servit hodie. Далѣе Испорикъ говорипъ, чпо успѣхи порговли пропивны духу воинскому, и проч.

(159) См. сей *Исторіи* Т. III, спр. 155.

(160) Кранцъ въ Wandal. 501. Novguardia metropolis Russiae tam potens, ut in proverbio efferrent cives eius: *quis potest contra Deum et magnam Novguardiam?* Сочинитель *Жизни* Царя *Іоанна Васильевича* (Ioannis Basilidis, Magni Moschoviae Ducis vita, a Paulo Oderbornio conscripta) также говорипъ о сей посло- вицѣ; а Нѣмецкій его переводчикъ, Христ. Купе, сообщаепъ ее и на спаромъ Русскомъ языкѣ: Ochto moschet stojati protif Bocho dai Welik Novogorod? по

есть: кто можетъ стояти противъ Бога да Великаго Новагорода?

(161) Т. II, стр. 6.

(162) Т. III, стр. 170.

(163) Т. V, стр. 205.

(164) Т. IV, стр. 98.

(165) См Синод. *Новог. Лът.* No 46, стр. 469.

(166) Т. V, г. 1404.

(167) Новогородцы изъявили рѣдкую умѣренность, разбивъ войско Боголюбскаго и Михаила Тверскаго (Т. III и IV); приняли Князей Суздальскихъ, ослѣпленныхъ Всеволодомъ Великимъ (Т. III); Юрія Смоленскаго, Шемяку (Т. V), Гребенку Шуйскаго (см. выше) и проч.

(168) Сія *Исторія* предсшавляешъ доказашельсшва.

(169) См. въ Тацишѣ рѣчь Гальбы при усыновленіи Ошшона.

(170) Во многихъ сказано только: «поималъ Владыку въ *крамолѣ* . . . . а казну его, множесшво злаша и сребра и сосудовъ взялъ на себя.» Въ *Продолженіи Нестор. Лът.*: «Не хошяше бо той Владыка, чшобы Новгородъ былъ за Вел. К., но за Короломъ или за инымъ Государемъ. Кн. Вел. опъя половину волосшей у Владыки, и про шо Владыка нелюбіе держаше.» — Въ *Посланіи Рос. Митрополитовъ* (Синод. библіош. No. 164, л. 191) есшь *оншисная Ѳеофилова грамота*, коширою онъ ошказываешся опъ Архіепископіи, клянешся провесши осшашокъ жизни въ смиреніи, не именоваться Архіепископомъ, благословляешъ Вел. Кн. и сына его, и внизу подписалъ грамошу собсшвенною рукою.

(171) См. Лѣшоп. Львова, спр. 190, Синод. *Псков. Лът.* л. 217, и Архив. *Новогор.* — Геннадій посшавленъ 9 Дек. 1484.

(172) *Лът.* Львова спр. 189. Новогородцевъ допрашивалъ въ Москвѣ на дворѣ Ивана Товаркова Подъячій Гречновикъ.

(173) Въ Розрядной Книгѣ Бекешова сказано: «Какъ «Богъ поручилъ Вел. Кн. Ивану Васильевичу подъ

«его державу В. Новгородъ, и по его Государеву из-
«воленію распущены изъ Княжескихъ дворовъ и изъ
«Боярскихъ служилые люди, и шупъ имъ имена, кто
«чей бывалъ, какъ ихъ помѣстилъ Государевъ писецъ
«Дмитрій Китаевъ: 1. Ядышевы, Борановы, Тыр-
«товы, Постельниковы, Клементьевы, Чепчюговы,
«Печенѣговы, Хомутовы: по Ивановскіе послужиль-
«цы Борисовича Тучкова 8 семей въ тѣ поры двора
«его испомѣщены. 2. Сарыевы, Тепкины, Зелени-
«ны, Берюлевы, Битюговы, Амбучевы: по Князь
«Семена Ряполовскаго послужильцы 6 семей. 3. Щед-
«рюнины, Быковы, Лапкины, Песпрпковы, Хому-
«товы, Печенѣговы, Нефедьевы, Щербинины, Ред-
«ровы: по Васильевскіе послужильцы Тучкова 9 семей.
«4. Муспофины, Татьянины, Несперовы, Норова-
«тые, Нелединскіе: тѣ Шеремепевскіе послужиль-
«цы 5 семей. 5. Шляковы, Обрамовы, Тарузины, 3
«семьи Шеремепева двора. 6. Быковы Васильевскіе
«послужильцы Кузмина 1 семья. 7. Базаровы, Аксі-
«евы, Гулдовы, Назимовы: по Богдановскіе послу-
«жильцы Есипова 4 семьи. 8. Бѣлосельскіе, Один-
«цовы, Рындины, Чернышевы, Саблуковы, Колоколь-
«цовы, Савины, Мѣщепиновы: тѣ Салпановскіе по-
«служильцы Травина 8 семей. 9. Муравьевы. — 10.
«Некрасовы, Назимовы; тѣ Обрамовскіе послужильцы
«2 семьи. И помѣщены по Государеву указу въ Воп
«цкой Пяпинѣ.»

(174) *Лѣт. Никон.* спр. 158.

(175) См. *Архив. Псков. Лѣт.* — Сей Лѣтописецъ такъ заключаетъ исторію Новагорода: «И посади
«Вел. Князь во градѣ 4 свои Намѣспники, 2 на
«Ярославли дворѣ, Князь Ивапа Спригу да брапа
«его Кн. Ярослава; а на Владычни сторонѣ Бояръ
«Василья Кипая да Ивана Зеновьева, и дѣла судеб-
«ныя и земскія правипи, а Владыкѣ опрочь Свяпи-
«тельскаго суда, ни Посадникомъ, ни Тысяцкимъ, ни
«всему Новугороду не вступапися ни во чпо же; ни
«Вѣчу быпи, ни пословъ слапи намъ къ нимъ, по-
«сольспва правипи со иныя земли къ Намѣспникомъ,

«а не къ Владыкѣ, ни къ Новугороду .... Се же все «быспь по спроенію Божію. Что ми о семъ про- «мышляши много, или писанію предавани? .... «*Доздь вся скончащася о Великомъ Новьгородѣ!*»

(176) Первая родилась Апр. 18 въ 1474 году, вторая въ Маѣ 1475, трешья (по кончинѣ первой) 9 Мая 1476.

(177) См. *Степен. Кн.* II, 137. Сіе видѣніе было Софіи за монаспырскимъ селомъ Клеменпьевымъ, когда она сходила въ долину къ Лаврѣ. Василій родился 25 Марпа и названъ именемъ Гавріила въ честь Архангела Благовѣспищеля.

(178) Юрій или Георгій родился 23 Марпа 1480 г. Дмипрій 6 Окп. 1481, Ѳеодосія въ 1485, Симеонъ въ 1487, Андрей 4 Авг. 1490. Годъ рожденія Евдокіи не означенъ въ лѣописяхъ.

(179) Архив. Дѣла Крымскія No 1, л. 34—39. Братья Менгли-Гиреевы пріѣхали въ Москву осенью въ 1479 году, когда Вел. К. находился въ Новогородскомъ походѣ.

(180) См. *Казанск. Лът.—Басма* собспвенно значипъ *тисненіе*, *изображеніе*, *снимокъ*, опъ глагола *басмакъ*, шакъ изъясняемаго въ Лапин. словарѣ. *Basmak*, calcare, premere, impressionem facere.

(181) Синод. Лѣш. въ чепверпку, No 365, л. 466.

(182) Контарини, спр. 45.

(183) Попому что Іоаннъ не захопѣлъ ѣхапь къ нему въ Орду.

(184) См. *Лътоп.* Львова, г. 1480, спр. 132.

(185) Синод. *Псков. Лът.* л. 211 на обор.

(186) См. *Синод. Лът.* No 365, л. 466 и *Архив. Лът.*

(187) См. *Архив. Лът.*

(188) См. *Лът.* Львова, спр. 136.

(189) См. *Казанск. Лът.*

(190) Въ *Синод. Лът.* въ чепв. No 365, л. 467, сказано, что вмѣспѣ съ Вассіаномъ былъ шамъ и Владыка Прохоръ *Подрпьльскій*. Крупицкіе Епископо-

пы назывались прежде и *Подрпльскими* (вепх. *Синод. Лът.* No 265, л. 510).

(191) См. *Синод. Лът.* въ чепв. No 365, л. 468. Съ Софіею и съ казною Великокняжескою поѣхали Василій Борисовичь и Андрей Михайл. Плещеевъ.

(192) См. *Синод. Лът.* No 365, л. 467 на об.

(193) *Лът.* Львова спр. 169.

(194) *Лът.* Львова спр. 169. Но въ семъ Лѣтописцѣ все перемѣшено.

(195) Мать его и Митрополитъ посылали своихъ Бояръ уговаривать Князей Андрея и Бориса; они усовѣстились и прислали въ Москву своихъ чиновниковъ. См. *Ростов. Лът.*

(196) *Лът.* Львова спр. 170.

(197) Между Боровска, Медыни и М. Ярославца.

(198) См. *Синод. Лът.* No 365, л. 469.

(199) См. *Лът. Архив.* и Львова.

(200) См. *Синод. Лът.* No 365, л. 469 на обор. Сприковскій пишетъ, что Темиръ, подкупленный Великимъ Княземъ, отвелъ Ахмата отъ сраженія и зарѣзалъ сего Царя.

(201) См. *Лът.* Львова спр. 172.

(202) Въ *Синод. Лът.* No 365, л. 487, означено внизу грамоты, что она писана на *Дорогомиловѣ*. См. *Ростов. Архив. Лът.* и *Степен. Кн.* II, 140. Я выписалъ здѣсь только сильнѣйшія мѣста сего Вассіанова посланія, достойныя войти въ Исторію: то есть, сокрашилъ его безъ всякихъ прибавокъ или украшеній. — Грамота Геронтіева къ Іоанну находится въ посланіи *Рос. Митрополитовъ* (въ Синод. Библіот. No 164, л. 254).

(203) *Синод. Лът.* No 365, л. 487.

(204) См. *Синод. Лът.* No 365, л. 471, и *Казан. Лът.*

(205) См. *Синод. Лът.* No 365, л. 487 на обор.

(206) *Синод. Лът.* No 365, л. 487 — 488.

(207) *Синод. Лът.* No 365, л. 488.

(208) См. въ *Казан. Лът.* главу X.

(209) См. *Лът.* Львова спр. 174 и 175.

(210) *Степен. Кн.* II, 150. Не 24, а 23 Іюня. Въ сей день бываетъ въ Москвѣ Крестный ходъ въ Срѣтенской монастырь.

(211) См. *Ростов.*, *Никон.* и *Казан. Лът.* гл. XI. Тамъ сказано, что Ахмата убилъ шуринъ его, Ногайскій Мурза Ямгурчей: обстоятельнѣе и вѣрнѣе говоритъ о семъ *Архангельскій Лѣтописецъ*, стр. 159. — *Шибаны* и *Ногаи* кочевали въ сосѣдствѣ, однакожь раздѣлялись между собою; первые, кажется, такъ назывались отъ имени *Шибана* или *Шейбани-Хана*, Батыева брата, который господствовалъ въ Туранѣ или въ Сибири (См. Абульгази Hist. des Tat. стр. 483, и въ Бержеронѣ путешествіе Карпина и Рубруквиса). Въ другихъ лѣтописяхъ и самыхъ посольскихъ бумагахъ Шибанскіе Татары именуются обыкновенно Ногаями. Дѣла Ногайскія въ Архивѣ начинаются съ 1489 года (см. ниже примѣч. 278). Въ семъ году и въ 1494 былъ въ Москвѣ Иваковъ посолъ Чюмгуръ; но о первомъ его посольствѣ въ 1481 году нѣтъ извѣстій въ Архивѣ. Ивакъ въ своихъ грамотахъ къ Вел. Кн. именуетъ себя Ибрагимомъ, сыномъ Шыбана Царя, бывшаго съ Россіею въ дружбѣ: «отецъ мой стоитъ съ твоимъ юртомъ въ опри-«шнину; и другъ и братъ былъ.» (См. Дѣла Ногайск., л. 50).

(212) См. сей *Исторіи* Т. IV, примѣч. 72.

(213) См. *Больш. Чертежъ*, стр. 93 и 229.

(214) См. въ Архивѣ *Дѣла Ногайскія*, л. 2 и 50.

(215) См. *Лът. Архив.*, *Рост.* и Львова.

(216) Вассіанъ преставился въ 1481 году, Марта 25.

(217) Андрей скончался 10 Іюля 1481.

(218) *Рос. Вивліов.* II, 146, или *Собр. Г. Г.*

(219) *Рос. Вивліов.* II, 102 — 146. Въ Синод. Лѣт. No 365, л. 488 на обор. сказано, что Вел. Кн. далъ тогда и вѣрному своему брату, Андрею Меньшему, городъ Серпуховъ съ волостями.

(220) Весною въ 1480 году.

(221) Андрей пишетъ: «въ выходъ мнѣ давали въ «1000 рублевъ 100 рублевъ и 30 алтынъ и 3 ден-

«ги.... а съ Романова городка даваши Гатарщину къ «Ярославлю по спаринѣ.» Борисъ даваль на тысячу 60 рублей (см. *Вивліов.* II, 106, 124).

(222) Дѣла Крымскія No 1, стр. 60. Скряба поѣхалъ изъ Москвы 26 Апр. 1481. Іоаннъ уже зналъ о смерти Ахматовой.

(223) См. Архив. и Синод. *Псков. Лът.*

(224) Списокъ сего донесенія присланъ ко мнѣ изъ Кенигсбергскаго Архива, г. 1480, No 700. См. ниже, примѣч. 229.

(225) См. Арнпа Liefl. Chr. спр. 159.

(226) См. Архив. и Синод. *Псков. Лът. л.* 212.

(227) См. сіе письмо подъ No 701 между моими Кенигсбергскими бумагами, и Арнпа Liefl. Chr. 159.

(228) См. Синод. *Псков. Лът. л.* 213 на обор.

(229) См. между моими Кенигсбергскими бумагами No 702 письмо Магиспра Ливонскаго къ Вел. Магиспру Прусскому, въ коемъ онъ жалуется, что Нѣмецкій Орденъ не далъ никакой помощи Ливоніи, и гдѣ говорится о злодѣйствахъ Россіянъ. — См. Синод. *Псков. Лът. л.* 214 на обор.

(230) См. *Архив. Лът. л.* 130.

(231) См. выше, примѣч. 229.

(232) См. Кранца Wand., Кельха, Арнпа, Гадебуша.

(233) Такъ въ *Архив.* и *Никон. Лът.*

(234) См. *Лът.* Львова, спр. 184. Въ дѣлахъ Крымскихъ 1482 года, No 1, спр. 79. О другомъ Королевскомъ посольствѣ къ Вел. Кн. упоминается еще въ 1481 году (см. сіи Дѣла спр. 63).

(235) См. *Архив. Лът.* г. 1482 л. 128 на обор. и *Кіев. Лът.* No 70.

(236) Кромеръ спр. 427. — Кранцъ пишетъ, что Ливовскіе Князья по согласію съ Іоанномъ хотѣли умертвить Казимира (Wandal. спр. 304).

(237) Синод. *Псков. Лът. л.* 216 на обор.

(238) Юрій былъ отправленъ изъ Москвы 15 Марта 1482, Кутузовъ 14 Мая (см. Крым. дѣла No 1, спр. 69 – 84).

(239) См. *Архив. Лът.* л. 121, *Никон.* стр. 118, *Синопсисъ*, и *Синод. Лът.* No 365, л. 489 на обор.

(240) Онъ посылалъ къ Хану Князя Ив. Владимировича Дыкова и К. Вас. Поздроватаго. Первый выѣхалъ изъ Москвы 9 Марта 1483, а второй 14 Марта 1484. Между тѣмъ и Крымскіе послы находились въ Москвѣ (см. Крым. Дѣла No 1, стр. 84—100).

(241) См. письмо Менгли-Гирея къ Магменетъ-Амино отъ 10 Марта 1490. (Дѣла Крымск.) и *Лът. Архив.* л. 133.

(242) Лѣтописецъ называетъ его Махмутомъ.

(243) См. Дѣла Крым. No 1, стр. 139.

(244) См. *Архив. Никон. Лът.* и Дѣла Цесарскія No 1, л. 172 — 186. Матѳей еще присылалъ въ Москву Климента и въ 1488 году Дьяка Ивана, того же, думаю, который былъ у насъ въ 1482 году.

(245) См. Дѣла Цесарскія No 1, л. 178 — 179.

(246) Тамъ же л. 184.

(247) См. сей *Исторіи* Т. IV, стр. 290.

(248) См. сей *Исторіи* Т. IV, примѣч. 354.

(249) См. Дѣла Крым. No 1, л. 54 — 56.

(250) *Лѣтоп.* Львова стр. 185 и *Синод. Лът.* No 365, л. 490.

(251) Супруга его преставилась въ 1473 году.

(252) Синод. *Псков. Лът.* л. 219 на обор.

(253) *Архив. Лът.* л. 132.

(254) *Рос. Вивліоѳ.* II. 202.

(255) *Лѣтоп.* Львова стр. 194 и *Архив. Лът.* л. 133.

(256) *Архив. Лът.* л. 144.

(257) Въ 1488 г. Іюля 29, Вел. Кн. отправилъ къ Матѳею какого-то Штибора и Василья Карамышева съ письмомъ: «Божіею милостію Государь всея «Русіи, В. К. Иванъ Васильевичь Володим. и Москов., «и Новогород., и Псков., и *Тфер.*, и Югор., и Вятп. «и Пермскій и иныхъ, вѣзможному и честнѣйшему «Матеашу Божіею милостью Угорскому и Чешскому «и иныхъ земель Кралю и Князю Авщріе, намъ бра- «пу почтенному и другу милому здравіе.» См. дѣла

Цесар. No 1, л. 179—186. — Шпиборъ возвратился въ 1489 г., Апр. 9, съ письмомъ отъ Матѳея. Со вторымъ Венгерскимъ посломъ Клименпомъ пріѣхалъ въ Москву *Матфейко* Ляхъ и *Фрянцоскъ* Фрязинъ: Вел. Кн. не отпустилъ ихъ назадъ, сказавъ, что Матфейко, будучи Казимировымъ подданнымъ, можетъ сдѣлать намъ вредъ, а *Фрянцоскъ* живетъ въ Москвѣ у своего брата, у Фрязина, и занимается Государевымъ дѣломъ.

(258) *Лѣтоп.* Львова стр. 188.

(259) Димитрій родился Окт. 10, въ десятомъ часу дня.

(260) *Собр. Г. Г.* 290.

(261) См. *Архив. Лѣт.* 135.

(262) См. *Собр. Г. Г.* 299.

(263) См. *Арханг.* 140 и *Архив. Лѣт.*

(264) См. *Собр. Г. Г.* Въ началѣ сей грамоты: «по благословенью Семіона, Владыки Рязанскаго и «Муромскаго.» Кн. Рязанскій Иванъ былъ женатъ на дочери К. Ѳеодора Бабича, Агриппинѣ.

(265) Царь Казанскій пришелъ на Масляницѣ и воевалъ до четвертой недѣли поста. См. *Лѣт.* Львова, стр. 127 и *Арханг. Лѣт.*

(266) См. *Архив. Лѣт. л.* 107.

(267) Дѣла Крым. No 1, стр. 140. Нурсалтанъ вышла за Менгли-Гирея около 1485 года.

(268) *Лѣт.* Львова стр. 195 и 196.

(269) См. Разряд. Книгу Бекетова. Въ *Русск. Лѣт.* Львова сказано, что Аристотель съ пушками былъ тогда въ Нижнемъ. — См. *Арханг. Лѣт.*

(270) См. Дѣла Ногайск. л. 4.

(271) Холмскій выступилъ изъ Москвы Апрѣля 11, а Магметъ-Аминь выѣхалъ Апр. 24 (см. *Архив. Лѣт.* и Львова стр. 197).

(272) Съ 1487 г. находимъ сей титулъ въ государственныхъ бумагахъ Іоанновыхъ (см. Дѣла Архив. его времени).

(273) Дѣла Крым. No 1, стр. 147.

(274) Тамъ же, стр. 149.

(275) См. тамъ же, стр. 100 — 170.

(276) См. тамъ же, стр. 165.
(277) См. тамъ же, стр. 179 — 181.
(278) Сіи посольства отъ 1489 года идутъ до 1509 (см. Дѣла Ногайск.).
(279) См. Ног. Дѣла л. 34 на обор.
(280) См. тамъ же, л. 13.
(281) *Лът.* Львова стр. 196, 197. Вятчане не только худо слушались Вел. Князя, но и грабили въ его владѣніяхъ. См. *Арханг. Лът.* г. 1486. Въ *Посланіи Рос. Митрополит.*, л. 65 и 68 (въ Синод. Библіот. No 164) есть письмо Митрополита къ Вятчанамъ и къ ихъ Духовенству: первыхъ укоряетъ онъ непослушаніемъ Вел. Князю и разбоями, а Священниковъ именуетъ зловѣрными, ибо они не требовали поставленія отъ Митрополитовъ, совокупляли бракомъ родныхъ, дозволяли пятый, шестый и седьмый бракъ, и проч.
(282) См. *Арханг. Лът.* 165, *Архив. Лът.* и Львова 202.
(283) См. сей *Исторіи* Т. III, въ концѣ княженія Боголюбскаго.
(284) См. *Архив. Лът.* л. 138 на обор.
(285) См. тамъ же, и *Никон.* стр. 125.
(286) Онъ скончался 7 Марта въ 1490 г.
(287) *Никон. Лът.* стр. 125.
(288) *Лът.* Львова стр. 185.
(289) См. о сей ереси книгу Св. Іосифа Волоцкаго въ Синод. библ. подъ No 334, и *Рос. Вивл.* XIV, 128.
(290) См. *Древн. Рос. Вивліоѳ.* XIV, 285.
(291) См. *Лът.* Львова г. 1497, стр. 190, и *Вивліоѳ.* XIV, 271. Зосима Соборомъ Свяшипельскимъ избранъ 12 Сент., а поставленъ 26 въ 1490.
(292) 17 Окт. 1490: см. *Архив. Лът.* л. 140 на обор.
(293) Тамъ же л. 141.
(294) См. въ *Архив. Лът.* г. 1488, л. 136 на обор. Это было еще при Митроп. Геронтіи. Ересь уже и тогда открывалась, какъ видно изъ письма Герон-

тіева къ Геннадію, напечатанному въ *Древн. Рос. Вивліоѳ.* XIV, 235. «Писалъ еси къ намъ (говоритъ «онъ) къ Господину и къ сыну моему къ Вел. Кн., «да и ко мнѣ, что прозябаютъ ереси въ Новѣгоро- «дѣ.... да и списки на еретиковъ прислалъ, какъ «они хулили Христа, и ругалися Свят. Иконамъ, а «величаютъ Жидовскую Вѣру — и мы то дѣло съ «Госп. съ Вел. Кн. и со всѣмъ православ. Соборомъ «поразсудили, что въ твоемъ спискѣ писаны Попъ «Григорей Семеновской, да Попъ Герасимъ Никольс- «ской, да Поповъ сынъ Григорьевъ Самсонко Діакъ.... «и Кн. Вел. велѣлъ тѣхъ трехъ казнити градскою «казнью, да казнивъ, послалъ ихъ къ тебѣ; и ты бъ «у себя въ своемъ Зборѣ тѣхъ обличивъ, да понака- «жи духовнѣ.... а не покаются, и ты ихъ пошли «къ Намѣстникомъ Вел. Князя, и они ихъ тамо ве- «ляпъ казнити градскою казнію по Вел. Князя нака- «зу, *какъ писано въ Царскихъ правилѣхъ*, а Гридя «Діакъ не дошелъ еще по правиломъ градскія казни, «потому что на него одинъ свидѣтель, Попъ На- «умъ....» Такъ называемыя *Царскія Правила* или законы Греческихъ Царей, взятые изъ Кормчей Книги, служили добавленіемъ къ *Судебнику* въ спарыхъ спискахъ онаго; см. *Судебникъ* изданный Башиловымъ. Тамъ стр. 43, именно сказано, что свидѣтельство одного человѣка недостаточно для обвиненія; по тому и нельзя было осудить Діака Гридю. — Вмѣстѣ съ Митрополитомъ писалъ тогда къ Геннадію и Вел. Князь: сія грамота находится въ библіотекѣ Волоколам. монастыря, въ книгѣ подъ No 666, л. 167. Іоаннъ, говоря то же, прибавляетъ, что Намѣстники опишутъ имѣніе осужденныхъ. Внизу подписано: «А Князь Великій и Митрополитъ писалъ съ «Кривоборскимъ о еретицѣхъ въ лѣто 96 (1488) «Февр. 15.»

(295) Сіе письмо находится въ той же книгѣ Іосифа о ереси.

(296) Зосима удаленъ 17 Мая. См. въ *Вивліоѳ.* XIV, 203, письмо Новогород. Архіеп. Геннадія къ Свяпи-

шелямъ Рос. О Симонѣ см. вепх. *Синод. Лът.* No 365, л. 510, и еще *Никон*, и *Архив. Лът.* л. 155.

(297) См. въ книгѣ Іосифа письмо его къ Государеву Духовнику, Архимандриту Андроникова монастыря, Митрофану, гдѣ сказано: «да по та мѣста, «господине, мнѣ Кн. Вел. велѣлъ преспати гово- «рить; и мнѣ, господине, мнится, кое Государь нашъ «блюдется грѣха казнити еретиковъ,» и проч.

(298) Въ лѣтописяхъ упоминается объ немъ въ 1496 году, а въ грамотахъ Архивскихъ и гэслѣ (см. *Рос. Вивліов.* Т. II).

(299) Іюля 4.

(300) См. *Рос. Вивліов.* II, 230.

(301) *Архив. Лът. л.* 136, г. 1488, и Львова 198.

(302) *Архив. Лът. л.* 142. Магметъ-Аминь также посылалъ съ ними войско, предводительствуемое Собашъ-Уланомъ и Собурашъ-Сеитомъ. Сей походъ былъ въ Маѣ.

(303) См. *Арханг. Лът.* 170.

(304) См. *Никон. Лът.* спр. 129.

(305) См. вепхій *Синод. Лът.* No 365, л. 507. — К. Андрей скончался Окт. 7, а Борисъ въ Маѣ 1494, въ своемъ Удѣлѣ; погребенъ въ Москов. Архангельскомъ Соборѣ Мая 27: тамъ лежитъ и Андрей.

(306) См. печатный Лѣтописецъ, служащій продолженіемъ Несторова, спр. 339.

(307) *Рос. Вивліов.* II, 286, 294.

(308) См. сей *Исторіи* Т. III, г. 1189.

(309) См. Дѣла Цесарскаго Двора No 1, л. 1 — 19.

(310) Листъ 16: «А чпо еси намъ говорилъ о Ко- «ролевствѣ, если намъ любо опъ Цесаря хопѣти «Кралемъ поставлену быти на своей землѣ: и мы «Божіею милостію Государи на своей землѣ изъ на- «чяла опъ первыхъ своихъ прародителей; а поста- «вленіе имѣемъ опъ Бога, какъ наши прародители, «такъ и мы; а просимъ Бога, чтобы намъ далъ Богъ «и нашимъ дѣтемъ и до вѣка въ томъ быти, какъ «есмя нынѣ Государи на своей землѣ; а поставленна

«какъ есмя напередъ сего не хотѣли ни отъ кого,
«такъ и нынѣ не хотимъ.»

(311) Сіе посольство, какъ замѣчаетъ Миллеръ, описано Леманомъ въ Спирской Хроникѣ, кн. VII, гл. 120, стр. 999.

(312) Л. 31 на обор.

(313) Вѣроятно, тѣмъ самымъ, котораго Леманъ (см. выше. примѣч. 311) называетъ Торномъ.

Л. 32 на обор.: «На Москвѣ Приставомъ велѣлъ «Кн. Вел. быти у посла Ивану Берсеню (Беклеми-«шеву), и встрѣтилъ его за 10 верстъ отъ Москвы «у Кузмы-Демьяны на Хинскѣ на Тферской дорогѣ; «а велѣлъ ему Кн. Вел. у себя быти Іюля 18; а по-«сылалъ по него на подворье Окольничего К. Ивана «Звенца, да Юрія Грека, и пріѣхали съ нимъ вмѣстѣ «на дворъ; и Кн. Вел. велѣлъ его встрѣтити на сво-«емъ дворѣ конецъ лѣсници каменные Окольничему «Ивану Чеботу, да Дьяку Ѳедору Курицыну, а пе-«редъ своими дверми передъ полатою передъ малою «Боярину своему, Андрею Михайловичю Плещееву, «да Одинцу Діаку. А какъ пришолъ къ Вел. Кн., и «онъ отъ Короля Максиміана поклонъ правилъ. Кн. «Великій вставъ, да въспросилъ о Королевѣ здоровіи, «да и руку ему подалъ стоя, да велѣлъ ему сѣсти «на скамейкѣ противу себя близко; да посидѣвъ мало, «Юрій вставъ подалъ грамоту вѣрющую.... А се «списокъ.

«Максиміліанъ Божіею милостію Король Римскій, «всегда Августъ, и Князь Авъстрьскій, Кн. Бергонь-«скій, Лургинскій, Стырскій и Карантеньскій и иныхъ. «Премощнѣйшему и началынѣйшему дражайшему дру-«гу. Мы есмя нашему съвѣтнику и въ царьствѣ «драгому и вѣрному Юрію Далапору нѣкіа вещи съ «твоимъ Навышствомъ отъ нашеа страны приказа-«ли говорити, якоже онъ отъ насъ наединѣ и по «части есть изображенъ. Просимъ отъ твоего На-«вышества, любообразно моляся, оному угодно буди, «предреченному нашему Совѣтнику нынѣ совершен-«но, еще бы какъ тѣлу нашему, възяти достой-

«ную вѣру, и въ семъ явить твое дражайшество «любезнѣйшее изволеніе. Данъ въ градѣ нашемъ Беб- «рѣ въ 17 день Февруаріа, отъ Въплощенья Хр. въ «1490, въ 5 лѣто государства нашего. — А на под- «писи: *Свѣтлѣйшему и всемочнѣйшему и началнѣй- «шему Іоанну, вседръ-жавному Государю Русьско- «му, нашему дражайшему другу*. А опослѣ грамоты «подалъ отъ Короля поминокъ, бархатъ Венедитцкой «темно-синь гладокъ. — А того дни рѣчей Вел. Князю «отъ Короля не говорилъ. А тогды были при немъ у «Вел. Кн. дѣти его, К. Василей да К. Юрій; а по- «клона имъ отъ Максиміана не правилъ; а руки ему «подавали и о здоровьѣ его вспросили. А Бояре всѣ «были у Вел. Князя. И ѣлъ того дни у Вел. Кн.»

(314) Дѣла Цесарскія No 1, л. 44 на обор.

(315) Сказано: «въ повалушѣ въ середней.»

(316) Л. 41.

(317) Л. 48.

(318) Николай Поппель въ своей грамотѣ къ Вел. Князю изъявилъ большую досаду на Московскихъ Вельможъ, которые не хотѣли вѣрить его первому посольству и смѣялись надъ нимъ. Далѣе говоритъ онъ: «Язъ коли есмь былъ у Высокости твоей, слышелъ «есми, иже манисто и ожерелье златые, которые «принесъ мой слуга на продажу отъ купца изъ Ноберь- «ка, Высокости твоей полюбилися: и язъ нынѣче «тое маниспо и ожерелье купивши, послалъ къ тво- «ей чьсти и любви..... да и 15 локоть Московскихъ «бархату на золотѣ; а сыну твоему первородному «платно, черленой бархатъ на золотѣ съ подклад- «кою синего чамлата.... Святое Величьство Цесар- «ское про то ся на мене злобитъ, иже есмь не при- «велъ изъ твоей земли живыхъ звѣрей, иже словутъ «по-Руски лоси, а по-Нѣмецки *Элеутъ*..... Да пожа- «ловалъ бы прислалъ одного *Гогулятина*, которые «ѣдятъ сырое мясо, и Цесарскому Величьству бу- «детъ вельми за честь; а естьли не лзя будетъ по- «слати одного *Гогулятина*, и ты бы еси послалъ «предреченные звѣрята лоси.... а какъ будутъ мо-

«лоды, пѣмъ и лупчи, иже бы были смирны; а естьли «будутъ спарые, ино имъ роги сняти.» Далѣе Поппель говоритъ о своей болѣзни и надписываетъ грамоту: «Свѣтлѣйшему Князю и Господину Государю «Ивану Васильевичю, Вел. Князю Московскому, Го«сударю моему ласковому.» Ѳедоръ Курицынъ отвѣчалъ его слугѣ именемъ Вел. Князя: «Государь твой «Николай писалъ къ Государю нашему не по-приго«жу, какъ есть пишутъ къ Великимъ Государемъ: «ино намъ поминки его не надобѣ.» См. л. 60—66.

(319) Л. 78. То есть, они размѣнялись грамотами. Не знаю, сохранилась ли Іоаннова въ Императорскомъ Вѣнскомъ Архивѣ; но Максимиліанова подлинная у насъ пропала: имѣемъ только списокъ.

(320) См. Далина Gesch. des R. Schw. II, 627.

(321) На примѣръ (л. 86): «Наяснѣйшый и насвѣ«тлѣйшый Государь, единъ *Царь* всеа Руси.» Съ Трахаміотомъ послана была грамота къ Любекскому Бургомистру, въ коей Іоаннъ называетъ себя *Царемъ*: «Божіею милостію Государь *Царь* всеа Руси.» Такъ и во многихъ иныхъ бумагахъ.

(322) Дѣла Цесар. л. 82—93. Онъ былъ въ Москвѣ около пяти мѣсяцевъ. Максимиліанъ прислалъ съ нимъ Вел. Князю поставъ *скарлату и дамашки*.

(323) Л. 94. — Въ даръ Максимиліану была послана шуба соболья и горностаевая съ камкою.

(324) Л. 111.

(325) Л. 114—128.

(326) См. сей *Исторіи* Т. III, примѣч. 76, и Т. IV, примѣч. 264.

(327) См. выше, стр. 169.

(328) См. вѣтхій *Синод. Лѣт.* No 365, л. 508 (въ 1492 году.)

(329) Упомянутый серебряный снимокъ, хранящійся въ монетномъ Кабинетѣ Эрмитажа, сдѣланъ безъ сомнѣнія иноземцемъ, который изобразилъ подпись такимъ образомъ: ИКОЙВЕЛ (вмѣсто *Великой*) ДРСОИГО (вмѣсто *Госоударь* или *Государь*, т. е. поставивъ задніе буквы напередъ) $\overset{\sim}{З}$Є *ле* (т. е. 7005

лѣто) *створилъ единъ талеръ златъ и сълилъ златъ и подарова Кнегини своа Тодосіа.* Св. Николай изображенъ въ Святительскомъ облаченіи; правою рукою благословляетъ, а въ лѣвой держитъ книгу; на правой сторонѣ образъ Спасителя, на лѣвой Богоматерь.

(330) Дѣла Цесарскія No 1, л. 120 — 127. Спупсъ отправился назадъ съ приставомъ и слѣдующею подорожною. «Отъ Вел. Кн. И. Вас. всеа Руси отъ «Москвы по дорозѣ по нашимъ землямъ, по Москов«ской и по Тферской, по ямомъ ямъщикомъ до Торж«ку, а въ Торжекъ Спароспѣ, а отъ Торжку по «Новогородцкой землѣ по ямьщикомъ до Новагорода, «послалъ есми Сенку Зезевидова съ Нѣмчиномъ, и вы «бы давали Сенкѣ по двѣ подводы по ямомъ, а Нѣм«чину по двѣ же отъ яму до яму, а корму на Нѣм«чина на яму, гдѣ сму лучитца спати, куря да двѣ «чясти говядины, да 2 чясти свинины, да соли и заспы «(крупы) и смятаны, и масла, да 2 колачя полуденеж«ные по сей моей грамотѣ. Лѣта 7001 Генваря.»

(331) См. сей *Исторіи* Т. II, стр. 38.

(332) См. Т. IV, стр. 66.

(333) См. Т. IV, стр. 232.

(334) См. *Архив. Лът.* л. 150, 152. Датскій посолъ пріѣхалъ въ Іюлѣ. См. Далина II, 631, и Малеина Hist. de Dan. г. 1493: первый называетъ его Ротшильдскимъ церковнымъ сановникомъ. Ралевъ и Зайцевъ возвратились въ 1494 году.

(335) См. *Архив. Лът.* л. 140.

(336) См. Memor. Popul. IV, 258, и Voyage de Contareni въ Бержеронѣ.

(337) См. сей *Исторіи* Т. II, стр. 265 и Т. III, стр. 134.

(338) См. *Архив. Лът.* л. 144, на обор. и письмо Александрово къ Вел. Князю (см. *Посланіе Рос. Митрополитовъ* въ Синод. библіот. No 161, л. 180).

(339) См. Дѣла Крым., No 1, л. 115.

(340) См. тамъ же, 176.

(341) См. тамъ же, 336 — 339. Начало: «Салтану, «великому Царю. Межи Бесерменскихъ Государей «великой еси Государь надъ Турскими и надъ Азям-

«скими Государи воленъ еси; польской (земной) и «морской Государь еси, Салшанъ Баазитъ,» и проч.

(342) См. тамъ же, 196 и слѣд. Ромодановскій выѣхалъ изъ Москвы 28 Окт. Онъ возвратился 16 Ноября 1491 съ двумя послами Менгли-Гиреевыми, которыхъ Вел. К. не пустилъ въ Москву, для того, что дорогою умерло у нихъ нѣсколько слугъ отъ язвы. Они зимовали въ селѣ Волконѣ, куда былъ посланъ К. Василій Ноздроватой съ толмачами, которые говорили съ ними черезъ рѣку.

(343) Тамъ же, 270. Лобановъ поѣхалъ 20 Марта.

(344) Въ образецъ слога приведемъ слѣдующее мѣсто грамоты Магметъ-Аминя къ Менгли-Гирею (Дѣла Крым. 300): «Единъ Богъ! Въ большей бесѣдѣ воль-«ному. Надъ храбрыми и надъ грамотники большой «еси; надъ Вѣрою Осподарь еси; надъ Турскымъ и надъ «Азямскимъ Осподаремъ воленъ еси, и силы отъ Бога «въ прокъ и имя великое досталъ еси; надъ недруги «силенъ еси: надъ Бесермены въ Бесерменской Вѣрѣ «свящъ еси; отъ лиха уймаешь; въ Вѣрѣ чистота «еси; Божіа засшѣнь еси; на земли чистъ еси; отъ «воды и отъ земли създанъ еси; вся сопворшаго «Бога изволеніемъ чистъ еси; на сей земли все твое «велѣніе; сего времени и сего свѣта Осподарь еси... «Братъ мой, Менгли-Гирей Царь! Осподарьства бы «его свыше Богъ учинилъ. Величеству твоему отъ «Магметъ-Аминя, челомъ ударивъ, поклонъ.» Освѣдомляясь о здоровьѣ Менгли-Гирея, онъ извѣщаетъ его о частыхъ впаденіяхъ Князей Ногайскихъ въ Казанскую область, и проч. Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ сказано, что Вел. К. далъ Царевичу Лепифу Звенигородъ съ пошлинами.

(345) Отъ насъ къ Казимиру ѣздили Михайло Кляпикъ Яропкинъ 1 Генв. 1488, Боярскій Сынъ К. Ѳедоръ Ивачов. Палецкій 9 Марта, Боярскій Сынъ Василей Карамышевъ 29 Іюля, вторично Яропкинъ 20 Марта 1489, Дворянинъ Григорій Афанасьевъ Путяшинъ 22 Дек., Боярскій Сынъ Михайло Зворыкинъ 18 Февр. 1490, въ третій разъ Яропкинъ 7

Мая, Боярскій Сынъ Иванъ Никитичь Беклемишевъ 16 Мая 1492. См. Дѣла Польскаго Двора No 1, спр. 5—151.

(346) См. Дѣла Крым. No 1, 324. Заболоцкой поѣхалъ 30 Авг. 1492.

(347) См. *Никон. Лът.* 135.

(348) К. Оболенскій плѣнилъ Мценскаго Воеводу, Бориса Семеновича Александрова. См. Дѣла Польскаго Двора 182 и слѣд.

(349) См. тамъ же.

(350) См. тамъ же.

(351) См. *Архив. Лът.* л. 146, *Никон.* 134, и Львова 219. Плѣнниковъ выведено 550. Войскомъ предводительствовали Кн. Рязанскій Ѳеодоръ, Воевода брата его, Іоанна, Инко Измайловъ, и Московскіе Полководцы, К. Михайло Ивановичъ Колышко и К. Александръ Васильевичь Оболенскій.

(352) Вязьму взялъ К. Данило Васильевичъ Щеня. Одинъ изъ Князей Вяземскихъ, Михайло, былъ сосланъ на Двину, и тамъ умеръ въ оковахъ (см. *Арханг. Лът.*) — Князь Михайло Романовичь Мезецкой самъ привезъ въ Москву братьевъ своихъ, К. Семена и Петра.

(353) См. *Архив. Лът. л.* 147 на обор.: Іоаннъ извѣстилъ Менгли-Гирея, что онъ завоевалъ, кромѣ упомянутыхъ городовъ, Лучинъ, Мощинъ, Городечну, Дмитровъ, Залидовъ, Бѣлую, Осугу (см. Дѣла Крым. спр. 404, 427).

(354) См. *Архив. Лът. л.* 148, и *Никон.* 135. Лукомскаго сожгли въ Генв. 1493.

(355) См. Дѣла Крым. No 1, спр. 357 — 385.

(356) См. тамъ же, спр. 406 — 414.

(357) См. тамъ же, спр. 440 и слѣд.

(358) Посолъ Мазовецкій пріѣхалъ въ Маѣ 1493, а Кн. В. отправилъ съ нимъ въ Мазовію 21 Мая Василья Асанчука Заболоцкаго и Василья Третьяка Далматова (см. въ Архивѣ столицы Польскаго Двора г. 1498).

(359) См. Дѣла Крым. спр. 360.

(360) См. донесенія Заболоцкаго въ Дѣлахъ Крымск.

(361) Загрякскій поѣхалъ 5 Генв. 1493 (см. Дѣла Польск. Двора спр. 203) съ Трепьякомъ, Михайловымъ сыномъ, прозвищемъ Синія Губы.

(362) Послами были Андрей Олехновичъ, Намѣстникъ Переломскій, и Войтко Яновичъ Клочко. Пріѣхали 29 Іюня, 1493, а выѣхали 8 Іюля. 16 Сент. Клочко возвратился въ Москву за *опаснымъ листомъ* или проѣзжею грамотою для Великихъ Пословъ.

(363) Дѣла Польск. Двора No 1, спр. 247.

(364) Подлиннаго договора нѣтъ въ Архивѣ; остался только списокъ.

(365) Пріѣхавъ въ Вильну 18 Апрѣля, на третій день они поднесли Александру обручальные дары.

(366) См. Дѣла Польск. Двора спр. 390 и 434.

(367) Тамъ же, спр. 440. См. также *Рос. Вивліоѳ.* Т. XIV, спр. 1 — 21.

(368) Вопреки нашимъ Каталогамъ Митрополитовъ и Ходыкевичу, Симеонъ, Кіевскій Митрополл., преемникъ Мисаиловъ, скончался въ 1488 г. Его мѣсто заступилъ Іона Глезна. «Въ лѣто 7003 (1495) съ-«брашась Епископи, Володимерскій Васьянъ, Полоц-«кій Лука, Туровьскый Васьянъ, Луцкій Іона, и по-«ставиша Митрополитомъ *Макаріа* Архимандрита, «порекломъ *Чорта*, Кіеву и всеа Руси, а до Пат-«ріарха по благословеніе послаша Старца Деонисея «и Германа Діакона Инока» (см. Архив. *Кіев. Лѣт.* No 70).

(369) См. Дѣла Польскаго Двора спр. 330. Съ сими жалобами пріѣзжали отъ Александра въ Москву, 13 Авг. 1494, Маршалокъ Янъ Литоворъ Хребтовичь, да писарь Адамъ.

(370) См. Дѣла Польск. Двора спр. 449 — 473. Станиславъ Петряшковичъ, внукъ Стромиловъ, пріѣхалъ въ Москву 15 Мая, а выѣхалъ 24.

(371) См. Дѣла Польск. Двора спр. 473 — 482.

(372) Тамъ же, спр. 482 — 486.

(373) Въ Нояб. 1493 Іоаннъ посылалъ Константина Малечкина къ Менгли-Гирею съ убѣжденіемъ

не принимать никакихъ мирныхъ условій отъ Литвы, а въ Маѣ 1495 извѣстилъ его о союзѣ съ Александромъ. Отвѣтъ Менгли-Гиреевъ въ Крым. Д. 463.

(374) См. Дѣла Польск. Двора No 1, 496 — 522.

(375) См. выше, стр. 229.

(376) См. Дѣла Польск. Двора No 1, г. 1496, стр. 529 — 539.

(377) Тамъ же, стр. 539 — 554. Тогда Іоаннъ посылалъ въ Вильну Михайла Кляпика Яропкина съ Подъячимъ Тимоѳеемъ Микулинымъ (19 Мая 1496).

(378) Тамъ же, стр. 552.

(379) См. тамъ же, стр. 555 — 557. Съ сею грамотою пріѣхалъ (въ Ноябрѣ 1496) въ Москву Алексѣй Семичовъ, Дворянинъ находившійся при В. Княгинѣ Еленѣ.

(380) См. Дѣла Крым. No 1, стр. 477 — 496. Звенецъ поѣхалъ 11 Сент. 1496.

(381) См. *Никон. Лът.* 132, и между моими Кенигсбергскими бумагами отношенія Ливонскаго Магиспра 1492 и 1493 годовъ къ Нѣмецкому Ордену, No 728 и 729.

(382) In horrendo flagitio (см. Кранц. Wandal. стр. 327).

(383) См. *Никон. Лът.* стр. 141. Дѣла Польск. Двора No 1, стр. 564.

(384) Кельхъ, стр. 153.

(385) Гадебушъ Th. I, Abschn. II, стр. 247. Вел. Кн. посылалъ въ Новгородъ Дьяка Василья Жука и Данила Мамырева, чтобы опечатать товары Ганзейскихъ купцевъ (см. *Продолженіе Нестор. Лът.* 336).

(386) См. Дѣла Цесарскія No 1, л. 106.

(387) См. Архив. Розрядн. Книгу л. 12 на обор., и Гадебуша г. 1489, стр. 254.

(388) *Никон. Лът.* 142 — Кранц. Wandal. 327 — Кельхъ 153 — Гадебушъ 250.

(389) См. Арнпа L. Chr. 158.

(390) См. Сарторія въ Gesch. des Hans. Bund.

(391) См. Далина Gesch. des R. Schw. II, 632.

(392) См. выше, примѣч. 334.

(393) См. Архив. *Ростов. Лът.* л. 572, также *Архие. Лът.*, л. 154. и Розрядныя Книги.

(394) См. Далина II, 636.

(395) Государь выѣхалъ изъ Москвы Окт. 24, а пріѣхалъ въ Новгородъ Ноября 17 (въ 1495 г.) О свитѣ его, см. Архив. Розр. Книгу л. 6.

(396) Воеводы пошли Генв. 17. См. Далина II, 637.

(397) *Архив. Лът.* 156 на обор.: «а се имъ (рѣкамъ) «имена: Кемъ, Торна, Колоконъ, Овлуй, Сиговая, «Снѣжна, Гавка, Пупашъ.» *Арханг*: «Извоевали Полну «рѣку да Торнову, да Снѣжну; добра поимали много, «а полону безчисленно; а ходили съ Двины моремъ «Акіяномъ, да черезъ Мурманской Носъ.»

(398) См. Далина II, 638, и *Архив. Лът.* л. 159. Стокгольмъ названъ въ сей лѣтописи *Стекольномъ*, а Свантъ Стуръ *Княземъ Стефаномъ Кстуромъ*. Онъ пришелъ Авг. 19.

(399) См. *Архив. Лът.* л. 166 на обор.

(400) Далина II, 642.

(401) См. Дѣла Польск. Двора No 1, стр. 563.

(402) Въ Маѣ 1496 г. пришла вѣсть въ Москву о нападеніи Мамука, *Шибанскаго* Царя, на Казань. Въ началѣ Сент. Ряполовскій вышелъ изъ Казани.—Мамукъ умеръ на возвратномъ пути въ Ногайскую землю. Въ Апрѣлѣ 1497 г. возвели *Летифа* на престолъ. См. *Никон. Лът.* стр. 146 и *Архив.* л. 157.

(403) См. Дѣла Крым. No 1, стр. 536 – 546.

(404) См. тамъ же, стр. 570 – 604.

(405) См. выше.

(406) Посольство его въ Крымск. Дѣлахъ No 1, стр. 496 – 536. Онъ выѣхалъ изъ Москвы 11 Сент. 1496, вмѣстѣ съ К. Иваномъ Звенцомъ, отправленнымъ къ Менгли-Гирею.

(407) Вотъ подлинный переводъ Баязетовой грамоты. «Богъ! — Великоименитой Хумаюнъ (птица) «Баязидъ Султанъ Муххамедовичъ нынѣ въ своей «земли Божіею милостью Анаполейскій и Румской «земли, Бѣлого моря и Черного моря, и Караман-

«скій и Мушшего Рима, и иныхъ многихъ земль Го-
«сударь, Селшпана Махаммедя Царя сынъ Сулшанъ
«Баазидъ; а всея Русіи, и Въспочной и Полской и
«иныхъ многихъ земль Князь Иванъ. Къ моему порогу
«послалъ пы въ часпіе доброе своего посла, опъ сво-
«его правого сердца чистого, доброго человѣка Ми-
«хайла. Посольспва его пупь до меня дошелъ, мене
«какъ видѣлъ, и пвою грамопу полную мнѣ далъ, и
«язъ ее взявъ приложилъ къ своему сердцю, и что
«въ пой грамопѣ написано было, и что пвой по-
«солъ своимъ языкомъ говорилъ опъ тебя, то до
«меня дошло опъ пвоего праваго сердца, и разумѣлъ
«есми, единачесшва со мною хочешь, каковъ бы пы
«ко мнѣ, шаковъ бы язъ къ тебѣ, и по семъ межы
«бы насъ послы нашы ходили чясшо; и госпи свои
«въ мою землю оппущай, и пришедъ увидятъ нашу
«правду къ тебѣ и тобѣ скажупъ. Что о пѣхъ го-
«спехъ писалъ пы ко мнѣ пережъ сего, о всемъ
«пвой посолъ и пвоя грамопа вѣдомо мнѣ дала съ
«правдою, и познавъ язъ по нынѣ, пвоему послу
«своимъ языкомъ говорилъ и грамопы свои къ тебѣ
«послалъ, и онъ тебѣ мои рѣчи скажепъ и грамопы
«подаспъ; а пвой посолъ мнѣ по пошлинѣ службу
«полну учинилъ; а нынѣ у мене посолъ пвой оппро-
«сился назадъ; и язъ его оппуспилъ въ свою спра-
«ну, и онъ опъ меня и пошолъ. Дай Богъ, пвой по-
«солъ по-здорову дошелъ до тебя. Мое здоровье и
«дружбу и любовь тобѣ скажепъ, опъ меня тебѣ
«великой поклонъ; и хто мнѣ другъ, и тобѣ другъ,
«и тому великой поклонъ. А писанъ по конецъ мѣ-
«сяца Речедбюль Мюрачедль, девятъ сотъ впораго
«лѣта въ Конспянтинѣ градѣ. *(Переводъ Молинъ «Шамахійскаго.)*» — Дѣла Крым. 522. Плещеевъ возвратился 27 Февр. 1498.

(408) Архив. *Ростов. Лът.* л. 569.

(409) См. *Воскресенск. Лът.* II, 39 и 140 — *Новогород. Лът.* спр. 62, и сей *Исторіи* Т. III, спр. 199.

(410) См. *Никон. Лът.* спр. 156.

(411) См. Архив. *Ростов. Лът. л.* 569 на обор.— Сію такъ называемую Августову крабію можно видѣть въ нашей Оружейной Палатѣ. — Гербершпеинъ (R. M. Comment. стр. 16) пишетъ, что коронованному Димитрію за Великокняжескимъ торжественнымъ обѣдомъ, въ исполненіе древняго обряда, подали блюдо *сельдей Переславскихъ*: симъ напоминалось новому В. К., что Москва и Переславль должны быть всегда неразлучны подъ его скипетромъ.

(412) Гербершпейнъ (стр. 7.).

(413) См. выше, стр.

(414) То есть, Іоанна и Стефана Молдавскаго.

(415) См. *Степен. Кн.* II, 160—*Архангельск. Лът.* стр. 173 — *Синод. Лът.* No 365, *л.* 513 на об.

(416) См. сей *Исторіи* Т- V, примѣч. 232, подъ годомъ 1418. Въ Родосл. Книгахъ мать К. Ивана Юрьевича несправедливо именуется Анною.

(417) См. сей *Исторіи* Т. V, стр. 310. — Ряполовскіе происходили отъ Стародубскихъ Князей: см. Родослов. Книгу II, 76.

(418) См. Архив. *Ростов. Лът.* 569 на обор.—К. Иванъ Юрьевичь скончался въ томъ же 1499 году, а сынъ его, К. Василій Косой, въ 1500. — См. Послужной Списокъ Бояръ въ *Трудахъ Вольн. Рос. Собранія*, I, 226.

(419) См. *Степен. Книг.* II, 160. и *Псков. Лът.*

(420) См. Эрбелот. Bibl. Orient. II, 426.

(421) См. выше. прим. 88, и Дѣла Крымск. стр. 615. Грекъ Дмитрій и Голохвастовъ поѣхали изъ Москвы въ Мартѣ.

(422) См. Крым. Дѣла стр. 622 и 639. Посолъ Кафинскій, Конюшій Салый, съ толмачемъ и съ *Дворянами* пріѣхалъ въ Окт. 1499 г. Тогда же возвратился изъ Крыма и К. Семенъ Ромодановской, а Голохвастовъ 6 Февр. 1500. Въ 1501 году Вел. Кн. послалъ въ Кафу Андрея Семен. Кутузова, убитаго на возвратномъ пути Азовскими Татарами (Дѣла Крым. стр. 895). Въ Сент. сего года былъ въ Москвѣ Кафинскій посолъ Алакозь: съ нимъ вмѣстѣ отправился

къ Султану Шихъ-Зодѣ Алексѣй Яковл. Голохвастовъ, требовать, чтобы Азовскіе разбойники были наказаны и все пограбленное ими возвращено (см. тамъ же стр. 879 — 894).

(423) См. *Архангельск. Лът.* 141, 142 и 160.

(424) См. тамъ же, 160, и Синод. Лѣт. No 365.

(425) См. Архив. Розр. Книгу л. 16 и 23 на обор.

(426) См. Гербершт. стр. 61. Кн. Симеонъ Курбскій былъ еще живъ, когда Баронъ Гербершпейнъ находился въ Москвѣ. Сей Воевода разсказывалъ ему, что онъ 17 дней взбирался на горы и никакъ не могъ перейти черезъ ихъ вершину, именуемую *столпомъ*.

(427) Герберштп. Rer. Mosc. Comment. стр. 63. — Іоаннъ еще и прежде сего назывался въ титулѣ Княземъ Югорскимъ.

(428) См. сей *Исторіи* Т. III, стр. 84.

(429) См. сей *Исторіи* Т. I, примѣч. 292.

(430) Агалака (въ 1499 г.) подвелъ Казан. Кн. Уракъ. — Ногайскіе Мурзы осаждали Казань въ 1500 г.

(431) См. Дѣла Польск. Двора No 1, 558 — 567, въ посольствѣ Зенка, пріѣхавшаго къ намъ въ Мартѣ 1497.

(432) См. тамъ же, 568 — 574, въ посольствѣ Ивана Сапѣги, 13 Іюня 1497. Турковъ было за Дунаемъ 60,000. Отъ голода и мора они потеряли 40,000 человѣкъ.

(433) См. тамъ же, 580 — 596, въ посольствѣ Боярина Петра Григорьевича Лобана-Заболоцкаго и Дьяка Ивана Волка.

(434) См. тамъ же, 654 — 675, въ Іюлѣ 1498. Въ Мартѣ сего года ѣздилъ въ Литву нашъ Боярин К. Василій Васильевичь Ромодановскій.

(435) См. Дѣла Крымск. No 1, 622 — 638, г. 1499, и стр. 691, г. 1500.

(436) См. Дѣла Польск. Двора No 1, 585 — 590, г. 1498.

(437) Кромеръ, стр. 440. — Государь получилъ извѣстіе о гоненіи нашей Вѣры въ Литвѣ отъ Вя-

земскаго Намѣстника, Кн. Бориса Оболенскаго, а сей Кн. отъ Подъячего, Ѳедора Шеспакова, бывшаго при Еленѣ. См. Дѣла Польск. Двора No 1, спр. 676 — 684. Около сего времени Елена занемогла: Александръ увѣдомилъ о томъ Вел. Князя, чрезъ Дьяка Горемыку: см. тамъ же спр. 685 — 687.

(438) См. Архив. *Кіев. Лът.* г. 7005—*Руск. Лът.* Львова, 178 — *Рус. Времен.* II, 188.

(439) По крайней мѣрѣ требовали ихъ благословенія. См. Архив. *Кіев. Лът.* г. 1495.

(440) Райнальд. Annal. Eccl. г. 1501, No 37.

(441) См. *Никон.* и *Архив. Лът.* г. 1500; также Дѣла Польск. Двора No 1, спр. 733 — 736. Бѣльскій выѣхалъ къ намъ 12 Апр.

(442) См. Дѣла Польск. Двора No 1, спр 737—748. Станиславъ пріѣхалъ Апр. 23.

(443) См. Дѣла Крымск. спр. 733.

(444) Въ Апрѣлѣ 1500. Іоаннъ извѣстилъ Менгли-Гирея, что К. Семенъ Ивановичь поддался намъ съ Черниговымъ, Стародубомъ, Гомьемъ, Любичемъ; К. Василій Шемякинъ съ Рыльскимъ и Новымгородкомъ Сѣверскимъ; Князья Трубецкіе съ городомъ Трубецкимъ, Мосальскіе съ Мосальскимъ, а Бѣльской съ своею отчиною (см. Дѣла Крымск. No 2, спр. 733).

(445) Дѣла Польск. Двора No 2, спр. 54

(446) См. Розряд. Книг.—См. ещеГербершт. Comment. и Стриков. Литовскую Хронику.

(447) Сей Юрій, братъ Якова Захарьевича, былъ отецъ Романа Юрьевича, дѣдъ Никиты Романовича и Царицы Анастасіи Романовны, первой супруги Царя Іоанна Васильевича, прадѣдъ Филарета, прапрадѣдъ Михаила.

(448) См. Стриков. Хрон. кн. XXI, гл. 5.

(449) Польскіе Родословы производятъ Константина отъ Даніилова брата, Василья, сказывая, что у Василія былъ сынъ Даніилъ, у Даніила Василій, у Василія Ѳеодоръ, у Ѳеодора Василій, у Василія Иванъ, у Ивана сей Константинъ (Korona Polska, przez Kaspra Niesieckiego, подъ именемъ Ostrog, спр.

511). Яблоновскій въ своихъ генеалогическихъ таблицахъ даетъ Даніилу Васильевичу Острожскому сына Романа, Роману Василія, Василью Симеона и Ѳеодора (Энгеля Gesch. von Halitsch., стр. 610—611, таблица No 11). Но мы знаемъ по современной Волынской лѣтописи, что у Василья Романовича, брата Короля Даніила, былъ только сынъ Владиміръ, который умеръ бездѣтнымъ (см. сей *Исторіи* Т. IV, стр. 145.

(450) Корона Polska подъ именемъ Ostrog, стр. 514. Сей Легатъ былъ Пизонъ.

(451) См. Архив. Розряди. Книгу, л. 19.

(452) См. тамъ же, л. 21. — Вел. К. приказалъ напомнить Юрію, что знаменитый Боярин Ѳеодоръ Давидовичь въ свое время не стыдился предводительствовать сторожевымъ полкомъ.

(453) Герберштейнъ Rer. Moscov. Com. 7—Сприк ов. кн. XXI, гл. 7 — *Москов. Лът.* (въ Синодальной книгѣ подъ пипуломъ: *О древностяхъ Рос. Государства*, Т. 1, л. 193 на обор.) — Вепхій *Синод. Лът.* No 365 л. 517 — *Ростов.* и *Арханг. Лът.*

(454) См. Сприковск. *Арханг. Лът.*

(455) См. Розрядн. книг. Бекетова.

(456) Въ Розрядныхъ Книгахъ сказано, что сраженіе было на рѣкѣ Подмѣ, на Тешковѣ полѣ. См. *Синод. Лът.* No 110, л. 86. и *Лът. Псков.* Графа Толстаго.

(457) См. Дѣла Крымск., No 2, стр. 789.

(458) К. Иванъ Семеновичь Кубенской съ Ѳедоромъ Кушелевымъ, съ Подъячимъ и толмачами поѣхали изъ Москвы въ Апр. 1500, Иванъ Григорьевъ Мамоновъ 11 Августа, К. Ѳедоръ Ромодановской 11 Марта въ 1501 году. Первый, доѣхавъ наконецъ до Тавриды безъ бумагъ, правилъ посольство на памяшь. Ромодановскій, выкупленный въ Кафѣ толмачемъ Султанскимъ за 70 рублей, также немедленно отправился къ Менгли-Гирею. — Здѣсь въ первый

разъ упоминается въ лѣтописяхъ о *Казакахъ Азовскихъ*.

(459) См. донесеніе Ромодановскаго къ Государю (Дѣла Крымск. No 2, стр. 820).

(460) Дѣла Крымск. No 2, стр. 729.

(461) Стриковъ, Хрон. кн. XXI. гл. 7.

(462) Менгли-Гирей прислалъ къ Вел. К. (въ 1500 году) списокъ грамоты, полученной имъ отъ Александра. — Дѣла Крымск. No 2, стр. 762.

(463) Менгли-Гирей пишетъ къ Іоанну: «ко мнѣ «съ пустыми рѣчьми посылаетъ (Александръ), а въ «Орду посла послалъ, и мои люди того въ Азовѣ «видѣли» (см. тамъ же, стр. 758). Стефанъ Молдавскій (въ 1501 году) вызывался быть посредникомъ между Вел. Княземъ Литовскимъ и Менгли-Гиреемъ; но послѣдній никакъ не хотѣлъ заключить мира безъ своего друга, Іоанна (см. тамъ же, стр. 820).

(464) См. тамъ же, стр. 817.

(465) Гадебушъ Livl. Jahrbüch. Th. 1, 253, 255.

(466) См. тамъ же, 256.

(467) Посломъ Владислава Венгерскаго былъ Постельничій Матвѣй Цезелицкій, а Короля Албрехта Александръ Скорута (см. Дѣла Польск. Двора No 2, 55 — 61). Нарбутъ привезъ письмо отъ Троицкаго Воеводы, Яна Забережскаго, къ Іоаннову Боярину, Якову Захарьевичу, въ коемъ онъ именемъ всего Литовскаго Сената убѣждалъ его стараться о заключеніи міра.

(468) Стриковъ. Хрон. кн. XXI, гл. 7.

(469) Супруга Александрова, Елена, какъ иновѣрная, не могла быть коронована: см. Кромера, стр. 440.

(470) См. Розряд. Книги.

(471) Сыномъ Юрія Лугвеніевича. Въ Розряд. Книгахъ. Получивъ отъ Воеводъ извѣстіе о побѣдѣ, Вел. К. отправилъ къ нимъ Ивана Микулина Яраго съ изъявленіемъ милости; приказалъ Росповскому и другимъ Воеводамъ быть къ себѣ, а Воротынскому и Ряполовскому оспаться въ Стародубѣ.

(472) Въ *Псков. Лът.* Графа Толстаго сказано, что Нѣмцы остановили 25 судовъ Псковскихъ съ товаромъ и людей 150.

(473) См. Руссова, Кельха, Арнпа, Гадебуша подъ г. 1501.

(474) См. *Псков. Лът.* Графа Толстаго. Псковитяне 4 раза посылали въ Москву съ пребованіемъ защиты.

(475) См. Руссова, Кельха, Арнпа, и *Архив. Лът.*

(476) См. *Псков. Лът.* Графа Толстаго и другія лѣтописи. — Ливонскіе Историки, Руссовъ и Кельхъ, сказываютъ только, что сраженіе было въ нашихъ предѣлахъ 7 Сент. (см. ниже), вмѣсто 27 Авг.; другіе же (Арнтъ, Гадебушъ) несправедливо полагаютъ оное близъ Магольма, въ трехъ миляхъ отъ Везенберга и въ двухъ отъ Финскаго залива.

(477) См. *Псков. Лът.* Гр. Толстаго.

(478) См. тамъ же. — О болѣзни Нѣмцевъ см. Руссова, Кельха, Арнпа.

(479) См. *Лът. Архив.* и друг. — Плеттенбергъ въ исходѣ Ноября вторично писалъ къ Великому Магистру Нѣмецкому о семъ паденіи Россіянъ, соединенныхъ съ *Татарами* (mircklichen Tall Tataren), о разлитіи водъ и худыхъ дорогахъ, и проч. См. между моими Кенигсб. бумагами No 717.

(480) См. Руссова и Кельха.

(481) См. *Лът. Архив.* и *Псков.* Гр. Толстаго. — См. также Руссова, Кельха, Арнпа и мои Кенигсб. бумаги No 718.

(482) См. въ Кенигсб. бумагахъ, No 719 и 720, донесенія Ландмаршала и Коммандора Ревельскаго къ Магистру; также *Псков. Лът.* Гр. Толстаго.

(483) См. Дѣла Крымскія, No 2, стр. 818, 824, 836 и 842. — Стриковскій въ своей Хроникѣ пишетъ ложно, что Шигъ-Ахметъ имѣлъ 100,000 воиновъ, разбилъ Менгли-Гирея, опустошилъ владѣнія Московскія до Брянска, и взявъ Новгородъ Сѣверскій съ другими мѣстами, отдалъ ихъ Александрову послу,

Пану Михайлу Халецкому. Менгли-Гирей въ Генв. 1502 года увѣдомлялъ Іоанна, что Ахматовы сыновья зимуютъ близъ успья Семи (или Сейма), около *Бѣлагорода*, и что онъ велѣлъ жечь степи (стр. 855; см. еще стр. 926).

(484) См. Кромера de Reb. Polon. стр. 440.

(485) См. тамъ же.

(486) Дѣла Крым., въ Посольствѣ Заболоцкаго, стр. 868.

(487) Дѣла Крымск., стр. 867 и *Архив. Лът.* 173. Сей посолъ, Князь Хазъ Согеръ, пріѣхалъ въ Декабрѣ съ людьми шурина Менгли-Гиреева, Тевекеля, Улусника Шигъ-Ахметова.

(488) См. *Архив. Лът.*

(489) См. тамъ же, и Дѣла Крым. стр. 332. Іюня 28 съ сею вѣстію возвратился изъ Крыма Ѳедоръ Михайловъ сынъ Киселевъ, посланный туда 7 Окт. 1501; а 3 Іюля пріѣхалъ въ Москву посолъ Менгли-Гиреевъ съ грамотами.

(490) См. Дѣла Крым. стр. 957. 16 Окт. 1502 года послалъ Вел. К. въ Тавриду Ивана Никитина Берсеня Беклемишева. Передъ тѣмъ были въ Москвѣ Шигъ Ахметовы послы, Чяпырбай и Аллагъяра. Царемъ Астраханскимъ былъ тогда дядя Шигъ-Ахметовъ, Аблекеримъ (см. тамъ же, стр. 987).

(491) См. Дѣла Крым. г. 1504, въ письмѣ Менгли-Гиреевомъ къ Вел. К., стр. 1100.

(492) См. тамъ же, въ письмѣ Вел. К. къ Менгли-Гирею, 20 Авг. 1504.

(493) См. Стриков. Хрон., кн. XXII, гл, 3, 4 и 6. Шигъ-Ахметъ умеръ послѣ 1505 года. — Объ Астраханскихъ Царевичахъ см. ниже, примѣч. 589, г. 1502.

(494) См. Дѣла Крым. стр. 98.

(495) См. тамъ же, стр. 1007.

(496) См. *Архив. Лът.* г. 1502, л. 175, и *Арханг. Лът.*

(497) См. Дѣла Крым. стр. 1029 и 1030.

(498) См. тамъ же, стр. 1021.

(499) См. *Архив. Лът.* г. 1502, л. 174. — *Арханг. Лът.* спр. 174. — Вепхій *Синод. Лът.* No 365, л. 519 на об.

(500) Дѣла Крым., спр. 967, 1009, 1131.

(501) Елена погребена въ Вознесенскомъ монастырѣ. — Въ *Переписной Книгѣ* Архива Посольскихъ Дѣлъ означена *тетрадка, а въ ней писано, какъ стеречи внука:* нѣтъ сомнѣнія, что это былъ наказъ В. Кн. Іоанна, данный надзирателямъ Димитрія. Къ сожалѣнію, сія книжка утратилась послѣ 1614 года.

(502) См. Дѣла Крым. спр. 942.

(503) См. Каптем. Исп. Отгом. Имп.

(504) 14 Іюля. См. Розряд. Книги.

(505) Дѣла Крым., спр. 964. Димитрій возвратился въ Москву 23 Окт.

(506) Сприк. (кн. XXI, гл. 7.) и Кенигсб. бум. No 721.

(507) См. Дѣла Крым., спр. 992 и Розряди. Книги.

(508) Гербершгейнъ въ Comment. спр. 85.

(509) См. *Продолженіе Нестор. Лът.* спр. 344, и *Псков. Лът.* Гр. Толстаго.

(510) См. *Продолженіе Нестор. Лътописца*, спр. 344 — *Архив. Лът.* и *Псков. Лът.* Графа Толстаго. — Гербершт., спр. 85, пишетъ, что Нѣмцы, малочисленные и тяжело вооруженные, не могли гнаться за Россіянами, которые ободрились, снова напали на пѣхоту Орденскую, состоявшую изъ 1500 человѣкъ, и разбили оную; что отъ измѣны Гаммершшетовой погибло около четырехъ сотъ Ливонскихъ пѣшихъ воиновъ; что остальные вмѣстѣ съ конницею благополучно возвратились въ свою землю. Онъ самъ видѣлъ Гаммершшета въ Москвѣ при Дворѣ Василья Іоанновича. — Ливонскіе Историки пишутъ, что у Магистра было 7000 всадниковъ, 1500 Нѣмецкихъ солдатъ, 5000 Курляндскихъ, Лепландскихъ, и нѣсколько сотъ Эстонскихъ крестьянъ; что плѣнники сказали ему о числѣ Россіянъ, которые показались въ двѣнадцати толпахъ; что Магистръ привелъ ихъ въ безпорядокъ дѣйствіемъ своей артилле-

ріи; что нашихъ убито 40,000, а Ливонцевъ 400 пѣшихъ, нѣсколько всадниковъ, Капитанъ Матвѣй Пернауеръ, Поручикъ Генрикъ, братъ его, и Прапорщикъ Кондрадъ Шварцъ (см. Руссова, Кельха, Арнпа и Гадебуша).

(511) См. Дѣла Польск. No 2. стр. 64 — 67.

(512) Петръ, Воевода Ланчинскій; Станиславъ Глѣбовичь Маршалокъ; Войтекъ Яновичь, Кухмистръ Королевинъ; Янъ Бучицкій, Подчашій; Петръ Врицымовской, Стольникъ Краковскій; Иванъ Сапѣга, Писарь Королевскій, и Канцлеръ Королевинъ (см. тамъ же, стр. 67 — 69).

(513) Сей отвѣтъ Іоанновъ находится въ Дѣлахъ Крым. No 2, стр. 998.

(514) См. мои Кенигсб. бумаги No 740. — Тогдашній мирный Плеттенберговъ договоръ съ Вел. К. состоялъ изъ 54 статей, но утратился. Знаемъ только, что Епископъ Дерптскій обязывался въ ономъ платить дань Россіи. Ливонскіе и въ особенности Дерптскіе земледѣльцы (какъ пишутъ) искони давали Новугороду и Пскову извѣстное количество меду и воску (см. Арнпа Ciefland. Chr. 177). Важность сего обстоятельства увидимъ въ царствованіе Іоанна IV.

(515) См. Дѣла Крым., стр. 1050, 1054, 1055, 1128. Иванъ Беклемишевъ (см. выше, примѣч. 490) не доѣхалъ до Тавриды: Царевичь Ногайскій, Ахметъ, сынъ Мамуковъ, напалъ на него близъ Оскола и плѣнилъ многихъ бывшихъ съ нимъ людей: Беклемишевъ ушелъ обратно въ Москву. Въ Сентп. 1503 Вел. К. отправилъ къ Менгли-Гирею Ивана Иванова Ощерина. Кромѣ пословъ, съ обѣихъ сторонъ ѣздили гонцы съ письмами.

(516) Дѣла Польск.. No 2, стр. 69 — 70. Послами были Боярипъ и Окольничій Петръ Мих. Плещеевъ, Бояр. и Дворецкой Конст. Григорьев. Заболоцкой, Окольничій Мих. Яков. Яропкинъ, и Дьякъ Никипа Моклоковъ. Ихъ сослали въ Троки.

(517) Дѣла Польск. No 2, стр. 70 — 71.

(518) Тамъ же, стр. 82. Іоаннъ посылалъ тогда къ Еленѣ Дьяка Губу-Моклокова, который долженъ былъ таить свое порученіе отъ мужа ея. Она велѣла сказать родителю, что есть дочери у *Маркграфа:* есть и другія невѣсты въ Германіи, и проч.

(519) Она скончалась въ 9 часу дня 7 Апр. 1503.

(520) Герберш т., 7; Кранца Wandal. 297.

(521) Онъ выѣхалъ изъ Москвы 21 Сент. 1503, а возвратился въ Ноябрѣ.

(522) См. *Рос. Вивліов.* II, 408, или *Собраніе Государ. Грамотъ*, I, 389.

(523) См. *Собр. Г. Г.* I, 397.

(524) См. тамъ же, 393. — О собственности и наслѣдствѣ меньшихъ сыновей, см. тамъ же, 397.

(525) Кн. Рязанскій умеръ 29 Мая: «а сынъ его «Иванъ остался *полупята* года.»

(526) Анна Рязанская, скончалась въ Апрѣлѣ, на Святой недѣлѣ въ Среду, въ 6 часу дня. Имя ея невѣстки, Агриппины, извѣстно намъ по дѣламъ Архивскимъ. — См. Дѣла Крым. г. 1502 въ посольствѣ Голохвастова.

(527) См. *Рос. Вивліов.* II, 300, или *Собр. Госуд. Грамотъ* I, 344. Сохранилась только грамота договорная между Василіемъ и Юріемъ, писанная 16 Іюня 1504.

(528) См. Іосифа Волоцкаго книгу о ереси.

(529) См. *Никон. Лет.* VI, 138 и 171.

(530) Казнь совершилась 27 Дек. 1503. Некрасу отрѣзали языкъ, а послѣ сожгли его въ Новѣгородѣ, также и брата Кассіанова.

(531) *Степен. Книга*, II. 155.

(532) Дѣла Польск., No 2, стр. 73 — 74.

(533) См. тамъ же, стр. 73 — 78. Отъ насъ въ 1504 году ѣздилъ въ Польшу Константинъ Замыцкій, съ кречетами, съ бѣлками и съ сухою рыбою для Елены; а въ 1505 Рахманинъ Тюлепинъ и Подъячій Гридя Чеслюковъ. Отъ Короля были въ Москвѣ гонецъ Матвѣй Купцевичь въ 1504, Посланникъ Дьякъ Залуцкій и Дворянинъ Богданъ Долгирдовичь.

(534) См. Дѣла Цесарск. Двора No 1, *л.* 129. Онъ называется въ сихъ бумагахъ Юдокъ Канпирьгеръ, Картингиръ, а послѣ Гертинге, Гертингъ. Пріѣхалъ въ Москву 2 Іюля.

(535) См. тамъ же, No 1, *л*, 137.

(536) См. Дѣла Польск. Двора No 2, стр. 71 — 72. и Маллета Histoire de Dan. кн. VI, г. 1500.

(537) Гербершт. Comment. стр. 18. — Въ Родосл. Книгахъ: «Въ лѣто 6838 пріиде изъ Орды Князь «Четъ, а во крещеніи Захарія, а у Захаріи сынъ Алек- «сандръ, а у Александра сынъ Димитрій Зерно, а «Димитріевы дѣти Иванъ да Констаитинъ Шея, «да Димитрій, а у Ивана Димитріевича Зернова дѣ- «ти Ѳедоръ Сабуръ, да Иванъ Годунъ.»

(538)Въ первой годъ сего царствованія, Василій женился 4 Сент. 1505. Митрополитъ вѣнчалъ его въ Успенскомъ соборѣ.

(539) См. *Казан. Лът.* гл. 12. Сія Царица названа женою *большицею*, то есть, первою женою.

(540) См. тамъ же.

(541) См. тамъ же. Татаръ было 60,000, какъ онъ говоритъ.

(542) Въ 1500 г. онъ роздалъ имъ Новогородскія земли.

(543) О семъ пишутъ Олеарій и Флетчеръ, которой былъ Англійскимъ посломъ въ Москвѣ при Ѳеодорѣ, сынѣ Царя Іоанна Васильевича, и написалъ книгу Of the Russe Common-Wealth.

(544) Древнѣйшая изъ Розрядныхъ Книгъ, мнѣ извѣстныхъ, начинается съ 6979 или 1471 года.

(545) См. выше, примѣч. 452.

(546) См. *Продолженіе Нестор. Лът.* стр. 343.

(547) Гербершт. Comment. стр. 8. Stephanus, crebro in conviviis eius mentionem faciens, diceret: illum domi sedendo et dormitando imperium suum augere, se vero pugnando quotidie vix limites defendere posse.

(548) См. въ *Труд. Вольнаго Рос. Собранія* послужной списокъ Боляръ, стр. 217 — 229.

(549) Мы говорили о томъ въ описаніи Посольствъ.

(550) См. Петрееву Musskow. Chron. стр. 165. Онъ называетъ его Grotzdyn. Въ Лѣтописцѣ Лапухинскомъ, которой у меня, сказано: «Сей бо Вел. Кн. «Іоаннъ, именуемый Тимоѳей *Грозный*.» См. также *Ядро Рос. Исторіи*.

(551) См. Герберштп. стр. 8.

(552) См. *Лит. Русск.* Львова стр. 199.

(553) Hist. Polon. кн. XIII, стр. 587. Dux Jwan magni animi et factivitatis erat vir. См. также Кромера, стр. 445.

(544) Герберштп. стр. 8. См. также Петрея Musskow. Chron. стр. 165 — 169.

(555) Солиньякъ въ Hist. de Pologne, кн. XV, г. 1479.

(556) Дѣла Крым., стр. 99, 169, 170. Къ Жиду Захаріи Скарьѣ были посланы двѣ грамоты, одна въ 1484, а другая въ 1487 году. Таманскій Князь, Захарія Гуйгурсисъ, въ Окт. 1487 прислалъ изъ Крыма въ Москву на Латинскомъ языкѣ письмо съ Арменіномъ Богданомъ. Кто былъ сей Князь? не племени ли Козарскихъ Хановъ? имя кажется Азіатскимъ.

(557) См. выше въ описаніи перваго Императорскаго посольства. — Въ грамотахъ къ Еврею Скарьѣ и въ другихъ: «Божіею милостію Господарь Ру«скіе земли, Великій Князь Иванъ Васильевичь, *Царь* «всея Руси» (Дѣла Крым. стр. 169).

(558) См. сей *Исторіи* Т. II, стр. 266, и Т. V. стр. 595.

(559) См. Баера въ Origin. Russ. — Въ нашемъ переводѣ Св. Писанія вмѣсто Caesar говорится *Кесарь*; а Царь есть совсѣмъ иное слово.

(560) См. сей *Исторіи* Т. I, примѣч. 294. Вопреки Татищеву, я нигдѣ не находилъ имени *Бѣлой* Россіи до временъ Іоанна III.

(561) См. *Никон. Лет.* VI, 130.

(562) См. въ Архивѣ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, подъ No 5, Книгу Помѣстнаго Приказа. Сія Книга писана не въ 1677 году, какъ замѣтилъ

кто-то изъ Архивскихъ чиновниковъ на ея переплетѣ; а безъ сомнѣнія или при Іоаннѣ Васильев. I или при его сынѣ, Василіи: первое даже вѣроятнѣе. Вотъ доказательства: 1) Вездѣ говорится о *Великомъ Князѣ*; нигдѣ нѣтъ имени *Царя* въ Титулѣ. 2) Упоминается о родоначальникахъ фамиліи Коновницыныхъ, Александрѣ и Василіи, *тогдашнихъ* помѣщикахъ Новогородскихъ: отъ нихъ до малолѣтства Петра I было въ семъ родѣ шесть поколѣній (см. печат. Родосл. Книгу, II, 97): слѣдственно прошло лѣтъ около двухъ сотъ. 3) Упоминается еще объ Ильѣ, сынѣ Квашни, тогдашнемъ помѣщикѣ бывшихъ деревень Мареы Исаковой Борецкой: прадѣдъ сего Ильи выѣхалъ изъ Литвы около 1340 года во время Іоанна Калиты (см. въ Синод. библ. Родосл. Книгу подъ No 461, л. 125), 4) Сей Илья Квашнинъ означенъ *первымъ* владѣльцемъ бывшихъ Мареиныхъ деревень, описанныхъ на Государя въ 1478 году. Гдѣ владѣльцы уже перемѣнялись, тамъ сказано, кто именно послѣ кого владѣлъ. 5) Говорится о рубляхъ *Новогородскихъ*, коихъ уже не было при сынѣ *Царя* Іоанна, Ѳеодорѣ. 6) Сказано о нѣкоторыхъ деревняхъ, что онѣ *тянутъ судомъ и всѣми пошлинами по старинѣ ко Пскову:* Василій Іоаннов. уничтожилъ сію *старину*. 7) Письмо сей книги древнѣе XVII вѣка и сходно съ письмомъ Іоаннова времени.

(563) См. Духовное завѣщаніе Іоанна. — Въ *Собр. Госуд. Грам.* или въ *Древн. Рос. Вивліоѳ.*

(564) См. тамъ же.

(565) Дѣла Крым. стр. 907, 913, 914, въ росписи вещей, отнятыхъ Татарами, Азовцами и Кафинцами у нашихъ людей.

(566) См. сей *Исторіи* Т. I, примѣч. 302.

(567) См. тамъ же, примѣч. 565.

(568) То есть 150 фунтовъ. См. Т. II, стран. 82 и примѣч. 120. — По сіе число, означенное въ подлинникѣ буквою Т., кажется сомнительнымъ; а другихъ списковъ Владимірова завѣщанія мы не имѣемъ.

(569) Ларцы стояли у Казначея Дмитрія Владими-

рова, у Печатника Юрія Дмитріева Грека, у Дьяковъ Данилки Мамырева и Тишки Моклокова; а ключи были у сыновей Іоанновыхъ.

(570) См. выше, примѣч. 294.

(571) См. *Продолженіе Нестор. Лѣтописца*, стр. 539. — Сей Судебникъ былъ намъ извѣстенъ только по нѣкоторымъ статьямъ его, переведеннымъ на Латинскій языкъ Гербершпеннномъ: Ordinationes a Ioanne Basilii, Magno Duce, anno mundi 7006 factae (*Rer. Moscov. Comment.* стр. 58). Но въ 1817 году, стараніемъ нашего знаменитаго, просвѣщеннаго Любителя Древностей, Госуд. Канцл. Гр. Н. П. Румянцева, нашелся современный списокъ Іоанновыхъ законовъ. Вотъ начало: «Лѣта 7006, м. Сент. (въ «1497 г.) уложилъ К. В. Иванъ Васильевичь всея Руси «съ дѣтми своими и съ Бояры о судѣ, како судити «Бояромъ и Окольничимъ... а на судѣ быти у Бояръ «и у Окольничихъ Діакомъ, а посуловъ отъ суда и «отъ печалованіа не имати ... не мстити, не дружити никому. А какой жалобникъ къ Боярину прилѣпъ, и ему жалобниковъ отъ себе не отсылати, «а давати всѣмъ управа... а котораго жалобника не «пригоже управити, и то сказати Вел. Князю, или «*къ тому его послати, которому которые люди приказаны вѣдати*» (изъ сего мѣста можно заключить, что тогда уже существовали *Приказы*). Кромѣ Бояръ, имѣвшихъ судную власть въ Москвѣ и въ другихъ областяхъ, главнымъ распорядителемъ поединковъ былъ Государевъ Окольничій. *Недѣльщикомъ* именовался приставъ, который ѣздилъ за обвиняемыми и представлялъ ихъ въ судъ. — Тамъ же уставъ судейскихъ пошлинъ: съ рубля за *правую грамоту* Боярину 9 денегъ *отъ печати*, Дьяку за подпись алтынъ, Подъячему за написаніе 3 денги; за холопью отпускную то же; за *докладной списокъ* Боярину алтынъ, Дьяку 4 денги, Подъячему 2 денги (а если *докладъ* былъ предложенъ Вел. Князю и дѣтямъ его, то Государевъ печатникъ бралъ 9 денегъ, а Дьякъ алтынъ); за *безсудной списокъ* Печатнику алтынъ,

Дьяку тоже, Подьячему 2 денги; за *срочныя* Дьяку 2 денги. *Правою грамотою* называли ту бумагу, которая давалась оправданному въ судѣ; *докладнымъ списком*ъ описаніе или предложеніе дѣла, или экстрактъ; *безсуднымъ* обвиненіе того, кто не явился къ суду; *срочными* тѣ грамоты, въ коихъ означался срокъ для суда. Далѣе: «А котораго обвинитъ Бо«ринъ не по суду (несправедливо) и грамоту правую «на него съ Діакомъ дастъ, ино та грамота не въ «грамоту, а взятое отдати назадъ; а Боярину и «Діаку въ томъ пени нѣтъ; а исцемъ судъ съ голо«вы» (см. сію статью въ Судебникѣ Царя Іоанна, у Татищ. стр. 12). Далѣе запрещается Намѣстникамъ и Волостелямъ освобождать и выдавать рабовъ безъ суда Боярскаго. О Недѣльщикахъ сказано, что имъ дается *приставная грамота*, съ которою они должны ѣхать за отвѣтчикомъ. Далѣе: «Отъ приста«ныхъ имати Печатнику у Недѣльщиковъ по ѣзду: «съ которые приставныя рубль Недѣльщику, и Діа«ку отъ подписи взяти алтынъ у Недѣльщика съ «рубля, а Печатнику алтынъ же... а будетъ въ при«ставцой искъ меньше ѣзду, и Діаку тѣхъ пристава«ныхъ не подписывати; а безъ Недѣльщиковъ Діаковъ «приставныхъ не подписывати же. А колько выпей» «(частей, дѣлъ, порученій) «въ приставной ни будетъ, «и Недѣльщику ѣздъ одинъ до того города, въ ко«торой приставная писана; а хоженого на Москвѣ, «площедная (площаднаго), Недѣльщику 10 денегъ, а «на правду (на судъ) вдвое, и отъ поруки поминковъ «не имати имъ; а ѣздъ емлетъ до котораго города, а на «правду имъ имати вдвое.» Слѣдуетъ указъ объ *ѣздѣ*. Недѣльщику давали за посылку отъ Москвы до Калуги рубль, до Вязмы 2 рубли, до Звенигорода 2 гривны, до Козельска рубль съ четвертью, до Переславля 20 алтынъ, и такъ далѣе. «А ѣздити имъ «самимъ съ приставными, или своихъ племянниковъ «и людей посылати; а урочниковъ» (собирающихъ уроки или пени? см. *Русск. Правду*) «не посылати. «А въ которомъ городѣ живетъ Недѣльщикъ, ино

«ему съ приставными въ томъ городѣ не ѣздити.» Изъ слѣдующаго видно, что Недѣльщикъ пытался воровъ и могъ оправчиковъ *давать на поруку*. Ему предписывалось быть безпристрастнымъ, безкорыстнымъ и проч. Далѣе: «А въ которой городъ «или въ волость пріѣдетъ Недѣльщикъ, и ему при«ставная яви́ти Намѣстнику или Волостелю; а бу«дутъ оба исца того города, и ему обоихъ поста«вити предъ Намѣстникомъ.... А Бояромъ или Дѣ«темъ Боярскимъ, за которымъ кормленія съ судомъ «Боярскимъ, судити; а на судѣ у нихъ быти Дворь«скому и Старостѣ и лутчимъ людемъ; а безъ Двор«ского и безъ Старосты и безъ лутчихъ людей На«мѣстникомъ и Волостелемъ не судити.... А има«ти ему (Намѣстнику, Боярину), оже доищется «ищея своего, по грамотамъ; а не будетъ гдѣ грамо«ты, и ему имати пропиву исцева; а не доищется «ищея своего, а будетъ виноватъ ищея и ему има«ти на ищен съ рубля по 2 алтына, а Тіуну его по «8 денегъ.

(572) Сіе обстоятельство и слѣдующее взято изъ Герберштейна R. M. C. 59.

(573) Извѣстныхъ намъ по Олегову договору съ Греками и *Правдѣ Русской* (см. Т. I и Т. II).

(574) См. выше, примѣч. 294.

(575) Того же лѣта (1504) поставиша на Москвѣ «решотки по улицамъ.» Павелъ Іовій въ описаніи древней Москвы говоритъ: unaquaeque urbis regio foribus cancellisque sepitur.

(576) См. *Ядро Рос. Исторіи* стр. 216. Древнѣйшіе изъ чужеземцевъ, бывшихъ въ Россіи, согласно пишутъ, что народу Московскому дозволялось пить вино только въ нѣкоторые дни (см. Флетчера и Олеарія).

(577) См. Духовное завѣщаніе Іоанна, и выше, прим. 330.

(578) Стриковск. Хрон. кн. XXI, гл. 1.

(579) Дѣла Польск. Двора No 1, стр. 684.

(580) См. выше, стр. 8. Въ нѣкоторыхъ лѣтопи-

сяхъ: «Въ лѣто 7000, сирѣчь *начало* осьмыя тыся-
«чи мѣсяца *Сентября*, повелѣніемъ Вел. К. Ив. Вас.
«всея Русіи того ради снидошася на Соборъ къ Мо-
«сквѣ Преосвящ. Зосима Митроп., Генадій Архіеп.
«Вел. Новаграда и Пскова, Тихонъ Архіеп. Ростов-
«скій и Ярославскій, Нифонтъ Еписк. Суздальскій и
«Тарускій, Симеонъ Рязанскій и Муромскій, Васьянъ
«Тферскій и Кашинскій, Аврамій Коломенскій и Ка-
«ширскій, Прохоръ Сарскій и Подонскій, Филоѳей
«Пермскій, и Архимандриты и Игумены, и весь
«Освященный Соборъ, и начаша Св. Міротворный
«кругъ,» и проч.

(581) См. *Синод. Лът.* No 365, *л.* 509.

(582) См. въ Синод. библіот. книгу въ четверткy, подъ No 79, *л.* 31.

(583) См. въ Синод. библіот., подъ No 529, *Книгу о древностяхъ Рос. Государства*, I, 527, и *Древ. Рос. Вивліов.* XIV, 206. Сей Соборъ былъ въ Сент.

(584) См. *Архив. Лът.* *л.* 176 и 177 на обор. и *Русск. Лът.* Львова спр. 280. Генадій сверженъ въ Іюнѣ 1504 года, а скончался въ третій годъ своего заключенія.

(585) См. нижс, примѣч. 589, годъ 1464 и 1497.

(586) См. выше, примѣч. 88.

(587) См. *Лѣтописи.*

(588) Въ 1493 г., какъ видно изъ послужнаго списка Бояръ Іоаннова времени. См. *Древ. Рос. Вивліов.* Т. XIII, и Бекетова Розрядн. Кн. — У Дружки были *поддатень*, Окольничій Иванъ Чеботъ, и два раз-сыльщика. *Коверъ Княжій* (а въ другомъ спискѣ *колпакъ*) держалъ Николай Ангеловъ, перемѣняясь съ Иваномъ Барашовымъ. Дьяки назначали *свѣшниковъ*, *коровайниковъ*, *фонарниковъ*. Одни чиновники стояли у *сголовья мѣстнаго*, другіе несли подушки въ церковь, шли передъ камками и слали ихъ подъ ноги жениху съ невѣстою. Конюшій Гридя Аѳанасьевъ ѣздилъ на жеребцѣ; у него было 15 человѣкъ Дѣтей Боярскихъ. Попъ Аѳанасій стоялъ съ крестомъ у поспели. У саней Софіиныхъ шли Бояре Греки Димитрій, Юрій

и Юшко Малой, любимецъ Василіевъ, о коемъ мы упоминали въ описаніи женитьбы сего молодаго Вел. Князя. Въ заключеніи сказано: «А что опъ Вел. К. «и опъ Вел. Княгини даровъ Кн. Василью Даниловичу Холмскому было, и то записано на Казенномъ «Дворѣ.» — Ѳеодосія скончалась 19 Февр. 1501. См. подробнѣйшее извѣстіе о свадебныхъ обрядахъ въ VII Т.

(589) Я нашелъ ихъ въ библіотекѣ Троицы Сергіева монастыря при одной лѣтописи въ четвертку стариннаго письма. Вотъ начало: «Господи Іисусе «Христе! помилуй мя раба своего грѣшнаго, Аѳанасья «Микитина сына. Се написахъ грѣшное свое хожде«ніе за три моря: первое море Дербентское или «Дорія Хвалитская; второе море Индѣйское, Дорія «Индустаньская; третье море Черное, Дорія Сипем«бульская. Пойдохъ опъ Св. Спаса Златоверхаго съ «его милостью опъ Вел. Кн. Михаила Борисовича и «опъ Владыки Генадія Тверскыхъ,» проч. Предложимъ извлеченіе: «Я пошелъ въ Дербенпъ, въ Баку, «гдѣ горитъ огнь неугасаемый; изъ Баки за море «въ *Чебокару* (Бокару), въ Сару, въ землю *Маздранъ*«*скую* (Мазандеранскую), въ *Амиль* (Амоль), *Дамо*«*вантъ* (Демавенду), *Корею* (Кіеру), *Кашенъ* (Кашанъ), «*Наинъ* (Наимъ), *Ездпю* (Ездъ), *Сырианъ* (Карманъ «или Sirjan), *Таромъ* (Таремъ), Ларъ, Бендеръ, *Гурмызъ* (Ормусъ), гдѣ я взялъ первый Великій день «(или Пасху), и гдѣ пламенное солнце жжетъ человѣка. Тутъ пристанище цѣлаго свѣта: видишь людей и товары всѣхъ странъ; что родится на землѣ, есть въ Ормусѣ; но пошлина весьма тягостна «для купцевъ: берутъ изъ всего десятое. Оттуда «поѣхали мы моремъ съ *копями Мошкатъ* (Маскатъ), «*Кузрятъ* (Гузуратъ), Камбатъ, гдѣ родится краска «*далекъ* (индиго); изъ Камбата въ *Чивиль*, изъ Чивиля «сухимъ путемъ въ *Пали* (Пили), къ горамъ Индѣйскимъ, въ *Умри* (Ормапъ), въ *Чюнеръ*, городъ на ка«менномъ островѣ, и въ Бедеръ, столицу Великаго «Султана. Именую единственно большіе города, ме«жду коими находится множество иныхъ, разстоянi-

«емъ одинъ отъ другаго въ 10 и менѣе верстахъ. «Въ сей Индостанской странѣ господствуютъ Хо- «росанцы. Султанъ ихъ есть 20-лѣтній юноша, «управляемый Боярами; онъ имѣетъ 300,000 воиновъ. «Народъ Индѣйскій, ему подвластный, многочисленъ, «но бѣденъ, особенно въ селахъ. За то Вельможи «Хоросанскіе богаты: ихъ носятъ на серебряныхъ «кроватяхъ; а передъ ними идутъ кони украшенные «золотомъ, воины, трубачи, *свирѣльники*. Съ Сул- «таномъ на охотѣ бываетъ всегда 10,000 всадниковъ, «50,000 пѣшихъ, 200 слоновъ наряженныхъ въ бле- «стящіе доспѣхи, 100 обезьянъ и 100 наложницъ. «Дворецъ его великолѣпенъ: нѣтъ камня простаго; «все украшено искусною рѣзьбою и золотомъ. Для «безопасности города всякую ночь разъѣзжаетъ по «улицамъ стража съ факелами. Жители весьма склон- «ны къ воровству и злодѣяніямъ; а жена рѣдкая цѣ- «ломудренна, рѣдкая не вѣдьма. Войны бываютъ час- «тыя; главная сила рати состоитъ въ слонахъ, по- «крытыхъ доспѣхами; къ рылу ихъ и зубамъ привя- «зываютъ длинные мечи; на спинѣ же у каждаго си- «дитъ 12 человѣкъ съ пушками. Всадники и Воево- «ды всѣ Хоросанцы; пѣхота Индѣйская. Въ Бедерѣ «торгуютъ лошадьми, камками и всякимъ товаромъ; «но мало годнаго для Русской земли, хотя и думаютъ «у насъ, что въ Индостанѣ рай купечества. Дешевы «перецъ и краски, шелкъ, сахаръ. Пошлина вездѣ «большая, разбойниковъ множество. Жить здѣсь до- «рого: я издерживаю въ день 15 денегъ» (около 1½ рубля ассигнаціями). «Въ 300 верстахъ отъ Бедера «родится алмазъ, въ горѣ принадлежащей Вельможѣ «Меликхану: *локоть* ея продается по 2000 фунтовъ «золота; а *почка* хорошаго алмаза стоитъ 10 руб- «лей.... Нѣтъ, братья Христіане, не ѣздите въ «Индію, если мила вамъ православная Вѣра: или сдѣ- «лаетесь Магометанами, которые здѣсь господству- «ютъ, или претерпите страшныя бѣдствія. Увы! «я все забылъ, не имѣя книгъ съ собою: не знаю ни «праздниковъ, ни Середы, ни Пятницы. По крайней «мѣрѣ молюся Богу истинному, Вседержителю,

«Творцу неба и земли; инаго не призывалъ, вопреки «заблужденіямъ сего народа, исповѣдающаго 84 Вѣры, «согласныя въ поклоненіи Бупу, но столь не согла- «сныя въ правилахъ, что Индѣйцы разныхъ Вѣръ «не хотятъ ни пить, ни ѣсть вмѣстѣ, и не сово- «купляются бракомъ между собою.» Нашъ древній путешественникъ называетъ Вѣрами гражданскія степени, или *Касты* Индѣйцевъ. Продавъ въ Бедерѣ своего жеребца, онъ ѣздилъ въ *Индѣйскій Іерусалимъ*, и пишетъ, что сіе каменное зданіе величиною будетъ съ пол-Твери; что на стѣнахъ его вырѣзаны дѣянія Брамы, представленнаго въ видѣ обезьяны, съ хвостомъ, съ десницею простертою, какъ у статуи Царя Іустиніана въ Константинополѣ, и съ копіемъ въ лѣвой рукѣ; что передъ нимъ стоитъ необыкновенной величины быкъ, вырѣзанный изъ чернаго камня, съ позолотою; что народъ, осыпая его цвѣтами, лобызаетъ въ копыто, и проч. Описавъ войну Султана Бедерскаго съ Нандерскимъ, въ которой будто бы сражалось болѣе милліона людей, нашъ путешественникъ отправился въ Дабуль, Индостанскую гавань, куда привозятъ лошадей изъ Мизора, Аравіи, Хоросана, Туркестана. За два червонца нанявъ для себя мѣсто на Индѣйской Тавѣ или кораблѣ, онъ вышелъ на берегъ въ Ормусѣ, и поѣхалъ сухимъ путемъ черезъ Ларъ, Ширасъ, Ездъ въ Испаганъ, Кашанъ, Саву, Султанію, Таврисъ, Требизонтъ и Кафу. — По Воскрес. лѣтописи, отысканной Гм. Спроевымъ, онъ возвратился до Казанскаго похода (слѣдственно въ 1468?).

Дополнительная выписка изъ лѣтописей.

Годъ 1462: «Поставленъ бысть Архіепископомъ «Ростову Трифонъ Архим. Спаскій Московскій Маія «въ 13.» Г. 1463: «Во градѣ Ярославлѣ, въ монаст. «Св. Спаса, обрѣтены быша мощи К. Ѳедора Яро- «слав. и сыновъ его, Костянтина и Давыда. — Іона, «Епископъ Пермскій, кресши Великую Пермь, и Кня- «зя ихъ» (вѣроятно, Михаила, взятаго послѣ въ плѣнъ войскомъ Московскимъ). — Г. 1464: «Марта

«4 Ѳеодосій Митроп. поспавилъ нѣкоего Іерусалим-
«лянина Іосифа, брата Патр. Іерусалимскаго, Ми-
«трополитомъ въ Кесаріи Филиповы; а той Патр.
«Іерусалимскій пошолъ былъ на Москву милостины
«ради, понеже бо бѣ истома имъ отъ Египет. Сал-
«тана, и не дошедъ преставися въ Кафѣ.» (Въ *По-
сланіи Рос. Митропол.*, л. 99, см. письмо Митроп.
къ Новогородцамъ и Псковитянамъ о семъ Іосифѣ). —
Г. 1465: «Прибѣжа на Москву Ефимей Епископъ Брян-
«скій и Черниговскій, покиня свою Епископью, и дана
«ему Суждаль и Колугу и Торусу.» — Г. 1466: «Апр.
«въ 8 преставися Васьянъ, Епископъ Сарайскій. Пе-
«реставися Княжь Петрова Княиня Дмитріевича
«Донского, жила долго въ Черницахъ и въ Схимѣ на
«Москвѣ у Вознесенья, нареченная во Мнип. чину
«Ефросинья.» — Г. 1467: «Апр. 14 родися К. Вас.
«Иванов. Рязанскому сынъ Иванъ на Москвѣ. Отпи-
«сася своей Епископьи Архіеп. Ростов. Трифонъ Авг.
«въ 6. Преставися Вел. Княг. Евдокія Дм. Иванов.
«Донского. Дек. 10 поставленъ Ростову Архіеп. Вась-
«янъ Рыло; преже былъ Игуменъ Троицкой.» Г. 1468:
«Родися К. Василью сынъ Петръ. Срубиша на Вол-
«зѣ городокъ Романовъ. Бывшій Архіеп. Трифонъ
«преставися Дек. 30.» — Г. 1470: «Женился К. Ан-
«дрей Васильев. Углецкій на Москвѣ, понялъ у К.
«Романа Мезецково дщерь Елену. Преставися Іона,
«Епископъ Пермскій.» Г. 1471: «Марта 23 престa-
«вися Княгини Инока Мареа Ростовская. Тое же
«весны Прохоръ поставленъ бысщь Епископомъ Са-
«раю. Тое жь весны женися К. Борисъ Васильев. у
«К. Холмскаго, понялъ Княжну Ульяну. Престави-
«ся А. Алекс. Ѳедоров. Ярославскій, Апр. 17. *По-
«трясеся на Москвѣ земля* Авг. въ 29» (сказано въ
«*Арханг.* и *Новогород. Лът.*). «Нояб. 8 постав-
«ленъ Еписк. Перми Филоѳей. Дек. 8 поставленъ
«Рязани Еписк. Ѳеодосій, Архим. Чудовской, а на
«поставленіи были Архіеп. Ростов., Еписк. Суздал.
«Ефимій, Коломенской Героншій, Сарскій и Пермскій.»
Г. 1472: «Преставися въ Литвѣ Григорей Митр.
«въ Новѣгородцѣ.» — Г. 1473: «Іюля въ 25 постав-

«лень на Епископью Коломенскую Священноинокъ «Никипа Семешковъ. Того же мѣсяца обрѣтоша во «церкви Св. Спаса Княг. Марью Вел. К. Симеона «Иванов., во Мниискомъ чину Фетинію, въ пѣлѣ «неврежену ничѣмъ же, толико риза исплѣ.» — Г. 1475: «Преставися прежде бывшій Ѳеодосій Митроп. «въ Сергіевѣ монастырѣ.» — Г. 1476: «Пріиде изъ «Царяграда въ Литов. землю Митроп. Спиридонъ, «родомъ Тверитинъ, поставленъ на мздѣ Патріар- «хомъ, а повелѣніемъ Турскаго Царя.» — Г. 1477: «Преставися Еписк. Геннадей Тверскій. — Дек. 6 по- «ставленъ бысть во Тверь на Владычество Священ- «ноинокъ Васіянъ Архимапд., Княжъ Ивановъ сынъ «Васильев. Стригинъ Оболенского.» — Г. 1478: «Іо- «сифъ Старецъ началъ строити монастырь на Лам- «скомъ Волоцѣ въ пустыни. — Преставися Зосима «Соловецкій; а Савапей Соловецкій преставися въ «лѣто 6937.» — Г. 1480: «Тое же весны престa- «вися Коломенскій Епископъ Никита.» — Г. 1481: «Іюля въ 22 поставленъ Архіеп. Ростову Іоасафъ «Оболенскихъ Князей; того же мѣс. въ 29 постав- «ленъ Коломнѣ Еписк. Герасимъ Смердковъ; а того «же лѣта Симеонъ, Духовникъ Митрополита, Еписк. «Рязани.» — Г. 1483: «Апр. въ 2 преставися Княг. «Елена Князя Андрея Васильев. Углецкого.» — Г. 1483: «Дек. въ 9 поставленъ Архиманд. Симоновской Ни- «фонтъ Еписк. въ Суздаль.» — Г. 1487: «Князь Окт. 4 «Яросл. преставися бо Псковѣ; та же и Княг. его «и сынъ преставися. Поставн (Литовскій) Ми- «трополитъ Симеонъ Епископомъ Васьяна Владиме- «рю и Берестью.» — Г. 1488: «Февр. 13 присла Вел. «К. во Псковъ Намѣстника, Симеона Романовича, «Княземъ.» — Г. 1489: «Генв. 15 Владыка Ростов- «скій Іасафъ оставн Епископію, и поставиша Тихона, «иже прежде былъ Архиманд. у Спаса въ Ростовѣ. — «Мая въ 16 преставися Коломен. Владыка Герасимъ «въ Пафнутьевѣ пустынѣ.» — Г. 1490: «Поставленъ «на Коломну Епископомъ Аврамій, Игуменъ Угрѣш- «ской.» — Г. 1491: «Приходиша Татарове Заволь- «скыи на Волыньскую землю 10,000: въ Володимери

«церкви пожгли. И Волынци съ Ляхи угониша ихъ «не далече опъ Жеславля и побиша. Надъ Волынци «Спаростою былъ Луцкимъ К. Симеонъ Юрьевичь «Голшанскый. — Мая 23 згорѣлъ градъ Володимеръ «весь, и посады и церковь Пречистыя Рожества въ «монастыри внупри города выгорѣ, и *тѣло Князя «Вел. Александра Невского огорѣ.*» — Г. 1492: «Іюля 10 приходили Тапарове, Ординскіе Козаки, «въ головахъ Темешемъ зовупъ, а съ нимъ 120 Ко- «заковъ, во Алексинъ на волость на Вопанъ. — Епи- «скопъ Сарскій Прохоръ оставилъ Епископью и сойде «съ Крупицъ къ Богоявленію въ монастырь.» — Г. 1493: «Мая въ 4 поставленъ Силуянъ Игуменъ Угрѣш. «на Епископство Сарское и Подонское на Крупицу.— «Приходили Тапарове, Козаки Ординьскіе, изгономъ «на Рязанскія мѣста.» — Г. 1495: «Мая въ 30 пре- «ставися на Устюзѣ Иванъ Юродивый. — Приходи- «ша Тапарове Перекопскыи, сынъ Царевъ Менгли- «Гиреевъ, въ Волыньскую землю, и мало не добыша «града Корца, и уби ихъ нѣколико К. Симеонъ Юрье- «вичь, Спаросста Луцкій. Преставись Еписк. Луцкій «Іона. Поставленъ Епископомъ граду Луцку Кирилъ «Архиманд. Приходиша въ Волын. землю сынове Крым- «ского Царя. . . и церковь и монаст. Св. Николы въ «Жидычинѣ сьжгоша.» — Г. 1496: «Пріиде въ землю «Волыньскую Перекопскій Епонча Солтанъ, и множе- «ство Христіянъ плѣни. — Преспавися К. Псковск. «Васил. Ѳедор. пріѣхавъ съ войны Свейской; а К. В. «прислалъ К. Алекс. Володим. Ростовскаго на Кня- «женіе во Псковъ Марта 24. Дек. 18 поставленъ «на Крупицу Епископомъ Ефимей, а на Рязань Про- «тасій.» — Г. 1497: «Пріиде посолъ изъ Волохъ Иванъ «Питаро, и отпустилъ его В. К. Сент. 3. Да съ «тѣмъ же посломъ пріидоша къ В. К. Игуменъ Пан- «сея да 3 Спарцы изъ Св. Горы милостыни ради, «и К. В. милостынею издоволилъ, и на иные мона- «стыри послалъ: понеже бо изъ спарины шопъ Мо- «наст. Св. Пантелеймона въ Св. Горѣ строеніе бяше «прежнихъ Великихъ Князей Рускихъ опъ Вел. Во- «лодимера. — Марта во 2 приходиша Тапарове и съ

«Турки въ Волыньскую землю, и около Кремянца съ «400 душъ плѣниша, и угна ихъ. Того же лѣта пріи- «доша Тапарове Перекопьскыи и множество поплѣ- «ниша во Олевской волости и въ Мозырьской, и «угониша ихъ К. Михайло да К. Констянт. Осторож- «скій съ Дворяны Князя Вел. — Того же лѣта пойде «Вел. К. Александръ со всѣми вои Литов. и Руск., «Жомоитскими и иными, противъ Царя Перекопь- «ского. Того же лѣта Король Польской Олбрахтъ «ходи въ землю Волоскую со всими вои, и много зла «вои его сътвориша церквамъ и образомъ. Тогожь «году преставися Еписк. Володимерскый» (въ Волы- нии). — Г. 1499: «Іюн. въ 12 преставися Еписк. Кру- «пицкой Евфимей. — Іюл. въ 14 поставленъ на Епи- «скопью Сарскую на Крупицу Трифонъ Игуменъ Бо- «гоявленскій, а на поставленіи его сѣдѣлъ съ Ми- «пропол. на мѣстѣ К. *Великій* Дмитрій Ивановичь «и Владыкъ пять.» — Г. 1500: «Тоя весны пріиде «къ В. К. посолъ Волоскій, именемъ Ѳедоръ Исаевъ, «Намѣстникъ Хотенскій.» — Г. 1501: «24 Апр. Еписк. «Филоѳей Пермьскій оставилъ Епископью и пріиде «въ Кириловъ монастырь. — Тоя жь осени престa- «вися Еписк. Коломенскій Аврамій. — Г. 1502: «Мая «въ 1 поставленъ на Епископью Коломен. Игуменъ «Никонъ изъ Павловой пустыни, а Мая въ 5 на Епи- «скопью Пермьскую Игум. Никонъ отъ Св. Деописія «съ Глушицы. — Пріидоша къ Вел. Князю служити «два Царевича изъ Астрахани, Исупъ Салтанъ, Ягупъ «Салтановъ сынъ, да Шигавліяръ Салтанъ, Бахтѣяръ «Салтановъ сынъ, братаничи Ахмата Царя Большія «Орды.» — Г. 1503: «Генв. Тихонъ Ростов. за не- «мощью оставилъ Архіепископью. — Пріѣхалъ во «Псковъ К. Дм. Волод. Ростовской Мая въ 6. — Тоя «же осени преставися Княг. Уліяна, К. Бориса Ва- «сильевича Ноября, и К. Ѳедоръ Борис. женился «послѣ ее, а братъ его, К. Иванъ Бор., на свадьбѣ «его разболѣлся и преставился, и положиша его въ «Іосиф. монастырѣ.» —

Конецъ Примѣчаній VI Тома.

ОГЛАВЛЕНІЕ

VI ТОМА.

ГЛАВА I.

ДЕРЖАВНЫЙ ВЕЛ. К. ІОАННЪ III.

Стран.

Вступленіе. Князь Рязанскій отпущенъ въ свою сполицу. Договоръ съ Князьями Тверскимъ и Верейскимъ. ДѢла Псковскія. Ахматъ возстаетъ на Россію. Всеобщая мысль о скоромъ преставленіи свѣта. Кончина супруги Іоанновой. Избраніе новаго Митрополита. Походы на Казань. Война съ Новымгородомъ. Явленіе Комета. Завоеваніе Перми. Нашествіе Ахмата на Россію. Смерть Юрія, Іоаннова брата . 1.

Г. 1462 — 1472.

ГЛАВА II.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ГОСУДАРСТВОВАНІЯ ІОАННОВА.

Бракъ Іоанновъ съ Греческою Царевною. Посольства изъ Рима и въ Римъ. Заключеніе Ивана Фрязина и Тревизана, Посла Венеціянскаго. Прѣніе Легата Папскаго о Вѣрѣ. Слѣдствія Іоаннова брака для Россіи. Выѣзжіе Греки. Братья Софіины. Посольство въ Венецію. Зодчій Аристотель строитъ въ Москвѣ храмъ Успенія. Строеніе другихъ церквей, палатъ и стѣнъ Кремлевскихъ. Льютъ пушки. Чеканятъ

Стран.

монепу. Дѣла съ Ливоніею, съ Литвою, съ Крымомъ, съ Большею Ордою, съ Персіею. Посолъ Венеціянскій Контарини въ Москвѣ . . . . 63.

Г. 1472 — 1477.

ГЛАВА III.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ГОСУДАРСТВОВАНІЯ ІОАННОВА.

Совершенное покореніе Новагорода. Обозрѣніе Исторіи его отъ начала до конца. Рожденіе Іоаннова сына, Василія-Гавріила. Посольство въ Крымъ. Сверженіе ига Ханскаго. Ссора Вел. Князя съ братьями. Походъ Ахмата на Россію. Краснорѣчивое посланіе Архіеп. Вассіана къ Вел. Князю. Разореніе Большой Орды и смерть Ахмата. Кончина Андрея Меньшаго, брата Іоаннова. Посольство въ Крымъ . . . . . 111.

Г. 1475 — 1481.

ГЛАВА IV.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ГОСУДАРСТВОВАНІЯ ІОАННОВА.

Война съ Ливонскимъ Орденомъ. Литовскія дѣла. Ханъ Крымскій опустошаетъ Кіевъ. Сыновья Ахматовы воюютъ съ Крымскимъ Ханомъ. Король Венгерскій Матѳей въ дружбѣ съ Іоанномъ. Бракъ сына Іоаннова съ Еленою, дочерью Стефана, Господаря Молдавскаго. Завоеваніе Твери. Присоединеніе Удѣла Верейскаго къ Москвѣ. Князья Ростовскіе, Ярославскіе

Стран.

лишены правъ Владѣтельныхъ. Происшествія Рязанскія. Покореніе Казани. Сношенія съ Ханомъ Крымскимъ. Посольство Мурпозы, сына Ахмапова, въ Москву. Посольство Ногайское. Покореніе Вяпки. Завоеваніе земли Арской. Кончина Іоанна Младаго. Казнь врача. Соборъ на еретиковъ Жидовскихъ. Сверженіе Митрополита; избраніе новаго . . . . . 192.

Г. 1480 — 1490.

ГЛАВА V.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ГОСУДАРСТВОВАНІЯ ІОАННОВА.

Заключеніе Андрея, Іоаннова брата. Смерть его и Бориса Васильевича. Посольства Императора Римскаго и наши къ нему. Открытіе Печерскихъ рудниковъ. Посольство Датское, Чагатайское, Иверское. Первое дружелюбное сношеніе съ Султаномъ. Посольство въ Крымъ. Литовскія дѣла. Смерть Казимира: сынъ его, Александръ, напронѣ Литовскомъ. Непріятельскія дѣйствія противъ Литвы. Переговоры о мирѣ и сватовствѣ. Злоумышленіе на жизнь Іоаннову. Посольство Князя Мазовецкаго въ Москву. Миръ съ Литвою. Іоаннъ отдаетъ дочь свою, Елену, за Александра. Новыя неудовольствія между Россіею и Литвою. . . . 238.

Г. 1491 — 1496.

ГЛАВА VI.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ГОСУДАРСТВОВАНІЯ ІОАННОВА.

Стран.

Заложенъ Иваньгородъ. Гнѣвъ Вел. Князя на Ливонскихъ Нѣмцевъ и заключеніе всѣхъ купцевъ Ганзейскихъ въ Россіи. Союзъ съ Даніею. Война съ Шведами. Іоаннъ въ Новѣгородѣ. Походъ на Гамскую землю или на Финляндію. Дѣла Казанскія. Первое наше Посольство въ Константинополь. Рязанская Княгиня въ Москвѣ и выдаетъ дочь за Бѣльскаго. Гнѣвъ Іоанновъ на супругу и на сына, Василія. Великій Князь торжественно вѣнчаетъ на Царство внука своего, юнаго Димитрія Іоанновича; мирится съ супругою; казнитъ Бояръ и называетъ Василія Вел. Княземъ Новагорода и Пскова. Посолъ изъ Шамахи. Посольство въ Венецію и въ Константинополь. Завоеваніе земли Югорской или сѣверо-западной Сибири. Посланъ Воевода въ Казань. Разрывъ съ Литвою. Князья Черниговскій и Рыльскій поддаются Іоанну. Завоеваніе Мценска, Серпейска, Брянска, Пушивля, Дорогобужа. Князья Трубчевскіе добровольно покоряются. Мѣстничество нашихъ Воеводъ. Битва на берегахъ Ведроши. Ханъ Крымскій опустошаетъ Литву и Польшу. Союзъ Александра съ Ливонскимъ Орденомъ. Переговоры о мирѣ. Александръ избранъ въ Польскіе Короли. Новая побѣда надъ Литвою близъ Мстиславля. Война съ Орденомъ. Сраженіе близъ Изборска. Болѣзнь въ Ливонской рати. Россіяне опустошаютъ Ливонію. Царь Большой Орды, Шигъ-Ахметъ, помогаетъ Литвѣ. Ханъ Крымскій совершенно истребляетъ сіи остатки Батыева Царства. Александръ вѣроломно заключаетъ Шигъ-Ахмета. Досада Хана

Стран.

Крымскаго на Великаго Князя. Іоаннъ, заключивъ невѣстку и внука, объявляетъ Василія наслѣдникомъ. Разрывъ съ Спефаномъ Молдавскимъ. Смерть Спефанова. Осада Смоленска. Битва съ Магистромъ Ливонскимъ близъ Пскова. Папа старается о мирѣ. Перемиріе съ Литвою и съ Орденомъ. Хитрость Вел. Князя. Александръ безразсудно досаждаетъ ему . . 331.

Г. 1495 — 1503.

ГЛАВА VII.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ГОСУДАРСТВОВАНІЯ ІОАННОВА.

Кончина Софіи и болѣзнь Іоаннова. Завѣщаніе. Судъ и казнь еретиковъ. Посольство Литовское. Сношеніе съ Императоромъ. Василій женится на Соломоніи. Измѣна Царя Казанскаго. Владеніе его въ Россію. Кончина Великаго-Князя. Тогдашнее состояніе Европы. Іоаннъ творецъ величія Россіи. Устроилъ лучшее войско. Утвердилъ Единовластіе. Имя *Грознаго*. Жестокость его характера. Мнимая нерѣшительность есть осторожность. Названіе *Великаго*, приписанное ему иностранцами. Сходство съ Петромъ I. Титулъ Царскій. Бѣлая Россія. Умноженіе доходовъ. Законы Іоанновы. Городская и земская Полиція. Соборы. Поставленіе Кесарійскаго Митрополита въ Москвѣ. Россійскій монастырь на Аѳонской горѣ. Каплянъ Августинскаго Ордена принимаетъ Греческую Вѣру. Нѣкоторыя бѣдствія Іоаннова вѣка. Древнѣйшее описаніе Княжеской свадьбы. Путешествіе въ Индію . . . . . 385.

Г. 1503 — 1505.